Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 3 2021 Март

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN 1026-9452

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия);
Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР); А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.С. Занковский, д.ю.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru;
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Институт государства и права РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
«Государство и право», 2021

Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law

STATE AND LAW

№ 3 2021 March

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 1026-9452

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolyutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; I.V. Ershova, Doctor of Law; V.N. Zhukov, Doctor of Law, Dsc in Philosophy;
S.S. Zankovsky, Doctor of Law; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Institute of State and Law of the RAS, 2021
© Editorial Board of "State and Law", 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2021

О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия

М.И. Клеандров 7

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Изменения, эволюция, трансформация права: соотношение понятий

С.Е. Чаннов 24

Новое достижение российского конституционализма и конституционного права Конституционное право: академический курс: учебник: в 3 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова

С.Н. Бабурин 36

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Криминологические аспекты неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования

О.В. Дамаскин, А.И. Воеводина 44

К вопросу о соотношении и эффективном применении административного и полицейского принуждения

А.В. Куракин 57

Уголовная ответственность за убийство беременной женщины в российском законодательстве: становление, развитие и современное состояние

В.Б. Хатуев 67

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Конституционно-правовые основы экономической системы России XX – начала XXI века (К вопросу о конституционной реформе 2020 г.)

И.В. Левакин 83

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

Налоговые расходы публично-правового образования в системе доходов и расходов бюджетов

Т.А. Вершило, Н.Л. Шарандина 93

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

Защита прав и интересов ребенка в случае его отобрания (изъятия) из семьи

Н.В. Летова 102

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Интертемпоральное толкование Договора по космосу и негосударственные акторы

Н.Б. Крылов, Г.Г. Шинкарецкая 112

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

О патентной системе в зарубежных государствах и в России: историко-правовой аспект
Д.В. Афанасьев 122

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Процессуальный статус защитника по Уголовно-процессуальному кодексу Таджикской ССР 1961 г.
Т.Т. Вохидов 131

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзор Второй Международной научно-практической конференции «Абовские чтения»
Л.В. Борисова, К.А. Лебедь, Н.В. Летова, М.С. Лизикова, И.Н. Лукьянова, А.В. Пушкина 137

Противодействие коррупции в современной российской правовой жизни (Обзор материалов «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая культура»)
А.В. Малько, В.А. Затонский, А.В. Красюков, Н.В. Кроткова 147

ПЕРСОНАЛИИ

К 90-летию члена-корреспондента Российской академии наук М.В. Баглая 160

Профессору И.М. оглы Рагимову – 70 лет 161

К юбилею члена-корреспондента Российской академии наук А.Н. Савенкова 162

CONTENTS

Number 3, 2021

On the directions of improving the mechanism of judicial power in ensuring the fairness of justice
M.I. Kleandrov 7

DISCUSSIONS AND DEBATES

Changes, evolution, transformation of law: the relationship between the concepts
S.E. Channov 24

A new achievement of Russian constitutionalism and Constitutional Law
Constitutional Law: academic course: textbook: in 3 vols / ed. by A.I. Kazannik, A.N. Kostyukov
S.N. Baburin 36

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

Criminological aspects of repeated violations of the established procedure for organizing or holding an assembly, meeting, demonstration, procession or picketing
O.V. Damaskin, A.I. Voevodina 44

To the question of the correlation and effective use of administrative and police coercion
A.V. Kurakin 57

Criminal liability for the murder of a pregnant woman in Russian legislation: formation, development and present state
V.B. Khatuev 67

LAW AND ECONOMICS

Constitutional and legal foundations of the Russian economic system of the XX – beginning of the XXI century (To the question of constitutional reform in 2020)
I.V. Levakin 83

BUDGET, TAXES, BANKS

Tax expenditures of public legal education in the system of budget revenues and expenditures
T.A. Vershilo, N.L. Sharandina 93

FAMILY, MARRIAGE, LAW

Protection of the rights and interests of the child in the event of his removal (removal) from the family
N.V. Letova 102

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

Intertemporal interpretation of the Outer Space Treaty and non-state actors
N.B. Krylov, G.G. Shinkaretskaya 112

PAGES OF HISTORY

About the patent system in foreign countries and in Russia (historical and legal aspect)
D.V. Afanasyev 122

SCIENTIFIC REPORTS

The procedural status of the defender under the Criminal Procedure Code of Tajik SSR 1961
T.T. Vohidov 131

SCIENTIFIC LIFE

Review of the Second International scientific and practical conference "Abova Readings"
L.V. Borisova, K.A. Lebed, N.V. Letova, M.S. Lizikova, I.N. Lukianova, A.V. Pushkina 137

Countering corruption in modern Russian legal life (Review materials of the "Round Table" of journals "State and Law" and "The legal culture")
A.V. Mal'ko, V.A, Zatonsky, A.V., Krasyukov, N.V. Krotkova 147

PERSONALIA

To the 90 anniversary of the Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Marat V. Baglay 160

Professor Ilgam M. ogly Ragimov – 70 years 161

To the anniversary of the Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Alexander N. Savenkov 162

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 7–23
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 7–23

О НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРАВОСУДИЯ

© 2021 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 12.12.2020 г.

Аннотация. Рассматривается проблематика совершенствования механизма правосудия в направлении усиления его справедливости. Автор убежден, что справедливость – это чувство, и оно не формализуется, оно субъективно, и поэтому невозможно побудить (принудить и проч.) судью выносить более справедливые судебные акты. Но можно законодательно, организационно и научно (т.е. извне) обеспечить реализацию судьей в более полной мере своего чувства справедливости при осуществлении правосудия. В статье исследуются проблемы: отбора кандидатов в судьи, изначально предрасположенных к совершению более справедливых поступков; коллективного разума в судопроизводстве, обеспечивающего более справедливое правосудие по сравнению с судопроизводством единоличного судьи; углубленной специализации по всей вертикали судебной системы, исходя из посылки, согласно которой специализирующийся на рассмотрении узкой категории дел судья становится профессионалом высокого уровня, следовательно, выносимые им судебные акты более справедливы.

Ключевые слова: механизм правосудия, справедливость, судья, судопроизводство.

Цитирование: *Клеандров М.И.* О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 7–23.

DOI: 10.31857/S102694520014034-8

ON THE DIRECTIONS OF IMPROVING THE MECHANISM OF JUDICIAL POWER IN ENSURING THE FAIRNESS OF JUSTICE

© 2021 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 12.12.2020

Abstract. The problems of improving the mechanism of fairer justice are considered. The author is convinced that justice is a feeling, and it is not formalized, it is subjective, and therefore it is impossible to induce (force, etc.) a judge to make more just judicial acts. But it is possible to legislate, organizationally and scientifically (that is, from the outside) to ensure that the judge more fully realizes his sense of justice in the administration of justice. The article examines the problems of selecting candidates for judges who are initially predisposed to commit more just actions; collective intelligence in the judicial process, which provides a fairer justice than that of a single judge; deep specialization throughout the entire vertical of the judicial system, based on the premise that a judge specializing in a narrow category of cases becomes a high-level professional, therefore, the judicial acts rendered by him are more fair.

Key words: mechanism of justice, justice, judge, judicial proceedings.

For citation: *Kleandrov, M.I. (2021).* On the directions of improving the mechanism of judicial power in ensuring the fairness of justice // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 7–23.

В современной научной литературе отмечается: «Для совершенствования правосудия в новое время выполнено немало. Но парадокс – уважение к российским судьям, может быть, даже ниже, чем к советским»[1]. Можно поспорить с категоричностью этого утверждения посредством приведения различных аргументов, но одно бесспорно – уважения в обществе к российским судьям должно быть явно побольше, чем имеет место сегодня. И прежде всего – в плане обеспечения осуществления судьями более справедливого правосудия (ведь вряд ли кто станет безоговорочно утверждать, что правосудие у нас, как и во всем мире, безупречно справедливо).

И это при том, что единообразное понимание справедливости вообще, справедливости в праве и справедливого правосудия предметно отсутствует. В философской работе основоположника теории справедливости Дж. Ролза[2] можно насчитать около 700 подходов к пониманию справедливости; обширная подборка взглядов на справедливость в современной философской литературе представлена в Новой философской энциклопедии[3]; различные позиции в понимании справедливости рассмотрены в работах по философии права[4] и непосредственно по праву[5]. Выработаны даже международные подходы к пониманию справедливости в правосудии – в форме стандартизированных международных и национальных практик[6].

Но общепринятых определений понятий «справедливость», как и «справедливость правосудия», несмотря на то что их разработано и представлено юристами в огромном количестве, нет. По глубокому убеждению автора этих строк, его и не может быть, поскольку справедливость – это чувство, присущее – в биологическом мире – только человеку, и оно не формализуется, оно сродни чувствам любви, счастья, совести... А никакое чувство нельзя измерить никакими самыми точными измерительными приборами, его нельзя усилить или ослабить ни медикаментозно, ни под воздействием гипнотического внушения, ни посредством упорных тренировок, его, по всей видимости, нельзя передать в ходе учебного и / или воспитательного процессов и т.д. Оно, похоже, вообще не только необъяснимо, но и необъясняемо, что означает: и в далеком будущем искусственный интеллект будет не в состоянии вершить справедливое правосудие.

Впрочем, если это речь идет о современных субъектах – участниках судопроизводства, исходя из проблематики сегодняшнего дня, в которой уже сейчас прослеживаются проблемы – в рассматриваемом векторе – ближайшего будущего. Например, как известно, несколько лет назад правительство Саудовской Аравии предоставило роботессе Софии подданство своего государства, превратив тем самым, что очевидно, ее из объекта права в субъект права, который, что также очевидно, имеет права и обязанности гражданина, в т.ч. в сфере правосудия. Насколько эта София (как и будущие роботизированные системы, искусственные интеллекты и т.п., наделенные гражданством) вписывается в сегодняшний механизм правосудия, или его в целях обеспечения справедливости следует модернизировать с учетом образования столь необычных (в нынешнем мировосприятии) субъектов права?

Еще более далекую (в темпоральном плане) проблему обозначил известный футуролог Ю.Н. Харари. Он пишет: «По мере вытеснения алгоритмами людей с рынка труда богатство и власть будут концентрироваться в руках тонкого слоя элиты – владельцев всемогущих алгоритмов. <...>. Сегодня миллионы водителей такси, автобусов и грузовиков обладают серьезным экономическим и политическим весом, ведь у каждого из них своя крошечная доля рынка перевозок. Если их коллективные интересы не соблюдаются, они объединяются в профсоюзы, устраивают забастовки и бойкоты, создают избирательные блоки. Но если на смену миллионам водителей придет один алгоритм, то все доходы и влияние достанутся корпорации, владеющей алгоритмом, и нескольким миллиардерам, владеющим корпорацией.

Следующая ступень – алгоритмы сами могут стать владельцами корпорации. Законы человеческого общества уже признают “субъектами права” интерсубъективные сущности, такие как корпорации и нации. Хотя Toyota или Аргентина не имеют

---

[1] *Амосов С.М.* К вопросу о свободном правосудии // Государство и право. 2020. № 10. С. 137.

[2] См.: *Ролз Дж.* Теория справедливости / пер. с англ.: В. Целищев, В. Карпович, А. Шевченко. Новосибирск, 1995.

[3] См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 622–624 (автор статьи – А.А. Гусейнов).

[4] См., напр.: *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 9; Философия права. Словарь / общ. ред. и сост. В.Н. Жуков. М., 2020. С. 660.

[5] См., напр.: *Чечельницкий И.В.* Справедливость и правотворчество. М., 2017; *Карпов Н.Н.* Справедливость как характеристика объекта конституционно-правовых отношений // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2019. № 2 (70). С. 59–64; *Черненко А.К.* Справедливость как принцип формирования правовой системы // Теоретические проблемы формирования правовой системы России. Новосибирск, 1999. С. 35–50; *Лекторский В.А.* Право не может противоречить идеалу справедливости // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010. С. 90–93.

[6] См.: Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики). М., 2012.

ни тела, ни разума, они являются субъектами международного права, которые могут владеть землей и деньгами, а также привлекать и привлекаться к суду. Не исключено, что в недалеком будущем такой же статус получат и алгоритмы. И тогда ничто не помешает алгоритму сделаться хозяином транспортной империи или венчурного фонда и перестать подчиняться желаниям человеческих особей»[7]. Сомнений в том, что с таким субъектным составом участников судопроизводства механизм справедливого правосудия должен (и будет) принципиально отличаться от сегодняшнего, вряд ли у кого возникнет.

Может образоваться и эффект «черного лебедя», который приведет к радикальному изменению парадигмы мировосприятия / мироощущения человечеством справедливости.

Но это все из серии «то ли будет, то ли нет», а если и будет, то скорее всего очень нескоро. Но что наверняка будет, и не в очень далеком будущем, это корректировка человеческой сущности с помощью генной инженерии, нанотехнологий, нейрокомпьютерных интерфейсов и проч. А это, безусловно, расширит ментальный спектр и каждого отдельного человека, и общества в целом. Что, впрочем, не отменяет потребности держать эту проблематику в поле зрения фундаментальной юридической науки, как и науки философской, социологической, психологической...

Однако насущные потребности современной судебной практики настоятельно требуют уже сейчас научно-правовой проработки проблем повышения уровня справедливости правосудия. Тем не менее понимание словосочетания «повышение уровня» применительно к справедливости не может быть хотя бы отдаленно сходным, например, с повышением уровня спортивного мастерства. Речь может идти лишь о предоставлении возможностей судьям в полной мере реализовать свои чувства справедливости при отправлении правосудия.

А этих возможностей сегодня немало. В законодательной сфере это – полное обеспечение реализации провозглашенного ч. 3 ст. 123 Конституции РФ положения об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, т.е. необходим полный отказ от режима судопроизводства, когда в судебном процессе не исследуются доказательства по делу. В организационном плане это на более качественном уровне обеспечение деятельности экспертных учреждений и специалистов, представляющих результаты своих исследований по конкретным делам в суд. В научном – это, например, разработка прибора, считывающая – полностью безопасно и при полном соблюдении принятых в будущем соответствующих правовых предписаний – зрительную и слуховую информацию из памяти человека, с точностью до секунды, с выводом ее на дисплей прибора, что позволит суду с большей уверенностью выносить судебные акты на основе столь убедительных доказательств[8].

Вместе с тем есть и гораздо значимые векторы развития научных исследований, способные обеспечить более справедливое по сравнению с сегодняшним уровнем правосудие. По мнению автора, в развернутом виде это следующие.

Судьями должны быть люди, изначально предрасположенные к совершению более справедливых поступков, к отправлению справедливого правосудия. Исходной посылкой для утверждения, согласно которому профессиональными судьями должны быть люди, более других предрасположенные к совершению справедливых поступков, а следовательно, к осуществлению более справедливого правосудия, является убежденность автора в том, что не все люди по своей природе изначально, с момента рождения, справедливы в той мере, чтобы впоследствии стать справедливыми судьями. Иными словами, людей, могущих стать в соответствии с конституционными и законодательными требованиями профессиональными судьями, можно разделить на две группы: а) справедливы ли они (в смысле – достаточно справедливы) для осуществления справедливого правосудия; или б) не справедливы (либо недостаточно справедливы) для осуществления справедливого правосудия.

Можно уверенно предположить, что существующий в настоящее время у нас механизм отбора кандидатов на должности судей и наделения их судейскими полномочиями – это разделение желающих стать судьями на две группы – не учитывает практически совсем. И это, несмотря на все усложняющиеся требования к кандидатам на должности судей и все усложняющиеся процедуры в механизме их отбора и многостадийного наделения их судейскими полномочиями. Притом что этот механизм ныне весьма далек от совершенства[9].

А ведь по самому большому счету главное в механизме правосудия, функционирующего в интересах общества: укомплектован ли судейский корпус судьями, изначально предрасположенными выносить справедливые судебные акты, либо он комплектуется фактически без этого к кандидатам на должности

[7] *Харари Ю.Н.* Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М., 2020. С. 377, 378.

[8] См. подр.: *Клеандров М.И.* О ментоскопировании и иных абсолютных доказательствах в уголовном процессе // Государство и право. 2019. № 9. С. 7–16.

[9] См. подр.: *Клеандров М.И.* Судейский корпус России: совершенствование механизма формирования. М., 2019.

судей требования. Ясно же – без справедливых судей справедливым правосудие не может быть в принципе, вряд ли несправедливые судьи могут, даже случайно, выносить справедливые судебные акты.

Между тем Конституция РФ, в т.ч. в обновленном в 2020 г. виде, как и соответствующее федеральное законодательство (прежде всего Закон РФ от 26.06.1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[10] (далее – Закон о статусе судей)) более чем с 50 изменениями и дополнениями, содержат весьма суровые и подробные требования к кандидатам на должность судьи и требования, предъявляемые к судьям, но среди них нет требований морально-нравственно-этического характера. Нет, соответственно, требования быть справедливым – как вообще по жизни (для кандидатов на должность судьи), так и в непосредственно правосудной деятельности (для действующих судей). За исключением нескольких общих положений, подобных содержавшемуся в п. 2 ст. 3 Закона о статусе судей: «Судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнения в его объективности, справедливости и беспристрастности», или весьма лаконичного текста присяги судьи, закрепленного в п. 1 ст. 8 данного Закона: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть» (впрочем никакой ответственности за нарушение судьёй данной присяги названный Закон не предусматривает).

Причина этому более чем очевидна: нет пока гарантированных приемов, способов, методов у медицины (психологии) выявить, например, у кандидата на должность судьи, что он лжив, подл, маниакально жесток и т.п., тем более, что он несправедлив по своему характеру, в своей сущностной натуре. Косвенным образом это можно выявить официально – через содержание характеристик с прежних мест работы этого кандидата, и иных документов неофициально – правоохранительными органами. Но это выявленное – ненадежный, а посему неофициализированный фильтр, препятствующий проникновению граждан с такими психологическими характеристиками в судейские ряды. Да и набор психологических характеристик, коим должен обладать государственный судья, пока отсутствует.

Судейский корпус России данную ситуацию отчетливо осознает. Так, Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17 декабря 2002 г. № 147 были утверждены Рекомендации по экспериментальному использованию методов психодиагностического обследования кандидатов на должность судьи, а Совет судей РФ принял ряд постановлений о целесообразности психодиагностического исследования кандидатов на должности судей (от 26.07.2002 г. № 41, от 26.12.2002 г. № 86, от 28.11.2003 г. № 111 и др.). 29 апреля 2005 г. Совет судей РФ принял постановление № 133 «О законодательном закреплении вопросов психологического обеспечения судебной деятельности», с соответствующим законопроектом обратившись в Верховный и Высший Арбитражный суды РФ для внесения ими в порядке законодательной инициативы этого проекта в Государственную Думу. В пояснительной записке к этому законопроекту отмечалось: «Психологическое обследование кандидатов на должность судьи должно служить определению личностных характеристик кандидатов на должность судьи, черт их характера, имеющих значение для прогноза их успешной работы в будущем в качестве судей. Выявление психологических свойств личности, способных впоследствии оказать влияние на формирование профессиональных деформаций, снижение устойчивости к стрессу, увеличение предрасположенности к возникновению соматических заболеваний, должно рассматриваться как одна из целей психологического обследования. Результаты психологического обследования, оформленные в виде заключения психолога, представляются квалификационным коллегиям судей для формирования наиболее полного представления о личности кандидата. Заключение психолога носит рекомендательный характер».

Результатов не последовало, постепенно интерес к психодиагностированию кандидатов на должности судей стал угасать, несмотря на то что проводимые эксперименты по различным методикам в судах Липецкой, Ульяновской, Омской, Владимирской, Ленинградской, Иркутской областей и нескольких иных субъектов Российской Федерации показали неплохие результаты. Одним из последних по времени (насколько автору известно) был эксперимент, проводимый в Московском областном суде, где психодиагностическому исследованию на добровольной основе подверглись кандидаты на должности мировых и федеральных судей, председателей судов и их заместителей. Были зафиксированы наиболее яркие характерологические свойства обследуемых, особенности их мышления, организаторские способности, коммуникативные качества, уровни интеллекта и проч[11].

Очевидными причинами фактического свертывания проводимых в довольно широких масштабах и практически в инициативном порядке

[10] См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

[11] См.: Известия. 2012. 26 окт.

со стороны судейского корпуса психодиагностических исследований кандидатов на должности судей и действующих судей послужило главным образом отсутствие: а) официального признания значимости и результативности психодиагностического обследования; б) законодательного (либо пусть на уровне акта ВККС РФ) закрепления обязанности кандидата проходить такое обследование; в) преимуществ у прошедшего такое обследование при конкурсном отборе кандидатов на должности судей по сравнению с непрошедшими это обследование; г) единой методики проведения такого обследования (включая ее организационные, инструментальные, финансовые, материально-ресурсные составляющие).

А ведь польза от такого обследования несомненна – в отечественной юридической литературе верно отмечено: «При изучении претендентов на должность судьи важное значение имеет оценка их психологических и психофизиологических качеств, а также соматического (т.е. текущего) состояния здоровья. Она позволяет достаточно надежно выявить претендентов, у которых высока вероятность нервно-психических срывов или неадекватного, дискредитирующего судебную систему поведения»[12].

Недаром в ряде зарубежных государств психолого-психиатрическая проверка кандидатов на должности судей в той или иной форме является обязательной. Например, в Австрии им необходимо пройти психологическое тестирование с независимыми психологами; в Бельгии – сдать специальный экзамен, где также проводится проверка и оценивается стрессоустойчивость кандидата на должность судьи, умение слушать других людей и проч.; в Венгрии – проверяется также психологическая устойчивость кандидата; в Румынии – возможность исполнения кандидатом функции судьи с психологической точки зрения; в ФРГ – в ходе проведения длительной (от 18 до 21 мес.) профессиональной стажировки ведется психологическая и психоэмоциональная подготовка; в Казахстане – установлено, что лица, успешно сдавшие квалификационный экзамен на должность судьи, проходят полиграфологическое исследование с целью получения дополнительной информации и проверки достоверности сообщаемых сведений и т.д.

У нас психодиагностирование кандидатов на должность судьи официально не проводится, в результате чего в распоряжении квалификационных коллегий судей и иных структур, через которые проходят документы кандидатов, включая финальные на этом длительном пути, не оказываются необходимые – в идеале – социопсихопортреты кандидатов. Образно говоря, ККС (обеих уровней) и всем иным инстанциям необходима цветная фотокарточка кандидата, а в их распоряжении оказывается лишь словесное описание его внешности.

В какой мере полное, качественное, психодиагностическое исследование кандидата на должность судьи (равно – действующего судьи) способно выявить его предрасположенность к осуществлению справедливого правосудия? По мнению автора этих строк, – в немалой. Во всяком случае, если эти исследования будут организованы – методически – на базе передовых научных технологий, многократно и различными способами проверенных и в какой-либо форме официализированных (лучше всего, если они будут закреплены законодательно), среди испытуемых будут выявлены и отсекаться (хотя, к сожалению, на первых порах не со 100%-ной гарантией): коррупционноориентированные; стрессонеустойчивые (что в условиях запредельных нагрузок основной части судейского корпуса критически важно); гипнозонеустойчивые (что правовой наукой почти не исследовано); являющиеся скрытыми сектантами либо глубоко богобоязненными людьми (а значит, могущими быть зависимыми при осуществлении правосудия от своих духовных пастырей); лживые; заносчивые; уверенные в собственной исключительности; морально нечистоплотные; жестокосердные; личностно конфликтные; с низким уровнем интеллекта и общей культуры; социально незрелые; эмоционально неустойчивые; с низкими аналитическими способностями (а то и вообще без оных); с узким кругозором и т.д. Наверняка можно утверждать, что обладающий подобными качествами человек не может, в принципе, быть справедливым и осуществлять справедливое правосудие. Ведь очевидно – человек бессовестный, в принципе, не может быть судьей, и хотя требование при оценке доказательств в уголовном процессе руководствоваться судьям своим внутренним убеждением на основе закона и совести закреплено законодательно (ч. 1 ст. 17 УПК РФ), проблематика понимания совести (как и иных чувств) равна по неопределенности пониманию справедливости и также глубока, сложна и формализовано неопределенна[13].

Вместе с тем утверждать, что кандидат на должность судьи, не обладающий всеми перечисленными и иными однопорядковыми свойствами души, чертами характера, нравственными доминантами, личностными качествами, окажется гарантированно способным осуществлять справедливое правосудие, в общем-то, нет оснований. Понимание

[12] *Шелыгин К.В.* Претендент на должность судьи в зеркале психологии // Квалификационные коллегии судей: вчера, сегодня, завтра: сб. ст. М., 2012. С. 157.

[13] См. подр.: *Панько Н.К.* Совесть как необходимое условие для оценки доказательств по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 204–209.

справедливости вообще и справедливого правосудия, в частности, исключительно многообразно, многослойно, в т.ч. с темпоральных позиций, а главное – глубоко индивидуально.

Но научно-технический прогресс неумолим, и при наличии государственного задания с соответствующим финансированием необходимый организационно-методологический механизм выявления людей, более других склонных к совершению справедливых поступков, вообще склонных к справедливости в своей жизнедеятельности, а следовательно, механизм отбора кандидатов в справедливые судьи наверняка вскоре будет разработан (не может быть, чтобы уже сейчас не велись научные проработки проблемы выявления людей, предрасположенных к ведению того или иного вида деятельности, в т.ч. в оборонной сфере, пусть и в закрытом режиме).

Разумеется, одновременно, а лучше предварительно нужно будет выработать социопсихопортрет «идеального» судьи (судьи-Геркулеса, по Р. Дворкину), наделив его необходимыми качествами воистину справедливого судьи.

Коллективный разум в механизме правосудия. Исходной посылкой для утверждения, согласно которому коллективный разум в осуществлении правосудия (разум нескольких людей, рассматривающих коллегиально одно дело) служит гарантией его большей справедливости, вполне может быть пословица: «Ум – хорошо, а два – лучше!».

Автор данных строк глубоко убежден в истинности этого утверждения, исходя из личного опыта. Мало кто из судей, включая судей-отставников, имеет такой опыт разноколлегиального осуществления правосудия, как автор, который рассматривал дела: единолично – как судья Арбитражного суда Тюменской области (да и как ведомственный, а затем государственный арбитр в 70-х годах, ведь процедуры разрешения хозяйственных споров тогда и процедуры разрешения экономических споров сегодня, по сути, общи); в составе «тройки» судей – в Арбитражном суде Тюменской области, при этом в процессах как в первой инстанции, так и апелляционной (немало лет арбитражные суды субъектов Российской Федерации вмещали в себя обе инстанции); в составе «пятерки» судей – в Экономическом Суде СНГ; в составе девяти судей – во 2-й палате Конституционного Суда РФ; в составе 19 судей – в пленарных заседаниях Конституционного Суда РФ.

Анализ этого личного опыта позволяет сделать два вывода. С одной стороны, чем больше судей участвуют в коллегиальном рассмотрении дела, тем сложнее составить итоговый судебный акт, поскольку приходится при его составлении учитывать мнение, причем по всем составляющим каждого его проекта, постоянно сопоставлять позиции каждого судьи, нередко не остающиеся неизменными от обсуждения к обсуждению, и т.д. В отличие от рассмотрения дела единолично судьей: написал проект судебного акта, выверил его фактическую и правовую составляющие, подписал его, огласил и все – финиш. При коллегиальном же рассмотрении дела основная нагрузка ложится на председательствующего в процессе (он же обычно судья-докладчик), которому необходимо мнение всех судей, участвующих в процессе, свести по возможности в единое.

С другой стороны, именно чем больше мнений формируется у судей в коллегиальном разрешении дела, чем больше высказывается этих мнений при обсуждении проектов судебного акта по делу, тем полнее, рельефнее, объективнее «высвечивается» ситуация по делу: и с точки установления фактических обстоятельств по делу, степени и уровня их доказанности и проч.; и с позиции правовой оценки этих обстоятельств.

Ситуацию можно сравнить с объемом информации: у одного судьи ее одно количество, у «тройки» судей – явно больше (хотя и не втрое), поскольку каждый из «тройки» видит, чувствует, анализирует больше – в мельчайших нюансах – как фактических доказательных аспектов, так и нормативно-правового регулирования, а также теоретических достижений юридической науки в этой сфере. И это обстоятельство – определяющее: значит, более справедливым будет вынесенный судебный акт по делу. Разумеется, все это различается, подчас основательно, в зависимости от судебной юрисдикции рассматриваемого дела, его инстанционности и иных факторов. Но одновременно не случайно процессуальным законодательством, как современным, так и прошлым, как отечественным, так и зарубежным, предусмотрено: «серьезные» категории дел в первой инстанции и все дела в более высоких инстанциях рассматриваются коллегиально.

Наконец, у «одинокого» судьи в процессе больше вероятности совершения судебной ошибки, чем при коллегиальном разрешении дела, правда, и самое большое количество судей в судейском составе – не 100%-ная гарантия ее избежать.

Сегодня это, безусловно, так. Но вот в обозримом будущем, с развитием научно-технического прогресса, в частности с внедрением чипизации, который позволит судье-человеку получить с помощью специального чипа доступ к огромному объему профессионально-судебной информации, так ли будет? Наверняка в определенной и немалой мере – так, ибо чипизированным ведь окажется весь судебный состав, рассматривающий конкретное дело, а собственный опыт судьи (в узкоспециализированной сфере) не ограничивается лишь

информацией об этой сфере, опыт – намного более широкое понятие, включающее в себя в т.ч. удовлетворение судьи от вынесения лично им многочисленных судебных актов, справедливых в его субъективном восприятии.

Но (в принципе) коллективный разум в механизме правосудия не ограничивается коллегиальным рассмотрением дел профессиональными судьями. В судебный состав, рассматривающий дело, издавна и повсеместно, в различных вариациях включались и непрофессиональные судьи, обычно – представители народа.

Например, в одном из наиболее развитых полисов Древней Греции – Афинах – большую роль в политической жизни играла гелиэя – фактически суд присяжных числом 6 тыс. человек, избиравшихся от каждой филы по 600 человек, в составе 10 коллегий по 500 судей и 110 запасных. При этом круг дел, который подлежал рассмотрению, определялся утром того дня, когда должно было проходить заседание суда (во избежание воздействия на судей). Гелиэя являлась судом первой инстанции по ряду важнейших дел, рассматривала жалобы на решения других судов, осуществляла контроль за деятельностью должностных лиц, окончательно утверждала постановление народного собрания; велика ее роль была и в законотворческом процессе[14]. Непосредственное правосудие по делу (как минимум во времена Солона) осуществляли выбранные судьи гелиэи, корпус которых иногда для этого дела состоял из двух, трех и даже четырех отделений, т.е. достигал 2 тыс. человек (к которому во избежание разделения голосов поровну добавляли еще по одному человеку; отобранные приносили пространную присягу, включавшую клятву перед богами и проч.). В литературе отмечается, что устройство суда гелиастов преследовало важнейшую цель – создание нелицеприятного суда, в котором подкуп и сговор были бы невозможны[15].

И в более поздние времена, и в иных государствах, включая наше, представители народа в самых различных, вариативных формах привлекались к осуществлению правосудия. В России этот институт также был «многопрофильным», например, в дореволюционных коммерческих судах участвовали представители купечества, которые частично назначались правительством, но больше непосредственно выбирались купечеством из своей среды[16]. Но особенно процесс привлечения к участию в правосудии представителей народа стал бурным после Февральской, 1917 г., революции – приказом Министра юстиции Временного правительства от 3 марта 1917 г. в Петрограде были созданы Временные суды (в качестве чрезвычайной меры с тем, чтобы «устранить печальные недоразумения, возникающие в городе между солдатами, населением и рабочими»); в состав такого суда входили три члена: мировой судья (председатель) и два члена суда (представители от армии и рабочих)[17]. В марте 1917 г. Временными судами из возникших 5237 дел было решено 4548, оправдано 1013 человек, вынесено замечаний – 382, наложено денежных взысканий – 536, арестовано 683 человека, заключено в тюрьму 523 человека. Министр юстиции мог в порядке надзора отменить любое решение Временного суда[18].

Но, пожалуй, апофеозом роли народных заседателей (именно тогда они получили такое наименование) послужил Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде», где заседателям была посвящена ч. 8, именуемая «О народных заседателях и судебном следствии», который установил буквально следующее: «Ст. 29. Народные заседатели участвуют в судебном следствии и вправе отводить во все время процесса назначенного для данного заседания председателя. Народные заседатели решают вопрос не только о факте преступления, но и о мере наказания, причем они имеют право уменьшить положенное в законе наказание по своему убеждению, вплоть до условного или полного освобождения обвиняемого от всякого наказания. Ст. 30. Заключительное слово председательствующего отменяется. Он дает только заключение о мерах наказания, предусмотренных законом. В совещании народных заседателей председатель участвует с правом совещательного голоса»[19].

Этот исторический экскурс позволяет сделать выводы: институт участия представителей народа в отправлении правосудия имеет глубокие корни во многих государствах и государственных образованиях; он был разноплановым и развивался

[14] См. подр.: *Волкова С.В.* Демократия Афин и мощь Спарты // PLATON. 2017. № 2. С. 10–19.

[15] См. подр.: *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс советского уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 97.

[16] См. подр.: *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 431.

[17] См. подр.: *Жильцов С.В.* Правовой статус мирового суда в период русских революций (1905–1917 гг.) // Эволюция российского и зарубежного права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016 гг.): сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. Т. III: Эволюция российского государства и права, учений о российском государстве и праве в трудах – поздравлениях коллег / под ред. А.С. Смыкалина. С. 390.

[18] См.: там же (со ссылками на: Вестник Временного правительства. 1917. № 19/65; Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 189).

[19] См.: СУ РСФСР. 1918. № 26, ст. 420.

динамично; основная его цель, прямо не провозглашавшаяся, – обеспечение с помощью государственных судей вынесения более справедливых судебных актов.

А теперь предпримем краткий географический экскурс – каково положение дел с этим институтом в нескольких зарубежных государствах в настоящее время.

В Королевстве Бельгии на основе гл. IV Судебного кодекса действуют суды ассизов, создаваемые для каждого конкретного случая из трех профессиональных судей и 12 присяжных заседателей, при этом председательствующим судьей должен быть судья апелляционного суда, а два других – судьи судов первой инстанции. Здесь суд ассизов является судом первой инстанции для дел о наиболее тяжких уголовных преступлениях, политических преступлениях, направленных против ценностей демократического общества (свободы прессы и др.), за исключением тех, которые связаны с расовой неприязнью или ксенофобией, а также международными преступлениями, такими как геноцид и преступление против человечества.

В Итальянской Республике суд ассизов состоит из магистров апелляционного суда – председателя, магистрата трибунала и пяти народных судей – ассизов-заседателей, требования к которым установлены Законом от 10 апреля 1951 г. № 287 (в ред. от 23.02.2014 г.) «О назначении народных судей»[20]. Здесь суд ассизов рассматривает в первой инстанции преступления, за которые закон предусматривает наказание в виде пожизненного тюремного заключения или максимального тюремного заключения сроком на 24 года (а именно: самые тяжкие преступления против личности; преступления, вызвавшие гибель одного или нескольких лиц), а также государственные и другие преступления, указанные в ст. 5 УПК Италии. При этом решения суда ассизов могут быть предметом апелляционного обжалования в апелляционном суде ассизов, который также состоит из восьми членов (двух магистратов – одного от кассационного суда и одного от апелляционного суда и шести заседателей), а решения апелляционного суда ассизов, в свою очередь, могут быть предметом кассационного обжалования.

В Финляндской Республике действует институт народных заседателей, которых Окружной совет избирает на четырехлетний срок в количестве, пропорциональном числу жителей округа, при этом народный заседатель должен наиболее объективно представлять среднестатистического жителя округа (по возрасту, роду занятий, полу и родному языку). А вообще же он должен иметь гражданство Финляндии, иметь возраст от 25 до 63 лет, не может занимать должность в суде, в органах пенитенциарной системы, прокуратуры, в адвокатских бюро или полицейском департаменте. Он приносит присягу судьи до начала исполнения своих обязанностей в суде.

Институт народных заседателей действует и в Республике Узбекистан. Требования к кандидатам в народные заседатели установлены в ст. 62 Закона РУз о судах: народным заседателем может быть гражданин Республики Узбекистан не моложе 30 лет, избранный открытым голосованием на собрании граждан по месту жительства или работы сроком на два с половиной года. Народным заседателем военного суда может быть гражданин этого государства, состоящий на действительной военной службе, достигший ко дню выборов 30-летнего возраста, избранный открытым голосованием на собраниях военнослужащих воинских частей сроком на два с половиной года. Количество народных заседателей для каждого суда устанавливается соответствующими квалификационными коллегиями судей. В период исполнения народными заседателями обязанности в суде на них распространяются все гарантии неприкосновенности судей[21].

В Федеративной Республике Германия действует институт общественных заседателей – шеффенов. Этому институту посвящена гл. 4 «Суды с участием общественных заседателей (шеффенов)» (§ 28–58) Закона ФРГ «О судоустройстве», где все составляющие этого института: формирование, полномочия, освобождение от должности и проч., – тщательно детализированы. Рассмотрен данный институт ФРГ в отечественной литературе, например, в частности, отмечается: в рассмотрении дел судебными палатами по торговым делам принимают участие общественные заседатели, которые аналогичны арбитражным заседателям в арбитражных судах Российской Федерации. Ранее они по тексту Закона ФРГ «О судоустройстве» назывались «почетные судьи» по торговым делам. В настоящее время в связи с изменениями, внесенными в немецкий Закон «О статусе судей» и, соответственно, в Закон «О судоустройстве», они получили название – «судьи по торговым делам». Согласно положениям § 105 Закона ФРГ «О судоустройстве» судебные палаты по торговым делам рассматривают торговые дела в составе профессионального судьи земельного суда как председательствующего и двух общественных заседателей по

[20] См.: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. 1951. No. 102.

[21] См. подр. соответственно: Судебные системы Европы и Евразии: науч.-энциклопед. изд.: в 3 т. / под ред. Р.А. Курбанова и Р.А. Гурбанова. М., 2019. Т. 1. Западная и Северная Европа. С. 46, 47; т. 2. Южная и Восточная Европа. С. 145; т. 3. Евразия. С. 367 (Сер. «Судебные системы государств мира»).

торговым делам (судьи по торговым делам), либо если, согласно процессуальному законодательству, допускается принятие решения судьей единолично, то в составе единолично профессионального судьи земельного суда. В качестве заседателей по торговым делам приглашаются, как правило, профессиональные предприниматели или специалисты, занятые в определенной сфере предпринимательской деятельности, с учетом ряда дополнительных условий, прямо названных в Законе ФРГ «О судоустройстве»[22].

В Японии с 2009 г. действует своеобразная система судебных заседателей, более близкая к системе шеффенского типа. Судебные заседатели (так их там именуют) отбираются из избирателей каждый раз только для одного дела; в состав суда с участием судебных заседателей входят три профессиональных судьи и шесть заседателей; установлены сложные правила отбора судебных заседателей; судебные заседатели вместе с профессиональными судьями решают вопрос не только о виновности или невиновности подсудимого, но и о мере наказания; приговор выносится простым большинством голосов, однако в невыгодном для подсудимого решении большинство голосов должно включать в себя хотя бы один голос судьи и один голос судебного заседателя[23]; и т.д.

В нашей же стране весь исторический период советской власти в системе правосудия действовал один институт судебных заседателей – народных заседателей. И хотя он организовывался и действовал идеологически, политически и юридически применительно к условиям плановой экономики и руководящей роли КПСС, он перешел и в постсоветский исторический период, но функционировал уже с большими трудностями. Однако в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[24] ему было посвящено немало положений, начиная с п. 1 ст. 1, где провозглашалось: «Судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном порядке к осуществлению правосудия присяжных, народных и арбитражных заседателей». 2 января 2000 г. был принят Федеральный закон № 37-ФЗ «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»[25].

Тем не менее организационные и иные трудности функционирования данного института законодателю представились непреодолимыми (хотя при определенной научной (правовой, экономической и т.д.) проработке указанного вопроса эти трудности вполне можно было преодолеть, а эффективность данного института усилить), и с введением в действие УПК РФ Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 59[26] он был в части, касающейся уголовного судопроизводства с их участием, упразднен, а с введением в действие ГПК РФ Федеральным законом от 14 ноября 2002 г. № 137[27] – упразднен в части, касающейся гражданского судопроизводства с их участием.

Институт арбитражных заседателей у нас образовался уже на постсоветском правовом пространстве, через несколько лет после создания арбитражной судебной системы. Причем образовался он не обычным путем, в результате разработки федерального законопроекта, с последующим его принятием, а по результатам организационно-правового эксперимента. Начало ему дало Положение об эксперименте по рассмотрению дел с привлечением арбитражных заседателей, утвержденное Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 сентября 1996 г., и базой проведения его послужили 14 арбитражных судов субъектов Российской Федерации, председатели которых согласились участвовать в этом эксперименте. Финальной стадией данного эксперимента явился Федеральный закон от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации»[28].

Но постепенно этот институт стал «вырождаться» – выявлялись возможности злоупотребления им спорящими сторонами, законодатель принимал меры по законодательной корректировке соответствующих положений, у судей и руководителей арбитражных судов утрачивался интерес к нему и т.д. В результате к настоящему времени: а) из содержания упомянутого Федерального закона и соответствующих положений Арбитражного процессуального кодекса РФ стало непонятно: зачем вообще этот институт нужен, в чем его преимущества в процессе по делу с участием арбитражных заседателей по сравнению с процессом без их участия; б) образовалась предельно отчетливая тенденция сокращения количества дел, рассмотренных в арбитражных судах с участием арбитражных

[22] См.: *Горбань В.С., Савенков Д.А.* Судоустройство: состояние и современные тенденции развития системы судов общей юрисдикции в Германии (научный комментарий к Закону ФРГ «О судоустройстве»). Саратов, 2019. С. 23.

[23] См. подр.: *Коморида А.* Суд с участием судебных заседателей: новая система участия граждан в отправлении правосудия // Уголовное судопроизводство. 2012. № 3.

[24] См.: СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1.

[25] См.: СЗ РФ. 2000. № 2, ст. 158.

[26] См.: СЗ РФ. 2002. № 22, ст. 2028.

[27] См.: СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 453.

[28] См.: СЗ РФ. 2001. № 23, ст. 2288.

заседателей: в 2010 г. таких дел было более 4000, в 2011 г. – 1248, в 2012 г. – 159, в 2014 г. – 14[29].

Но ведь изначальная потребность в нем никуда не исчезла. По своему предназначению арбитражные заседатели – не представители народа в судебном процессе, а своеобразные судьи-специалисты в сфере предмета рассматриваемого дела с правом голоса судьи. Потребность в них тем более набирает силу в последние годы (а в будущем будет еще больше увеличиваться) в связи с возрастанием технических и иных неюридических сложностей по многим категориям дел, прежде всего это дела экологического, банковского, налогового характера, интернет-технологий и т.д.

Институт присяжных заседателей образовался в нашей стране еще позднее, по существу, с принятием Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»[30]. В отличие от институтов народных и арбитражных заседателей он развивается, чему в немалой мере способствуют многочисленные научные исследования, в т.ч. диссертационные[31]. Но его развитие – своеобразное, с одной стороны, сейчас он действует уже и в районных судах, но, с другой – при его введении он охватывал составы 47 статей Уголовного кодекса РФ, сегодня же – в 2.5 раза меньше. При этом, по данным экспертов Счетной палаты РФ, потенциальное количество уголовных дел, подсудных коллегиям присяжных, составляет около 15 тыс. ежегодно, реально же эта цифра составляет 1013, а в ряде районных судов доля уголовных дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей, составила менее 2% от числа уголовных дел, в рассмотрении которых они могли бы участвовать[32]. Такую ситуацию можно объяснить техническими причинами, в т.ч. фактом становления института присяжных заседателей в районных судах, но вот статистический показатель 90%-ной отмены вынесенных районными судами с участием присяжных заседателей оправдательных приговоров[33] этим не объяснишь. КПД в 10% в данном сегменте означает: что-то в нем неладно.

Ряд иных проблемных недостатков института судебных заседателей освещен в отечественной научно-правовой литературе[34].

Сказанное относительно судебных заседателей означает: нынешнее состояние правового регулирования в данной сфере, как и сложившаяся судебная практика, отнюдь не способствуют раскрытию потенциальных возможностей справедливого правосудия. Здесь есть четыре стороны сложившейся ситуации.

Первая – ч. 5 ст. 32 Конституции РФ провозглашает: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия». Но раз граждане Российской Федерации имеют это право, значит, государство обязано обеспечить реализацию гражданами этого права. С очевидностью здесь государство серьезно не дорабатывает.

Вторая: с позиции необходимости учета морально-нравственного измерения в правосудии – социально-духовная сущность института судебных заседателей обеспечивает преодоление сохраняющейся ментальной пропасти между судебной властью и гражданским обществом, людьми, его составляющими. У института судебных заседателей есть ряд иных, помимо осуществления правосудия, важных функций, например: функция общественного контроля за правосудной деятельностью профессиональных судей; воспитательно-охранительная функция в отношении профессиональных судей (в судебных процессах с участием судебных заседателей явно заметно меньше, вплоть до нулевых величин, проявления хамства, грубости, предвзятости, пренебрежением требований соблюдения судебно-процессуальных процедур и других отрицательных проступков со стороны профессиональных судей); и наоборот, функция сущностной обязываемости председательствующего по делу – профессионального судьи – максимально соблюдать нормы процессуального законодательства, установленные для рассмотрения дел данных категорий, как и иные судебные процедуры.

Вывод: расширение сферы участия граждан – судебных заседателей в рассмотрении судебных дел будет, безусловно, способствовать более справедливому правосудию, чем без них.

То же относится ко всей палитре составляющих коллективного разума в осуществлении правосудия. Возражения же против этого утверждения, заключающиеся в том, что нередко судебный

---

[29] См.: *Прокудина Л.А.* Институт арбитражных заседателей – нереализованные возможности бизнес-сообщества // Предпринимательское право. 2016. № 2.

[30] См.: СЗ РФ. 2004. № 34, ст. 3528.

[31] См., напр.: *Стрелкова Ю.В.* Вердикт присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и правоприменительная практика: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2018; *Владыкина Т.А.* Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: автореф. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018.

[32] См.: *Трофимова Е.* Судебная система сэкономила на присяжных // Независимая газ. 2020. 27 нояб.

[33] См.: *Коробка Е.* Апелляция отменила почти 90% оправдательных приговоров районных судов, вынесенных с участием присяжных // Адвокатская газ. 2020. 13 окт.

[34] См., напр.: *Головко Л.В.* Теоретические и сравнительно-правовые подходы к определению модели участия граждан в отправлении правосудия по уголовным делам // Росс. правосудие. 2015. № 6. С. 23–32.

акт принимается не всем без исключения составом суда, будь это коллегиальное рассмотрение дела профессиональными судьями или профессиональным судьей (судьями) с участием судебных заседателей (не присяжных, разумеется), что можно трактовать как вынесение судебного акта частично, вплоть – изредка – чуть ли не наполовину несправедливого, следует рассматривать исключительно арифметически. С правовой позиции он ничтожен – ведь если закон (как федеральный, так и региональный) принимается большинством голосов с перевесом лишь в один голос (то же относится и к принятию Федерального конституционного закона, где для его принятия требуется не простое, а квалифицированное большинство голосов), возражений в том, что он изначально справедлив не полностью, не возникнет – такой закон ведь будет действовать в полной мере, а не частично.

Третья – возражения против расширения сферы коллективного разума в правосудии, заключающиеся в дороговизне (финансовой, кадровой, материально-ресурсной...) этого судопроизводства, в принципиальном виде фокусируются в дуализме ответа на вопрос: что более важно для государства и общества в механизме правосудия – экономия расходов на него или справедливость в осуществлении им правосудной деятельности?

Четвертая – необходим федеральный конституционный закон о судебных заседателях. Он позволит переформатировать всю палитру потенциальных возможностей судебного состава с участием судебных заседателей. Например, при рассмотрении сложных для судьи категорий гражданских дел (наследственных, ювенальных...) «боковыми» у профессионального судьи могут быть заседатели – высокопрофессиональные специалисты в этих сферах, наподобие нынешних арбитражных заседателей. Серьезные, требующие глубоких профессиональных знаний уголовные дела, тяжкие и особо тяжкие по признакам состава преступлений, могут рассматриваться судебным составом, в котором три профессиональных судьи, два заседателя (судьи-эксперты типа сегодняшних арбитражных заседателей) и шесть присяжных заседателей. И т.д. Главное здесь: в ходе судопроизводства по рассматриваемому делу у судебного состава должна сложиться максимально полная, ясная, доказанная по всем параметрам картина «того, что было». Это позволит дать точную юридическую квалификацию «того, что было», а значит, вынести максимально обоснованный, максимально справедливый судебный акт.

Углубленная специализация в механизме правосудия. Исходной посылкой для утверждения, согласно которому углубленная специализация в механизме правосудия есть гарантия его большей справедливости, служит постулат, согласно которому специалист в любом деле гораздо эффективен по сравнению с неспециалистом в этом деле, а специалист большего уровня профессионализма, в свою очередь, эффективнее специалиста меньшего уровня профессионализма.

В структуре механизма правосудия это означает: судья (не «идеальный», не изначально выдающийся по своим профессиональным, морально-нравственным и иным качествам, а если можно так выразиться, среднестатистический в этом плане), рассматривающий в течение примерно 7–10 лет дела узкой категории, становится профессионалом высокого (высочайшего) уровня именно в этой категории судебных дел. Он практически наверняка (за исключением тех случаев, когда у некоторых судей наличествует, что называется, «заслонка в мозгу», препятствующая ему профессионально развиваться, но это – редчайший случай, а впрочем, есть и слесари-сантехники с 20-летним стажем, умеющие лишь виртуозно вымогать деньги у нуждающихся в их услугах, но с эффективной пользой их оказывать так и не научившиеся) знает, и довольно глубоко, всю и законодательно-нормативную базу, и обобщенную правоприменительную, включая судебную практику, по своей «теме», а также соответствующую научную, методическую и учебную литературу и проч. А собственный судейский опыт позволяет ему быстро и качественно ориентироваться в материалах дела, выделять главное, видеть противоречия в доказательственной базе, четко формулировать вопросы подсудимому, свидетелям, экспертам...

А поскольку любой судья ориентирован на вынесение справедливого судебного акта по рассматриваемому им делу (опять же за редчайшими исключениями), его глубокие профессиональные (в области как практики, так и теории) знания обеспечат возможность вынесения им максимально справедливого (если этот термин здесь пригоден) судебного акта. В отличие от судьи, который не специализирован на данной узкой категории дел.

Но такая ситуация – с узкой, многолетней специализацией отдельного судьи – труднодостижима, хотя и весьма желательна. Для мировых судей она вообще невозможна, они вообще «универсалы» в части «мелких дел», не рассматривают лишь экономические споры и дела, входящие в юрисдикцию военных судов и конституционной (уставной) юрисдикции. Для судей районных судов, даже многосоставных, это также труднодостижимо – по производственной необходимости и в других (нередких) случаях судью, продолжительное время рассматривающего уголовные дела (а ведь это далеко не узкая специализация), могут внезапно перевести в состав по рассмотрению дел

гражданских или административных, не говоря уже о ситуациях, когда судья районного суда осуществляет правосудие в постоянном судебном присутствии, расположенном вне места постоянного пребывания суда. По сути, та же ситуация со специализацией судей в судах субъектов Российской Федерации, да и в Верховном Суде РФ (у двух последних, правда, нет постоянных судебных присутствий, хотя их создание в будущем не исключено).

Полная специализация судей в рамках собственной юрисдикции есть сегодня лишь у Конституционного Суда РФ и у конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Неполная (ограниченная) – у арбитражных судов, у всех судов арбитражной судебной системы. Потому неполная (ограниченная), что окончательную, финальную точку в экономическом споре ставит сегодня Президиум Верховного Суда РФ, т.е. Высший суд системы судов общей юрисдикции, в составе которого судей-арбитражников невысокая доля, решение же по всем делам, включая арбитражные, принимаются там простым большинством судей, входящих в состав Президиума Верховного Суда РФ.

Тот же абсолютно расклад и относительно дел уголовных, административных, гражданских, притом что вся вертикаль правосудия по этим делам состоит не из отдельных судов, а из судебных коллегий, судебных составов, отдельных судей.

Само собой разумеется, что все судьи Верховного Суда РФ – судьи высокой квалификации, но не могут же они (каждый из них) быть профессионалами во всей широчайшей палитре дел, рассматриваемых Верховным Судом РФ (может быть, опять же за редчайшими исключениями).

Следовательно, необходимо с грустью признать, что современное устройство судебной системы не в состоянии обеспечить необходимое нашему обществу и государству справедливое правосудие вследствие именно отсутствия собственного (отдельного) Верховного (Высшего) Суда РФ для каждой из юрисдикций как специализированной судебной системы.

Удивительным образом эта ситуация практически идентична организационному механизму защиты диссертаций, существовавшему до 1975 г., когда диссертации защищались на ученых советах вузов (и НИИ тоже, но не о них здесь речь). Ведь в состав ученого совета, университета входили, как и сейчас, специалисты совершенно разных научных специальностей, и качество диссертационных работ по праву (в частности) оценивали физики, химики, математики... большинством голосов. А в 1975 г. этот механизм был радикально модернизирован, и с тех пор качество диссертаций оценивают ученые-специалисты, прежде всего по профилю защищаемой диссертации.

Между тем во Франции, Финляндии, Швеции и ряде иных зарубежных государств действуют две судебные системы – общих судов и административных судов, а также специализированные суды, в названные системы не входящие. А в Федеративной Республике Германия, согласно ст. 92 и 95 Основного закона, судебная система состоит из Федерального конституционного суда и пяти иных судебных юрисдикций, для каждой из которых высшими федеральными судами являются: Верховный суд, Высший арбитражный суд, Высший финансовый суд, Высший суд по трудовым спорам и Высший суд по делам о социальном обеспечении. При этом § 13 гл. 1 «Судебная юрисдикция» Закона ФРГ «О судоустройстве»[35] установил, что к подведомственности судов общей юрисдикции относятся гражданско-правовые споры, семейные дела и дела добровольной подсудности (гражданские дела понятием «дела добровольной подсудности» в немецком законодательстве о судоустройстве обозначают виды гражданско-правовых дел, которые носят бесспорный характер, и с точки зрения Гражданского процессуального кодекса РФ именуются «делами особого производства»)[36], а также уголовные дела, которые не отнесены к компетенции административных служб или административных судов либо, согласно положениям федерального законодательства, не переданы специализированным судам или допущены последними к рассмотрению. В силу же § 14 этой главы в качестве специализированных судов допускаются суды в сфере мореплавания в отношении дел, предусмотренных в межгосударственных соглашениях. Но создание чрезвычайных судов, как это закреплено в § 16 названной главы Закона «О судоустройстве», не допускается.

Все эти специализированные суды и самостоятельные судебные системы действуют в ФРГ в строго определенных рамках своей юрисдикции. Вместе с тем там есть весьма действенная «страховка» от нарушения этих «границ» – Общий сенат высших федеральных судов[37], который был учрежден Законом 1968 г. с целью обеспечения единства судебной практики. Его заседания созываются, когда Высший федеральный суд намерен

[35] См.: GERICHTSVERFASSUNGSGESETZ (GVG). Дата официального опубликования 12.09.1950. Новая редакция Закона от 27.01.1877 г. «О судоустройстве».

[36] См. подр.: *Горбань В.С., Савенков Д.А.* Указ. соч.

[37] См.: Gesetz zur Wahrung der Einheitlichkeit der Rechtsprechung der obersten Gerichtshofe des Bundes Ausfertigungsdatum: 19 June 1968 / Published on 19 June 1968 in Federal Law Gazette I p. 2535 (last amended date: 31 August 2015). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/rspreinhg/RsprEinhG.pdf

иначе решить вопрос права, чем он решается другим Высшим федеральным судом или Общим сенатом. В состав Общего сената входят председатели Высших федеральных судов, председатели сенатов соответствующих Высших федеральных судов и по одному судье из каждого из этих сенатов[38].

В Турецкой Республике на основе Закона от 12 июня 1979 г. № 2247 действует Закон «О создании и функционировании суда по урегулированию конфликтов юрисдикции». Этот Закон уполномочивает суд выносить окончательные решения по спорам, возникшим между гражданскими, административными и военными судами, касающимся их юрисдикции и принимаемых решений. Суд состоит из двух департаментов (уголовного и по вопросам законодательства), каждый из которых включает в себя 12 членов, которые назначаются Конституционным судом[39].

В нашей же стране наметилась противонаправленная тенденция. Как известно, в 2014 г. были упразднены Высший Арбитражный Суд РФ и Дисциплинарное судебное присутствие (это был федеральный моносуд с предельно узкой специализацией и оригинальным формированием судей: в его состав входили по три действующих судьи от Верховного и от Высшего Арбитражного судов РФ, осуществляющих правосудие в Дисциплинарном судебном присутствии на безвозмездной основе); в немалом числе упраздняются районные и городские суды общей юрисдикции с созданием вместо них межрайонных судов либо судебных присутствий, что, безусловно, затрудняет гражданам доступ к правосудию, а значит – к восстановлению порушенной справедливости. С 1 января 2023 г. упраздняются конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации (также моносудов, но уже регионального уровня, а могущие взамен их быть созданными конституционные (уставные) Советы при законодательных (представительных) органах субъектов Российской Федерации к органам правосудия отношения иметь не смогут, что называется, по определению).

Но ведь нам необходим более справедливый механизм правосудия, обеспечиваемый иной структурой судебной системы. Нужно как минимум, чтобы дела каждой юрисдикции – по всей вертикали вида этой юрисдикции – рассматривали судьи-профессионалы, специализирующиеся именно в делах данной юрисдикции. Чтобы их нельзя было «перебросить» с самыми благими целями (например, при острой производственной необходимости) на рассмотрение дел иной юрисдикции, где они – не специалисты высокого уровня профессионализма, а то и вообще, что нередко, не специалисты. А также чтобы окончательное, финальное решение по конкретному судебному делу (в порядке надзора), как и постановление по обобщению судебной практики по конкретной категории дел с соответствующими рекомендациями, принимали судьи – специалисты именно в этой юрисдикции.

Отечественная юридическая наука с разных сторон, включая исторический аспект, исследует проблематику специализации судов и судей – публикуются научные статьи[40], защищаются диссертации[41]. Но, похоже, результаты исследований ограничиваются предложениями тактического характера, не затрагивающего глубинных проблем обеспечения справедливости механизма правосудия. А этого в современных условиях уже недостаточно.

Любой механизм правосудия состоит из трех составляющих: судоустройственной, судопроизводственной и судейско-статусной. И полная самостоятельность по всей вертикали юрисдикции может быть обеспечена, когда в ней наличествуют все три самостоятельные составляющие. Именно поэтому, например, систему военных судов невозможно преобразовать в самостоятельную судебную систему военных судов – у нее нет (и хорошо бы, чтобы и впредь не было) своей собственной судопроизводственной составляющей. А вот систему арбитражных судов, напротив, можно и нужно восстановить, создав заново ее высшее звено – Высший или Верховный Арбитражный Суд РФ. Кстати, в ходе конституционной реформы 2020 г. арбитражное судопроизводство было легализовано и на конституционном уровне, следовательно, длящаяся долгие годы (и безрезультатно!) работа по объединению ГПК РФ и АПК РФ утратила актуальность.

---

[38] См.: Судебные системы Европы и Евразии: науч.-энциклопед. изд.: в 3 т. / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. Т. 1. Западная и Северная Европа С. 76.

[39] См.: там же. Т. 3. Евразия. С. 341, 342.

[40] См., в частности: *Ярцев А.А.* Дискуссия вокруг создания административных судов в современной России (по страницам ведущих юридических журналов) // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 10; *Воскобитова Л.А.* Предметная область судебной власти и виды судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 59–67; *Гудым В.Н.* Перспективы развития специализации судей в современной российской судебной системе // Судебная практика Западной Сибири. 2014. № 4 (20). С. 20–26; *Заикин С.* Правосудие: в поисках совершенства. Новая формация судебной системы // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3 (100). С. 54–71; № 4 (101). С. 118–144; № 5 (102). С. 109–129; № 6 (103). С. 110–122; *Гребнев Р.* К вопросу о принципах системного построения судебных органов в Российской Федерации // Право и управление. XXI век. 2016. № 1 (38). С. 44–50.

[41] См., напр.: *Замышляев Д.М.* Виды судебных юрисдикций: сравнительно-правовой и исторический подход: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

Таким образом, есть все основания полагать, что создание полностью самостоятельных юрисдикций, где все три составляющие самостоятельны, где наличествуют отдельная самостоятельная структурированная судебная система, отдельное кодифицированное процессуальное законодательство и отдельный судейский корпус, обеспечат более справедливое правосудие, чем существующие на сегодня две, из них конституционно-уставная систему не составляет. Это означает, что необходимо радикально модернизировать всю структуру судебной системы страны, создав полностью самостоятельные специализированные несколькозвенные судебные системы: административных, гражданских, арбитражных и уголовных судов, во главе каждой из которых будет действовать свой Высший (Верховный) Суд РФ.

Это все – о федеральной юстиции. Что касается региональной юстиции, то здесь также необходимы радикальные модернизационные преобразования с той же базовой целью – обеспечение более справедливого правосудия.

Провозглашенное упразднение конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (что вытекает из новой, 2020 г., редакции ч. 3 ст. 118 Конституции РФ) целесообразно сменить на противоположный вектор: на конституционное закрепление создания этих судов в каждом субъекте Российской Федерации с детализацией этой конституционной нормы в отдельном Федеральном конституционном законе «О конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации»; и еще большей детализацией региональным законодательством с существенно более обширным (по сравнению с сегодняшним) регулированием конституционно-уставных судебных процессуально-процедурных отношений, в частности, права гражданам Российской Федерации на непосредственное обращение в этот суд.

Что касается мировой юстиции, то здесь, наоборот, целесообразно наполнить реальным содержанием введение в 2020 г. в ч. 3 ст. 118 Конституции РФ положения о мировых судьях субъектов Российской Федерации – именно в понимании их места в судебной системе, поскольку к моменту конституционной реформы 2020 г. они фактически превратились в низшее звено федеральной системы судов общей юрисдикции. Модель такой радикально модернизированной мировой юстиции автором разработана[42], и главное в ней – полное отделение мировой юстиции от федеральной с созданием своих апелляционной (на районном уровне) и кассационной (на уровне субъектов Российской Федерации) инстанций.

* * *

Разумеется, все эти преобразования столь радикальны и всеобъемлющи, что текущим совершенствованием ни федерального, ни федерального конституционного законодательства обеспечены быть не могут. Это можно будет сделать лишь в ходе очередной конституционной реформы, которую следует, по всей видимости, ожидать лет через пять-семь и готовиться к которой прежде всего силами фундаментальной правовой науки и широким фронтом необходимо уже сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амосов С.М.* К вопросу о свободном правосудии // Государство и право. 2020. № 10. С. 137.
2. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 431.
3. *Владыкина Т.А.* Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: автореф. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018.
4. *Волкова С.В.* Демократия Афин и мощь Спарты // PLATON. 2017. № 2. С. 10–19.
5. *Воскобитова Л.А.* Предметная область судебной власти и виды судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 59–67.
6. *Головко Л.В.* Теоретические и сравнительно-правовые подходы к определению модели участия граждан в отправлении правосудия по уголовным делам // Росс. правосудие. 2015. № 6. С. 23–32.
7. *Горбань В.С., Савенков Д.А.* Судоустройство: состояние и современные тенденции развития системы судов общей юрисдикции в Германии (научный комментарий к Закону ФРГ «О судоустройстве»). Саратов, 2019. С. 23.
8. *Гребнев Р.* К вопросу о принципах системного построения судебных органов в Российской Федерации // Право и управление. XXI век. 2016. № 1 (38). С. 44–50.
9. *Гудым В.Н.* Перспективы развития специализации судей в современной российской судебной системе // Судебная практика Западной Сибири. 2014. № 4 (20). С. 20–26.
10. *Жильцов С.В.* Правовой статус мирового суда в период русских революций (1905–1917 гг.) // Эволюция российского и зарубежного права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016 гг.): сб. науч. тр. Т. III: Эволюция российского государства и права, уче-

[42] См.: *Клеандров М.И.* О модели радикальной автономизации мировой юстиции в Российской Федерации // Журнал росс. права. 2015. № 3 (219). С. 31–42.

ний о российском государстве и праве в трудах – поздравлениях коллег / под ред. А.С. Смыкалина. Екатеринбург, 2016. С. 390.

11. *Заикин С.* Правосудие: в поисках совершенства. Новая формация судебной системы // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3 (100). С. 54–71; № 4 (101). С. 118–144; № 5 (102). С. 109–129; № 6 (103). С. 110–122.
12. *Замышляев Д.М.* Виды судебных юрисдикций: сравнительно-правовой и исторический подход: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
13. *Карпов Н.Н.* Справедливость как характеристика объекта конституционно-правовых отношений // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2019. № 2 (70). С. 59–64.
14. *Клеандров М.И.* О ментоскопировании и иных абсолютных доказательствах в уголовном процессе // Государство и право. 2019. № 9. С. 7–16.
15. *Клеандров М.И.* О модели радикальной автономизации мировой юстиции в Российской Федерации // Журнал росс. права. 2015. № 3 (219). С. 31–42.
16. *Клеандров М.И.* Судейский корпус России: совершенствование механизма формирования. М., 2019.
17. *Коморида А.* Суд с участием судебных заседателей: новая система участия граждан в отправлении правосудия // Уголовное судопроизводство. 2012. № 3.
18. *Коробка Е.* Апелляция отменила почти 90% оправдательных приговоров районных судов, вынесенных с участием присяжных // Адвокатская газ. 2020. 13 окт.
19. *Лекторский В.А.* Право не может противоречить идеалу справедливости // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010. С. 90–93.
20. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 622–624 (автор статьи – А.А. Гусейнов).
21. *Панько Н.К.* Совесть как необходимое условие для оценки доказательств по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 204–209.
22. *Прокудина Л.А.* Институт арбитражных заседателей – нереализованные возможности бизнес-сообщества // Предпринимательское право. 2016. № 2.
23. *Ролз Дж.* Теория справедливости / пер. с англ.: В. Целищев, В. Карпович, А. Шевченко. Новосибирск, 1995.
24. *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 9.
25. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики). М., 2012.
26. *Стрелкова Ю.В.* Вердикт присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и правоприменительная практика: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
27. Судебные системы Европы и Евразии: науч.-энциклопед. изд.: в 3 т. / под ред. Р.А. Курбанова и Р.А. Гурбанова. М., 2019. Т. 1. Западная и Северная Европа. С. 46, 47, 76; т. 2. Южная и Восточная Европа. С. 145; т. 3. Евразия. С. 341, 342, 367 (Сер. «Судебные системы государств мира»).
28. *Трофимова Е.* Судебная система сэкономила на присяжных // Независимая газ. 2020. 27 нояб.
29. Философия права. Словарь / общ. ред. и сост. В.Н. Жуков. М., 2020. С. 660.
30. *Харари Ю.Н.* Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М., 2020. С. 377, 378.
31. *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс советского уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 97.
32. *Черненко А.К.* Справедливость как принцип формирования правовой системы // Теоретические проблемы формирования правовой системы России. Новосибирск, 1999. С. 35–50.
33. *Чечельницкий И.В.* Справедливость и правотворчество. М., 2017.
34. *Шелыгин К.В.* Претендент на должность судьи в зеркале психологии // Квалификационные коллегии судей: вчера, сегодня, завтра: сб. ст. М., 2012. С. 157.
35. *Ярцев А.А.* Дискуссия вокруг создания административных судов в современной России (по страницам ведущих юридических журналов) // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 10.

REFERENCES

1. *Amosov S.M.* To the question of free justice // State and Law. 2020. No. 10. P. 137 (in Russ.).
2. *Vas'kovsky E.V.* Textbook of civil procedure. M., 2003. P. 431 (in Russ.).
3. *Vladykina T.A.* Theoretical model of proceedings in criminal cases considered by a court with the participation of jurors: abstract ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 2018 (in Russ.).
4. *Volkova S.V.* Democracy of Athens and the power of Sparta // PLATON. 2017. No. 2. P. 10–19 (in Russ.).

5. *Voskobitova L.A.* Subject area of judicial power and types of legal proceedings // Judicial power and criminal process. 2017. No. 1. P. 59–67 (in Russ.).

6. *Golovko L.V.* Theoretical and comparative legal approaches to determining the model of participation of citizens in the administration of justice in criminal cases // Russ. justice. 2015. No. 6. P. 23–32 (in Russ.).

7. *Gorban' V.S., Savenkov D.A.* Judicial System: state and current trends in the development of the system of courts of general jurisdiction in Germany (scientific commentary on the Law of the Federal Republic of Germany "On the Judicial System"). Saratov, 2019. P. 23 (in Russ.).

8. *Grebnev R.* On the question of the principles of system construction of judicial bodies in the Russian Federation. XXI century. 2016. No. 1 (38). P. 44–50 (in Russ.).

9. *Gudym V.N.* Prospects for the development of specialization of judges in the modern Russian judicial system // Judicial practice of Western Siberia. 2014. No. 4 (20). P. 20–26 (in Russ.).

10. *Zhiltsov S.V.* Legal status of the world court in the period of Russian revolutions (1905–1917) // Evolution of Russian and foreign law. To the 80th anniversary of the Department of history of state and law of the Ural state Law University (1936–2016): collection of scientific works. Vol. III: Evolution of the Russian state and Law, teachings on the Russian state and law in the works – congratulations of colleagues / ed. be A.S. Smykalin. Ekaterinburg, 2016. P. 390 (in Russ.).

11. *Zaikin S.* Justice: in search of perfection. New formation of the judicial system // Comparative Constitutional Review. 2014. No. 3 (100). P. 54–71; No. 4 (101). P. 118–144; No. 5 (102). P. 109–129; No. 6 (103). P. 110–122 (in Russ.).

12. *Zamyshlyaev D.M.* Types of court jurisdiction: a comparative legal and historical approach: dis. ... PhD in Law (in Russ.).

13. *Karpov N.N.* Justice as a characteristic of the object of constitutional and legal relations // Herald of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2019. No. 2 (70). P. 59–64 (in Russ.).

14. *Kleandrov M.I.* On mentoscoping and other absolute proofs in criminal proceedings // State and Law. 2019. No. 9. P. 7–16 (in Russ.).

15. *Kleandrov M.I.* On the model of radical autonomization of world justice in the Russian Federation // Journal of Russ. law. 2015. No. 3 (219). P. 31–42 (in Russ.).

16. *Kleandrov M.I.* Judicial Corps of Russia: improving the mechanism of formation. M., 2019 (in Russ.).

17. *Komorida A.* Court with the participation of court assessors: a new system of participation of citizens in the administration of justice // Criminal proceedings. 2012. No. 3 (in Russ.).

18. *Korobka E.* The appeal overturned almost 90% of the acquittals of district courts rendered with the participation of jurors. 2020. 13 Oct. (in Russ.).

19. *Lectorsky V.A.* Law may not be contrary to the ideal of justice // Philosophy of Law at the beginning of XXI century through the prism of constitutionalism and constitutional Economics. M., 2010. P. 90–93 (in Russ.).

20. New philosophical encyclopedia: in 4 vols. M., 2001. Vol. 3. P. 622–624 (the author – A.A. Guseynov) (in Russ.).

21. *Panko N.K.* Conscience as a necessary condition for assessing evidence in a criminal case // Judicial power and criminal process. 2016. No. 2. P. 204–209 (in Russ.).

22. *Prokudina L.A.* Institute of Arbitration assessors – unrealized opportunities of the business community // Entrepreneurial Law. 2016. No. 2 (in Russ.).

23. *Rawls J.* A theory of justice / transl. from English.: V. Tselishchev, V. Karpovich, A. Shevchenko. Novosibirsk, 1995 (in Russ.).

24. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law, legal thinking and global problems of modern civilization // Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of members of the Russian Academy of Sciences / under the general ed. of A.N. Savenkov. M., 2019. P. 9 (in Russ.).

25. Standards of fair justice (international and national practices). M., 2012 (in Russ.).

26. *Strelkova Yu.V.* Verdict of jurors in criminal proceedings: theoretical foundations and law enforcement practice: abstract ... PhD in Law. M., 2018 (in Russ.).

27. Judicial systems of Europe and Eurasia: scientific and encyclopedic ed.: in 3 vols. / ed. by R.A. Kurbanov and R.A. Gurbanov. M., 2019. Vol. 1. Western and Northern Europe. P. 46, 47, 76; vol. 2. Southern and Eastern Europe. P. 145; vol. 3. Eurasia. P. 341, 342, 367 (Ser. "Judicial systems of the world states") (in Russ.).

28. *Trofimova E.* The judicial system saved on jurors // Nezavisimaya gazeta. 2020. 27 Nov. (in Russ.).

29. Philosophy of Law. Dictionary / general ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2020. P. 660 (in Russ.).

30. *Harari Yu. N.* Homo Deus. A brief history of the future / transl. from English by A. Andreeva. M., 2020. P. 377, 378 (in Russ.).

31. *Cheltsov-Bebutov M.A.* Course of Soviet criminal procedure law: essays on the history of the court and criminal procedure in slave-owning, feudal and bourgeois states. SPb., 1995. P. 97 (in Russ.).

32. *Chernenko A.K.* Justice as a principle of formation of the legal system // Theoretical problems of the

formation of the legal system of Russia. Novosibirsk, 1999. P. 35–50 (in Russ.).

33. *Chechelnitsky I.V.* Justice and law-making. M., 2017 (in Russ.).

34. *Shelygin K.V.* Applicant for the position of judge in the mirror of psychology // Qualification collegiums of judges: yesterday, today, tomorrow: collection of articles. M., 2012. P. 157 (in Russ.).

35. *Yartsev A.A.* Discussion around the creation of administrative courts in modern Russia (on the pages of leading legal journals) // Arbitration and civil process. 2012. No. 10 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович –
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. –
Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 24–35
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 24–35

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ИЗМЕНЕНИЯ, ЭВОЛЮЦИЯ, ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

© 2021 г. С. Е. Чаннов

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, г. Саратов

E-mail: sergeychannov@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.04.2020 г.

Аннотация. В статье определяется сущность и содержание таких терминов, как «изменение права», «развитие права», «эволюция права», «генезис права», «трансформация права». Автор констатирует, что в отечественной правовой науке они используются, как правило, бессистемно, а единое понимание их сущности отсутствует. В результате проведенного анализа автор предлагает понимать изменение права как непрерывно идущий процесс изменений как правовых норм, так и форм их реализации, а также иных правовых явлений; эволюцию права как непрерывное качественное его изменение, характеризующееся возникновением новых правовых явлений и / или исчезновением старых; трансформацию права как наиболее значимые, радикальные его изменения, связанные с перестройкой значительной части существующего правопорядка. Помимо этого в статье автор предлагает соотношение указанных терминов, а также выделяет потенциальные возможности эволюции и трансформации права под воздействием цифровых технологий.

Ключевые слова: право, правовая система, изменения права, правовые явления, эволюция права, генезис права, трансформация права, цифровые технологии, объекты правового регулирования, субъекты права, формы права.

Цитирование: *Чаннов С.Е.* Изменения, эволюция, трансформация права: соотношение понятий // Государство и право. 2021. № 3. С. 24–35.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20011-00355 («Эволюция права под воздействием современных цифровых технологий»).

DOI: 10.31857/S013207690009139-4

CHANGES, EVOLUTION, TRANSFORMATION OF LAW: THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS

© 2021 S. E. Channov

Stolypin Volga region institute of management – RANEPA branch, Saratov

E-mail: sergeychannov@yandex.ru

Received 16.04.2020

Abstract. The article raises and addresses issues related to the definition of the essence and content of terms such as “change of law,” development of law, “evolution of law,” genesis of law, “transformation of law.” The author states that they are currently used in domestic legal science, as a rule, unsystem, and there is no common understanding of their essence. As a result of the analysis, the author proposes to understand the change of law as a continuous process of changing both legal norms and the forms of their implementation, as well as other legal phenomena; Evolution (development) of the law – as a continuous qualitative change of it, characterized by the emergence of new legal phenomena and/or the disappearance of old ones; The transformation of law – as its most significant, radical changes, connected with the restructuring of a large part of the existing rule of law. In addition, in the article the author proposes his understanding of the ratio of these terms, as well as highlights the potential of evolution and transformation of modern law under the influence of modern digital technologies.

Key words: law, legal system, changes of law, legal phenomena, evolution of law, genesis of law, transformation of law, digital technologies, subjects to legal regulation, legal entities, forms of law.

For citation: *Channov, S.E. (2021).* Changes, evolution, transformation of law: the relationship between the concepts // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 24–35.

The research was carried out with the financial support of the RFBR as part of a scientific project No. 20011-00355 ("The evolution of law under the influence of modern digital technologies").

В многочисленных научных работах активно используются различные термины, характеризующие изменения в правовой системе: «развитие права», «эволюция права», «генезис права», «трансформация права» и т.п., причем как в историческом ключе – применительно к изменениям в праве, имевшим место в прошлом – так и имея в виду перспективу. Особенно активно об изменениях в праве говорится применительно к таким явлениям, как глобализация, интеграция, цифровизация и т.п.[1]

При этом ознакомление со многими работами показывает, что указанная терминология используется некоторыми авторами бессистемно, без определений, а иногда, к сожалению, и без понимания их сущности. Между тем вопрос этот далеко не праздный. Если мы говорим, к примеру, о трансформации российского права под воздействием цифровизации или об эволюции англосаксонской системы права в эпоху глобализации, неизбежно должны возникать вопросы: что такое, собственно, трансформация права? Чем она отличается от эволюции (или не отличается вовсе)? Какие признаки позволяют говорить о том, что право развивается, эволюционирует, трансформируется и т.д.? На каком этапе можно сказать – если это вообще можно сделать точно – что произошла трансформация права? Между тем еще А.М. Васильев подчеркивал важность точного определения правовых категорий для нужд юридической науки, недопустимость произвольного их использования: «логическую систему правовых категорий нельзя считать результатом произвольных решений, рассматривать как область чисто субъективную. Напротив, задача состоит в том, чтобы в субъективной форме выявить объективные начала»[2].

Как представляется, для решения этой задачи необходимо прежде всего обратиться непосредственно к объекту изменений, т.е. к праву как таковому. Сложность здесь заключается в том, что уже сам этот термин в юридической науке не вполне определенен. Дискуссия о понимании права в современной отечественной юридической науке, унаследованная от советской теории права, имеет и свою, постсоветскую, историю, при этом, как отмечает И.О. Долина, пока единства взглядов не удалось достичь не то что относительно оценки содержания типов правопонимания и характера их соотношения, но даже по вопросам о критериях их классификации и количестве выделяемых типов[3]. В рамках данной статьи мы приведем лишь мнения исследователей, которые полагают, что в юридической науке термин «право» используется в следующих значениях:

система правовых (юридических) норм;

официально признанные возможности, которыми располагают граждане и организации;

совокупность всех правовых явлений, т.е. правовая система;

совокупность высших, постоянно действующих, независимых от государства норм и принципов, олицетворяющих разум, справедливость[4].

Представляется, что и данным перечнем подходы к определению понятия «право» не исчерпываются, но даже если принять его за основу, очевидно, что изменениям подвержены все из них (за исключением, быть может, последнего). Право, являясь одним из регуляторов поведения в социуме, не может быть статичным, поскольку меняются сами общественные отношения. Меняются при этом – под потребности как общества в целом, так

[1] См., напр.: *Нефёдов С.И.* Влияние глобализации на эволюцию права // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2009. № 13. С. 77–80; *Миронов В.В.* Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации // Вестник РАН. 2016. Т. 86. № 2. С. 99–107; *Синюков В.Н.* Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex Russica. 2019. № 9 (154). С. 9–18; *Саурин А.А.* Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26–31; *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7; и др.

[2] *Васильев А.М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 14, 43 и др.

[3] См.: *Долина И.О.* О трансформации подходов к исследованию понятия «право» в отечественной теоретико-правовой науке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 4. С. 109.

[4] См.: *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Теория государства и права: учеб. М., 2017.

и отдельных его представителей – и правовые нормы, и закрепляемые ими правовые возможности, и иные правовые явления (правотворчество, правоприменение, правосознание и др.). Поэтому, если мы стремимся исследовать все происходящие под воздействием различных факторов объективного и субъективного характера изменения в праве, правильнее обратиться к пониманию права в широком смысле, т.е. к правовой системе.

Под правовой системой в юридической науке понимается совокупность внутренне согласованных, взаимосвязанных, социально однородных юридических средств (явлений), с помощью которых публичная власть оказывает регулятивно-организующее и стабилизирующее воздействие на общественные отношения, поведение людей и их объединений (закрепление, регулирование, дозволение, обязывание, запрещение, убеждение и принуждение, стимулирование и ограничение, превенция, санкции, ответственность и т.д.)[5]. Право в узком смысле – как совокупность правовых норм – является ядром правовой системы, центральной ее частью. «Помимо права как стержневого элемента правовая система включает в себя множество других слагаемых: правотворчество, правосудие, юридическую практику, нормативные, правоприменительные и правотолкующие акты, правоотношения, субъективные права и обязанности, правовые учреждения (суды, прокуратура, адвокатура), законность, ответственность, механизмы правового регулирования, правосознание и др.[6] Социальные, политические, экономические, научно-технические и иные факторы, воздействуя на правовую систему, влекут, соответственно, изменения не только собственно правовых норм, но и иных ее элементов.

Н.И. Матузов справедливо указывал, что правовая система общества не охватывается и не может быть охвачена понятием права даже и в широком (социологическом) смысле, подобно тому как политическая система не исчерпывается понятием государства[7]. В то же время следует учитывать, что в научной и учебной литературе термины «право» и «правовая система» нередко используются как синонимы. «Когда при освещении правовых явлений говорится о праве, то во многих случаях подразумевается целостная правовая система. С другой стороны, указание на правовую систему нередко означает, что право мыслится во всех его проявлениях. Какой из этих терминов целесообразно использовать в том или ином контексте – зависит от уровня теоретических абстракций»[8].

В правовой науке, как уже отмечалось выше, уже достаточно устоялись термины типа «развитие права», «эволюция права», «трансформация права», при этом анализ показывает, что использующие их авторы чаще всего имеют в виду изменения не только собственно правовых норм. Терминология, связанная с указанием на эволюцию, трансформацию и т.п. правовых систем также употребляется, но значительно реже и, как правило, применительно к правовым системам конкретных государств[9]. В связи с этим далее мы также будем говорить о развитии, эволюции и трансформации права, имея в виду, что в рамках этих процессов меняются не только правовые нормы, но и иные элементы правовой системы.

Всякий юрист согласится с утверждением, что правовая система не является догмой, она динамична, причем движение возможно в сторону не только совершенствования, но и деградации[10]. При этом, как подчеркивал Н.И. Матузов, при изменениях правовой системы «ее составные части претерпевают изменения с разными скоростями, и ни одна из них не меняется столь же быстро, как другая»[11]. Быстрее всего меняются собственно правовые нормы (т.е. право в узком – нормативистском – смысле). Обусловлено это основной ролью права как социального регулятора. «Право меняется по мере того, как меняется характер вопросов, подлежащих регламентированию»[12].

Экономические, социальные, политические и иные изменения в обществе порождают новые общественные отношения. Не все они объективно нуждаются в урегулировании именно правовыми нормами – ведь право не единственный социальный регулятор – однако там, где такая необходимость возникает, рано или поздно появляются и соответствующие изменения нормативной базы. Разумеется, имеет место и обратный

[5] См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2004. С. 178.

[6] См.: там же. С. 179.

[7] См.: там же. С. 183.

[8] *Алексеев С.С.* Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 32.

[9] См., напр.: *Рид Э.* Эволюция шотландского права как смешанной правовой системы // Вестник гражданского права. 2015. № 4. С. 144–178; *Еремян Э.В.* Налоговая политика в процессе трансформации традиционной правовой системы Великобритании и Северной Ирландии // Право и политика. 2007. № 11; *Старженецкий В.В.* Международные суды и трансформация национальных правовых систем // Международное правосудие. 2013. № 3. С. 64–77; и др.

[10] См.: *Шишкин В.В.* Продолжение дискуссии о роли теории государства и права // История государства и права. 2014. № 8. С. 57.

[11] Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 185.

[12] *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с франц. М., 2000. С. 199.

процесс – с помощью изменений в законодательстве государство меняет (или по крайней мере пытается это сделать) общественные отношения – поощряет те, которые считает полезными; запрещает и преследует несущие вред для общества и т.п. Одна из основных функций права – «регулятивная, которая обеспечивает упорядочение общественных отношений, направлена на установление правил поведения людей позитивного свойства, не связанных с правонарушениями... Охранительная функция направлена на борьбу и вытеснение вредных и опасных для общества вариантов поведения, охрану и защиту от нарушений прав личности и других субъектов права, обеспечение охраны законности в стране (профилактика и расследование правонарушений, разбирательства дел о правонарушениях, применение мер уголовной, административной и других видов юридической ответственности)»[13].

Если рассматривать право в узком смысле – как систему «общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения, являются властно-официальным регулятором общественных отношений»[14] – такой подход имеет место в рамках нормативного (легистского) понимания права – то этим изменение права и исчерпывается. В таком случае изменение права сводится, по сути, к изменениям законодательства. Однако, как отмечает американский ученый Г. Дж. Берман, «говорить о западной традиции права – значит постулировать понятие права не как корпуса правил, но как процесса, предприятия, в котором правила имеют смысл только в контексте институтов и процедур, ценностей и образа мышления. При таком более широком взгляде источники права включают не только волю законодателя, но также разум и совесть общества и его обычаи и привычки»[15].

Соответственно, если анализировать не только собственно правовые нормы, но и иные правовые явления, т.е. рассматривать даже не право в узком нормативистском или «широком» (Д.А. Керимов, В.А. Туманов, В.С. Нерсесянц, Р.З. Лившиц и др.) понимании, а обращаться ко всей правовой системе, можно увидеть, что изменениям подвержены и иные ее элементы, причем в некоторых случаях они меняются вслед за изменениями нормативного регулирования, в некоторых – предшествуя этим изменениям; в каких-то случаях эти процессы идут параллельно или вообще не сопровождают друг друга и т.д.

Таким образом, *изменение права – это непрерывно идущий процесс изменений как правовых норм, так и форм их реализации, а также иных правовых явлений*. Изменением права является любое изменение законодательства – появление нового правила, сформулированного в виде нормы права, – это уже изменение. Однако не любое изменение права связано с изменением законодательства.

Изменение права (в отличие от изменения законодательства) – это процесс, контролируемый государством (правотворцем) только частично, поскольку изменения в правоприменении, правосознании и т.п. не всегда зависят от его воли, а определяются совокупностью воль многих людей.

Говоря о том, что право меняется, мы лишь констатируем сам факт изменений, не анализируя их суть. Однако изменения изменениям рознь. Если в результате изменений происходит возникновение не только новых правовых норм, но и, к примеру, новых объектов правового регулирования, новых субъектов права, новых способов его реализации и т.п., в таком случае уже следует говорить о развитии или об эволюции права.

Оба данных термина – «развитие права» и «эволюция права» – также достаточно активно используются в правовой науке, но, как правило, исключительно в историческом аспекте применительно к вопросу о том, как менялось право на протяжении какого-либо периода, причем как право «вообще», так и отдельные правовые системы. В то же время в ней наблюдается явный дефицит исследований, затрагивающих перспективные направления развития (эволюции) современного права; факторы, на них влияющие; критерии эволюции и т.п.

Так, к примеру, Е.В. Скурко, основываясь в первую очередь на исследованиях Дж. Дж. Филлимора, выделяет три периода эволюции права «в различных обществах и в разные времена»[16]. Первый период в естественной эволюции права – период обычая, вторым указанные исследователи называют период формирования прецедентного права, вершиной эволюции права в концепции Дж. Дж. Филлимора является кодификация[17], т.е. формирование письменного права.

В.А. Витушко выделяет четыре основных этапа развития права у человечества в целом. Первый,

[13] Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2003.

[14] *Байтин М.И.* Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Саратов, 2001. С. 331.

[15] *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998. С. 28.

[16] *Скурко Е.В.* К вопросу об эволюционных закономерностях в истории и генезисе права // История государства и права. 2009. № 17. С. 35–41.

[17] См.: *Phillimore J.G.* Private Law among the Romans from the Pandects. London, 1863 (Reprinted by Adamant Media Corp., 2000). P. 16–18.

с его точки зрения, начинается одновременно с появлением гоминид (человекоподобных существ), которые «владели значительным набором технических знаний», «пользовались необходимыми знаниями и требованиями гигиенической безопасности и санитарии», что свидетельствует о формировании у них универсальных, общеобязательных, рассчитанных на многократное применение нормативов. Второй цивилизационный этап развития единого права народов начался с появлением человека современного типа (homo sapiens) и длился до момента появления государства. Третий цивилизационный этап становления единого права всех народов приходится на время становления и развития государства как наиболее приспособленной формы сообщества людей для оперативного управления такой социальной энергией, как право. Наконец, четвертый цивилизационный этап становления цивилизационного права наступил в период свершения буржуазных революций и характеризуется тем, что «только на данном этапе эволюции права было осознано и установлено формальное и абсолютное равенство всех людей»[18].

Как видно, в рамках данной трактовки выделяются абсолютно иные этапы, чем в концепции Дж. Дж. Филлимора, поддержанной Е.В. Скурко. При этом если последняя выделяет единый критерий для разграничения этапов эволюции права – в объективное право каждое конкретное общество вкладывает свои представления о том, насколько человек, считающийся «нормальным» в данных конкретно-исторических обстоятельствах, должен прогнозировать, а следовательно, нести ответственность за последствия своих решений и действий – то у В.А. Витушко подобный критерий четко не приводится и, как представляется, используется смешение по крайней мере трех их типов: биологического, социального и идеологического. При этом разделение на этапы развития (эволюции) права выглядит у всех исследователей достаточно условным – нельзя точно сказать, в какой момент заканчивается «старое» право и начинается «новое».

Можно, разумеется, привести примеры и других работ, в которых подвергается исследованию право с позиций его эволюции в ретроспективном аспекте[19], однако в целом совокупность их свидетельствует об отсутствии в юридической науке единых подходов к данному вопросу. Нет также общего мнения и о том, что, собственно, вообще такое эволюция и / или развитие права.

К примеру, Е.В. Скурко понимает под эволюцией права «развитие отдельной правовой системы от обычного права через прецедентное право к кодификации права»[20]. Несложно заметить, что в данном случае она определяет эволюцию через выделяемые ею же самой этапы развития. А.В. Воронов полагает, что «развитие права – это в своей основе развитие норм-принципов права»[21]. Данное определение выглядит чрезмерно узким даже в рамках нормативистского подхода, но, по всей видимости, указанный исследователь не стремился определить сущность развития права во всех его проявлениях, а лишь хотел подчеркнуть важность норм-принципов в его системе.

Интерес представляет определение, данное А.Н. Костюковым. Правда, он предложил свое понимание не эволюции права в целом, а ее отрасли, однако концептуально заложенные в нем подходы могут трактоваться и более широко. Согласно его позиции «под эволюцией отрасли права понимается последовательный процесс ее совершенствования или деградации в целях приведения в соответствие с изменяющимися экономическими и социально-политическими условиями, сложившейся судебной и административной практикой, устранением выявленных пробелов и противоречий в нормативном материале»[22]. В данном определении верно указывается, что эволюция влечет за собой – под воздействием определенных факторов – совершенствование либо деградацию правового материала, т.е. сопровождается определенными качественными изменениями.

Действительно, в Толковом словаре русского языка[23] эволюция определяется как процесс постепенного непрерывного количественного изменения, подготавливающий *качественные* изменения; вообще развитие. Согласно Малому академическому словарю, эволюция – процесс изменения, развития кого-, чего-либо от одного состояния к другому[24]. Развитие же – процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественного состояния к новому,

---

[18] *Витушко В.А.* Эволюция права // Право и демократия: сб. науч. тр. Минск, 2013. Вып. 24 (2013). С. 47–68.

[19] См., напр.: *Герасимова Н.П.* Генезис права // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 2. С. 82–85; *Барсуков А.Ю.* Циклический характер трансформации права и правовой системы общества: теоретико-методологические основания исследования // Lex Russia. 2019. № 7. С. 85–92; и др.

[20] *Скурко Е.В.* Некоторые историко-философские аспекты генезиса права как элемента культуры // История государства и права. 2010. № 19. С. 44.

[21] *Воронов А.Ф.* Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М., 2007.

[22] *Костюков А.Н.* Новейшая эволюция муниципального права // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 12. С. 28.

[23] См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

[24] См.: Малый академический словарь. URL: https://gufo.me/dict/mas/%D1%8D%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F

от простого к сложному, от низшего к высшему[25]. Развитие есть тип движения и изменения в природе и обществе, связанный с переходом от одного качества, состояния к другому, от старого к новому[26].

Таким образом, и эволюция, и развитие понимаются в русском языке по общему правилу как синонимы, представляется, что это правильно и применительно к праву. На этой основе видится допустимым определять *эволюцию (развитие) права как непрерывное качественное его изменение, характеризующееся возникновением новых правовых явлений и / или исчезновением старых*. Соответственно, развитие права и эволюцию права мы полагаем понятиями равнозначными.

Говорить об эволюции права, в отличие от изменения, можно лишь тогда, когда его изменения характеризуются появлением новых правовых явлений, неизвестных праву ранее (либо исчезновением привычных). К примеру, об эволюции права свидетельствует появление новых объектов прав (ценные бумаги, результаты интеллектуальной деятельности и проч.); новых субъектов (юридические лица) и т.п. При этом следует иметь в виду, что эволюция права – это постоянный процесс. К примеру, появление в праве концепции юридического лица как одной «из наиболее совершенных форм объединения физических и иных лиц, возникших по объективным законам развития общества[27], это несомненный эволюционный скачок, однако не следует понимать, что эволюция имеет место только, собственно, в моменты таких скачков (тем более что в большинстве случаев их достаточно сложно точно определить во времени).

Эволюция права так же, как и его изменение,– лишь частично управляемый процесс. Правовые системы хочется видеть скомбинированными, отлаженно работающими комплексами, примерно такими, как образно характеризуют комплексные естественные системы, состоящие «как бы из “перьев”, “маленьких шестерен” и “рычагов”, которые природа скомбинировала бесконечно разнообразным, гениальным способом», авторы монографии «Эволюция, культура и правовая система: статьи о новой политической экологии»[28]. Фактически, однако, хотя по общему правилу эволюция права есть усложнение, оптимизация правового регулирования и правоприменения; возможен и обратный процесс, когда в результате воздействия различных факторов идет деградация правовой системы, снижение эффективности действия права. Правильное понимание механизмов эволюции права, а также факторов, воздействующих на них, должно в идеале препятствовать подобным явлениям.

Эволюцию права следует отграничивать от понятия «генезис права». Генезис (греч. *Γένεσις, Γένεση*) в переводе с греческого означает происхождение, становление – это философская категория, выражающая возникновение, происхождение развивающегося явления[29]. Соответственно, генезис права – это процесс становления права в историческом аспекте. Генезис права имел место тогда, когда право еще не существовало – по крайней мере в нынешнем его понимании. Генезис также связан с развитием, но еще не права, а явлений, существовавших до появления права, предшествующих ему. И лишь когда право сформировалось в качестве социального регулятора, уже можно рассматривать дальнейшее его развитие, эволюцию.

Разумеется, граница между генезисом и эволюцией права также является во многом условной, поскольку вряд ли можно определить в истории человечества момент между «права еще нет» и «право уже есть». Тем более что понятие генезиса, равно как и эволюции, применимо не только к праву в целом, но и к отдельным правовым системам. Так, можно говорить о генезисе римского права, генезисе советского права, генезисе англосаксонской правовой системы, генезисе права конкретного государства, генезисе международного права и т.д. Естественно, граница между генезисом и эволюцией в каждом случае будет своя, и в большинстве случаев она может быть определена лишь приближенно.

В любом случае после того, как право можно считать сформированным, его развитие не прекращается – оно продолжает эволюционировать.

«Эволюция права чаще всего вписывается в рамки существующего юридического порядка. То есть когда мы говорим об эволюции, должны понимать, что основа остается неизменной»[30]. В этом плане от нее следует отличать трансформацию права.

Трансформация права – это наиболее значимые, радикальные его изменения, связанные нередко с перестройкой значительной части существующего правопорядка. Наиболее глобальной трансформацией права за весь период его эволюции был переход от

[25] См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Указ. соч.

[26] См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2000–2001.

[27] См.: *Витушко В.А.* Эволюция юридических лиц и их роль в обществе // Актуальные проблемы гражданского права. 2014. № 1 (3). С. 75.

[28] *Weimar R., Leidig G.* Evolution, Kultur und Rechtssystem: Beitrage zur new political ecology. Wien, 2002. S. 36 (цит. по: *Маркова-Мурашова С.А., Мартынов В.Ф.* Правовая система: проблемные аспекты эволюции // История государства и права. 2007. № 8).

[29] См.: *Герасимова Н.П.* Указ. соч. С. 82.

[30] *Бержель Ж.-Л.* Указ. соч. С. 181, 182.

обычного права, характерного для первобытнообщинного строя, к праву писаному, обеспечиваемому принудительной силой государства. Логично, что эта трансформация совпадала в различных обществах, собственно, с образованием государств.

Комментируя концепцию Т. Куна о структуре научных революций применительно к праву, Г. Берман пишет следующее: «Взаимодействие революции и эволюции в западном праве демонстрирует впечатляющую параллель взаимодействию революции и эволюции в естествознании. В западном праве, как и в западных естественных науках, подразумевается, что будут происходить изменения в данных условиях, что эти изменения будут ассимилированы в существующую систему или парадигму, что если они не ассимилируются, то их примут как аномалии, но если слишком много изменений не смогут ассимилироваться, тогда в какой-то момент сама система потребует коренного изменения»[31]. Трансформация права есть своеобразная революция правовой системы, при этом при трансформации права, как правило, происходят существенные изменения во всех правовых явлениях, а не только в правовой науке.

Отграничение трансформации права от его эволюции отнюдь не означает, что эти явления не пересекаются. Трансформация – это один из рубежей на пути эволюции, после завершения очередной трансформации эволюция продолжается.

Необходимо понимать, что, так же как и с эволюцией, понятие трансформации права зависит от анализируемого объекта. Если мы говорим о праве вообще, то можно выделить одни случаи его трансформации в целом. Если, к примеру, обращаемся к отечественному праву – можно говорить уже о других ее примерах. В частности, представляется, что обоснованно говорить о трансформации права Российской Империи в право СССР, последовавшей в результате Октябрьской революции 1917 г. Важно подчеркнуть, что это была именно трансформация права, а не только трансформация законодательства, потому что кардинальным изменениям подверглись в тот период не только законы, но и правосознание, правоприменение и т.п.

При этом, разумеется, необходимо осознавать, что никакая трансформация права не носит (и, по-видимому, не может носить) абсолютного характера – новое, трансформированное право все равно будет нести в себе частички старого. Так, обычное право не является основой правовой системы ни одного государства, однако некоторые правовые обычаи по-прежнему сохраняют свое значение в юриспруденции. Советское право, несмотря на все попытки (прежде всего на идеологическом уровне) полностью отказаться от достижений дореволюционной правовой мысли и правотворчества – все же во многом основывалось на них, причем с развитием советского права его пересечения с правом Российской Империи только усиливались. Аналогичные явления имели место в период Великой французской революции и последовавшими за нею событиями: «Французское право эпохи Наполеона пополнялось за счет обычаев королевского режима и за счет римского правового материала; оно было замешено на христианской и деревенской традиции Франции и вдохновлялось социальным движением и идеями XVIII в.»[32].

Трансформации права в целом и отдельных правовых систем – явление нечастое. Французский исследователь Ж.-Л. Бернель верно указывает, что хотя ни одно из правовых явлений на может избежать изменений, даже наиболее фундаментальные институты государственного или частного права; «в то же время эти основы права живут дольше, чем их поверхностные проявления – почему так редки революции в сфере права; дело в том, что между многочисленными консервативными и созидательными силами, действующими в правовой сфере, устанавливается равновесие, которое даже в моменты кризисов не дает удержаться радикальным тенденциям, смягчая их, в результате чего происходят обычные колебания»[33].

Разумеется, не только революции и иные социальные потрясения могут привести к трансформации права. Так, развитие информационных цифровых технологий в XXI в. уже повлекло за собой эволюцию права (появление новых объектов права, форм права, способов реализации права и т.п.). Все больше ученых указывает на грядущую или уже начавшуюся трансформацию права под воздействием цифровых технологий. Так, по мнению В.Н. Синюкова, «в правовой системе России происходят фундаментальные изменения, которые с определенными оговорками можно назвать процессами этапной трансформации... Развитие новых технологий выдавливает традиционное правовое регулирование и опережает его в методологическом отношении. Классические юридические режимы процессуальной деятельности делаются тяжелым и дорогостоящим препятствием на пути инноваций во многих сферах»[34]. А.А. Карцхия считает, что «технологические платформы на принципах распределенного реестра (blockchain

[31] *Берман Г. Дж.* Указ соч. С. 38 (цит. по: *Войниканис Е.А.* Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М., 2013).

[32] *Бержель Ж.-Л.* Указ. соч. С. 202.

[33] Там же. С. 199, 200.

[34] *Синюков В.Н.* Указ. соч. С. 10.

и др.), Интернет вещей (Internet of Th ings), искусственный интеллект и машинное обучение (Artifi cial intelligence), облачные сервисы и вычисления (Cloud computing), "умные" комплексы и устройства (Smart everything), аналитика Больших данных (Big Data), виртуальная и дополненная реальность (Augmented & additive reality), биотехнологии по созданию новых живых организмов путем генной инженерии (Genomica), системы кибербезопасности (Cybersecurity), а также социальные сети и платформы (Facebook, VK, Twitter), другие электронные сервисы создали новые условия, новый технологический базис для изменения традиционных правовых институтов, их адаптации к новым реалиям технологической среды обитания человека»[35]. А.А. Саурин также полагает, что «цифровизация обладает уникальной трансформационной ценностью»[36]. О.В. Танимов акцентирует внимание на трансформации системы права и правоотношений в условиях цифровизации: «Само же право, чтобы оставаться эффективным регулятором, пытается модифицироваться, вводя в структуру правоотношений новые виды объектов (сеть Интернет, криптовалюта и пр.) и субъектов (электронное правительство, роботы, искусственный интеллект, операторы данных и др.). При этом, несомненно, изменяется и содержание правоотношений, формируются новые их виды, такие как, например, цифровая платформа»[37]. По мнению Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногора, «в условиях новой реальности право становится не только средством, инструментом, обеспечивающим цифровизацию экономики, управления и других сегментов социального бытия, но и объектом воздействия "цифровизации", в результате которого оно претерпевает изменения своей формы, содержания, системы, структуры, механизма действия и демонстрирует тенденцию к усилению наметившихся трансформаций»[38].

В чем же специалисты видят проявления трансформации права под воздействием цифровых технологий? Достаточно подробный анализ проведен Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногором. В частности, они выделяют ряд принципиально новых отношений, возникновение которых обусловлено возникновением и внедрением современных цифровых технологий – появление виртуальных (цифровых) личностей; формирование системы прав человека в виртуальном («цифровом») пространстве; появление роботов в качестве нетипичных участников правоотношений; закрепление в законодательстве нетипичных объектов правоотношений, «прежде всего информации, цифровых технологий (например, финансовых и регулирующих) и создаваемых посредством их применения новых цифровых сущностей (например, криптовалют) и объектов материального мира» и др.[39]

Не отрицая значимость подобных изменений в правовой системе, отметим, что они есть проявления не трансформации, а эволюции права, поскольку меняют и обогащают право, но не носят подлинно революционного характера. Вместе с тем трансформация права именно под воздействием цифровых технологий, безусловно, возможна, и определенные предпосылки к ней уже имеются. О ней, например, можно было бы говорить в случае, если основным источником права (хранилищем правовых норм) станут не традиционно признающиеся формы права (прежде всего нормативные акты), а цифровой код, который будет применяться к общественным отношениям непосредственно и обеспечиваться в первую очередь не силой государства, а правилами информационных систем[40].

Подобные прогнозы высказывались некоторыми специалистами еще в 90-е годы XX в. К примеру, американский профессор Л. Лессиг, основоположник отрасли, известной в зарубежной правовой доктрине как Computer Law (компьютерное право), сформулировал тезис о том, что «технические нормы могут заменять некоторые ценности, а технические коды в кибернетическом пространстве в некоторой степени заменять законы реального мира», поскольку «они позволяют более ловко и изворотливо регулировать и дисциплинировать участников и являются инструментом, способным благоприятно заменять другие способы регулирования»[41].

В перспективе нельзя исключать, что при сохранении существующих тенденций правом, действительно, станет именно алгоритм (программный код). Собственно, в отдельных случаях это уже имеет место: к примеру, смарт-контракты – это

---

[35] *Карцхия А.А.* Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2. С. 43.

[36] *Саурин А.А.* Указ. соч. С. 26.

[37] *Танимов О.В.* Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы росс. права. 2020. Т. 15. № 2. С. 13, 14.

[38] *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал росс. права. 2018. № 1. С. 85.

[39] См. подр.: там же. С. 94–96.

[40] О развитии права в указанном направлении см., напр.: *Амелин Р.В., Чаннов С.Е.* Автоматизированная информационная система как «источник права» // Информационное право. 2008. № 2. С. 23–26; *Амелин Р.В.* Государственные и муниципальные информационные системы в российском информационном праве: теоретико-правовой анализ / под ред. С.Е. Чаннова. М., 2018. С. 99, 100.

[41] *Lessig L.* The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach. P. 507, 508. URL: https://cyber.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf (дата обращения: 15.03.2020).

правовые документы, которые изначально создаются в форме программ. При этом их действие (исполнение) также обеспечивается программно – правилами информационной системы, в которой они реализуются. Вместе с тем в условиях, когда подобная реализация прав и обязанностей участников правоотношений признается и гарантируется государством, такое регулирование нельзя считать чисто технологическим. Это правовое регулирование, находящее свое выражение в форме программного кода.

Вполне вероятно, что при сохранении существующих темпов внедрения цифровых технологий вся сфера правотворчества может осуществляться путём разработки и утверждения различных программ. Смарт-контракт – это самоисполнимый договор. Что мешает в потенциале появлению самоисполнимых нормативных актов в форме тех же государственных информационных систем (или современных технологий, которые придут им на смену)? Таким образом может быть преодолен разрыв между нормативным актом, регулирующим конкретный круг общественных отношений, и технологией, которая обеспечивает его исполнение[42].

* * *

Разумеется, пока о подобных изменениях в праве можно говорить лишь как о потенциальных возможностях. Однако, как представляется, рассматривать подобные ситуации необходимо уже сейчас. Как справедливо отмечают исследователи, «сегодня правовое регулирование не работает “на перспективу”, так как законодатель способен реагировать лишь на факты негативного влияния современных информационных технологий на жизнь общества, не представляя, каким это влияние окажется в будущем»[43]. По мнению же Л.И. Захаровой, «для того чтобы понимать, в каком направлении будет эволюционировать право, современные юристы должны учиться действовать на опережение»[44]. В этом во многом и заключается важность исследования эволюции права. Рассмотрение имеющихся тенденций развития права под воздействием цифровых технологий даст возможность подготовиться к грядущим изменениям.

[42] См. об этом подр.: *Амелин Р.В., Чаннов С.Е.* Трансформация права под воздействием цифровых технологий: новые требования к подготовке юристов // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. «Экономика. Управление. Право». 2019. № 2. С. 200–203.

[43] *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б.* Форсайт-сессия «Информационная безопасность в XXI веке: вызовы и правовое регулирование» // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 194; см. также: *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Обзор Международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – Первые Бачиловские чтения // Государство и право. 2018. № 9. DOI: 10.31857/S013207690001525-9.

[44] *Захарова Л.И.* Lex mercatoria и lex sportiva: особенности, сходства и различия // Lex Russica. 2019. № 11. С. 78.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 32.
2. *Амелин Р.В.* Государственные и муниципальные информационные системы в российском информационном праве: теоретико-правовой анализ / под ред. С.Е. Чаннова. М., 2018. С. 99, 100.
3. *Амелин Р.В., Чаннов С.Е.* Автоматизированная информационная система как «источник права» // Информационное право. 2008. № 2. С. 23–26.
4. *Амелин Р.В., Чаннов С.Е.* Трансформация права под воздействием цифровых технологий: новые требования к подготовке юристов // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. «Экономика. Управление. Право». 2019. № 2. С. 200–203.
5. *Байтин М.И.* Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Саратов, 2001. С. 331.
6. *Барсуков А.Ю.* Циклический характер трансформации права и правовой системы общества: теоретико-методологические основания исследования // Lex Russia. 2019. № 7. С. 85–92.
7. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с франц. М., 2000. С. 181, 182, 199, 200, 202.
8. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998. С. 28, 38.
9. *Васильев А.М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 14, 43.
10. *Витушко В.А.* Эволюция права // Право и демократия: сб. науч. тр. Минск, 2013. Вып. 24 (2013). С. 47–68.
11. *Витушко В.А.* Эволюция юридических лиц и их роль в обществе // Актуальные проблемы гражданского права. 2014. № 1 (3). С. 75.
12. *Войниканис Е.А.* Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М., 2013.
13. *Воронов А.Ф.* Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М., 2007.
14. *Герасимова Н.П.* Генезис права // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 2. С. 82–85.
15. *Долина И.О.* О трансформации подходов к исследованию понятия «право» в отечественной теоре-

тико-правовой науке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 4. С. 109.

16. *Еремян Э.В.* Налоговая политика в процессе трансформации традиционной правовой системы Великобритании и Северной Ирландии // Право и политика. 2007. № 11.
17. *Захарова Л.И.* Lex mercatoria и lex sportiva: особенности, сходства и различия // Lex Russica. 2019. № 11. С. 78.
18. *Карцхия А.А.* Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2. С. 43.
19. *Костюков А.Н.* Новейшая эволюция муниципального права // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 12. С. 28.
20. Малый академический словарь. URL: https://gufo.me/dict/mas/%D1%8D%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F
21. *Маркова-Мурашова С.А., Мартынов В.Ф.* Правовая система: проблемные аспекты эволюции // История государства и права. 2007. № 8.
22. *Миронов В.В.* Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации // Вестник РАН. 2016. Т. 86. № 2. С. 99–107.
23. *Нефёдов С.И.* Влияние глобализации на эволюцию права // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2009. № 13. С. 77–80.
24. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2000–2001.
25. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
26. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678–7.
27. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Обзор Международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – Первые Бачиловские чтения // Государство и право. 2018. № 9. DOI: 10.31857/S013207690001525–9.
28. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б.* Форсайт-сессия «Информационная безопасность в XXI веке: вызовы и правовое регулирование» // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 194.
29. *Рид Э.* Эволюция шотландского права как смешанной правовой системы // Вестник гражданского права. 2015. № 4. С. 144–178.
30. *Саурин А.А.* Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26–31.
31. *Синюков В.Н.* Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex Russica. 2019. № 9 (154). С. 9–18.
32. *Скурко Е.В.* К вопросу об эволюционных закономерностях в истории и генезисе права // История государства и права. 2009. № 17. С. 35–41.
33. *Скурко Е.В.* Некоторые историко-философские аспекты генезиса права как элемента культуры // История государства и права. 2010. № 19. С. 44.
34. *Старженецкий В.В.* Международные суды и трансформация национальных правовых систем // Международное правосудие. 2013. № 3. С. 64–77.
35. *Танимов О.В.* Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы росс. права. 2020. Т. 15. № 2. С. 13, 14.
36. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2004. С. 178, 179, 183, 185.
37. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2003.
38. *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал росс. права. 2018. № 1. С. 85, 94–96.
39. *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Теория государства и права: учеб. М., 2017.
40. *Шишкин В.В.* Продолжение дискуссии о роли теории государства и права // История государства и права. 2014. № 8. С. 57.
41. *Lessig L.* The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach. P. 507, 508. URL: https://cyber.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf (дата обращения: 15.03.2020).
42. *Phillimore J.G.* Private Law among the Romans from the Pandects. London, 1863 (Reprinted by Adamant Media Corp., 2000). P. 16–18.
43. *Weimar R., Leidig G.* Evolution, Kultur und Rechtssystem: Beitrage zur new political ecology. Wien, 2002. S. 36.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* Law and legal system // Jurisprudence. 1980. No. 1. P. 32 (in Russ.).
2. *Amelin R.V.* State and municipal information systems in the Russian Information Iaw: theoretical and legal analysis / ed. by S.E. Channov. M., 2018. P. 99, 100 (in Russ.).
3. *Amelin R.V.*, *Channov S.E.* Automated information system as the “source of law” // Information Law. 2008. No. 2. P. 23–26 (in Russ.).

4. *Amelin R.V., Channov S.E.* Transformation of law under the influence of digital technologies: new requirements for the training of lawyers // Izvestiya Saratov un-t. New ser. "Economy. Management. Law. 2019. No. 2. P. 200–203 (in Russ.).

5. *Baitin M.I.* The essence of law. The modern normative legal understanding is on the verge of two centuries. Saratov, 2001. P. 331 (in Russ.).

6. *Barsukov A. Yu.* The cyclical nature of the transformation of law and the legal system of society: theoretical and methodological foundations of research // Lex Russia. 2019. No. 7. P. 85–92 (in Russ.).

7. *Berzhel Zh.-L.* General theory of law / under the general editorship of V.I. Danilenko; transl. from French. M., 2000. P. 181, 182, 199, 200, 202 (in Russ.).

8. *Berman G.J.* The Western Tradition of Law: The Era of Formation. 2nd ed. M., 1998. P. 28, 38 (in Russ.).

9. *Vasiliev A.M.* Legal categories: methodological aspects of the development of the system of categories of the theory of law. M., 1976. P. 14, 43 (in Russ.).

10. *Vitushko V.A.* Evolution of law // Law and democracy: collection of scientific works. Minsk, 2013. Issue 24 (2013). P. 47–68 (in Russ.).

11. *Vitushko V.A.* Evolution of legal entities and their role in society // Actual problems of Civil Law. 2014. No. 1 (3). P. 75 (in Russ.).

12. *Voynikanis E.A.* Intellectual property law in the digital age: the paradigm of balance and flexibility. M., 2013 (in Russ.).

13. *Voronov A.F.* Civil process: the evolution of dispositivity. M., 2007 (in Russ.).

14. *Gerasimova N.P.* Genesis of law // Herald of the Ural institute of economics, management and law. 2015. No. 2. P. 82–85 (in Russ.).

15. *Dolina I.O.* On the transformation of approaches to the study of the concept of "law" in the domestic theoretical and legal science // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. No. 4. P. 109 (in Russ.).

16. *Eremyan E.V.* Tax policy in the process of transformation of the traditional legal system of Great Britain and Northern Ireland // Law and politics. 2007. No. 11 (in Russ.).

17. *Zakharova L.I.* Lex mercatoria and lex sportiva: features, similarities and differences // Lex Russica. 2019. No. 11. P. 78 (in Russ.).

18. *Kartskhiya A.A.* Digital rights and law enforcement // Monitoring of law Enforcement. 2019. No. 2. P. 43 (in Russ.).

19. *Kostyukov A.N.* The newest evolution of Municipal Law // State power and local self-government. 2014. No. 12. P. 28 (in Russ.).

20. Small academic dictionary. URL: https://gufo.me/dict/mas/%D1%8D%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F (in Russ.)

21. *Markova-Murashova S.A., Martynov V.F.* The legal system: problematic aspects of evolution // History of the state and law. 2007. No. 8 (in Russ.).

22. *Mironov V.V.* Transformation of economics, Politics and law in the context of globalization // Vestnik of the RAS. 2016. Vol. 86. No. 2. P. 99–107 (in Russ.).

23. *Nefedov S.I.* Influence of globalization on the evolution of law // Herald of the Altai Academy of Economics and Law. 2009. No. 13. P. 77–80 (in Russ.).

24. The New Philosophical Encyclopedia: v 4 vols. M., 2000–2001 (in Russ.).

25. *Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu.* Explanatory dictionary of the Russian language. M., 1992 (in Russ.).

26. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* New vectors of Information law development in the conditions of the civilizational crisis and digital transformation // State and Law. 2020. No. 5. P. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7 (in Russ.).

27. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Review of the International scientific and practical conference "Information Space: ensuring information security and Law" – The First Bachilov Readings // State and Law. 2018. No. 9. DOI: 10.31857/S013207690001525-9 (in Russ.).

28. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B.* Foresight-session "Information security in the XXI century: challenges and legal regulation" // Proceedings of the ISL RAS. 2018. Vol. 13. No. 5. P. 194 (in Russ.).

29. *Reed E.* The evolution of Scottish law as a mixed legal system // Herald of Civil Law. 2015. No. 4. P. 144–178 (in Russ.).

30. *Saurin A.A.* Digitalization as a factor of transformation of law // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 8. P. 26–31 (in Russ.).

31. *Sinyukov V.N.* Digital law and problems of stage transformation of the Russian legal system // Lex Russica. 2019. No. 9 (154). P. 9–18 (in Russ.).

32. *Skurko E.V.* On the question of evolutionary patterns in the history and genesis of law // History of the state and law. 2009. No. 17. P. 35–41 (in Russ.).

33. *Skurko E.V.* Some historical and philosophical aspects of the genesis of law as an element of culture // History of the state and law. 2010. No. 19. P. 44 (in Russ.).

34. *Starzhenetskiy V.V.* International courts and the transformation of national legal systems // International justice. 2013. No. 3. P. 64–77 (in Russ.).

35. *Tanimov O.V.* Transformation of legal relations in the conditions of digitalization // Actual problems of Russ. law. 2020. Vol. 15. No. 2. P. 13, 14 (in Russ.).

36. Theory of state and law: course of lectures / ed. by N.I. Matuzov and A.V. Mal'ko. M., 2004. P. 178, 179, 183, 185 (in Russ.).

37. Theory of state and law: textbook for the faculty of law / ed. by A.S. Pigolkin. M., 2003 (in Russ.).

38. *Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N.* Law in the conditions of digital reality // Journal of Russian law. 2018. No. 1. P. 85, 94–96 (in Russ.).

39. *Tsechoev V.K., Shvanderova A.R.* Theory of State and law: textbook. M., 2017 (in Russ.).

40. *Shishkin V.V.* Continuation of the discussion on the role of the theory of state and law // History of the state and law. 2014. No. 8. P. 57 (in Russ.).

41. *Lessig L.* The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach. P. 507, 508. URL: https://cyber.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf (accessed: 15.03.2020).

42. *Phillimore J.G.* Private Law among the Romans from the Pandects. London, 1863 (Reprinted by Adamant Media Corp., 2000). P. 16–18.

43. *Weimar R., Leidig G.* Evolution, Kultur und Rechtssystem: Beitrage zur new political ecology. Wien, 2002. S. 36.

Сведения об авторе

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич –
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой служебного и трудового
права Поволжского института управления
им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС;
410031 г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25

Authors' information

CHANNOV Sergey E. –
Doctor of Law, Professor,
head of the Department of Service and Labor Law,
Stolypin Volga region institute of management –
RANEPA branch; 23/25 Sobornaya str.,
410031 Saratov, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 36–43
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 36–43

НОВОЕ ДОСТИЖЕНИЕ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО: академический курс: учебник: в 3 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. М.: Проспект, 2021. Т. I. – 256 с.; т. II. – 680 с.; т. III. – 512 с.

© 2021 г. С. Н. Бабурин

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: 1357343@mail.ru

Поступила в редакцию 11.01.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена анализу нового трехтомного академического курса конституционного права, выполненного под редакцией А.И. Казанника и А.Н. Костюкова. Положительно оцениваются исследование современного конституционного права России в контексте мирового конституционно-правового развития, новые грани в подходах к изучению статуса конституционно-правовых институтов. Полемично рассмотрены взгляды авторов на роль конституционного права в межгосударственной интеграции, в охвате различных культурно-исторических моделей конституционализма. Делается вывод о том, что академический курс стал приметным событием в отечественной науке конституционного права и может быть основой для совершенствования образовательной практики.

Ключевые слова: конституционное право, конституция, конституционно-правовые отношения, конституционно-правовой статус, суверенитет, предметы ведения, конституционализм.

Цитирование: *Бабурин С.Н.* Новое достижение российского конституционализма и конституционного права
Конституционное право: академический курс: учебник: в 3 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова // Государство и право. 2021. № 3. С. 36–43.

DOI: 10.31857/S102694520014029-2

A NEW ACHIEVEMENT OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM AND CONSTITUTIONAL LAW

CONSTITUTIONAL LAW: academic course: textbook: in 3 vols / ed. by A.I. Kazannik, A.N. Kostyukov. M.: Prospekt, 2021. Vol. I. – 256 pp.; vol. II. – 680 pp.; vol. III. – 512 pp.

© 2021 S. N. Baburin

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: 1357343@mail.ru

Received 11.01.2021

Abstract. The article is devoted to the analysis of the new three-volume academic course of Constitutional Law, edited by A.I. Kazannik and A.N. Kostyukov. The study of the modern Constitutional Law of Russia in the context of the world constitutional and legal development, new facets in the approaches to the study of the status of constitutional and legal institutions are positively evaluated. The authors' views on the role of Constitutional Law in interstate integration, in the coverage of various cultural and historical models of constitutionalism are polemically considered. It is concluded that the academic course has become a notable event in the domestic science of Constitutional Law and can be the basis for improving educational practice.

Key words: Constitutional law, constitution, constitutional-legal relations, constitutional-legal status, sovereignty, subjects of competence, constitutionalism.

For citation: *Baburin, S.N. (2021).* A new achievement of Russian constitutionalism and Constitutional Law Constitutional Law: academic course: textbook: in 3 vols / ed. by A.I. Kazannik, A.N. Kostyukov // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 36–43.

Развитие российского конституционализма в XXI в. в результате конституционной поправки 2020 г., предложенной к Конституции РФ Президентом РФ В.В. Путиным, вышло на иной, принципиально значимый уровень. Об этом свидетельствует и академический курс конституционного права под редакцией А.И. Казанника и А.Н. Костюкова, вышедший в 3 томах в издательстве «Проспект». Новое издание следует считать самостоятельным значимым событием в отечественной науке конституционного права.

Конституционное право в Российской Федерации давно сложилось как отрасль отечественного права, в которой предметом многих и хорошо себя зарекомендовавших курсов по конституционному праву являются наиболее фундаментальные общественные отношения, которыми характеризуются основы конституционного (общественного) строя Российского государства, сущность и формы власти народа, основы правового положения личности, государственное устройство, а также система и порядок формирования, принципы организации и механизм деятельности органов государственной власти и местного самоуправления[1]. Рассматриваемый нами Академический курс отличается универсализмом подхода и последовательным использованием методов сравнительного правоведения, когда в сопоставлении оцениваются как конституционно-правовые идеи, так и каждый конкретный правовой институт, все элементы механизмов конституционного регулирования и конституционного контроля. Создается возможность в широком контексте социального развития выявить общее и особенное в современном конституционализме, закономерности и случайности в конституционно-правовом регулировании. Это особенно важно в условиях нарастания угроз для всех национальных государств, вызванном новым глобальным переделом мира[2].

Заслуживает доверия и располагает уже само наполнение авторами новым знанием классической, традиционной структуры учебного курса: изложение материала идёт от обстоятельной характеристики науки конституционного права и её места в системе национальных отраслей права, от оценки конституционного права как учебной дисциплины и рассмотрения понятия и юридических свойств конституций современных государств, классификации конституций – к анализу статуса конкретных конституционных институтов и конституционных основ конкретных сфер публичной власти.

Авторы фундаментального коллективного труда, несмотря на его академический характер, рассматривают конституционное право прежде всего как основополагающую учебную дисциплину, представляющую собой систему научно разработанных теоретических и практических положений, раскрывающих содержание конституционного права как отрасли национального права, обязательную к изучению в юридических и иных вузах страны (т. I, с. 11). При этом обоснованно указывается, что в каждом государстве или группе государств предмет конституционного права имеет свои особенности, обусловленные историческими, национальными, экономическими и политическими причинами формирования и структурирования системы основополагающих общественных отношений (т. I, с. 27), что конституционный институт государства формируется с учетом исторических, национальных, экономических и политических особенностей страны (т. II, с. 385). Фактически авторы основывают свою работу на элементах цивилизационного подхода, что является важной характерной чертой и большим достоинством всего Академического курса.

[1] См.: *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учеб. курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. Т. 1. С. 22.

[2] См.: *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.

Заслуживает поддержки вытекающее именно из цивилизационного подхода структурное отделение конституционного права зарубежных государств, входивших ранее в состав Российской Империи и Советского Союза (Белоруссии, Украины и до Польши, Финляндии и государств Балтии), от конституционного права остальных зарубежных государств, которому специально посвящен отдельный, третий, том фундаментального учебника.

Для науки и практики важно, что конституционное право России рассматривается в контексте и сравнении с лучшими мировыми достижениями конституционно-правового развития. Впечатляет то, что столь серьёзный сравнительный обзор современного конституционного права выполнен уже с учетом поправок в Конституцию РФ, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. и вступивших в силу 4 июля 2020 г. Использованы новейшие федеральные и региональные законодательные и подзаконные акты, судебные решения. Особенно существенно это в разделах, затрагивающих высшие органы государственной власти Российской Федерации и взаимоотношения между ними. Не случайно главу «Конституционно-правовой статус главы государства» авторы начинают с анализа правового статуса монарха и правового статуса главы государства в республике (т. II, с. 426–435). Некритически воспринимая принцип разделения властей в современном государстве как данность, привнесенную в Россию в годы советской перестройки 1988–1991 гг. (т. II, с. 386–392), авторы опираются как на признание единства системы государственной власти (ч. 3 ст. 5 Конституции РФ), так и на признание её разделенной на законодательную, исполнительную и судебную, органы которых самостоятельны (ст. 10). Между тем такое механическое размежевание функций публичной власти было уместно лет 200 тому назад, уже в 1991–1993 гг. оно было данью политической конъюнктуре, далекой уже от достижений и западного, и советского конституционализма. Конституционная реформа 2020 г. усилила эфемерность означенной триады, что следовало бы осмыслить в Академическом курсе.

Вместе с тем в оцениваемой нами работе продуманны, логичны и обстоятельны авторские обзоры статусов главы государства, парламента, правительства, судебной власти в различных государствах и их конституционных регламентациях, пусть мы и находимся в стадии ещё только формирования реального парламентаризма как основного способа организации и функционирования представительной демократии[3]. Равно как интересен сравнительный анализ конституционно-правовых основ местного управления и самоуправления в странах с различными культурно-историческими традициями.

Авторы в своей оценке науки конституционного права обстоятельно, хотя и несколько отстраненно рассматривают её методологическую основу, начиная от позитивизма и роли нормативистской теории Г. Кельзена, социологическое, политическое и психологическое направления, добавляя к последним марксизм как отдельное направление, но не больше, и завершают свой обзор интегративной юриспруденцией и теологическим подходом. Справедливо отмечается, что теологический подход к познанию права имеет большое методологическое значение для развития науки конституционного права России, позволяя переосмыслить роль конституционных принципов светского государства и идеологического плюрализма, по-новому взглянуть на проблему соотношения прав и обязанностей граждан, объективно оценить социальный характер государства, внести научно обоснованные предложения по совершенствованию законодательства на основе нравственных начал (т. I, с. 185, 186). Однако указанный тезис остается в дальнейшем тексте учебника не реализованным, авторский подход далее строится преимущественно на позитивистской методологии.

Это проявляется прежде всего в том, что, рассматривая конституционное право как науку, авторы Академического курса традиционно понимают её лишь как систематизированное, объективное знание о нормах и институтах национальных отраслей конституционного права современных государств, об урегулированных ими общественных отношениях, о национальных отраслях конституционного законодательства, конституционно-правовой практике, теоретических концепциях, гипотезах и доктринах познания предмета науки, т.е. наука конституционного права изучает конституционно-правовые нормы и институты, обобщает и анализирует практику их реализации (т. I, с. 148).

Исследуя государство как целостный институт конституционного права, авторы оправданно строят свою работу на конституционном определении основных элементов государства: территории, населения, публичной власти (т. II, с. 379). При этом, раскрывая понимание государства как территориальную организацию политической системы общества, объединяющую население по административно-территориальному принципу, когда публичная власть осуществляется особым аппаратом, разветвлённой системой государственных органов, аргументация убедительно включает в себя оценку конституционных норм России и других стран, с особым выделением Белоруссии, Филиппин, Ливана, Китая. В качестве отправного начала

[3] См.: *Керимов А.Д.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2018. С. 118.

политико-территориальной организации Российской Федерации выделяется принцип федерализма, выражающий степень централизации и децентрализации в осуществлении государственной власти.

Обстоятельно и гармонично рассматриваются в работе вопросы суверенитета (т. II, с. 285–321). Оценивая государственный, народный и национальный суверенитеты, авторы характеризуют их динамическое соотношение с позиции культурно-исторических особенностей государств и народов. Представляется, однако, техническим недоразумением утверждение авторов, что в многонациональных демократических государствах сколько-нибудь существенных различий между государственным, народным и национальным суверенитетами просто нет (т. II, с. 318, 319). Из дальнейшего текста следует, что речь идет о мононациональных государствах. Государственная власть в таких случаях принадлежит народу, который по своему этническому составу является единой нацией, реализовавшей право на самоопределение в форме унитарного государства или территориальной федерации. Обоснованно утверждается, что такую власть следует характеризовать по её сущности как государственную, народную и национальную. Иное дело с соотношением суверенитетов в национально-территориальных федерациях, отличительная черта которых полиэтнический состав населения[4]. Авторы делают вывод о частичном пересечении в таких случаях государственного и национального суверенитета в процессе их реализации.

Спорной представляется позиция авторов, утверждающих, что нормами текущего законодательства в России в значительной степени ограничены народный и национальный суверенитеты, что превращает важнейшие принципы конституционного строя в юридические фикции (т. II, с. 320). Противостояние интересов крупнейших сырьедобывающих компаний интересам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на создание зон традиционного природопользования и сохранения исконной среды обитания, на которое ссылаются авторы, их вывода не подтверждает. Суверенитет не может быть ограничен, но он может иметь недостаточную правовую защиту, что требует конституционно-правового реагирования, прежде всего Конституционного Суда РФ. Как и деформации избирательной системы и избирательного (референдумного) права могут противоречить суверенитету народа, но не могут сделать его ограниченным. Самые разные деформации практически возможны, но они изначально неконституционны, их любые обоснования по необходимости ограничения суверенитета теоретически несостоятельны.

Характеризуя демократический правовой социальный характер многих современных государств, авторы обоснованно отмечают, что принцип правового государства, например, пока не нашел своего адекватного выражения в легальном определении, его характеристики представлены лишь в научной доктрине (т. II, с. 382). Авторские выводы сопровождаются убедительными примерами из конституционных норм ФРГ, Финляндии, Швейцарии, Российской Федерации. Конституционное закрепление социального характера государства иллюстрируется на примере Российской Федерации, Бельгии, Венгрии, Нидерландов, Турции, Индии.

Светский характер государства для авторов означает отделение церкви от государства и разграничение их сфер влияния в гражданском обществе, недопустимость признания какой-либо религии государственной или официальной, равенство всех религиозных объединений перед законом, идеологический нейтралитет государства как к религии, так и материализму. При этом, придерживаясь академического универсализма и объективности, указывается, что принцип светского государства не является всеобщим, он не признается на конституционном уровне в странах с клерикально-демократическим и теократическим режимами (т. II, с. 384). Светский характер государства не следует, однако, путать с секулярностью как выхолащиванием общества от религии, борьбой государства против религии. Светскость предполагает определенный режим взаимоотношений государства и религии, отделение государства и религиозных объединений друг от друга, их невмешательство в дела друг друга.

Представляется важным подчеркнуть, что общей чертой всех светских государств может быть названо то, что никакое светское государство не защищает религиозные догмы и не способствует распространению или отстаиванию атеистических или агностических убеждений. Светскость запрещает государству любой как религиозный, так и антирелигиозный подход. Следует согласиться с весьма жёстким, но реалистичным выводом авторов, что за более чем 25-летний период действия Конституции РФ в стране реальностью стало лишь светское государство, сложились благоприятные условия для пользования свободой совести и вероисповедания (т. II, с. 385).

[4] См.: *Малько А.В., Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю.* Федерализм в историко-государствоведческом измерении // Государство и право. 2018. № 12. С. 116–127; см. также: *Малько А.В., Кроткова Н.В., Саломатин А.Ю.* Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» по теме «Федерализм: эволюция и современное состояние» // Государство и право. 2016. № 12. С. 111–117.

Заслуживают всяческой поддержки многие авторские оценки конституционно-правовой реальности, например, настойчивое включение в конституционно-правовой оборот понятия личности, серьёзно разработанного советским государственным правом, но фактически утраченного в 1993 г. на высшем нормативном уровне. Если в советских конституциях 70-х годов имелся самостоятельный раздел «Государство и личность», что позволяло конституционно-правовой доктрине легально конструировать статус личности в конституционном праве, поскольку личность может так или иначе влиять на жизнь общества, государства и даже обязана думать об их интересах[5], то в ныне действующей Конституции РФ унаследована от прежних эпох лишь норма об уважении личности («Достоинство личности охраняется государством» – ст. 21). Впрочем, это не препятствует отечественной конституционно-правовой доктрине, выходя за рамки неолиберального понимания прав и свобод человека и гражданина, объявить понятия «человек» и «личность» почти тождественными и формировать конституционный статус личности, выявляя его параметры и элементы[6].

Авторы Академического курса идут тем же неформальным, но конструктивным путём. Они подчеркивают, что в отличие от человека личность характеризуется не только физическими и биологическими свойствами, но также социальными и духовными качествами, практическими навыками поведения и деятельности в основных сферах общественной жизни[7]. Понимают под личностью лишь такого человека, который смог реализовать в социальной среде свой природный дар мышления и речи, способность познавать и преобразовывать окружающий мир, создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда (т. II, с. 151, 152).

Авторы обоснованно конструируют конституционно-правовой статус личности как юридически закрепленное положение лица в обществе, наделенное государством правами, свободами и обязанностями, необходимыми и достаточными для проявления своих способностей и реализации практических навыков в гражданской, экономической, социальной и экологической сферах жизни общества без нарушения прав и свобод других лиц (т. II, с. 152). Отсюда и конституционно-правовой статус гражданина выводится как юридически закрепленное положение личности в государстве, обусловленное правовым состоянием гражданства (т. II, с. 153).

Однако такая позиция авторов Академического курса порождает и общий для современных учебных курсов методологический дефект, вырастающий из позитивистского подхода к конституционному праву: опираясь на ст. 2 Конституции РФ, ст. 1 Основного закона ФРГ, ст. 12 Конституции Казахстана, они указывают в качестве высшей ценности любого общества только человека, его права и свободы, в то время как каждая национальная система ценностей гораздо обширнее. Так, X Всемирный Русский Народный Собор ещё в 2006 г. указал, что в российском обществе существуют ценности не ниже прав и свобод человека: вера, святыни, Отечество, нравственность[8]. Представляется, что аналогичная ситуация и у других народов.

Интересны и социально значимы размышления авторов о праве человека на жизнь, включая дискуссионные проблемы определения момента начала человеческой жизни и проблемы допустимости эвтаназии. Следует согласиться с авторами, что законы об эвтаназии подрывают в самой основе конституционно-правовые гарантии права человека на жизнь, когда право на жизнь подменяется правом быть умершим, а смерть или небытие становятся ценностью, превалирующей над жизнью человека (т. II, с. 158), равно как и в том, что вряд ли следует считать серьёзным достижением демократической России отказ государства от правового регулирования отношений по выбору имени человека и предоставление беспредельного усмотрения по определению своей национальности. Практика современных переписей населения показала, что фактически создана ситуация, ставящая под сомнение честь и достоинство несовершеннолетних лиц. Без обращения к традиционным духовно-нравственным ценностям общества из сложившегося положения достойно не выйти.

К сожалению, даже при имеющем место фундаментальном подходе ко всем вопросам развивающегося конституционализма мало внимания уделено такому аспекту реформы Конституции РФ в 2020 г., как возвращение в её текст духовно-нравственных ценностей общества. Чисто в позитивистском ключе авторы излагают особенности конституционно-правового регулирования духовно-правовых отношений (т. II, с. 338–343), не заметив, что появление ст. 67.1 Конституции РФ по-новому форматирует систему духовно-нравственных ценностей российского общества, провозглашая в развитие принципов конституционной

[5] См.: *Авакьян С.А.* Указ. соч. С. 572.

[6] См.: там же. С. 572–575.

[7] См.: *Комарова В.В.* Социальное благополучие человека: конституционная ценность // Социальное благополучие человека: правовые параметры: сб. ст. / отв. ред. В.В. Комарова. М., 2019. С. 32–49.

[8] См.: Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора, 6 апреля 2006 г. // Сайт Патриархии РПЦ // http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html (дата обращения: 28.12.2020).

Преамбулы конституционным ориентиром не только признание исторически сложившегося государственного единства или объединение Российской Федерации тысячелетней историей, но и верность (сохранение) памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также саму преемственность в развитии Российского государства. В том числе, дезавуируя норму Соглашения о создании СНГ в части прекращения существования Союза ССР как субъекта международного права и геополитической реальности (преамбула Соглашения от 08.12.1991 г.), конституционно провозглашена правопреемственность Российской Федерации от Советского Союза, то, что Российская Федерация является правопродолжателем СССР в отношении членства в международных организациях и по ряду других вопросов. Тем самым впервые за более чем 25 лет обозначены традиционные ценностные приоритеты развития общества, те духовно-нравственные ориентиры, без которых исполнение многих иных конституционных норм теряет смысл.

Конечно, трудно не заметить определённую внутреннюю дисгармонию в тексте Конституции между новыми нормами и нормами гл. 1 Основного Закона, но если руководствоваться пониманием конституционной реформы, данным Конституционным Судом РФ перед общенародным голосованием, то противоречий нет, а есть конституционное развитие. Представляется, что все сомнения на этот счёт подлежат устранению в ходе дальнейшей конституционной реформы.

Верно подмечена авторами противоречивость конституционных норм и социальной реальности современного общества в вопросе о свободе труда (т. II, с. 182–190). Если в конституциях государств социалистической традиции (Китай, Вьетнам, Куба, Бангладеш) труд является правом, обязанностью и делом чести каждого трудоспособного гражданина, а в обществе реализуется принцип «от каждого по способностям, каждому по труду», то авторы явно лукавят, утверждая, что в Российской Федерации право на труд понимается (начиная с Конституции СССР 1936 г.) как «право на получение гарантированной работы с оплатой труда по его количеству и качеству» (т. II, с. 184). Конституция РФ 1993 г. принципиально изменила акценты, её ст. 37 начинается с провозглашения принципов: «1. Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. 2. Принудительный труд запрещён».

Таким образом, конституционно закреплено потребительское отношение личности к обществу. Боялись возвращения к норме Конституции РСФСР 1918 г. о том, что труд – обязанность всех граждан Республики, и лозунгу «Не трудящийся, да не ест!», а вошли в противоречие с фундаментальными традиционными духовно-нравственными ценностями человеческой цивилизации. «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»», – заповедовал Св. апостол Павел (2 Фес. 3:10). Этика труда есть важная составная часть Ислама и других религий. Не без логики авторами приводится пример с Конституцией Турции (ст. 18), по которой не считаются принудительным трудом работы, выполняемые в период отбывания срока заключения или нахождения под арестом, в условиях чрезвычайного положения, при использовании физического и интеллектуального труда для обязательного исполнения гражданского долга, предусмотренного законом.

Утверждая, что в странах с рыночной экономикой нет и быть не может юридического механизма реализации права на труд (т. II, с. 187), авторы предпочли уйти от вопроса, каким же образом следует делать это право реальным, прикрывшись примером из Конституции Республики Беларусь, где гражданам «гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, то есть право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда» (ст. 41).

Современная российская Конституция ответа не содержит, но с появлением конституционной нормы об обязанности для Российской Федерации обеспечивать социальное партнерство, экономическую, политическую и социальную солидарность (ст. 75.1) ответ на этот вопрос выходит в конституционно-правовой науке, да и вообще в обществоведении на первый план.

Следует отметить, что при широком охвате конституционно-правовых вопросов не все важные стороны современного конституционализма нашли своё отражение в рассматриваемом учебнике. Представляется необходимым включение в первый том академического учебника по конституционному праву специальной главы, посвященной интеграционному конституционализму как новому феномену современного государственно-правового развития. Духовно-нравственные и культурно-исторические традиции соответствующего общества придают конституционализму цивилизационную фундаментальность и мощь[9]. Современные геополитические вызовы, всемирный цивилизационный кризис заставляют государства искать

[9] См.: *Бабурин С.Н.* Интеграционный конституционализм. М., 2020. С. 124.

формы единения, выходящие за рамки международного права[10], в сфере международных отношений складываются формы межгосударственной интеграции, всё больше опирающиеся на конституционно-правовые подходы, формируется особого типа конституционализм, который уместно называть интеграционным.

Интеграционный конституционализм, означающий формирование новой государственной общности, а потому подлежащий включению в курс конституционного права, следует рассматривать как происходящий в условиях легитимности процесс трансформации национальных конституций, направленный на создание единого государственного образования – федерации или союзного государства[11]. И конечно, интеграционный конституционализм имеет свои правовые, политические и духовно-нравственные особенности, которые заслуживают анализа в Академическом курсе.

Рассмотрение основ конституционного права Великобритании, ФРГ, Италии, Франции, Японии, Индии, Китая, Бразилии и ЮАР само по себе представляет большой научный и учебный интерес. Однако существенным пробелом третьего, завершающего, раздела учебного курса, посвященного основам конституционного права зарубежных государств, является исключение из обзора особенностей конституционного права Соединённых Штатов Америки, всех иберо-американских государств, конституционного права исламских государств.

Особенно досадно отсутствие научного внимания к Исламской Республике Иран. Не потому лишь, что не дана оценка, как уже говорилось, конституциям государств исламского мира, но потому, что Конституция современного Ирана ярко выделяется и в конституционном праве исламских государств. Конституция Исламской Республики Иран на сегодняшний день является единственной в мире попыткой конституционного оформления нравственного государства, закрепления на высшем национальном уровне духовно-нравственных ценностей и механизмов их обеспечения[12].

Авторы обоснованно уделяют особое внимание вопросам регионализма в системе политико-территориального устройства Великобритании, особенностям конституционно-правового статуса субъектов федерации в ФРГ, а также политико-территориальной организации других рассматриваемых государств. С полным на то основанием рассматриваются конституционные особенности государств. Так, в главе об основах конституционного права Франции внимание читателя привлекают к закреплению в Конституции статуса вспомогательных органов государства, призванных выполнять консультативные и правоохранительные функции – экономического, социального и экологического совета, а также уполномоченного по правам человека, именуемого «защитник прав» (т. III, с. 259–261).

* * *

Трехтомный Академический курс конституционного права, подготовленный юристами Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, стал приметным событием в отечественной юридической науке, он может и должен быть основой для совершенствования образовательной практики. 2 июня 2019 г. не стало одного из его главных авторов и научных редакторов, видного российского учёного и государственного деятеля, государственного советника юстиции 1 класса, заслуженного юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. Алексея Ивановича Казанника[13]. Издание Академического курса конституционного права под редакцией А.И. Казанника и А.Н. Костюкова – яркое подтверждение весомого вклада в науку конституционного права и наше общее выражение уважения к памяти об этом выдающемся человеке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учеб. курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. Т. 1.
2. *Бабурин С.Н.* Значение Великой Иранской революции для современного мира: духовно-ценностное измерение конституционализма // Вестник МГОУ. Сер.: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 116–130. DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-116-130.
3. *Бабурин С.Н.* Интеграционный конституционализм. М., 2020.
4. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020.
5. Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора, 6 апреля 2006 г. // Сайт Патриархии

[10] См.: Интернационализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М., 2017.

[11] См.: *Бабурин С.Н.* Указ. соч. С. 129.

[12] См.: *Бабурин С.Н.* Значение Великой Иранской революции для современного мира: духовно-ценностное измерение конституционализма // Вестник МГОУ. Сер.: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 116–130. DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-116-130; *Его же.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. С. 101–114.

[13] В 1993–1994 гг. – Генеральный прокурор Российской Федерации.

РПЦ // http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html (дата обращения: 28.12.2020).

6. Интернациализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М., 2017.
7. *Керимов А.Д.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2018.
8. *Комарова В.В.* Социальное благополучие человека: конституционная ценность // Социальное благополучие человека: правовые параметры: сб. ст. / отв. ред. В.В. Комарова. М., 2019. С. 32–49.
9. Конституционное право: академ. курс: учеб.: в 3 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. М., 2021. Т. I. С. 11, 27, 148, 185, 186; т. II. С. 151–153, 158, 182–190, 285–321, 338–343, 379, 382, 384–392, 426–435; т. III. С. 259–261.
10. *Малько А.В., Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю.* Федерализм в историко-государствоведческом измерении // Государство и право. 2018. № 12. С. 116–127.
11. *Малько А.В., Кроткова Н.В., Саломатин А.Ю.* Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» по теме «Федерализм: эволюция и современное состояние» // Государство и право. 2016. № 12. С. 111–117.
12. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Constitutional Law of Russia: training course: textbook: in 2 vols. 5th ed., reprint. and additional. M., 2014. Vol. 1 (in Russ.).
2. *Baburin S.N.* The significance of the Great Iranian Revolution for the modern world: the spiritual and value dimension of constitutionalism // Herald of the MSRU. Ser.: Jurisprudence. 2019. No. 3. P. 116–130. DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-116-130 (in Russ.).
3. *Baburin S.N.* Integratsionny constitutionalizm. M., 2020 (in Russ.).
4. *Baburin S.N.* The moral state. Russian view on the values of constitutionalism. M., 2020 (in Russ.).
5. Declaration on the rights and dignity of the person's world Russian people's Council, April 6, 2006 // Website of the Patriarchate of the Russian Orthodox Church // http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html (accessed: 28.12.2020) (in Russ.).
6. Internationalization of Constitutional Law: current trends / ed. by N.V. Varlamova and T.A. Vasilyeva. M., 2017 (in Russ.).
7. *Kerimov A.D.* The state organization of social life: questions of theory. M., 2018 (in Russ.).
8. *Komarova V.V.* Social well-being: the constitutional value // Social well-being: legal parameters: collection of articles / ed. by V.V. Komarov. M., 2019. P. 32–49 (in Russ.).
9. Constitutional Law: academic course: textbook: in 3 vols / ed. by A.I. Kazannik, A.N. Kostyukov. M., 2021. Vol. I. P. 11, 27, 148, 185, 186; vol. II. P. 151–153, 158, 182–190, 285–321, 338–343, 379, 382, 384–392, 426–435; vol. III. P. 259–261 in Russ.).
10. *Mal'ko A.V., Gulyakov D.A., Salomatin A. Yu.* Federalism in historical and political dimension // State and Law. 2018. No. 12. P. 116–127 (in Russ.).
11. *Ma'lko A.V., Krotkova N.V., Salomatin A. Yu.* Review of the All-Russian scientific conference in the form of the "Round Table" of the journals "State and Law" and "Legal policy and legal life" on the topic "Federalism: evolution and current state" // State and Law. 2016. No. 12. P. 111–117 (in Russ.).
12. *Savenkov A.N.* State and law in the period of the crisis of modern civilization. M., 2020 (in Russ.).

Сведения об авторе

БАБУРИН Сергей Николаевич –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; профессор Московского университета им. С.Ю. Витте; 115432 г. Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1; профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; 644077 г. Омск, пр-т Мира, д. 55а

Authors' information

BABURIN Sergey N. –
Doctor of Law, Professor, the honored worker of science of the Russian Federation, the chief researcher, Scientific Director of the Center for integration and civilization studies of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Professor of Witte Moscow University; 12, building 1, 2nd Kozhukhovsky proezd, 115432 Moscow, Russia; Professor of Dostoyevsky Omsk state University; 55a Mira ave., 644077 Omsk, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 44–56
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 44–56

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕОДНОКРАТНОГО НАРУШЕНИЯ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ОРГАНИЗАЦИИ ЛИБО ПРОВЕДЕНИЯ СОБРАНИЯ, МИТИНГА, ДЕМОНСТРАЦИИ, ШЕСТВИЯ ИЛИ ПИКЕТИРОВАНИЯ

© 2021 г. О. В. Дамаскин[1, *], А. И. Воеводина[2, **]

[1]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва
[2]Преображенская межрайонная прокуратура г. Москвы

[*]E-mail: dov39@mail.ru
[**]E-mail: alexandravojevodina@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.11.2020 г.

Аннотация. В статье рассматривается уголовная ответственность за нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, криминологическое и социально-правовое обоснование криминализации данного деяния. Определены перспективы развития криминологической ситуации в данной сфере, сформулированы выводы, способствующие объективной криминологической и правовой оценке деяния и его профилактике.

Ключевые слова: публичные мероприятия, несанкционированный митинг, гражданская активность, протестный потенциал, экстремизм, конституционные права граждан, криминализация, криминологические детерминанты, правовая культура, гражданское общество, верховенство права, субкультура, социальные девиации, деструктивное поведение.

Цитирование: *Дамаскин О.В., Воеводина А.И.* Криминологические аспекты неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования // Государство и право. 2021. № 3. С. 44–56.

DOI: 10.31857/S102694520014032-6

CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF REPEATED VIOLATIONS OF THE ESTABLISHED PROCEDURE FOR ORGANIZING OR HOLDING AN ASSEMBLY, MEETING, DEMONSTRATION, PROCESSION OR PICKETING

© 2021 O. V. Damaskin[1, *], A. I. Voevodina[2, **]

[1]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[2] Preobrazhensky inter-district prosecutor of Moscow

[*]E-mail: dov39@mail.ru
[**]E-mail: alexandravojevodina@yandex.ru

Received 16.11.2020

Abstract. The article covers the problem of criminal liability for violations of the established procedure for organizing or holding a meeting, meeting, demonstration, procession or picketing, criminological and socio-legal justification for the criminalization of this act. The prospects for the development of the criminological situation in this area are determined, theoretical conclusions are formulated that contribute to a fair criminological and legal assessment of the act and its prevention.

Key words: public events, unauthorized rally, civic activity, protest potential, extremism, constitutional rights of citizens, criminalization, criminological determinants, legal culture, civil society, Rule of Law, subculture, social deviations, destructive behavior.

For citation: *Damaskin, O.V., Voevodina, A.I. (2021).* Criminological aspects of repeated violations of the established procedure for organizing or holding an assembly, meeting, demonstration, procession or picketing // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 44–56.

Обоснование проблемы

В условиях кризиса цивилизации, трансформации общества, государства и права актуализируется проблема защиты прав человека и общества, укрепления суверенитета государства, а также национальной безопасности[1].

Право на организацию собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований, а также право на участие в указанных публичных мероприятиях особым образом выделяется среди других прав человека и гражданина. Реализация данного права продолжает оставаться актуальной даже в контексте того, что достижения научно-технического прогресса развитие компьютерных и интернет-технологий, внедрение инноваций в повседневную жизнь граждан все сильнее вытесняют привычные формы межличностных и общественных коммуникаций.

Правовая наука не может игнорировать актуальные общественно-политические события, непосредственно связанные с различными формами проявления активности граждан и их объединений, которые оказывают влияние на развитие правовых институтов.

Значимость рассматриваемой проблематики выражается в том, что в уголовном законодательстве Российской Федерации сравнительно недавно впервые появилась норма, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. Введение в Уголовный кодекс РФ[2] ст. 212[1] происходило по конъюнктурным причинам, в условиях недостаточных криминологических разработок данной проблемы, ввиду чего усложняется исследование явления на фоне существующих правовых предпосылок наступления уголовной ответственности за совершение предусмотренного в указанной статье деяния.

Вместе с тем текущие мировые события демонстрируют общемировую тенденцию возрастания активности граждан и экстремистских проявлений в сфере проведения публичных мероприятий, вызывающая необходимость упорядочивания данного круга общественных отношений нормами права, в т.ч. путем установления уголовной ответственности за нарушения в данной сфере.

Актуализирует проблему и «новая нормальность», в которую погрузилось мировое сообщество в период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19), устанавливая ограничения для реализации права граждан на мирные собрания, которые невозможно уяснить в отрыве от исследования явления юридической ответственности за нарушения установленного порядка организации и проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований.

Ныне имеет место разрыв между ст. 31 Конституции РФ[3] и ее реализацией в рамках складывающихся общественных отношений.

Представляется, что в ст. 31 прослеживается недостаточность ее изложения. Данная статья провозглашает права, но при этом не указывает на обязанности, содержащиеся в нормах Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (в ред. от 02.05.2015 г.) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»[4], которые этим правам корреспондируют. Возможность ограничения данного права предусмотрена нормами международного пакта «О гражданских и политических правах»[5].

Проблематика взаимосвязи конституционных прав и обязанностей не раз поднималась в правовой доктрине. Так, например, Б.С. Эбзеев писал: «Что же касается обязанностей человека и гражданина – даже постановка такого вопроса многим представляется нонсенсом, зачастую объявленная неуместной, поскольку якобы не имеет под собой ни теоретических (в доктрине естественного права), ни практически-юридических (в конституциях и законодательных акций прошлого) оснований»[6], «обязанности человека вытекают из акта общественного бытия человека и в единстве с правами образуют ныне универсальный принцип демократической организации общественной жизни»[7].

[1] См.: *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 74.

[2] См.: СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

[3] См.: Росс. газ. 2020. 4 июля

[4] См.: СЗ РФ. 2004. № 25, ст. 2485.

[5] См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

[6] *Эбзеев Б.С.* Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 25.

[7] Там же. С. 31.

Представляется, что наличие специальной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации или проведения митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, является необходимым, поскольку ст. 212[1] УК РФ выступает в качестве фактора, сдерживающего деструктивное поведение граждан при организации и проведении публичных мероприятий, стимулирует правомерное поведение при реализации права, предусмотренного ст. 31 Конституции РФ, а также выступает в качестве установленного предела реализации данного права.

Криминологическое обоснование общественной опасности деяния

Захлестнувшие современный мир несанкционированные митинги, протестные настроения, связанные с проявлениями деструктивного поведения граждан и иными формами социальных девиаций, ставят под удар интересы национальной безопасности государства[8]. Вместе с тем и существующие, и вновь возникающие фоновые явления способствуют протестным настроениям, которые и приводят к нарушениям при организации и проведении публичных мероприятий. Так, например, согласно публикуемым Фондом Карнеги сведениям[9], по всему миру мотивация протестов сводится к экономической, политической и коррупционной мотивации. Общемировые индексы протестных настроений, приводимые Фондом Карнеги, отмечают резкое возрастание подобной активности. Научные изыскания социологов, проводимые опросы, также показывают, что общественное мнение сходится к тому, что для современного общества нарастание протестного потенциала является закономерным происходящим общественно-политическим и экономическим реалиям[10].

Особенности существования и распространения в социуме отдельных видов общественно опасных деяний, требующих внимания и вмешательства государства, в т.ч. путем введения новых мер, должны подлежать последовательному исследованию как на стадии криминализации конкретного деяния, так и последовательно в дальнейшем, в связи с тем, что преступность как явление исторически изменчиво. Рассматриваемое нами проявление нарушений в сфере организации либо проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований не абстрактно, оно проявляется в конкретном обществе в определенный период времени, находясь во взаимосвязи с системой процессов, происходящих в таком обществе.

Статистические сводки позволяют говорить о том, что произошел скачок и последовательный рост числа правонарушений (предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ[11]), связанных с нарушением порядка организации и проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, которые в силу особенностей состава преступления, предусмотренного ст. 212[1] УК РФ, предусматривающего административную преюдицию, являются точкой отсчета комплекса совершенных деяний для признания за таковыми качества преступления. Так, согласно данным судебной статистики, опубликованным на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ рассмотрено дел об административных правонарушениях по ст. 20.2 КоАП РФ в 2016 г. – 1460, в 2017 г. – 5102, в 2018 г. – 4497 и в 2019 г. – 4974[12].

Показательными являются оценки общественного мнения относительно митингов и других проявлений форм гражданской активности населения. Интересный опрос[13] относительно как вероятности проведения акций, так и личного участия в массовых акциях ради изменений к лучшему был проведен Левада-центром 21–27 ноября 2019 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1610 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах Российской Федерации. Исследование проводилось методом личного интервью. Согласно результатам опроса, готовность участвовать в уличных протестных акциях проявили всего 22% (против 77%) опрошенных. Данные опроса говорят о том, что большинство граждан не считают для себя приемлемым участие в протестных акциях и склонны к консервативным способам решения острых социальных проблем. Однако, с другой стороны, данные приведенного опроса свидетельствуют о том,

---

[8] См.: Основные понятия, связанные с национальной безопасностью государства и ее защитой, раскрываются в Указе Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (см.: СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II), ст. 212).

[9] См.: Глобальный трекер протестов Фонда Карнеги. URL: https://carnegieendowment.org/publications/interactive/protesttracker-?gclid=Cj0KCQjwlvT8BRDeARIsAACRFiVySaaTFilsMrx1UiPQzAzOOlTDQiuZ-xJTLkn2MB6CFQ-Qwkutv4AaAkaoEALw_wcB (дата обращения: 07.10.2020).

[10] См.: *Руденкин Д.В.* Протестные настроения российской молодежи через год после митингов 2017 г. // Социодинамика. 2019. № 2. С. 11.

[11] См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I), ст. 1.

[12] См.: Данные судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 20.10.2020).

[13] См.: Опрос Левада-центра о готовности россиян к различным действиям ради изменения ситуации в стране к лучшему. URL: https://www.levada.ru/2019/02/13/bolshinstvo-rossiyan-otkazalis-mitingovat-radi-izmenenij-k-luchshemu/ (дата обращения: 20.10.2020).

что в обществе существует относительно устойчивая группа населения, которая готова принимать участие в таких мероприятиях и их поддерживает. Приведенные сведения вместе с данными предыдущих опросов предшествующих лет указывают на то, что большинство опрошенных высказались против своего личного участия в проведении акций как с политическими требованиями, так и с требованиями, касающимися повышения уровня жизни.

Заслуживает также внимания опрос, проведенный Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ)[14] относительно протестных настроений среди россиян, проведенный 5 декабря 2019 г. В опросе принимают участие граждане в возрасте от 18 лет на основе телефонного интервью, согласно которому допускают проведение акций протеста 28% опрошенных – данный показатель вернулся к весенним значениям (в июне-августе 2019 г. доля данных ответов колебалась в пределах 30–31%). При этом личное участие допускают 24% опрошенных (пиковое значение в июне-июле 2019 г. составляло 27%). Приведенные сведения также говорят о том, что т.н. потенциал протеста в Российской Федерации остается стабильным.

Настроения и готовность принимать участия в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях протестного характера в дальнейшем будут рассматриваться как причины привлечения к административной и уголовной ответственности за совершение правонарушений и преступлений.

Экономическое состояние общества, политические процессы, другие социальные явления способствуют идущему нарастанию напряженности в современном государстве. «Безработица, этнические и миграционные проблемы, задержка выплат заработных плат сотрудникам, уровень заработных плат, пенсий, иных пособий, рост налогов, тарифов на услуги ЖКХ, сложившаяся экологическая обстановка на определенной территории, решения органов государственной власти – это те проблемы общественной жизни, которые чаще всего в практике вызывают организацию и проведение публичных мероприятий»[15] с целью, во-первых, указать на их значимость в социуме, во-вторых, сориентировать органы государственной власти быть более внимательными в принятии конкретных решений в данной сфере, в-третьих, выразить свое конкретное отношение к уже принятым решениям.

Предлагается проследить и выделить основные детерминанты преступности в рассматриваемой сфере.

В первую очередь необходимо выделить группу социально-экономических детерминант, занимающих центральное место и играющих первообразное значение для других групп, к которым следует отнести: нарастание состояния напряженности в обществе, миграционные процессы, последствия погружения глобального мира в пандемию коронавирусной инфекции (COVID-19), экономические кризисы, последствия стагнации в экономике, недоработки экономических преобразований, безработица как острое социальное явление, недостаточное уделение внимание проблемам защиты окружающей среды и др. В частности, говоря об отечественных реалиях, А.Н. Савенков отмечает, что «для современного российского общества характеры внутренние противоречия, разнообразие национального состава, взаимодействие разных жизненных укладов, сочетание инновационности с консерватизмом»[16].

В группе политических детерминант необходимо выделить: кризисные процессы, недоверие к электоральным процессам, происходящим в государстве, а также несогласие с их результатами (например, столь ярко проявляемое в Республике Беларусь по прошествии выборов Президента РБ в 2020 г.[17]), неспособность представителей политических сил, занимающих должности публичной власти, исполнять принятые на себя обязательства[18], распространение идеологии экстремизма, утрата авторитета государственной власти и правоохранительных органов. Желание участвовать в политической жизни государства приводит зачастую к нарушениям законодательства о порядке организации и проведения публичных мероприятий.

К правовым детерминантам относятся: наличие коллизий в нормах законодательства, существование пробелов в законодательстве, нестабильное состояние законодательства, постоянно пребывающее в стадии реформирования. Следует согласиться с точкой зрения о том, что «в современных условиях массив нормативного материала таков, что право стало отчужденным от человека, он не видит в нем помощи, даже скорее видит угрозу, а для права такое положение дел крайне

[14] См.: Протестные настроения россиян: мониторинг. URL: https://www.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10066 (дата обращения: 20.10.2020).

[15] *Солодов И.А.* Административно-правовое противодействие органов внутренних дел групповым нарушениям общественного порядка при проведении публичных мероприятий. М., 2011. С. 131; *Коркин А.В., Елфимова Е.В.* Пресечение сотрудниками полиции нарушений установленного порядка проведения массовых мероприятий: учеб. пособие. Екатеринбург, 2014. С. 12.

[16] *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 310.

[17] См.: История акций протеста в Белоруссии против результатов выборов президента. URL: https://tass.ru/info/9191791 (дата обращения: 20.10.2020).

[18] События «Евромайдана» (см., напр.: *Зорькин В.Д.* Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 62).

нежелательно, поскольку создает питательную почву для правового нигилизма»[19]. Действительно, справедливая правовая политика государства составляет гарантию выполнения им своих функций, а в частности, «уголовно-правовая политика государства проявляется, прежде всего, в оптимизации уголовных законов и их адекватном применении, в национальных интересах и безопасности законопослушного большинства граждан»[20]. В продолжение данной позиции отметим, что объективное право может и должно подлежать изменению, однако такие изменения должны быть последовательными и взвешенными, обоснованными не только актуальными потребностями, но и научным знанием, экспертными оценками, мнениями авторитетных ученых.

Морально-нравственные детерминанты заключаются в нарастании индивидуалистских настроений, отсутствии патриотического воспитания и идеалов, популяризации концепции разобщенности государства и личности, возрастании правового нигилизма (особенно среди молодежи), одобрении деструктивного поведения как информационного повода в целях привлечения внимания, падении интеллектуального уровня и снижении уровня культуры.

А.Н. Савенков, исследуя проблемы государства и права в период кризиса современной цивилизации, говорит о том, что «в современном поколении образовался социальный класс людей, которые совсем не следуют ценностям коллективизма, они разобщены и пропитаны индивидуализмом»[21]. Вместе с тем указанный класс людей привлекает к себе внимание[22], распространяет свою идеологию, зачастую граничащую с экстремистской посредством сети Интернет, современных средств коммуникации, оказывая воздействие таким образом на неопределенный круг лиц и усугубляя нравственную ситуацию в обществе.

По своей сущности, юридической природе публичные мероприятия, реализуемые в предусмотренных законодательством формах, должны обеспечивать мирный диалог гражданского общества и государства. Зачастую на практике ситуация выглядит противоположным образом, а проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований заключается в провокациях, противопоставлении государству, дестабилизации общества и приводит к общественно опасным последствиям.

Случаи девиантного поведения и протестного характера при организации и проведении публичных мероприятий не способствуют поддержанию их респектабельности, перенося их из плоскости реализации фундаментального права, гарантируемого в демократическом обществе, декларируемого международными правовыми актами и Конституцией РФ, в разряд криминальный. Значительной предпосылкой для подобных ситуаций является, на наш взгляд, кризис гражданского общества, сопровождающий практически все процессы, происходящие в социуме.

«Гиперболизация роли гражданского общества производит впечатление, что в будущем практически не будет государства, а могущественные негосударственные организации способствуют появлению нового, благонравного общественного порядка»[23]. Распространенное искаженное понимание сущности и форм проявления гражданской активности, осложнённое социальными противоречиями, превращается для государства в дестабилизирующий фактор.

Анализируя социально-правовые предпосылки введения состава преступления, предусмотренного ст. 212[1] УК РФ, нельзя не указать, что необходимость появления данного состава преступления в Уголовном кодексе РФ также вытекает и из положений Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685 (далее – Концепция), которая, будучи основополагающим документом стратегического планирования, определяющим государственную политику в сфере обеспечения общественной безопасности, а также основой для конструктивного взаимодействия в этой сфере сил обеспечения общественной безопасности и институтов гражданского общества, граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, в п. 4 провозглашает, что обеспечение общественной безопасности есть одно из приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности Российской Федерации. Под общественной безопасностью в концепции понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов,

[19] *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 8.

[20] *Дамаскин О.В.* Криминологические аспекты противодействия преступности: науч.-практ. пособие. М., 2017. С. 4.

[21] *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 361.

[22] Как следует из проведенного опроса ВЦИОМ относительно несогласованных акций, проведенных 29.07.2019 г. в Москве, осведомлены о них 83% москвичей, 53% – показатель осведомленности по России (см.: Выборы в Мосгордуму и акции протеста: общественная оценка. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9831 (дата обращения: 12.09.2020)).

[23] *Дамаскин О.В.* Криминологические аспекты детерминации современного экстремизма и терроризма. М., 2018. С. 14.

а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Одним из источников угрозы общественной безопасности в п. 11 данной Концепции указывается экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в государстве.

Особую озабоченность вызывает распространение экстремистских настроений среди молодежи. В п. 17 Концепции справедливо говорится, что незаконная миграция в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, в т.ч. из государств со сложной общественно-политической, экономической и санитарно-эпидемиологической обстановкой, способствует возникновению угроз общественной безопасности. Незаконное пребывание в Российской Федерации иностранных граждан и осуществление ими трудовой деятельности на территории государства зачастую ухудшают социальную обстановку в местах их пребывания, создают условия для формирования террористических организаций, политического и религиозного экстремизма, национализма.

Концепция указывает на неблагоприятные тенденции, которые наблюдаются во внутренней миграции, основным вектором которой остается переселение мигрантов с востока страны в центр, в т.ч. конкретно в Москву и в Московскую область, в результате чего не только усиливается дисбаланс в распределении населения по территории Российской Федерации, но и растет социальная напряженность в обществе, способствующая возникновению ксенофобии, национальной, расовой и религиозной розни, а также увеличивается количество этнических организованных преступных групп.

Говоря об обозначенных в Концепции угрозах, нельзя не заметить, что для отстаивания своих интересов и настроений данные организации, структуры и группы не прибегнут к проведению несанкционированных публичных мероприятий (подобные примеры имеют место в современных условиях в европейских государствах) вопреки требованиям законодательства, что неизбежно повлечет за собой негативные последствия.

Как следует из п. 8 опубликованного проекта поправок Стратегии противодействия экстремизму до 2025 года, разработанном МВД России, предлагается подход, согласно которому несанкционированные, а также протестные акции представляют собой наиболее опасные проявления экстремизма, не менее опасные, чем подготовка терактов[24]. В п. 11 указанного документа отмечается, что одним из основных способов дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации становится привлечение различных групп населения к участию в несогласованных публичных мероприятиях (в т.ч. протестных акциях), которые умышленно трансформируются в массовые беспорядки. При этом авторами проекта делается акцент на то, что доля преступлений экстремистского характера в общей статистике невысока, в силу успешного взятого курса на противодействие экстремизму. Проявления экстремизма создают угрозу безопасности государства, соответственно подобная ситуация не может не требовать реагирования. На наш взгляд, обоснованным являлось бы внесение соответствующих изменений не только в подзаконные нормативные правовые акты Президента РФ, но и в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[25].

Действительно, лица, привлекаемые к ответственности[26] по ст. 212[1] УК РФ, проявляют себя как сторонники крайних мер, осознавая общественную опасность и противоправность своих действий, организовывали и принимали участия в заведомо несанкционированных публичных мероприятиях, выражая свое явное неуважение к государству и обществу, органам государственной власти Российской Федерации, конституционно охраняемым ценностям, правовым нормам и нормам морали. В условиях не сдерживания протестно настроенных сил, организующих и проводящих собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования, создается благоприятная среда для развития в обществе экстремистских настроений. Усложняется ситуация тем, что, как правило, подобная идейная нагрузка выражается и реализуется группами граждан, маскирующими свою деятельность под легальные институты демократического правового государства.

Назрела насущная необходимость широкого рассмотрения проявлений экстремизма, с учетом

[24] См.: проект указа Президента РФ «О внесении изменений в Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденную Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 года № Пр-2753». URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=100622 (дата обращения: 22.07.2020).

[25] См.: СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

[26] Например, проведение пикетирования около памятника Г.К. Жукову в Москве в поддержку скандального французского журнала, собрание около СИЗО-1 УФСИН России по г. Москве в поддержку одного из лидеров украинской революции Н. Савченко В.И. Ионовым. Уголовное дело № 1-06/16 // Архив Преображенского районного суда г. Москвы.

тех методов противодействия, а также внимания, которое ему уделяется. Справедливо отмечается, что «экстремизм является одной из наиболее сложных социально-политических проблем современного общества, что связано с многообразием экстремистских проявлений, неоднородным составом организаций экстремистской направленности, которые оказывают дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в стране»[27]. Так, например О.Н. Писаренко рассматривает экстремизм как «особый вид противоречий, достигших такого уровня конфликтной напряженности, когда становится невозможным диалог, взаимопонимание, сотрудничество, когда инструментом решения возникающих проблем становятся методы давления»[28]. Подобными методами давления выступает в условиях современности и деятельность по проведению и организации незаконных публичных мероприятий, содержащая признаки экстремисткой деятельности.

События, происходящие в мире, свидетельствуют о том, что возрастание гражданской активности, а также нарушений при проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований сопровождают в т.ч. электоральные процессы, происходящие в государстве. Дестабилизация обстановки в такой значительный для государства период может быть фатальной, поэтому необходимо обеспечение законности при проведении публичных мероприятий, уточнение роли органов государственной власти, предупреждение утраты мирного характера акций.

Представляется, что актуальные события в мире и в Российской Федерации свидетельствуют о том, что нарушения в сфере организации и проведения публичных мероприятий можно и нужно рассматривать фактически как проявление экстремизма. «Современный экстремизм многогранен в своих формах, маскируется и прикрывается различными идеологическими и политическими доктринами»[29]. В ряде случаев маскировкой и прикрытием для экстремистских проявлений становится норма ст. 31 Конституции РФ. Основная цель, которую преследуют экстремисты, – это деструкция существующей общественно-политической ситуации, провокация конфликтов.

Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования максимально близко находятся с другими криминальными явлениями, в первую очередь по своим объективным признакам – с массовыми беспорядками[30], а также другими, в т.ч. признанными преступлениями экстремистской направленности. Состав преступления, предусмотренный ст. 212[1] УК РФ, действительно, в криминологическом смысле направлен на предупреждение наступления тяжких для государства и общества последствий.

Изученные материалы уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 212[1] УК РФ (как окончившиеся вынесением обвинительного приговора, так и прекращенные по предусмотренным законом основаниям), свидетельствуют о том, что, находясь на позиции непризнания своей вины, обвиняемые лица сами не осознают общественной опасности совершенных деяний, указывая, что действовали в соответствии со ст. 31 Конституции РФ, так же, как и не осознают существо предъявленного им обвинения, не отрицая при этом своего личного участия в самих мероприятиях, что демонстрирует уровень правового воспитания и правосознания указанных граждан, ведущий к злоупотреблению правом.

На наш взгляд, в современном обществе (как в Российской Федерации, так и в зарубежных государствах) назревает и пропагандируется «субкультура несанкционированного митинга» как подсистемы социальных девиаций, фундаментом которой являются «чуждые законопослушному гражданскому обществу ценности, нормы поведения и общения...»[31] как особое социальное явление. Сущность данной субкультуры состоит в том, что, «прикрываясь» правом на мирное собрание, поверхностно зная его содержание и значение, изыскивая общественно резонансный повод, проводятся акции, которые не соответствуют истинному смыслу права на мирные собрания, а направленность подобных акций носит негативный, граничащий с экстремистским характер, задачей которых стоит путем привлечения сторонников, дестабилизация ситуации в государстве и обществе. Во многом для сторонников подобного девиантного поведения данные действия рассматриваются как перфоманс, как шоу, которое их прославит. Осложняется ситуация привлечением внимания к себе и привлечением последователей посредством освещения в СМИ, сети Интернет, а также социальных сетях, что позволяет вовлекать в совершение правонарушений и преступлений неограниченный круг лиц, в т.ч.

[27] Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде (разработаны Минспорттуризмом России совместно с МВД России и ФСБ России) // Наша молодежь. 2011. № 6. С. 40, 41.

[28] *Писаренко О.Н.* Социальная природа экстремизма: дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2015. С. 76.

[29] *Дамаскин О.В.* Криминологические аспекты детерминации современного экстремизма и терроризма. С. 62.

[30] С протестных акций в т.ч. начинался «Евромайдан». Подробнее об истории вопроса см.: *Зорькин В.Д.* Указ. соч. С. 61.

[31] *Дамаскин О.В.* Преступность в XXI веке: проблемы и перспективы. М., 2020. С. 197.

несовершеннолетних, которые являются особенно внушаемыми и восприимчивыми к подобного рода воздействиям, посягая, таким образом, на их права, а также искажая ценностные идеалы.

Представляется, что существование состава преступления, предусмотренного ст. 212[1] УК РФ, находит свое обоснование в условиях современности. Недаром в современных исследованиях отмечается необходимость регулирования публичных мероприятий, в т.ч. методом уголовно-правового запрета «в целях недопущения использования публичных мероприятий в качестве инструмента дестабилизации обстановки, дезорганизации нормального функционирования органов государственной власти, попыток неконституционного прихода к власти («цветных революций) и насильственного изменения конституционного строя»[32].

Подводя итог, следует сказать, что рассмотрение явления нарушений в сфере организации и проведения публичных мероприятий в контексте системы деяний экстремистского характера, позволяет шире взглянуть на проблему, а также отвечает современным требованиям противодействия преступности, позволяет применять соответствующий инструментарий противодействия.

Исследование же «субкультуры несанкционированного митинга» как нового социального явления в системе правоотношений и правонарушений позволит сосредоточить внимание на определении идеалов и целей её последователей, способствовать предупреждению и противодействию проявлений девиантного поведения субъектам такой деятельности, в т.ч. поможет разработать методику правового воспитания в противовес антиконституционному пониманию публичных мероприятий.

В современных условиях и реалиях демократического общества, к сожалению, не всегда точки соприкосновения, по которым не находится согласие, приводят к конструктивному диалогу. В целях достижения идеалов правового государства и обеспечения принципа верховенства права необходимо совершенствование методов и средств укрепления законности и правопорядка на основе традиционных нравственно-правовых ценностей системы формирования правосознания граждан.

Криминологический прогноз трансформации деяния в новых условиях общественных отношений и профилактика его совершения

Происходящие процессы, затрагивающие все сферы жизни социума, в которые оказываются вовлеченными общество и государство, требуют оценки анализа с точки зрения необходимости предупреждения последствий, которые они могут повлечь.

Значимость оценки криминологической ситуации в данной сфере сложно переоценить. Игнорирование требований законодательства при проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований, деструктивное поведение граждан, нарастание настроений правового нигилизма составляют угрозу национальной безопасности государства. Несмотря на то что пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) притормозила проявления гражданской активности в обществе, вводимые в государствах меры по борьбе с нею породили благоприятную среду для протестов и реакции на них. Перенасыщение граждан интернет-контентом и СМИ, показатели доверия к которым меняются, способствует уличным протестам, демонстрациям как способу привлечь к себе внимание.

Показательной является негативная тенденция распространения идеологии протеста, с учетом влияния интернет-контента все более значительно охватывает молодежь Российской Федерации, что подтверждается сведениями о задержаниях в ходе несанкционированных митингов, так, например, из 500 задержанных в ходе митинга 26 марта 2017 г. 46 человек составили несовершеннолетние лица[33]. Результаты масштабного исследования, проведенного Центром экономических и политических реформ[34] относительно протестного потенциала среди молодежи (граждан Российской Федерации в возрасте от 14 до 30 лет), показывают следующее: при ответе на вопрос: «Если в ближайшее время там, где Вы живете, состоятся митинги, акции протеста против нынешней власти, то как Вы отреагируете?», – около 19% респондентов указали, что поддержат акцию и примут участие в ней лично, еще примерно 20% поддержат акцию, но не примут в ней личного участия. Не готовы поддержать такую акцию около 47% респондентов, еще 13.5% затруднились ответить. В совокупности почти 40% опрошенных выразили готовность поддержать протест против власти. Многие респонденты из числа тех, кто пока не готов лично принять участие в протестных акциях, говорят о том, что они могут присоединиться к протесту, если ухудшение ситуации в стране, урезание тех или иных свобод и возможностей коснется их непосредственно.

В определенных группах населения подобная мотивация протестно настроенного поведения

[32] *Красинский В.В.* Защита государственного суверенитета. М., 2017. С. 452.

[33] См.: В ходе несогласованной акции в Москве задержали свыше тысячи участников. URL: https://www.interfax.ru//moscow/55480 (дата обращения: 30.10.2020).

[34] См.: Молодежный протест: причины и потенциал. URL: http://cepr.su/wp-content/uploads/2017/05/pdf (дата обращения: 30.10.2020).

может сохраняться в силу своей актуальности неопределенное количество времени, что может приводить к нарастанию общественной опасности ситуации с нарушениями при организации и проведении публичных мероприятий. Данное обстоятельство не способствует разрешению криминогенной ситуации. Следует согласиться с утверждением о том, что «в ситуации, когда в обществе нет консенсуса по базовым решениям, когда законодательство так объемно.., это влечет тотальное отчуждение людей от правовой сферы»[35].

Нарастание социальной дезорганизации в новых условиях кризиса современной цивилизации акцентирует внимание на негативных проявлениях в социуме, поощряет их. Сдерживание подобных акций силами правоохранительных органов зачастую расценивается как посягательство на права человека, свободу собраний и свободу слова. Французский ученый-исследователь Сильвен Булук, изучая феномен подавления властями «желтых жилетов»[36], отмечает, что с развитием во времени протестные движения указанных лиц, изначально следуя единой цели, получают максимальную разобщенность. Таким образом, с одной стороны, можно говорить об угасании протестного потенциала, соответственно, с другой – нарастающие противоречия внутри социальной группы могут привести к новым конфликтам и продемонстрировать бесконтрольные массовые акты деструктивного поведения.

Преодоление кризисных явлений, находящих свое отражение в преступных проявлениях в обществе, требует комплексного подхода. В контексте кризиса современной цивилизации «необходим научный поиск возможностей формирования механизма преодоления крайностей индивидуалистического и коллективистского подходов, баланса интересов личности и общества, гарантирующего личность от произвола общества, а общество от анархизма личности»[37].

Изменение ситуации, на наш взгляд, невозможно вне укрепления законности и изменения к подходу авторитета государственной власти. Как отмечает В.Д. Зорькин, «адепты гражданского общества без берегов» говорят о необходимости наступления гражданского общества на государство»[38]. Современное состояние т.н. «гражданского общества», действительно, перестает способствовать диалогу, а приводит к разобщению.

В своем выступлении на заседании клуба «Валдай» Президент РФ указал: «Стоит вопрос: что такое сильное государство? В чем его сила? Разумеется, не в тотальном контроле или жесткости правоохранительных органов. Не в вытеснении частной инициативы или ущемлении гражданской активности. <...> и тем не менее убежден, что сила государства прежде всего в доверии к нему со стороны граждан. Вот в чем сила государства»[39].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, в частности, в сфере публичных мероприятий обеспечение баланса интересов граждан и государства представляет собой важнейшую задачу.

В современных условиях важную роль играет укрепление конституционной законности. В современной юридической литературе отмечается, что «конституционное государство и конституционная законность не должны допускать деятельности политизированных институтов гражданского общества, стремящихся изменить основы конституционного строя насильственным, неконституционным путем, деятельность таких институтов должна быть пресечена в жестком режиме в соответствии с российским законодательством»[40].

В целях уяснения специфики и определения проблем квалификации деяния неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия и пикетирования нами рассмотрены особенности некоторых смежных составов преступлений. На наш взгляд, опыт мировых протестов указывает на то, что преступление, предусмотренное в ст. 212[1] УК РФ, является первоочередным в реализации радикальных экстремистских настроений по дестабилизации общества, попытках насаждения экстремистской идеологии, анархических течений, свержения конституционного строя.

Проведенное анкетирование сотрудников правоохранительных органов позволяет сделать вывод о том, что количество совершаемых правонарушений рассматриваемой направленности в будущем будет увеличиваться. К такому выводу пришли 80% опрошенных лиц на основе как своего профессионального опыта, так и анализа в контексте современной мировой тенденции.

Так как одним из принципов уголовного права является принцип Nullum crimen sine lege,

[35] Преступность в XXI веке. Приоритетные направления взаимодействия / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2020. С. 23.

[36] Вернутся ли желтые жилеты вновь? URL: https://www.thelocal.fr/20200903/is-frances-yellow-vest-movement-really-on-its-way-back (дата обращения: 23.10.2020).

[37] См.: *Дамаскин О.В.* Преступность в XXI веке: проблемы и перспективы. С. 245.

[38] *Зорькин В.Д.* Указ. соч. С. 292.

[39] Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». Полный текст. URL: https://tass.ru/politika/9789887 (дата обращения: 23.10.2020).

[40] *Дамаскин О.В.* Криминологические аспекты детерминации современного экстремизма и терроризма. С. 78.

криминологическая ситуация во многом будет зависеть от того пути, по которому пойдет законодатель в сфере реформирования законодательства об ответственности за нарушения в сфере организации и проведения публичных мероприятий. Как справедливо отмечается, «эффективность борьбы с преступностью зависит от адекватного законодательства и по другим отраслям права»[41].

В условиях трансформации общественных отношений особое место необходимо уделять профилактике преступлений в данной сфере. Профилактика, предотвращение и другие термины можно встретить в правовой литературе в рамках многочисленных точек зрения, определяемые по-разному, однако корифеями науки криминологии они расцениваются как синонимичные понятию «предупреждение преступности»[42]. В данном исследовании нами уделяется внимание не предупреждению преступности вообще как явлению, а предупреждению совершения преступлений в сфере организации и проведения публичных мероприятий.

Криминализируя определенное деяние, государство в лице своих органов, решая при этом и общую задачу предупреждения преступности, являющуюся приоритетной, должно позаботиться о разработке системы мероприятий и методов, направленных на устранение и минимизацию способствующих совершению конкретного преступного деяния явлений.

По нашему мнению, предупреждение совершения преступлений в рассматриваемой в данном исследовании сфере усложняется за счет нахождения на стыке нескольких отраслей права и разного рода социальных явлений, в т.ч. и с учетом особенностей наличия административной преюдиции в составе преступления, предусмотренного ст. 212^1 УК РФ. Получается, что формально в основе предупреждения совершения таких преступлений лежит проблематика предупреждения совершения правонарушений в указанной сфере.

Как процесс и как целенаправленная деятельность, «специальное»[43] предупреждение преступности в сфере организации и проведения публичных мероприятий стоит в прямой зависимости от целого ряда факторов: особенностей состава преступления, закрепленного в ст. 212^1 УК РФ, характера самого явления публичных мероприятий, авторитета органов государственной власти и др.

Отличительной особенностью данного преступления является специально установленная в данном конкретном составе преступления неоднократность, наличие которой является превентивной мерой, указывающей на последствия, которые возникнут в случае повторения совершения противоправных действий. Усложняет предупреждение преступности в рассматриваемой сфере специфика лиц, совершающих правонарушения и преступления в сфере публичных мероприятий, которая заключается в желании публично высказать свои требования, протестные настроения вопреки установленному законом порядку.

На наш взгляд, само по себе присутствие представителей органов правопорядка в местах скопления людей и проведения публичных мероприятий не является предупреждением преступности. С учетом особенностей психотипа лиц, неоднократно нарушающих установленный порядок организации и проведения публичных мероприятий, это может спровоцировать больший объем правонарушений. Из анализа материалов уголовного дела в отношении В.И. Ионова[44] следует, что сотрудники полиции (допрошенные в качестве свидетелей по данному уголовному делу), находившиеся на месте проведения незаконного публичного мероприятия, не осведомлены надлежащим образом о нормах законодательства, посвященных публичным мероприятиям, что делает невозможным диалог между представителями власти и лицами, принимающими участие в публичных мероприятиях. Такой подход к делу недопустим, т.к. противоречит принципу профессионализма, ограничивает возможности правоохранительной системы по предупреждению преступлений данной категории.

Представляется, что органы исполнительной и законодательной власти субъектов Российской Федерации совместно с правоохранительными органами (главным образом органами прокуратуры, следственного комитета и полиции), должны действовать скоординировано. Согласованно вести оповещение о проведении легитимных публичных мероприятий, публиковать в средствах массовой информации решения по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, связанным с публичными мероприятиями, поощрять правомерное поведение граждан в данной области.

С учетом запроса общества на прозрачность деятельности правоохранительных и законодательных органов представляется необходимым широко

[41] Предупреждение организованной и коррупционной преступности средствами различных отраслей права: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 2–3 ноября 2000 г.), «круглого стола» (Москва, ИГП РАН, 17 мая 2001 г.), науч.-практ. конф. (Москва, ИГП РАН, 29–30 октября 2002 г.) / под ред. В.В. Лунеева. М., 2002. С. 36.

[42] Криминология: учеб. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 185.

[43] Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 453.

[44] См.: Уголовное дело № 1-06/16 // Архив Преображенского районного суда г. Москвы.

оповещать граждан о тех правах и способах их реализации, а также нормах о юридической ответственности, которые касаются организации и проведения публичных мероприятий, сокращая таким образом правовой нигилизм в обществе. Считаем, что в случае выявления незаконно проходящих или готовящихся публичных мероприятий правоохранительные органы должны своевременно информировать потенциальных участников, делать предостережения, тем самым непосредственно предупреждать правонарушения.

Основным принципом предупреждения преступности должен сохраняться принцип законности, заключающийся в т.ч. в невозможности необоснованного ограничения прав или законных интересов граждан.

Государству в лице своих органов, решая задачу по предупреждению преступления, предусмотренного ст. 212^1 УК РФ, также следует стимулировать организацию и проведение правомерных публичных мероприятий, например, публикуя о них информацию на официальных сайтах и в официальных изданиях органов власти.

Особое внимание должно уделяться профилактике совершения преступлений лицами, совершившими преступления, предусмотренные ст. 212^1 УК РФ, а равно и административные правонарушения в сфере публичных мероприятий в виде разъяснений, направленных на достижение авторитета законности и правопорядка. Работа с такими лицами представляется непростой, не стандартной, т.к. с криминологической точки зрения достаточно сложно вписать лицо, совершающее преступления, предусмотренные ст. 212^1 УК РФ, в существующие классификации мотивов преступного поведения. Анализируя уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 212^1 УК РФ, представляется, что модель преступного поведения близка к типу «игрового»[45], т.е. для лица, совершающего преступление, – это прежде всего азарт, возможность испытать острые ощущения. Несмотря на то что такой тип преступного поведения, как указывает Ю.М. Антонян, характерен для корыстных и насильственных преступников, следует отметить, что лица, привлекаемые к уголовной ответственности по ст. 212^1 УК РФ, нацелены на привлечение к себе внимания особым способом: хлесткие и циничные надписи на демонстрируемых средствах наглядной агитации, проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирований в заведомо запрещенных для таких мероприятий местах и т.д.

С нашей точки зрения, предупреждение совершения преступлений в сфере публичных мероприятий следует отнести и на более ранние стадии становления личности. Необходимо разработать общеобразовательный стандарт-программу, посвященную отдельно публичным мероприятиям, как сфере общественной жизни, включить ее в курс изучения дисциплины «Обществознание» в средних общеобразовательных учреждениях. На регулярной основе проводить встречи молодежи и учащихся с представителями органов исполнительной власти, отвечающих за взаимодействие с лицами, организующими публичные мероприятия, а также с сотрудниками правоохранительных органов, в ходе которых особое внимание уделять ответственности за нарушения в рассматриваемой сфере.

В.В. Лунеев связывает «снижение эффективности борьбы с преступностью с процессом криминализации все новых и новых видов общественно-опасного и нежелательного поведения»[46], что выражается в неготовности сотрудников правоохранительной системы сиюминутно приспособиться к новым уголовно-правовым реалиям и проявить себя во всеоружии.

* * *

Учитывая сложный межотраслевой характер рассматриваемого явления, а также динамичность законодательства, считаем необходимым адекватно совершенствовать уголовно-правовое регулирование рассматриваемого деяния на криминологической основе, проводить регулярные учебно-методические мероприятия для сотрудников правоохранительных органов, направленные на уяснение ими порядка осуществления своих полномочий при решении вопросов, связанных с правовой оценкой публичных мероприятий, повышением авторитета правоохранительных органов, в интересах обеспечения общественной и государственной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В ходе несогласованной акции в Москве задержали свыше тысячи участников. URL: https://www.interfax.ru//moscow/55480 (дата обращения: 30.10.2020).
2. Вернутся ли желтые жилеты вновь? URL: https://www.thelocal.fr/20200903/is-frances-yellow-vest-movement-really-on-its-way-back (дата обращения: 23.10.2020).
3. Выборы в Мосгордуму и акции протеста: общественная оценка. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9831 (дата обращения: 12.09.2020).

[45] Личность преступника и профилактика преступлений / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2017. С. 16.

[46] См.: *Лунеев В.В.* Эпоха глобализации и преступность. М., 2007. С. 172.

4. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». Полный текст. URL: https://tass.ru/politika/9789887 (дата обращения: 23.10.2020).

5. Глобальный трекер протестов Фонда Карнеги. URL: https://carnegieendowment.org/publications/interactive/protesttracker?gclid=Cj0KCQjwlvT8BRDeARIsAACRFiVySaaTFilsMrx1UiPQzAzOOlTDQiuZ-xJTLkn2MB6CFQ-Qwkutv4AaAkaoEALw_wcB (дата обращения: 07.10.2020).

6. *Дамаскин О.В.* Криминологические аспекты детерминации современного экстремизма и терроризма. М., 2018. С. 14, 62, 78.

7. *Дамаскин О.В.* Криминологические аспекты противодействия преступности: науч.-практ. пособие. М., 2017. С. 4.

8. *Дамаскин О.В.* Преступность в XXI веке: проблемы и перспективы. М., 2020. С. 197, 245.

9. *Зорькин В.Д.* Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 61, 62, 292.

10. История акций протеста в Белоруссии против результатов выборов президента. URL: https://tass.ru/info/9191791 (дата обращения: 20.10.2020).

11. *Коркин А.В., Елфимова Е.В.* Пресечение сотрудниками полиции нарушений установленного порядка проведения массовых мероприятий: учеб. пособие. Екатеринбург, 2014. С. 12.

12. *Красинский В.В.* Защита государственного суверенитета. М., 2017. С. 452.

13. Криминология: учеб. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 185.

14. Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 453.

15. Личность преступника и профилактика преступлений / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2017. С. 16.

16. *Лунеев В.В.* Эпоха глобализации и преступность. М., 2007. С. 172.

17. Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде (разработаны Минспорттуризмом России совместно с МВД России и ФСБ России) // Наша молодежь. 2011. № 6. С. 40, 41.

18. Молодежный протест: причины и потенциал. URL: http://cepr.su/wp-content/uploads/2017/05/pdf (дата обращения: 30.10.2020).

19. *Писаренко О.Н.* Социальная природа экстремизма: дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2015. С. 76.

20. Предупреждение организованной и коррупционной преступности средствами различных отраслей права: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 2–3 ноября 2000 г.), «круглого стола» (Москва, ИГП РАН, 17 мая 2001 г.), науч.-практ. конф. (Москва, ИГП РАН, 29–30 октября 2002 г.) / под ред. В.В. Лунеева. М., 2002. С. 36.

21. Преступность в XXI веке. Приоритетные направления взаимодействия / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2020. С. 23.

22. Протестные настроения россиян: мониторинг. URL: https://www.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10066 (дата обращения: 20.10.2020).

23. *Руденкин Д.В.* Протестные настроения российской молодежи через год после митингов 2017 г. // Социодинамика. 2019. № 2. С. 11.

24. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 8, 74, 310, 361.

25. *Солодов И.А.* Административно-правовое противодействие органов внутренних дел групповым нарушениям общественного порядка при проведении публичных мероприятий. М., 2011. С. 131.

26. *Эбзеев Б.С.* Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 25, 31.

REFERENCES

1. During an uncoordinated rally in Moscow, more than a thousand participants were detained. URL: https://www.interfax.ru//moscow/55480 (accessed: 30.10.2020) (in Russ.).

2. Will the yellow Vests return again? URL: https://www.thelocal.fr/20200903/is-frances-yellow-vest-movement-really-on-its-way-back (accessed: 23.10.2020) (in Russ.).

3. Moscow City Duma elections and protest actions: public assessment. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9831 (accessed: 12.09.2020) (in Russ.).

4. Vladimir Putin's speech at the meeting of the Valdai Club. Full text. URL: https://tass.ru/politika/9789887 (accessed: 23.10.2020) (in Russ.).

5. The Carnegie Endowment's Global Protest Tracker. URL: https://carnegieendowment.org/publications/interactive/protesttracker?gclid=Cj0KCQjwlvT8BRDeARIsAACRFiVySaaTFilsMrx1UiPQzAzOOlTDQiuZ-xJTLkn2MB6CFQ-Qwkutv4AaAkaoEALw_wcB (accessed 07.10.2020) (in Russ.).

6. *Damaskin O.V.* Criminological aspects of the determination of modern extremism and terrorism. M., 2018. P. 14, 62, 78 (in Russ.).

7. *Damaskin O.V.* Criminological aspects of combating crime: scientific and practical manual. M., 2017. P. 4 (in Russ.).

8. *Damaskin O.V.* Crime in the XXI century: problems and prospects. M., 2020. P. 197, 245 (in Russ.).

9. *Zorkin V.D.* Law against chaos. 2nd ed., rev. and expanded. M., 2018. P. 61, 62, 292 (in Russ.).
10. History of protest actions in Belarus against the results of the presidential election. URL: https://tass.ru/info/9191791 (accessed: 20.10.2020) (in Russ.).
11. *Korkin A.V., Elfimova E.V.* Suppression by police officers of violations of the established procedure for holding mass events: textbook. Yekaterinburg, 2014. P. 12 (in Russ.).
12. *Krasinsky V.V.* Protection of State sovereignty. M., 2017. P. 452 (in Russ.).
13. Criminology: textbook / ed. by N.F. Kuznetsova, V.V. Luneev. 2nd ed., reprint and additional. M., 2004. P. 185 (in Russ.).
14. Criminology: textbook for universities / under the general editorship of A.I. Dolgova. 3rd ed., reprint. and expanded. M., 2005. P. 453 (in Russ.).
15. The identity of the offender and crime prevention / ed. by Yu. M. Antonyan. M., 2017. P. 16 (in Russ.).
16. *Luneev V.V.* The era of globalization and crime. M., 2007. P. 172 (in Russ.).
17. Guidelines for the prevention and combating extremism in the youth environment (developed by the Ministry of sports of Russia together with the Russian interior Ministry and the FSB of Russia) // Our youth. 2011. No. 6. P. 40, 41 (in Russ.).
18. Youth protest: causes and potential. URL: http://cepr.su/wp-content/uploads/2017/05/pdf (accessed: 30.10.2020) (in Russ.).
19. *Pisarenko O.N.* The social nature of extremism: dis. ... cand. philos. sciences. Krasnodar, 2015. P. 76 (in Russ.).
20. The prevention of organised crime and corruption by means of various branches of law: proceedings of the International scientific-practical conf. (Moscow, 2–3 November 2000), "Round Table" (Moscow, ISL RAS, 17 May 2001), the scientific-practical conf. (Moscow, ISL RAS, 29–30 October 2002) / ed. by V.V. Luneev. M., 2002. P. 36 (in Russ.).
21. Crime in the twenty-first century. Priority directions of interaction / under the general editorship of A.N. Savenkov. M., 2020. P. 23 (in Russ.).
22. Protest moods of Russians: monitoring. URL: https://www.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10066 (accessed: 20.10.2020) (in Russ.).
23. *Rudenkin D.V.* Protest moods of Russian youth in a year after the rallies of 2017 // Sociodynamika. 2019. No. 2. P. 11 (in Russ.).
24. *Savenkov A.N.* State and law in the period of the crisis of modern civilization. M., 2020. P. 8, 74, 310, 361 (in Russ.).
25. *Solodov I.A.* Administrative and legal counteraction of internal affairs bodies to group violations of public order during public events. M., 2011. P. 131 (in Russ.).
26. *Ebzeev B.S.* Constitution, power and freedom in Russia: Experience of synthetic research. M., 2014. P. 25, 31 (in Russ.).

Сведения об авторах

ДАМАСКИН Олег Валерьевич –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВОЕВОДИНА Александра Игоревна –
помощник Преображенского межрайонного прокурора г. Москвы; 107076 г. Москва, ул. 9-я Рота, д. 8, стр. 2

Authors' information

DAMASKIN Oleg V. –
Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Criminal Law, criminal procedure and criminology sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VOEVODINA Alexandra I. –
assistant to the Preobrazhensky inter-district prosecutor of Moscow; 8, building 2, 9th Rota str., 107076 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 57–66
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 57–66

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ И ЭФФЕКТИВНОМ ПРИМЕНЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО И ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

© 2021 г. А.В. Куракин

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

E-mail: kurakinaleksey@gmail.com

Поступила в редакцию 11.07.2020 г.

Аннотация. Вопросы административного принуждения являются классическими для теории административного права, однако, несмотря на это, не перестают быть актуальными. Новые вызовы и угрозы, а также парадигма социального и экономического развития обусловливают необходимость пересмотреть устоявшиеся точки зрения относительного такого феномена, как «административное принуждение». Ключевым вопросом является проблема определения баланса сочетания частных и публичных компонентов при применении мер административного принуждения, а также определение тех критериев, которые не позволяют сделать данное принуждение чрезмерным. В статье обращается внимание на функциональность данного принуждения, выделяется его полицейский и управленческий аспект, а также исследуются вопросы эффективности реализации данного вида государственного принуждения.

Ключевые слова: принуждение, полиция, наказание, воздействие, права, предупреждение, пресечение, обеспечение, государство.

Цитирование: *Куракин А.В.* К вопросу о соотношении и эффективном применении административного и полицейского принуждения // Государство и право. 2021. № 3. С. 57–66.

DOI: 10.31857/S102694520014035-9

TO THE QUESTION OF THE CORRELATION AND EFFECTIVE USE OF ADMINISTRATIVE AND POLICE COERCION

© 2021 A. V. Kurakin

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

E-mail: kurakinaleksey@gmail.com

Received 11.07.2020

Abstract. Questions of administrative coercion are classic for the theory of administrative law, but, despite this, they do not cease to be relevant. New challenges and threats, as well as the paradigm of social and economic development, make it necessary to reconsider the established points of view regarding such a phenomenon as “administrative coercion”. The key issue is the problem of determining the balance between the combination of private and public components in the application of administrative enforcement measures, as well as determining the criteria that do not allow this enforcement to be excessive. The article draws attention to the functionality of this coercion, highlights its police and managerial aspects, and also examines the effectiveness of the implementation of this type of state coercion.

Key words: coercion, police, punishment, impact, rights, prevention, suppression, provision, state.

For citation: *Kurakin, A.V. (2021). T*o the question of the correlation and effective use of administrative and police coercion // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 57–66.

Актуальность предмета исследования

Проблемы социального и экономического развития не перестают быть актуальными. Ныне актуализировался вопрос относительно совершенствования форм и методов государственного управления. Наблюдается также тенденция формализации административно-правового регулирования. Следует отметить, что уклон на ужесточение административной политики весьма неоднозначно воспринимается российским обществом еще и потому, что такое ужесточение кардинальным образом не улучшает состояние правопорядка, а также практически не улучшает положение дел в области охраны и защиты прав и свобод граждан. Заметим, что определенная часть запретов и ограничений административного характера применяется не рационально, имеют место весьма определенные перегибы. Все это делает применение мер административного принуждения неэффективным средством обеспечения правопорядка. Непоследовательное использование мер административного принуждения в некоторых случаях ведет к необоснованно жесткому административному воздействию, сдерживает позитивную социальную инициативу, а также дестимулирует экономическое развитие. Функциональность применения ряда мер административного принуждения в определенной мере искажается, особенно ярко это заметно при применении административных наказаний.

Административная ответственность и административное наказание вместо охраны и защиты прав и свобод граждан, обеспечения правопорядка в различных сферах государственного управления и жизнедеятельности людей приобрели фискальную форму. Данная ситуация не может способствовать повышению применения мер административного принуждения.

Меры административного и полицейского принуждения

Государственное принуждение – атрибут государства, в этой связи оно исходит от государства и объективно необходимо обществу. С помощью государственного принуждения осуществляется обеспечение правопорядка, охрана и защита прав и свобод граждан. Государственное принуждение в своем структурном плане не однородно, особое место в содержании данного метода государственного регулирования и управления занимает административное принуждение. В этой связи рассмотрим сущность административного принуждения, а также определим его место и функциональность в правовом регулировании общественных отношений.

Следует отметить, что административное принуждение как институт административного права имеет давние традиции своего научного анализа. Теория обозначенного вида государственного принуждения начала формироваться в доктрине «полицейского права», поэтому административное принуждение по своей сущности выполняет полицейскую функцию, а именно принудительными средствами дает возможность уполномоченным субъектам осуществлять охрану и защиту прав и свобод граждан, обеспечивать правопорядок в самых различных сферах государственного управления, а также жизни и деятельности людей. Как писал Н.Н. Белявский, «заботясь об охране государственного порядка и общественного спокойствия, полицейские власти действуют в пределах предоставленных им полномочий»[1]. В этой связи подчеркнем, что к правовому принуждению, в какой бы форме оно не применялось, предъявляется ряд требований, которые делают его обоснованным и легитимным. А поэтому Д.Н. Бахрах верно заметил, что «принуждение как способ обеспечения правопорядка должно применяться строго на правовой основе, специально уполномоченными государственными органами и их должностными лицами, только к конкретным субъектам права, в связи с их неправомерными действиями путем принятия актов применения права»[2].

Исходя из этого, административное принуждение по своей функциональности занимает одно из ключевых мест в деле административного правового регулирования общественных отношений. В советский период шла определенная дискуссия относительно соотношения убеждения и принуждения как всеобщих методов воздействия на общественные отношения. С учетом некоторого «политического романтизма» делался вывод о том, что приоритетным методом воздействия на общественные отношения является убеждение, а принуждение, в т.ч. и реализуемое в таких административно-правовых формах, как институциональная категория, а также как средство воздействия на поведение людей, в скором времени утратит свою предметную функциональность. С точки зрения Л.Л. Попова, «использование разнообразных форм убеждения имеет решающее значение и в непосредственной борьбе с правонарушениями. Убеждение повышает уровень правосознания граждан, воспитывает уважение к законам и нетерпимость к их нарушению. Государство использует принуждение в целях искоренения остатков старого мира во всех сферах общественной жизни, в целях охраны собственности, общественного порядка, воспитания дисциплины

[1] *Белявский Н.Н.* Полицейское право (Административное право). Пг., 1915. С. 36.

[2] *Бахрах Д.Н.* Дисциплинарно-правовое принуждение в Российской Федерации // Государство и право. 2006. № 6. С. 43.

труда и организованности»[3]. Несколько идеологизированный подтекст цитируемой работы не означает, что она утратила свою научную актуальность и не может быть востребована ныне. Смена приоритетов социального и экономического развития, изменения политико-правовых реалий кардинально не поменяли функциональности убеждения в деле регулирования общественных отношений, также своей роли не утратили и регулирующие качества административного принуждения. Следует отметить, что государственное принуждение в целом и административное принуждение в частности – обязательные атрибуты правового регулирования. Однако принудительных, запретительных и ограничительных предписаний не должно быть слишком много, поскольку это формирует излишне жесткую государственную политику, сдерживает позитивную социальную инициативу, подавляет демократические устои государства, а также минимизирует развитие общественного договора. Как отмечал в свое время В.И. Гойман, «утверждение и господство права не может и не должно прокладывать себе путь через принуждение. Последнее, безусловно, сохраняет свое значение, однако в той мере, как этого требует реально складывающаяся социально-правовая среда. Попытки добиться решения, пусть даже самых острых социальных, национальных, политических, а также экономических проблем с помощью принуждения, не приемлемы для современного общества и в конечном итоге обречены на провал»[4].

Убеждение как метод правового воздействия проявляет себя в самых разнообразных формах. Так, Л.Л. Попов в содержание метода убеждения включает «воспитательную и организаторскую работу; критику антиобщественных поступков; распространение лучшего и передового опыта; развитие широкой системы поощрений»[5]. Следует отметить, что убеждение как средство воздействие разграничивается на два компонента, и как метод государственного управления, кроме того, оно может рассматриваться как правовое воздействие. На данные свойства «убеждения» обратила внимание М.Б. Разгильдиева: «Убеждение входит в арсенал средств и методов государственного управления, однако его не следует отождествлять с правовым убеждением, которое увязано с правовым воздействием»[6]. Примеры позитивного стимулирующего воздействия можно видеть в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. «О полиции»[7], в котором закреплено положение о том, что полиция вправе «поощрять граждан, оказавших помощь полиции в выполнении иных возложенных на нее обязанностей» (п. 34 ст. 13). Приведенная выше позиция заслуживает внимания, ибо можно говорить о позитивном воздействии на общественные отношения с помощью различных административно-правовых средств позитивного характера. Ценность позитивного воздействия состоит в том, что государство и общество тратит меньше усилий для обеспечения правопорядка, а также охрану и защиту прав и свобод граждан. В этой связи Н.Г. Гущина правильно отметила, что «значение поощрительных норм права сводится к тому, что посредством стимулирующего механизма их действия осуществляется достижение правомерного поведения средствами, исключающими государственно-властное принуждение»[8].

Как уже указывалось ранее, поощрение является составной частью убеждения, в поощрительных нормах закреплен стимулирующий и гуманистический потенциал, порой так необходимый в вопросах применения прямого административного принуждения. В КоАП РФ помещены нормы, касающиеся поощрения определенного поведения, а также предписания, направленные на смягчение административно-принудительного воздействия. В качестве примера таких предписаний можно привести: «Возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения» (ст. 2.9); «Замена административного наказания в виде административного штрафа предупреждением» (ст. 4.1.1) и др.

Поощрительный аспект действия норм КоАП РФ можно видеть при уплате административного штрафа лицом, привлеченным к административной ответственности за совершение некоторых административных правонарушений, предусмотренных гл. 12 Кодекса. Так, административный штраф, уплаченный не позднее 20 дней со дня вынесения постановления о его наложении, может быть уплачен в размере половины его суммы (ст. 32.2). В данном предписании можно отметить предупредительный или воспитательный подтекст. По А.Ф. Гранину, «воспитательный характер санкций правовых норм обычно подчеркивается указанием на их превентивное

[3] *Попов Л.Л.* Убеждение и принуждение. Организационно-воспитательные и административно-правовые средства охраны общественного порядка в деятельности советской милиции. М., 1968. С. 9.

[4] *Гойман В.И.* Правоохранительные средства в механизме действия права (инструментальный подход к анализу охранительного действия права) // Проблемы развития правоохранительных органов. М., 1994. С. 43.

[5] *Попов Л.Л.* Указ. соч. С. 9.

[6] *Разгильдиева М.Б.* Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства). М., 2012. С. 11.

[7] См.: СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 900.

[8] *Гущина Н.А.* Поощрительные нормы российского права. СПб., 2003. С. 262.

значение в борьбе с правонарушениями. Угроза наступления нежелательных последствий оказывает непосредственное влияние на внутреннее психическое состояние правонарушителя. Это является сдерживающим, предупредительным фактором в отношении неустойчивых граждан»[9]. В этой связи в качестве цели административного наказания необходимо определить также цель воспитания правонарушителя. Тем самым определяя, что «административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений и воспитание правонарушителя в духе соблюдения закона» (ст. 3.1).

Поощрительных административно-правовых средств в количественном плане значительно меньше, чем средств административного принуждения, однако вопрос не в количестве принудительных или поощрительных предписаний. Главная задача – добиться оптимального сочетания предписаний различной функциональности, а также их достаточности и юридической корректности в деле правового регулирования как частных, так и публичных интересов. Говоря о мерах административного принуждения в терминологическом аспекте, следует отметить, что данная категория, как правило, определяется через метод правового воздействия.

Подчеркнем, что метод административно-правового воздействия и метод административного принуждения – категории не тождественные, между ними можно увидеть диалектическую взаимосвязь целого и части. Метод административно-правового воздействия имеет различную функциональность. Метод административно-правового воздействия может иметь стимулирующее, организационное, а также принудительное содержание. В этой связи Д.В. Осинцев отметил, что «метод административно-правового воздействия – это определенная нормами административного права система влияния органов исполнительной власти на социальную среду при помощи дозволений, запретов, позитивных обязанностей, транслируемых ими в рамках установленных методик юридических средств, в целях реализации публичных функций»[10]. Из этого следует, что часть методов административно-правового воздействия обладает качествами принуждения. Поэтому вполне возможно определение административного принуждения через метод воздействия. Как полагает П.Н. Сафоненков, «административное принуждение является методом государственного управления, применяемое уполномоченными субъектами, принудительных мер административно-правового характера, направленное на выполнение юридических обязанностей лицами, совершившими противоправные деяния, или при возникновении обстоятельств, угрожающих охраняемых правовом общественных отношений»[11]. Оригинальную точку зрения высказал М.И. Жумагулов: «Административное принуждение заключается в применении закрепленных нормами административного права мер психического или физического воздействия в отношении граждан и организаций с целью обеспечения реализации функций государственного управления»[12].

Следует отметить, что потенциал физического и психического воздействия в деле обеспечения правопорядка не достаточен, в этой связи объективно необходимо использовать и правовое воздействие. На наш взгляд, функционально административное принуждение не решает задачи государственного управления, данное воздействие выполняет задачи его охраны, в этой связи более корректно можно говорить, что административное принуждение есть метод полицейского воздействия. Как верно заметил К.С. Бельский, «прямое административное принуждение можно назвать собственно полицейским принуждением. Прямое полицейское принуждение – это первичная полицейская реакция, вызванная одним из юридических фактов, имеющих значение с точки зрения охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности»[13].

Не погружаясь в длительную дискуссию относительно соотношения таких категорий, как «административное право» и «полицейское право», а также определения сущностных и терминологических различий «административного воздействия» и «полицейского воздействия», отметим, что между ними существуют близкая правовая связь, однако они решают разные задачи. Полицейское право – это универсальный феномен, позволяющий соединить административно-правовые средства различной функциональности. Исходя из этого, согласимся с К.С. Бельским, который подчеркнул, что «полицейское право как подотрасль административного права показывает отрасль в полном

[9] *Гранин А.Ф.* К вопросу о целях убеждения и принуждения в правоохранительной деятельности социалистического государства // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. Киев, 1972. С. 90.

[10] *Осинцев Д.В.* Система административного права: методология, наука, регламентация. М., 2014. С. 196.

[11] *Сафоненков П.Н.* Административное принуждение, применяемое таможенными органами. М., 2016. С. 16.

[12] *Жумагулов М.И.* О сущности и понятии административно-правового принуждения // Государство и право. 2006. № 10. С. 22.

[13] *Бельский К.С.* Полицейское право / под ред. А.В. Куракина. М., 2004. С. 621.

объеме, как имеющую две основные подсистемы – регулятивную и охранительную»[14]. По поводу анализируемого предмета О.И. Бекетов и А.Д. Майле также верно отметили, что «предмет полицейского права существенно обособлен и отличается от иных отношений, регулируемых административным правом. При этом в предмет полицейского права входит две крупные группы общественных отношений: контрольно-надзорные и административно-принудительные отношения»[15].

Однако нужно подчеркнуть, что в структуре контрольно-надзорных отношений и отношений административно-принудительного характера далеко не все так однозначно, в содержании обозначенных отношений имеется как классическая административно-правовая составляющая, так и полицейский аспект. В этой связи не случайно в научной литературе рассматривается соотношение таких категорий, как «административный надзор» и «полицейский надзор», однако при этом отмечается, что такое разделение носит искусственный характер. Как указал С.М. Зырянов, «представляется, что выделение из традиционных административно-надзорных правоотношений по искусственным признакам группы полицейских отношений не может быть продуктивным»[16]. Судя по положениям, которые С.М. Зырянов развивает в своей статье, он видит реанимацию идей полицейского права, можно сказать, определенную опасность, а также тенденции формирования полицейского государства. На основе анализа доктринальных положений прошлого этот же автор пишет, что «полицейское государство – это такое государство, в котором правительственная деятельность определяется не правовыми нормами, а соображениями целесообразности. В свою очередь, административное право возникает в правовом или конституционном государстве». Из этого следует, что полицейское государство – это государство не правовое и не демократическое. Однако каждое современное государство не может обойтись без полицейской функции и норм, обеспечивающих реализацию данной функции. Опыт развития «полицейских государств» дает возможность заключить, что государство постепенно переходит от «полицейского» к государству правовому. Как полагают К.С. Бельский, Б.П. Елисеев и И.И. Кучеров, «история двух последних столетий показывает, как в большинстве стран мира полицейское государство медленно, но неуклонно трансформировалось в правовое. При этом государство не утрачивало полицейских функций и определяло место полиции в системе государственной власти, как силы, непосредственно подчиненной закону и действующей в интересах всех граждан»[17].

По мнению К.С. Бельского, «полицейское государство в публицистической, исторической и историко-правовой литературе, прежде всего либерального направления, принято критиковать за самовластие, произвол, злоупотребление властью. Однако непредвзятый взгляд на полицейское государство, под которым, как правило, понимают абсолютную монархию XVII–XVIII вв., возникшую в Западной Европе и России, показывает, что без функционирования такого государства на определенном историческом этапе так называемое правовое государство не могло бы состояться. Полицейское государство за период свое существования подготовило правовую базу для правового государства»[18].

Обратим внимание, что в полицейском государстве с помощью легализованных законом полицейских (административных) средств (разрешительной системы, контрольно-надзорной деятельности и др.) формируется необходимый уровень правопорядка, режим защиты и охраны прав и свобод граждан, с помощью правовых средств государство добивается необходимого уровня дисциплины от каждого человека и должностного лица. Полицейское государство в таком качестве можно рассматривать как государство законности и дисциплины, без которых невозможно формирование государства правового, социального и демократического. Как полагает К.С. Бельский, «полицейская функция государства реализуется через те органы государственной власти, которые осуществляет легализованное государственное принуждение»[19].

Возвращаясь к характеристике административного принуждения как средства полицейского воздействия, обратим внимание на то, как оно раскрывается в доктринальном плане. Как указывает П.И. Кононов, «административное принуждение является одним из способов обеспечения исполнения правовых норм и применяется в том случае, когда предписания, содержащиеся в этих нормах, не исполняются участниками правоотношений

[14] *Бельский К.С.* О системе административного права // Государство и право. 1998. № 3. С. 5.

[15] *Бекетов О.И., Майле А.Д.* О предмете полицейского права // Актуальные проблемы полицейского права. Омск, 2015. С. 3.

[16] *Зырянов С.М.* Административный надзор полиции и полицейский надзор: соотношение правовых категорий // Журнал росс. права. 2012. № 2. С. 46.

[17] *Бельский К.С., Елисеев Б.П., Кучеров И.И.* Полицейское право как подотрасль административного права // Государство и право. 2001. № 12. С. 45.

[18] *Бельский К.С.* Полиция и правовое государство // Полицейское право. 2005. № 1. С. 96.

[19] *Бельский К.С.* Полицейское право / под ред. А.В. Куракина. С. 25.

добровольно»[20]. В таком понимании прослеживается в целом традиционный подход к функциональному аспекту административного принуждения «заставить» выполнить предписание правовой нормы под угрозой применения наказания или иной меры правового принудительного воздействия. Эта функциональность административного принуждения хорошо отработана в действующем законодательстве (ст. 20.25 КоАП РФ). Подобный подход в плане повышения эффективности исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях выглядит вполне оправдано. Установление соответствующей ответственности дисциплинирует людей и хозяйствующих субъектов при исполнении постановления, например, касающегося уплаты административного штрафа или исполнения иных административных наказаний. Тем не менее, как представляется, общую тенденцию ужесточения административной политики поддержать нельзя, необоснованное администрирование общественных процессов, системное увеличение сумм административных штрафов, уровень правопорядка принципиально не улучшили. В этой связи считаем возможным согласиться с А.И. Смоляковым: «В настоящее время ужесточение административных санкций осуществляется без учета действующей системы наказаний. Это приводит к нарушению принципа соответствия вида и размера административного наказания социальной значимости охраняемых отношений, а также степени общественной опасности противоправного действия, что снижает эффективность их действия»[21].

Исходя из складывающейся ситуации, функционально административное принуждение выполняет преимущественно задачу обеспечения правопорядка принудительными средствами, что значительно упрощает работу государства в этом направлении. Необходимо расширить предмет действия административного принуждения и внедрять в его содержание средства стимулирующего и поощрительного характера. Это позволит повысить эффективность применения соответствующих административно-правовых средств, а также несколько смягчить административную политику государства.

Эффективность государственного управления

Ключевым вопросом государственного управления в Российской Федерации, а также правового регулирования является эффективность действия правовых норм, а также достижение необходимых целей имеющимися силами и средствами. Данный тезис имеет непосредственное отношение и к вопросам применения мер административного принуждения, которые занимают одно из главных мест в деле обеспечения правопорядка, а также защиты и охране прав и свобод граждан. Ныне можно наблюдать интенсивное развитие административно-правовых средств ограничительного и запретительного характера. Вместе с развитием обозначенных правовых средств получают свое содержательное формирование и средства административного принуждения, одна из форм данного принуждения – меры административной ответственности. Административная ответственность как средство обеспечения правопорядка играет важную роль в охране общественных отношений, однако очевидна тенденция в смещении акцентов рассматриваемого вида ответственности, а именно ее постепенное превращение в механизм сбора денег как с физических, так и с юридических лиц. Складывающаяся тенденция является сдерживающим фактором социального и экономического развития, кроме того, она понижает правоохранительный потенциал мер административного принуждения, порождает недоверие общества к функциональности правоохранительной системы, а также к государственному администрированию. В этой связи необходимо определить узловые аспекты, касающиеся эффективности административного принуждения.

С общих позиций эффективность можно рассматривать как достижение максимального результата при минимальных затратах сил, средств и времени. Эффективность как институциональная категория хорошо разработана в экономической науке, в этой связи экономический инструментарий можно использовать при анализе эффективности действия нормы права, но с определенными оговорками. В деле определения эффективности действия правовой нормы задействована разнообразная методология социологии, математики, экономики и др. Как отметил В.А. Козлов, «социальная эффективность включает в качестве своих составных компонентов экономичность действия нормы, социальную полезность ее результата, моральность, а также оптимальность избираемых правовых средств»[22].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эффективность правового регулирования зависит от самых различных факторов, при этом правовая составляющая в этом механизме играет далеко не ключевую роль. Можно согласиться

[20] *Кононов П.И.* Законодательство об административном принуждении: проблемы кодификации // Журнал росс. права. 1998. № 8. С. 26.

[21] *Смоляков А.И.* Административно-правовое принуждение и поощрение в системе государственно-правовых методов обеспечения безопасности дорожного движения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2014. С. 5.

[22] *Козлов В.А.* Вопросы теории эффективности правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1972. С. 8.

с Н.Н. Цукановым в том, что «попытки обеспечить эффективность применения мер административного принуждения только путем совершенствования действующего законодательства не дают желаемого эффекта, поскольку само по себе качество закона не гарантирует эффективности его практического применения»[23].

В научной литературе эффективность правового регулирования увязывается с достижением поставленной цели. Такой подход в целом верен, однако с учетом вышеизложенного он требует некоторого уточнения. Так, С.М. Скворцов, говоря о цели применения правовой нормы, регламентирующей порядок применения административного наказания, «разделяет ее на внутреннюю цель и внешнюю цель. Отмечая при этом, что внутренняя цель имеет обеспечительный характер»[24]. В системе средств повышения эффективности действия правовой нормы, ключевым моментом является юридическое качество нормативного правового акта. Юридическое качество официального документа достигается с помощью его должной предварительной и последующей юридической оценки. Как указывает Е.В. Журкина, «правовая экспертиза может повысить качество нормативного правового акта, а также сделать его действие более эффективным»[25]. Одним из видов юридической экспертизы нормативного правового акта является его антикоррупционная экспертиза. Как следует из Федерального закона от 17 июля 2009 г. «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»[26], данная экспертиза проводится в целях выявления в нормативных правовых актах коррупциогенных факторов и их последующего устранения (ст. 1).

Отметим, что при применении административного принуждения имеются риски для коррупционных злоупотреблений, что понижает эффективность его действия. Обозначенная экспертиза может помочь их выявить, а в последующем и устранить их, тем самым повысить эффективность действия норм права, определяющих порядок применения рассматриваемого принуждения. Конечно, нужно заметить, что в деле применения мер административного принуждения необходима определенная свобода, это помогает осуществлять правовое воздействие максимально дифференцированно, а также исходя из складывающихся обстоятельств. Такой подход только повышает эффективность регулирующего и охранительного воздействия административного принуждения. В этой связи правильно, что в КоАП РФ предусматривается возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения (ст. 2.9).

Таким образом, малозначительность административного правонарушения оценивается исходя из субъективных и объективных критериев, которые не всегда нормативно определены. А поэтому оценка административного правонарушения как малозначительного деяния осуществляется непосредственно субъектом применения данной нормы. По мнению А.Б. Панова, «малозначительность – это новый, сложный институт административной ответственности, определение которого вообще отсутствует в статьях КоАП». Он предлагает малозначительность административного правонарушения определить как деяние, формально «содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений и определяется, исходя из конкретных обстоятельств совершения правонарушения»[27]. Следует также отметить, что правильная оценка совершенного противоправного деяния позволяет дифференцированно подойти к выбору соответствующей меры административного принуждения и тем самым эффективно осуществить охранительное воздействие. В этой связи эффективность применения мер административного принуждения зависит от юридической подготовленности субъекта применения нормы права, а также от целого ряда организационных и технических возможностей.

Эффективность действия норм, определяющих порядок применения мер административного принуждения зависит от исключения тех из них, которые не отвечают новым политико-правовым, экономическим и социальным реалиям. Как верно указал А.П. Коренев, «задачей административного права является закрепление наиболее целесообразных отношений, а также вытеснение тех из них, которые не отвечают современным реалиям»[28]. Нормы, определяющие порядок применения административного принуждения, должны пересматриваться, должны меняться и приоритеты в деле реализации данного вида государственного принуждения. Следует отметить, что эффективно то правовое регулирование,

---

[23] *Цуканов Н.Н.* Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого в органах внутренних дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 3.

[24] *Скворцов С.М.* Принципы наложение административных взысканий и их реализация в деятельности органов внутренних дел. М., 1984. С. 51.

[25] *Журкина Е.В.* Правовая экспертиза нормативного правового акта как средство повышения эффективности законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 11.

[26] См.: СЗ РФ. 2009. № 29, ст. 3609.

[27] *Панов А.Б.* О малозначительности административных правонарушений // Государство и право. 2014. № 3. С. 17, 23.

[28] *Коренев А.П.* Административное право России. М., 2000. Ч. I. С. 3.

в котором превалируют стимулирующие и позитивные предписания, поэтому необходимо освобождение от необоснованных запретительных, ограничительных, а также принудительных предписаний. Как верно подчеркнул А.П. Шергин, «необходимо пересмотреть все административно-правовые запреты, а также исключить необоснованное вторжение административной репрессии в сферу охраняемых прав, существенно сократить мелочные ограничения, запреты, которыми ныне опутан гражданин»[29]. Минимизация необоснованных запретов и ограничений повлечет за собой сокращение действия мер административно-принудительного характера, которые обеспечивают соблюдения соответствующих ограничительных предписаний. Конечно, следует признать, что объективную необходимость закрепления правовых запретов в законодательстве об административных правонарушениях. По мнению Ю.И. Попугаева, «в законодательстве об административных правонарушениях превалирует административно-деликтный запрет»[30].

Говоря об эффективности применения мер административного принуждения в институциональном аспекте, необходимо сказать, что данная категория рассматривается в нескольких ракурсах. Как полагает А.В. Малько, «термин эффективность означает свойство чего-либо, приводящее к нужным результатам. Эффективность есть то, как реализуется социальная ценность права. Кроме того, эффективность действия нормы права отвечает на вопрос, на сколько удовлетворены частные и публичные интересы, а также насколько социально востребованы правовые стимулы и ограничения»[31]. Достаточно часто эффективность применения правовой нормы увязывают с достижением поставленной цели. Таким образом, делается вывод о том, что достижение социально оправданной цели предопределяет эффективность действия правовой нормы. В этой связи следует согласиться с А.С. Пашковым и Л.С. Явичем в том, что «норма права социально эффективна, если она соответствует объективным потребностям прогрессивного развития, предусматривает оптимальный вариант поведения, требуемого для достижения обоснованной цели, и реально обеспечивает наступление фактического результата, соответствующего этой цели»[32]. В чем-то аналогичное суждение в свое время сформулировал Е.Л. Бонк: «Степень социальной эффективности нормы права характеризуется общественной полезностью ее цели, затратами на ее достижение, а также мерой приближенности фактически достигнутого результата к намеченной законодателем цели»[33].

Административное принуждение дифференцировано и разнообразно. Исходя из этого, можно говорить о том, что перед «институтом административного принуждения» стоит общая цель охраны и защиты различных социальных ценностей, а достижение данной цели осуществляется регулирующими и охранительными свойствами соответствующих мер административно-принудительного воздействия, которые наполняют обозначенный правовой институт.

Обратим внимание на то, что в правоохранительном механизме государства присутствуют не только меры административного принуждения, данные меры взаимосвязаны с иными правоохранительными средствами, а именно уголовно-правового, гражданско-правового, финансово-правового характера и др. А поэтому эффективность реализации административно-принудительных средств в определенной мере зависит от эффективности действия правовых средств иной отраслевой принадлежности.

В системе административного принуждения наиболее последовательно проанализирована эффективность применения административных наказаний. Как полагает И.И. Веремеенко, «эффективность санкции нормы административного права определяется через соотношение результата, достигнутого воздействием этой санкции, с ее целью»[34]. Такая позиция в общем-то носит традиционный характер. Как отметила О.С. Рогачева, эффективность норм административно-деликтного права зависит от следующих условий: «государственной политики в сфере противодействия административным правонарушениям; качества законов об административных правонарушениях; правоприменительной деятельности; правовой культуры, а также правосознания»[35]. В свою очередь, эффективность административного принуждения предопределяется широким спектром задействованных и работающих норм, при этом данный вид принуждения должен быть обоснованным, своевременным и целесообразным. Немотивированное или чрезмерно жесткое, пусть даже законное административное принуждение эффективным признать нельзя. В этой связи эффективность административного принуждения зависит от целого ряда социальных факторов, которые очень важны при оценке действия правовой

[29] *Шергин А.П.* Проблемы административно-деликтного права // Государство и право. 1994. № 8–9. С. 52.

[30] *Попугаев Ю.И.* Теоретико-прикладные проблемы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 20.

[31] *Малько А.В.* Эффективность правового регулирования // Правоведение. 1990. № 6. С. 61.

[32] *Пашков А.С., Явич Л.С.* Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Сов. государство и право. 1970. № 3. С. 40.

[33] *Бонк Е.Л.* Общественное мнение и эффективность юридической нормы // Правоведение. 1979. № 5. С. 41.

[34] *Веремеенко И.И.* Административно-правовые санкции. М., 1975. С. 185.

[35] *Рогачева О.С.* Эффективность норм административно-деликтного права: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Воронеж, 2012. С. 14.

нормы. Следует подчеркнуть, что применения законного чрезмерного административного принуждения необходимой социальной цели не достигнет, а напротив, сформирует отчуждение человека от государства

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахрах Д.Н.* Дисциплинарно-правовое принуждение в Российской Федерации // Государство и право. 2006. № 6. С. 43.
2. *Бекетов О.И., Майле А.Д.* О предмете полицейского права // Актуальные проблемы полицейского права. Омск, 2015. С. 3.
3. *Бельский К.С.* О системе административного права // Государство и право. 1998. № 3. С. 5.
4. *Бельский К.С.* Полицейское право / под ред. А.В. Куракина. М., 2004. С. 25, 621.
5. *Бельский К.С.* Полиция и правовое государство // Полицейское право. 2005. № 1. С. 96.
6. *Бельский К.С., Елисеев Б.П., Кучеров И.И.* Полицейское право как подотрасль административного права // Государство и право. 2001. № 12. С. 45.
7. *Белявский Н.Н.* Полицейское право (Административное право). Пг., 1915. С. 36.
8. *Бонк Е.Л.* Общественное мнение и эффективность юридической нормы // Правоведение. 1979. № 5. С. 41.
9. *Веремеенко И.И.* Административно-правовые санкции. М., 1975. С. 185.
10. *Гойман В.И.* Правоохранительные средства в механизме действия права (инструментальный подход к анализу охранительного действия права) // Проблемы развития правоохранительных органов. М., 1994. С. 43.
11. *Гранин А.Ф.* К вопросу о целях убеждения и принуждения в правоохранительной деятельности социалистического государства // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. Киев, 1972. С. 90.
12. *Гущина Н.А.* Поощрительные нормы российского права. СПб., 2003. С. 262.
13. *Жумагулов М.И.* О сущности и понятии административно-правового принуждения // Государство и право. 2006. № 10. С. 22.
14. *Журкина Е.В.* Правовая экспертиза нормативного правового акта как средство повышения эффективности законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 11.
15. *Зырянов С.М.* Административный надзор полиции и полицейский надзор: соотношение правовых категорий // Журнал росс. права. 2012. № 2. С. 46.
16. *Козлов В.А.* Вопросы теории эффективности правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1972. С. 8.
17. *Кононов П.И.* Законодательство об административном принуждении: проблемы кодификации // Журнал росс. права. 1998. № 8. С. 26.
18. *Коренев А.П.* Административное право России. М., 2000. Ч. I. С. 3.
19. *Малько А.В.* Эффективность правового регулирования // Правоведение. 1990. № 6. С. 61.
20. *Осинцев Д.В.* Система административного права: методология, наука, регламентация. М., 2014. С. 196.
21. *Панов А.Б.* О малозначительности административных правонарушений // Государство и право. 2014. № 3. С. 15.
22. *Пашков А.С., Явич Л.С.* Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Сов. государство и право. 1970. № 3. С. 40.
23. *Попов Л.Л.* Убеждение и принуждение. Организационно-воспитательные и административно-правовые средства охраны общественного порядка в деятельности советской милиции. М., 1968. С. 9.
24. *Попугаев Ю.И.* Теоретико-прикладные проблемы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 20.
25. *Разгильдиева М.Б.* Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства). М., 2012. С. 11.
26. *Рогачева О.С.* Эффективность норм административно-деликтного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2012. С. 14.
27. *Сафоненков П.Н.* Административное принуждение, применяемое таможенными органами. М., 2016. С. 16.
28. *Скворцов С.М.* Принципы наложение административных взысканий и их реализация в деятельности органов внутренних дел. М., 1984. С. 51.
29. *Смоляков А.И.* Административно-правовое принуждение и поощрение в системе государственно-правовых методов обеспечения безопасности дорожного движения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2014. С. 5.
30. *Цуканов Н.Н.* Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого в органах внутренних дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 3.
31. *Шергин А.П.* Проблемы административно-деликтного права // Государство и право. 1994. № 8–9. С. 52.

REFERENCES

1. *Bakhrakh D.N.* Disciplinary and legal coercion in the Russian Federation // State and Law. 2006. No. 6. P. 43 (in Russ.).

2. *Beketov O.I., Maile A.D.* On the subject of Police Law // Current problems of Police Law. Omsk, 2015. P. 3 (in Russ.).
3. *Belsky K.S.* On the system of Administrative Law // State and Law. 1998. No. 3. P. 5 (in Russ.).
4. *Belsky K.S.* Police Law / ed. by A.V. Kurakin. M., 2004. P. 25, 621 (in Russ.).
5. *Belsky K.S.* Police and the Rule of Law // Police Law. 2005. No. 1. P. 96 (in Russ.).
6. *Belsky K.S., Eliseev B.P., Kucherov I.I.* Police Law as a sub-branch of Administrative Law // State and Law. 2001. No. 12. P. 45 (in Russ.).
7. *Belyavsky N.N.* Police Law (Administrative Law). Petrograd, 1915. P. 36 (in Russ.).
8. *Bonk E.L.* Public opinion and effectiveness of the legal norm // Jurisprudence. 1979. No. 5. P. 41 (in Russ.).
9. *Veremeenko I.I.* Administrative and legal sanctions. M., 1975. P. 185 (in Russ.).
10. *Goyman V.I.* law Enforcement tools in the mechanism of law enforcement (instrumental approach to the analysis of the protective action of law) // Problems of development of law enforcement agencies. M., 1994. P. 43 (in Russ.).
11. *Granin A.F.* On the question of the goals of persuasion and coercion in the law enforcement activities of the socialist state // Proceedings of the Kiev higher school of the Ministry of internal Affairs of the USSR. Kiev, 1972. P. 90 (in Russ.).
12. *Gushchina N.A.* Incentive norms of Russian law. SPb., 2003. P. 262 (in Russ.).
13. *Zhumagulov M.I.* On the essence and concept of administrative and legal coercion // State and Law. 2006. No. 10. P. 22 (in Russ.).
14. *Zhurkina E.V.* Legal expertise of a normative legal act as a means of improving the effectiveness of legislation: abstract ... PhD in Law. M., 2009. P. 11 (in Russ.).
15. *Zyryanov S.M.* Administrative supervision of the police and police supervision: the ratio of legal categories // Journal of Russ. law. 2012. No. 2. P. 46 (in Russ.).
16. *Kozlov V.A.* Questions of the theory of effectiveness of the legal norm: abstract ... PhD in Law. L., 1972. P. 8 (in Russ.).
17. *Kononov P.I.* Legislation on administrative coercion: problems of codification // Journal of Russ. law. 1998. No. 8. P. 26 (in Russ.).
18. *Korenev A.P.* Administrative Law of Russia. M., 2000. Part I.P. 3 (in Russ.).
19. *Mal'ko A.V.* Effectiveness of legal regulation // Jurisprudence. 1990. No. 6. P. 61 (in Russ.).
20. *Osintsev D.V.* System of administrative law: methodology, science, regulation. M., 2014. P. 196 (in Russ.).
21. *Panov A.B.* On the insignificance of administrative offenses // State and Law. 2014. No. 3. P. 15 (in Russ.).
22. *Pashkov A.S., Yavich L.S.* Effectiveness of the legal norm (to the methodology and methodology of sociological research) // Soviet State and Law. 1970. No. 3. P. 40 (in Russ.).
23. *Popov L.L.* Persuasion and coercion. Organizational-educational and administrative-legal means of protecting public order in the activities of the Soviet police. M., 1968. P. 9 (in Russ.).
24. *Popugaev Yu. I.* Theoretical and Applied problems of the legislation of the Russian Federation on administrative offenses: abstract ... Doctor of Law. M., 2020 (in Russ.).
25. *Razgildieva M.B.* Legal persuasion and coercion: theoretical foundations (for example, financial legislation). M., 2012. P. 11 (in Russ.).
26. *Rogacheva O.S.* Effectiveness of administrative and tort law norms: abstract ... Doctor of Law. Voronezh, 2012. P. 14 (in Russ.).
27. *Safonenkov P.N.* Administrative coercion applied by customs authorities. M., 2016. P. 16 (in Russ.).
28. *Skvortsov S.M.* Principles of imposition of administrative penalties and their implementation in the activities of internal Affairs bodies. M., 1984. P. 51 (in Russ.).
29. *Smolyakov A.I.* Administrative and legal enforcement and promotion in the system of state-legal methods of ensuring road safety: abstract ... PhD in Law. Orel, 2014. P. 5 (in Russ.).
30. *Tsukanov N.N.* Theory and practice of proceedings in cases of administrative offenses carried out in the internal Affairs bodies: abstract ... Doctor of Law. Chelyabinsk, 2011. P. 3 (in Russ.).
31. *Shergin A.P.* Problems of administrative and tort law // State and Law. 1994. No. 8–9. P. 52 (in Russ.).

Сведения об авторе

КУРАКИН Алексей Валентинович –
доктор юридических наук, профессор Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
109456 г. Москва, 4-й Вешняковский проезд, д. 4, корп. 2

Authors' information

KURAKIN Alexey V. –
Doctor of Law, Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation; 4, bldg. 2, 4th Veshnyakovsky proezd, 109456 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 67–82
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 67–82

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

© 2021 г. В. Б. Хатуев

Чеченский государственный университет, г. Грозный

E-mail: dogma1982dogma@mail.ru

Поступила в редакцию 05.09.2020 г.

Аннотация. В статье рассматривается законодательная регламентация уголовной ответственности за убийство беременной женщины в российском законодательстве с XVII в. Анализируя действующую норму о противодействии убийству женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ), предпринята попытка рассмотреть некоторые, касающиеся её конструирования и применения ситуации.
Осуществлен сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства ряда зарубежных государств. Автор вносит предложение о дальнейшем улучшении качества нормы об ответственности за исследуемое преступление: исключить из неё указание на заведомость беременности.

Ключевые слова: убийство беременной женщины, российское уголовное законодательство, зарубежное уголовное законодательство, отягчающее обстоятельство, компаративистский анализ, заведомость, осознание.

Цитирование: *Хатуев В.Б.* Уголовная ответственность за убийство беременной женщины в российском законодательстве: становление, развитие и современное состояние // Государство и право. 2021. № 3. С. 67–82.

DOI: 10.31857/S102694520014033-7

CRIMINAL LIABILITY FOR THE MURDER OF A PREGNANT WOMAN IN RUSSIAN LEGISLATION: FORMATION, DEVELOPMENT AND PRESENT STATE

© 2021 V. B. Khatuev

Chechen state University, Grozny

E-mail: dogma1982dogma@mail.ru

Received 05.09.2020

Abstract. The article examines the legislative regulation of criminal liability for the murder of a pregnant woman in Russian legislation since the XVII century. Analyzing the existing rules on combating the murder of a woman known to the perpetrator to be pregnant (item “g” of part 2 of article 105 of the Criminal Code of the Russian), attempts to examine some concerning its design and application situation.
The comparative legal analysis of the criminal legislation of a number of foreign states is carried out. The author makes a proposal to further improve the quality of the norm on responsibility for the crime under study: to exclude from it an indication of the knowledge of pregnancy.

Key words: murder of a pregnant woman, Russian criminal legislation, foreign criminal legislation, aggravating circumstance, comparative analysis, knowledge, awareness.

For citation: *Khatuev, V.B. (2021).* Criminal liability for the murder of a pregnant woman in Russian legislation: formation, development and present state // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 67–82.

Российский законодатель убийство женщины, заведомо для виновного беременной, признал убийством при отягчающем обстоятельстве, установив за эту разновидность убийства повышенную уголовную ответственность в п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ[1]. Состояние беременности потерпевшей также в соответствии с п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ при назначении наказания выступает обстоятельством, отягчающим наказание.

Выделение рассматриваемого убийства в квалифицированный состав для российского уголовного законодательства было неоднозначным. Впервые ответственность за такое убийство была предусмотрена ст. 17 гл. XXII Соборного уложения 1649 г.[2] Согласно Уложению подобное убийство относилось к хитростным деяниям со смертельным исходом, наказуемым высшей мерой наказания. В комментарии к нему разъяснялось: «Помимо известных ранее умышленных и неумышленных действий, Уложение подразделяет их на хитростные и бесхитростные. Под хитростными понимаются виновные деяния, под бесхитростными – случайные. Хитростные деяния наказывались нещадной торговой казнью.., а при смертельном исходе – высшей мерой наказания (ст. 17)»[3].

Однако более поздние законодательные акты России не определяли этот вид убийства как квалифицированный. Так, Воинский артикул от 26 апреля 1715 г. Петра I не предусматривал ответственность за убийство, отягчённое состоянием беременности женщины[4]. При этом данный Артикул «не заменил Соборное уложение 1649 года, а действовал параллельно с ним вплоть до создания Свода законов Российской империи»[5].

Проект Уголовного уложения 1813 г.[6] предусматривал убийство беременной женщины в числе преступлений, за которые устанавливалась повышенная ответственность. В п. 5 § 337 закреплялось, что наказание налагается по § 32 («политическая смерть» как наказание второго рода), «ежели смертоубийство учинено было беременной женщине». Однако этот проект так и не вступил в силу. Последовавшая в 1825 г. «кончина императора Александра I прекратила дальнейшее рассмотрение проекта»[7].

Свод законов уголовных Российской Империи 1832 г. (т. XV, ст. 330, 332, 341, 343)[8] также не придал рассматриваемому убийству статус квалифицированного.

Зато признавало убийство беременной женщины квалифицированной разновидностью убийства Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.[9], которое оставалось в силе и после 1917 г. вплоть до 30 ноября 1918 г.[10] В ст. 1923 закреплялось следующее положение: «Кто с обдуманным заранее намерением или умыслом убьет женщину беременную, зная, что она в сем положении, тот подвергается за сие: Лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудниках на время от пятнадцати до двадцати лет, а будь он по закону не изъять от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей... с наложением клейм».

Криминализация в Уложении данной разновидности убийства в качестве квалифицированного объяснялось его составителями тем, что «в сем случае совершаются некоторым образом два убийства вдруг»[11]. Однако видные российские криминалисты того времени выразили несогласие с таким основанием усиления наказуемости этого деяния[12].

Так, Н.С. Таганцев подчёркивал: «Легко можно видеть всю несостоятельность этого довода. В самом деле я в первой главе уже указывал (№ 124), что множественность объектов в нашем праве не имеет никакого влияния на наказуемость. <...>. Но тогда, естественно, является вопрос: почему же наказание увеличивается, когда была убита мать и ее будущий ребенок. Между тем как убийство

---

[1] См.: СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

[2] См.: Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. С. 76–256.

[3] Там же. Комментарий. С. 435.

[4] См.: там же. М., 1986. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. С. 327–365.

[5] Там же. Введение. С. 317.

[6] См.: Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 г. // *Безверхов А.Г., Коростелёв В.С.* Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара, 2013.

[7] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая. Тула, 2001. Т. 1. С. 183.

[8] См.: Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный: в 15 т. СПб., 1833. Т. 15. Законы уголовные. Кн. 1. URL: htpp://www.prlib.ru

[9] См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб., 1845.

[10] См.: Декрет ВЦИК от 30.11.1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85, ст. 889. Данный акт в прим. к ст. 22 категорически предписал: «Ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются».

[11] Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный Совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1871. С. 612. URL: http://www. rusneb.ru

[12] См.: *Лохвицкий А.В.* Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 525; *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1893. С. 40.

зародыша вообще даже и не рассматривается наравне с убийством взрослого?»[13].

Следует отметить, что названный закон рассматривал такое убийство в качестве квалифицированного лишь тогда, когда оно было совершено с заранее возникшим умыслом и виновный точно знал о таком состоянии женщины. При наличии у виновного внезапного или аффектированного умысла его деяние охватывалось ст. 1926 (ч. 1) Уложения, предусматривавшей ответственность за убийство без обдуманного заранее намерения, в запальчивости и раздражении, и наказывалось менее строго (10–12 лет).

Н.С. Таганцев указывал: «По своему же составу этот вид убийства не представляет никаких особенностей, нельзя только не заметить, что Уложение придает значение этому особенному качеству объекта только при убийстве предумышленном и оставляет без всякого влияния при убийстве внезапном»[14].

Уложение 1845 г. претерпело еще три издания (1857[15], 1866[16] и 1885 гг.[17]), и анализируемая норма сохранилась во всех в них, став соответственно ст. 2001, ст. 1452 и ст. 1452. При этом во втором и изначально в третьем издании она повторялась дословно. Однако после третьего издания подверглась Законом от 23 марта 1871 г., изменившим «отчасти диспозитивную часть постановлений об убийстве, а в особенности его наказуемость»[18], существенной корректировке – диспозиция её после слов «подвергается за сие» была дополнена словами «смотря по обстоятельствам дела», а санкция усилена, предусмотрев альтернативно наказание каторгою без срока, с исключением возможности наказания плетьми[19]. В такой же редакции она вошла и в четвертое издание.

Подобное произошло и с упомянутой ст. 1926 Уложения. В последующих изданиях она стала соответственно ст. 2004, ст. 1455 и ст. 1455. В изданиях 1857 и 1866 гг. (в первоначальной ред.) она содержательно не изменилась, но затем была реконструирована и изложена в новой редакции указанным Законом от 23 марта 1871 г.[20] Содержавшиеся в её ч. 1 умышленное убийство и убийство в состоянии сильного душевного волнения были разведены и выделены в самостоятельные составы. В ч. 1 была предусмотрена ответственность за «убийство умышленное, но без обдуманного заранее намерения», то есть при простом умысле. Наказывалось это деяния каторгою от 12 до 15 лет или каторгою от 15 до 20 лет, «если убийство сопровождалось особенными увеличивающими вину обстоятельствами, которые означены в предшедших 1452 и 1453 статьях», т.е. убийство беременной женщины выделялось как квалифицированная разновидность убийства при простом умысле. Часть 2 закрепляла ответственность за убийство в запальчивости или раздражении[21], которая охватывала и аффектированное убийство беременной женщины, приравниваемое к простому убийству[22]. В такой же вариации эта статья была изложена и в Уложении 1885 г.

Таким образом, Уложение в издании 1866 и 1885 гг. убийству беременной женщины придавало статус квалифицированного вида убийства, как при заранее возникшем умысле (можно сказать, особо квалифицированного вида) (ст. 1452), так и при простом умысле (ч. 1 ст. 1455), дифференцируя при этом его наказуемость в зависимости от вида умысла.

И.Я. Фойницкий писал, что «в одних случаях... квалифицированным убийство признается.., в других оно квалифицируется только при предумышлении и простом умысле, но с различием

---

[13] *Таганцев Н.С.* О преступлениях против жизни по русскому уголовному праву: в 2 т. СПб., 1871. Т. 2. С. 62. Н.А. Неклюдов утверждал: «Можно пойти еще дальше и утверждать, что тут совершается три, четыре убийства вдруг; но иное дело предположение, а иное действительность; спрашивается: где же основания для усиления наказания, ежели, несмотря на убийство, ребенок родится живым и без всяких повреждений» (см.: *Неклюдов Н.А.* Руководство к особенной части русского уголовного права. Преступления и проступки против личности. СПб., 1876. Т. 1. С. 286).

[14] *Таганцев Н.С.* О преступлениях против жизни по русскому уголовному праву. Т. 2. С. 62, 63.

[15] См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Изд. 1857 г. Т. 15. Законы уголовные. СПб., 1857. URL: http://www.runivers.ru. Свод законов уголовных. Кн. 1.

[16] См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (по изд. 1866 г.) // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях мировыми судьями налагаемых. СПб., 1872. Свод законов уголовных. Кн. 1.

[17] См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Изд. Н.С. Таганцевым. СПб., 1886. Свод законов уголовных. Ч. 1. URL: http://www.prlib.ru; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. // Свод законов Российской империи: в 16 т. Т. 15.

[18] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. С. 190.

[19] См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. с дополнениями по 1 января 1876 г. / сост. Н.С. Таганцевым. СПб., 1876. Свод законов уголовных. Кн. 1. URL: http://www.prlib.ru

[20] См.: там же. Примечания к ст. 1455. С. 550.

[21] См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. с дополнениями по 1 января 1876 г. / сост. Н.С. Таганцевым. Свод законов уголовных. Кн. 1.

[22] См.: *Белогриц-Котляровский Л.С.* Очерки курса русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев – Харьков, 1908. С. 151; *Есипов В.В.* Уголовное право. Часть Особенная. Преступления против государства и общества. М., 1906. С. 23.

в наказаниях (ст. 1452.., 1455 ч. 1 ул.)» и что «убийство беременной женщины квалифицируется нашим законодательством при предумышленности (1452 ул.) и простом умысле (1 ч. 1455 ул.), наказываясь в первом случае каторгою без срока, а во втором – высшею степенью срочной каторги (15–20 лет)»[23].

«Квалифицированным, – подчёркивал С.В. Познышев, – данное деяние считается при двух условиях: 1) при прямом умысле (1452 и 1455) и 2) при знании виновного, что женщина беременна. Убийство беременной в запальчивости или раздражении не является квалифицированным, как видно из 2 ч. 1455 ст.»[24].

В Уголовном уложении России 1903 г.[25] в отличие от Уложения 1845 г. не существовало подобной нормы. Редакторы проекта исключили убийство беременной женщины из числа квалифицированных форм последнего на том основании, что убийство такой женщины не всегда сопровождается и лишением жизни утробного ребенка, а на отдельных случаях нельзя обосновывать квалификацию[26]. «Это соображение, – полагал Л.С. Белогриц-Котляровский, – не убедительно: случаи, когда убийство беременной женщины не сопровождается смертью утробного ребенка, как показывает статистика, крайне редки; общим правилом здесь является смерть плода вместе со смертью матери. К тому же ничто не мешает различать в самом тексте закона случаи убийства матери, сопровождавшиеся и смертью плода, и противоположные случаи с ограничением квалификации случаями первого рода»[27].

В 1922 г. был принят первый Уголовный кодекс РСФСР[28], а затем в 1926 г. – второй[29], которые также убийство беременной женщины не криминализировали в качестве квалифицированного признака.

В то время были и противники выделения такой разновидности квалифицированного убийства. Так, «в истории советского уголовного законодательства убийство заведомо для виновного беременной женщины в качестве квалифицированного вида умышленного убийства предусматривали уголовные кодексы Украинской ССР 1927 г. (п. «ж» ст. 138) и Грузинской ССР 1928 г. (п. «з» ст. 144)»[30]. В связи с этим М.Д. Шаргородский писал: «В УК УССР квалифицирующим обстоятельством... является убийство заведомо беременной женщины (п. “ж” ст. 138 УК УССР). Сохранение такого квалифицирующего обстоятельства в нашем праве в дальнейшем не может быть признано целесообразным»[31].

Между тем в теории обращалось внимание и на то, что не внедрение в УК РСФСР 1926 г. такого квалифицирующего признака негативно сказывалось на правоприменительную деятельность, создавая на практике сложности и порождая в некоторых случаях квалификацию подобных деяний как умышленное убийство, совершенное с использованием беспомощного положения убитой[32].

Проанализированные нормативные акты как дореволюционного, так и советского периода не знали также и такого отягчающего ответственность обстоятельства, как совершение преступления в отношении беременной женщины.

Но в отличие от двух предшествовавших УК РСФСР третий – 1960 г.[33] включил анализируемый квалифицированный вид убийства, сосредоточив его в п. «ж» ст. 102. Только и в нём отсутствовало отягчающее ответственность обстоятельство – беременность потерпевшей.

Все вновь принятые в 1959–1961 гг. уголовные кодексы остальных 14 союзных республик в числе квалифицированных видов умышленного убийства тоже указывали и на убийство заведомо беременной женщины[34].

Определение ужесточённой ответственности за данный вид убийства вполне обоснованно, т.к. в этом случае лишаются жизни женщина и вынашиваемый ею плод (ребенок), и вред удваивается, что значительно повышает степень общественной опасности этого деяния. Этим же объяснялось ранее и объясняется сейчас оправданность отнесения

---

[23] *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. С. 34, 40.

[24] *Познышев С.В.* Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. 1912 г. URL: http://www. Allpravo. Ru–2004.

[25] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1994. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. С. 240–320; Свод законов Российской империи: в 16 т. Т. 15.

[26] См.: *Белогриц-Котляровский Л.С.* Указ. соч. С. 338.

[27] Там же.

[28] См.: СУ РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.

[29] См.: СУ РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.

[30] *Побегайло Э.Ф.* Умышленные убийства и борьба с ними (уголовно-правовое и криминологическое исследование). Воронеж, 1965; *Его же.* Избр. труды. СПб., 2008.

[31] *Шаргородский М.Д.* Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 95.

[32] См.: *Аниянц М.К.* Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М., 1964. С. 49.

[33] См.: Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

[34] См.: *Побегайло Э.Ф.* Указ. соч.

данного преступления к квалифицированным составам и в теории[35].

Из компаративистского анализа уголовного законодательства зарубежных стран видно, что убийство беременной женщины в качестве квалифицированного убийства криминализируют Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ (п. «д» ч. 2 ст. 111)[36] и, как и Уголовный кодекс РФ, уголовные кодексы всех других государств – бывших союзных республик: Азербайджана (п. 120.2.8. ч. 120.2. ст. 120), Армении (п. 4 ч. 2 ст. 104), Беларуси (п. 3 ч. 2 ст. 139), Грузии (п. «а» ч. 2 ст. 109 (особо квалифицированный состав)), Казахстана (п. 4 ч. 2 ст. 99), Кыргызстана (п. 12 ч. 2 ст. 130), Латвии (п. 1 ст. 117), Литвы (п. 4 ч. 2 ст. 129), Молдовы (п. «е» ч. 2 ст. 145)[37], Таджикистана (п. «д» ч. 2 ст. 104), Туркменистана (п. «г» ч. 2 ст. 101), Узбекистана (п. «б» ч. 2 ст. 97), Украины (п. 2 ч. 2 ст. 115), Эстонии (п. 6 ст. 101).

Известен разбираемый состав преступления также уголовному законодательству и других государств. Например, он предусмотрен в уголовных кодексах Болгарии (п. 4 ст. 116), Франции (п. 3 ст. 221-4)[38].

Как отмечалось ранее, анализируемое квалифицирующее обстоятельство совпадает с одноимённым отягчающим наказание обстоятельством. И это порождает вопрос: возможен ли его двойной учёт в обоих своих значениях? В правоприменительной практике подобное совпадение в соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ обозначает, что отягчающее обстоятельство, включённое в состав соответствующего преступления в качестве основного либо квалифицированного признака, не может одновременно учитываться как таковое при назначении наказания в силу законодательного запрета.

Таким образом, данный квалифицирующий убийство признак поглощает соответствующее отягчающее обстоятельство и исключает его учёт при определении наказания виновному.

В п. «ж» ст. 102 УК РСФСР 1960 г. ответственность закреплялась за лишение жизни женщины, *находившейся* в состоянии беременности, а п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ закрепляет её за лишение жизни женщины, *находящейся* в состоянии беременности. Думается, это «терминологическое уточнение никак не повлияло на суть рассматриваемого состава преступления. Для ответственности за убийство беременной и по УК РСФСР, и на основании действующего закона необходимо установить, что потерпевшая в момент посягательства на ее жизнь была беременна»[39]. Здесь «в первом случае речь идет об умышленном причинении смерти другому человеку как о результате, во втором – как о процессе, и это не имеет существенного уголовно-правового значения[40].

Для сравнения: в Модельном УК и в УК Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана употребляется термин «находящейся», а в УК Латвии, Узбекистана, Украины и Эстонии – «находившейся». В армянском, белорусском, литовском, молдавском, болгарском и французском же УК эти термины вообще не используются, а сказано об убийстве беременной женщины.

По-разному конструирует законодатель нормы с учётом данного обстоятельства как отягчающего наказание и как квалифицирующего убийство. В качестве отягчающего наказание в п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ оно изложено вместе с «малолетством», «беззащитностью», «беспомощностью»

---

[35] См.: Курс советского уголовного права: в 6 т. / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М., 1971. Т. 5. С. 38; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / отв. ред. Г.З. Анашкин, И.И. Карпец, Б.С. Никифоров. М., 1971. С. 261; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / отв. ред. Ю.Д. Северин. М., 1984, С. 239, 240; М., 1985. С. 239, 240; Курс уголовного права: в 5 т. / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. М., 2002. Т. 3. Часть Особенная. С. 114; Уголовное право Российской Федерации: учеб. Часть Особенная / под ред. И.Э. Звечаровского. М., 2020. С. 26; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 2001. С. 228; *Борзенков Г.Н.* Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учеб.-практ. пособие. М., 2006. С. 52; Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел: науч.-практ. пособие / под ред. А.В. Галаховой. М., 2006; *Плаксина Т.А.* Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. С. 10.

[36] См.: Модельный уголовный кодекс для стран СНГ, принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17.02.1996 г. № 7–5 // Информационный бюллетень Межправительственной Ассамблеи стран СНГ. 1996. № 10. Приложение. Предполагалось, что данный Кодекс будет своего рода образцом законодательного решения странами СНГ создания собственных кодексов «на основе формирования общих для государств принципов уголовной политики» (см.: *Наумов А.В.* Теоретические обоснования внесения изменений и дополнений в Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92). С. 6).

[37] Изначально УК Республики Молдова выделял это убийство как особо квалифицированный состав – п. «с» ч. 3 ст. 145.

[38] См.: Уголовное право зарубежных стран: учеб. Части Общая и Особенная / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2010. С. 787, 788.

[39] Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. В.В. Меркурьев. М., 2019; Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный): в 4 т. / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2020. Т. 2. Часть Особенная. Разд. VII–VIII. С. 33.

[40] См.: *Краев Д.Ю.* Уголовная ответственность за убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Криминалистъ. 2016. № 1. С. 20.

и «зависимостью», в ч. 2 ст. 105 УК РФ оно разведено с ними и отнесено в отдельную категорию – в п. «з», а малолетство и беспомощность сосредоточены в п. «в».

Большинство уголовных кодексов бывших союзных республик (Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана) также выделяют в отдельный пункт этот квалифицирующий признак. В УК Молдовы он указан в одной связке с несовершеннолетием и беспомощностью, в УК Украины – с малолетством, в УК Эстонии – престарелостью и малолетством, в УК Болгарии – малолетством и множественностью потерпевших, в УК Франции – возрастом, болезнью, физическим или психическим недостатками.

Беременность, «особенно в последние месяцы, делает женщину менее подвижной, менее сильной, в ее организме превалирующими являются процессы торможения. Такое положение беременной женщины сравнимо с положением лица, находящегося в беспомощном состоянии»[41]. Она фактически обусловливает беспомощность[42].

В связи с этим может возникнуть закономерный вопрос: можно ли рассматривать это состояние как беспомощность и вменять лицу данный признак – убийство беспомощного лица (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а если нет и надлежит вменять признак беременность, можно ли учитывать беспомощность как отягчающее наказание обстоятельство? Вопрос в данном случае следует решить с учётом наличия специальной нормы. Раз беременность имеет особый статус и в диспозиции нормы – п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и как отягчающее наказание обстоятельство, нельзя считать беременность беспомощностью и по нему квалифицироваться деяние – оно и должно квалифицироваться по признаку беременности, и при этом невозможно учитывать беспомощность при назначении наказания.

В этом отношении показателен следующий пример. Приговором Волгоградского областного суда от 16 февраля 2007 г. *Щ.* был признан виновным в убийстве *З.*, заведомо для него находящейся в состоянии беременности, и осужден по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В приговоре содержалась ссылка о том, что вина *Щ.* в совершении убийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, доказана. При рассмотрении дела в порядке кассации, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ исключила из описательно-мотивировочной части приговора эту ссылку как ошибочно указанную[43].

Исходя из сказанного, также нельзя в подобных ситуациях квалифицировать деяние и по п. «г» и «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, возможность чего допускается в литературе[44].

Потерпевшими в силу прямого указания закона могут быть заведомо для виновного беременные женщины независимо от их возраста.

Некоторые специалисты полагают, что «малолетняя и престарелая и даже пожилая женщина не могут забеременеть и, следовательно, не могут быть потерпевшими от этого убийства»[45] и тем самым ограничивают круг потерпевших по этой норме по возрасту. Такая категоричность, особенно в отношении малолетней, думается, не приемлема здесь. Следует отметить, что малолетняя может быть таковой. Период половой зрелости (созревания) (пубертатный), который в отношении девочек определяется как способность, в частности, к зачатию, начинается с 7–8 лет и заканчивается к 17–18 годам[46] (с 11–12 лет и продолжается до 15–16 лет, заканчивается в 18 лет[47]). Поэтому малолетние могут забеременеть, и такие случаи нередки. Так, к примеру, в июне 2019 г. в подмосковном Лыткарино был задержан 46-летний мужчина, вступивший в интимную связь с 11-летней ученицей четвертого класса. Связь между ними началась в июне 2018 г. Девочка находилась на 22 неделе беременности[48]. В Российской Федерации в 2016 г.

---

[41] *Побегайло Э.Ф.* Указ. соч.; Научно-практическое пособие по применению Уголовного кодекса РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2005. С. 245.

[42] См.: *Чубарев В.Л.* Тяжесть преступного деяния. Киев, 1992. С. 53; *Лопашенко Н.А.* Убийство. М., 2013. С. 281; *Доронина Е.Б.* Беспомощное состояние потерпевшего в структуре состава убийства: теория, закон, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 19, 20.

[43] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 июня 2007 г. № 16-о07-22 // СПС «КонсультантПлюс».

[44] См.: *Белокуров О.В.* Квалификация убийства (ст. 105 УК РФ): учеб. пособие. М., 2004. С. 49; *Краев Д.Ю.* Некоторые вопросы квалификации убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности // Криминалистъ. 2016. № 2. С. 19. Такая квалификация возможна, если потерпевшая была беспомощна ещё и в силу иного, помимо беременности, обстоятельства.

[45] *Лопашенко Н.А.* Указ. соч. С. 280, 281.

[46] См.: Гинекология: учеб. для вузов / под ред. Г.М. Савельевой, В.Г. Бреусенко. М., 2009. С. 75; *Айламазян Э.К.* Акушерство: учеб. для мед. вузов. СПб., 2003. С. 55.

[47] См.: *Бодяжина В.И., Жмакин К.Н.* Гинекология: учеб. М., 1967. С. 11; Судебная медицина: учеб. / под ред. О.Х. Поркшеяна, В.В. Томилина. М., 1974. С. 217.

[48] См.: 11-летняя жительница Подмосковья ждет ребенка от 46-летнего мигранта. URL: http://www.rg.ru

В 2014 г. в одну из больниц Саратовской области была госпитализирована 13-летняя девочка в состоянии беременности в связи с ухудшением состояния здоровья, вызванном употреблением препарата для прерывания беременности (см.: Несовершеннолетний житель города Энгельса подозревается в совершении преступления против половой неприкосновенности малолетней. URL: http://www.Saratov.Sledkom.ru).

было зарегистрировано 630 беременных девочек в возрасте до 14 лет, а в 2017 г. – 275[49].

Объективная сторона исследуемого преступления предполагает возможность его совершения в форме как действий, так и бездействия. Судебно-следственная практика чаще всего встречается с убийствами беременной женщины, совершёнными путём активных действий. Смерть может быть причинена и бездействием. Например, оставление лицом на сильном морозе беременной женщины, которую он связал, результатом чего явилась её смерть от замерзания, образует состав рассматриваемого вида убийства.

Большое значение имеет правильное определение момента окончания данного убийства с учётом того, что его объектом является жизнь беременной женщины и её будущего ребёнка.

Как правильно отмечает А.Н. Попов, «из действующего законодательства следует сделать вывод, что причинение или не причинение смерти ребенку при посягательстве на жизнь беременной женщины никак не влияет на квалификацию содеянного виновным. Погиб ребенок или остался жив – для закона в данном случае безразлично. Содеянное квалифицируется как покушение на убийство заведомо беременной или как убийство заведомо беременной независимо от того, что случилось с ребенком»[50].

Поэтому рассматриваемое убийство следует считать оконченным составом преступления с момента наступления смерти потерпевшей, если даже при этом в силу каких-то обстоятельств ребёнок и остался жив. При отсутствии указанного последствия действия виновного, непосредственно направленные на лишение жизни потерпевшей, должны рассматриваться как покушение на убийство, хотя даже при этом ребёнок и погиб. Также расцениваются подобные действия виновного и в ситуации, когда и ребёнок не погиб. Так, *Ш.А.А.*, испытывая неприязнь к своей бывшей жене *Ш.Н.А.*, решил убить её. В этих целях он, вооружившись ножом, около часа ночи 30 сентября 2012 г. прибыл к квартире, где проживала Ш.Н.А. Воспользовавшись тем, что входная дверь квартиры не была заперта, а находившиеся в ней *Ш.Н.А.*, её мать *М.А.А.* и сестра *М.Г.А.* спали, *Ш.А.А.* проник в квартиру. Подойдя к кровати *Ш.Н.А.*, о беременности которой он знал достоверно, он обхватил её за шею и с целью убийства стал сдавливать органы дыхания. Проснувшись от удушья, *Ш.Н.А.* стала активно сопротивляться *Ш.А.А.*, отталкивая его от себя руками, и кричать. От шума *М.А.А.* и *М.Г.А.* проснулись. Понимая, что его действия обнаружены *М.А.А.* и *М.Г.А.* и те могут воспрепятствовать убийству *Ш.Н.А.* и сообщить об этом в правоохранительные органы, *Ш.А.А.* ударами ножом совершил их убийство.

В это время *Ш.Н.А.* убежала из комнаты и спряталась, что не позволило *Ш.А.А.* реализовать свой умысел на её убийство до конца. Ребёнок, которым потерпевшая была беременна, тоже не погиб и родился позже. Эти действия *Ш.А.А.* в отношении *Ш.Н.А.* были расценены как покушение на убийство заведомо беременной женщины, и он осуждён по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ (он также был осуждён по ч. 1 ст. 139, п. «а», «д», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ)[51].

Факт неимения при квалификации посягательства на жизнь беременной женщины никакого квалифицирующего значения последствия в отношении плода (его гибель или выживание) – это полнейшая противоречивость исследуемой нормы[52]. Будучи специальной нормой, призванной непосредственно обеспечивать уголовно-правовую охрану внутриутробной жизни ребёнка, она абсолютно индифферентна (нейтральна) к его гибели. Такое положение вещей видится совершенно необоснованным.

В ситуации, когда до убийства беременной виновный совершал в отношении неё, как в состоянии беременности, так и до, действия, посягающие на её жизнь (неоконченное убийство, покушение на доведение до самоубийства, доведение до покушения на самоубийство, склонение к самоубийству), которые имеют самостоятельную правовую оценку, то содеянное подлежит квалификации по совокупности (реальная совокупность) по п. «г» ч. 2 ст. 105 и соответствующей статье УК РФ (ст. 30 и ч. 1 или п. «г» ч. 2 ст. 105, ст. 30 и ч. 1 или п. «б» ч. 2 ст. 110 и т.д.). Например, виновный, желая, чтобы находящаяся в состоянии беременности женщина покончила с собой, склонял её к самоубийству. Однако это желаемого результата не дало. Тогда он убил её. Содеянное следует квалифицировать по ч. 3 ст. 110^1 и п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

---

[49] См.: В России за год в два раза сократилось число беременных младше 14 лет. URL: http://www.ria.ru; В России число абортов среди подростков сократилось в семь раз. URL: http://www.rg.ru

[50] *Попов А.Н.* О начале уголовно-правовой охраны жизни в Российской Федерации // Криминалистъ. 2013. № 2. С. 80; см. также: Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. В.В. Меркурьев; Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный): в 4 т. / отв. ред. В.М. Лебедев. Т. 2. С. 33.

[51] См.: Приговор Тамбовского областного суда от 26.04.2013 г. по делу № 2-12/2013. URL: http://www.sudact.ru

[52] На это обстоятельство в юридической литературе также обращается внимание (см.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. В.В. Меркурьев; Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный): в 4 т. / отв. ред. В.М. Лебедев. Т. 2. С. 33).

Для решения вопроса о применении п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо определить психическое отношение виновного к состоянию беременности потерпевшей как юридически значимому её свойству, которому приложен признак «заведомость».

В теории по этому вопросу нет единства взглядов. Дискуссии, идущие длительное время, относятся к степени достоверности осведомленности виновного лица о беременности потерпевшей. Одни специалисты отмечают, что виновный должен осознавать наличие этого обстоятельства[53], вторые – может точно знать об этом факте, но достаточно и предположительного знания о нём[54]. Третьи представители науки, и их большинство, исходят из того, что необходимы подлинные, несомненные данные о состоянии беременности женщины, виновный должен точно знать о наличии беременности[55].

Правильное решение этой проблемы напрямую зависит от точного определения, в свою очередь, понятий «осознавать» и «заведомость», уяснения их содержания.

Подвергший обстоятельному исследованию данную проблему Б.С. Никифоров указывал: «Сознавать – значит знать, но не только это. “Сознавать” – понятие более широкое и менее определенное, чем “знать”. “Сознавать” можно смутно, “знать смутно” нельзя. <...>.

Законодатель, говоря о сознании, а не о знании общественно опасного характера деяния, имел в виду очертить интеллектуальный элемент умысла довольно широко. Сознает прежде всего тот, кто знает. Если лицо охотится на территории заповедника, зная, где оно находится, и что в заповедниках охотиться запрещено, оно знает, что занимается незаконной охотой, знает, что его действия общественно опасны, и подлежит уголовной ответственности. <...>. Но если оно знает, что охотится поблизости от заповедника, оно может считать вероятным или, при соответствующих обстоятельствах, возможным или не исключенным, что оно окажется, и будет продолжать охоту на территории заповедника»[56]. То есть, как правильно заключил из этих суждений В.Н. Кудрявцев, Б.С. Никифоров считал, что оттенки интеллектуального отношения виновного к общественно опасному характеру своего действия, не являющиеся знанием, могут «варьировать в пределах следующих представлений субъекта: данный признак “не исключен” – “возможен” – “вероятен” – “неизбежен”»[57].

По верному утверждению А.И. Рарога, «термин “заведомость” представляет собой особый технический прием, применяемый для характеристики субъективной стороны преступления. Он означает способ указания в законе на то, что субъекту при совершении деяния было заранее известно (ведомо) о наличии тех или иных обстоятельств, имеющих существенное значение для квалификации преступлений или для назначения наказания, то есть он достоверно знал об этих обстоятельствах»[58].

Диапазон осознания по содержанию шире, чем диапазон заведомости. Для осознания достаточно вероятного знания о соответствующем обстоятельстве[59]. Заведомость же – только один из вариантов осознания – точное знание этого обстоятельства. Она влияет на объем осознания виновным наличия такового – это высокая степень осознания его.

---

[53] См.: Уголовное право России: учеб. для академ. бакалавриата: в 2 т. / отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. М., 2019. Т. 2. Часть Особенная. С. 31.

[54] См.: Уголовное право Российской Федерации: учеб. Часть Особенная / под ред. А.И. Рарога. М., 2004. С. 12; Уголовное право Российской Федерации: учеб. Часть Особенная / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2008. С. 38; *Сверчков В.В.* Уголовное право: учеб. пособие для вузов. Часть Особенная. М., 2019. С. 27; Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный): в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. Т. 1. С. 199; *Бородин С.В.* Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 26, 107; *Его же.* Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 135.

[55] См., напр.: Уголовное право. Часть Особенная / под ред. Б.В. Здравомыслова, С.Г. Келиной, Ш.С. Рашковской, М.А. Шнейдера. М., 1966. С. 164; Российское уголовное право: учеб. Часть Особенная / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997. С. 37; Уголовное право России: учеб. Часть Особенная / под ред. В.Н. Бурлакова, В.В. Лукьянова, В.Ф. Щепелькова. СПб., 2014; Уголовное право России: учеб. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. М., 2018; *Иванов Н.Г.* Уголовное право: учеб. для академ. бакалавриата. Часть Особенная: в 2 т. М., 2019. Т. 1. С. 27; Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный): в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. Т. 1. С. 378; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2019; Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный): в 4 т. / отв. ред. В.М. Лебедев. Т. 2. С. 33; *Семернёва Н.К.* Квалификация преступлений. Части Общая и Особенная: науч.-практ. пособие. М., 2010; *Коробеев А.И.* Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М., 2012. С. 67, 68.

[56] *Никифоров Б.С.* Об умысле по действующему законодательству // Сов. государство и право. 1965. № 6. С. 29. О возможности осознания в таких формах говорят и другие авторы (см., напр.: *Кругликов Л.Л., Скрипченко Н.Ю.* Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Уголовное право. 2012. № 1. С. 44; *Морозов А.* Проблемы толкования и применения статьи 150 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 1. С. 56, 57).

[57] *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 2004. С. 150, 151.

[58] *Рарог А.И.* Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. М., 2006. С. 48; *Его же.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М., 2015. С. 49, 50.

[59] См.: *Благов Е.В.* Признаки состава преступления: традиции и реальность // Lex Russica. 2017. № 6. С. 162.

«Однако заметим сразу же, что для разграничения преступлений варианты степени осознанности признака практического значения не имеют, – писал В.Н. Кудрявцев. – Исключение составляют лишь те случаи, когда в законе прямо указывается на "заведомость" его существования (например, убийство заведомо беременной женщины), ибо только тогда степень осознания признака отграничивает данное преступление от других преступлений или неуголовных правонарушений.

За этим исключением, интеллектуальная сторона психического отношения к отдельному объективному признаку сводится к двум вариантам: "сознавал – не сознавал". Более тонкие различия психического отношения к отдельному признаку пока что не влияют на решение вопроса о разграничении преступлений (и следовательно, сами не являются признаками состава)»[60].

Итак, признак «заведомость» относительно беременности потерпевшей означает, что виновный не просто осознает, а бесспорно знает о её наличии, у него отсутствуют сомнения о присутствии у потерпевшей этого особого качества[61].

Соответственно, квалификация по анализируемой норме возможна при условии, если виновный до начала убийства или в момент его совершения точно знал о беременности потерпевшей[62].

Вопрос о моменте осведомлённости виновного о нахождении жертвы в состоянии беременности требует более детальной обрисовки. В теории уголовного права существует позиция, согласно которой заведомая осведомлённость убийцы о беременности означает заранее знание им об этом[63]. С таким категоричным истолкованием мы не можем согласиться, как не в полной мере отвечающим смыслу закона. В законе говорится о заведомой, а не о заранее осведомлённости виновного о беременности потерпевшей. Это не идентичные понятия. Заранее значит «за некоторое время до чего-либо; заблаговременно»[64]. Точно же узнать что-то о чём-то, как это требуется при заведомости знания о нём, можно как до начала совершения чего-то в отношении него, так и в момент совершения. Потому как п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ непосредственно не выдвигает обязательного заблаговременного знания виновным о нахождении женщины в состоянии беременности и такое не вытекает из его содержания, данное обстоятельство может быть признано квалифицирующим как в случае осведомлённости виновного о нём заранее, так и в момент посягательства[65].

Такой подход к этому вопросу демонстрирует и судебная практика. *М.* и С. 12 июня 2015 г. приехали в г. Владимир для убийства по найму *П.* Они вошли в квартиру *П.*, в это время там кроме него находились его сожительница *К.* и её сын *К.*, о чём *М.* и *С.* не знали. *М.* выстрелом из пистолета убил *П.* После этого *М.* убил *К.* (сына) и произвёл выстрел в *К.*, которой затем нанёс ножевые ранения *С. К.* (сын) в присутствии *М.* и *С.* говорил, что *К.* беременна, *С.* и сам видел, что она в таком состоянии и сказал об этом *М.* Беременность *К.* составляла 28 недель.

Владимирский областной суд приговорами от 17 февраля (в отношении *С.*) и 20 октября 2017 г. (в отношении *М.*) признал *М.* и *С.* виновными в убийстве заведомо беременной женщины и квалифицировал их действия в этой части по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассматривая дело в отношении *М.* в апелляционном порядке, указала: «Учитывая показания С. о том, что К. в присутствии М. говорил, что К. беременна и называл ее мамой, а она его сыном, принимая во внимание явные признаки 28-недельной беременности потерпевшей, суд обоснованно посчитал доказанной осведомленность М. о беременности женщины»[66].

Стадия беременности, жизнеспособность плода, собиралась ли потерпевшая прервать беременность, и знал ли об этом виновный, патология беременности влияния на квалификацию не оказывают. Например, приговором Кировского областного суда от 11 августа 2014 г. *К.* был признан виновным и осуждён по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство 18 сентября 2013 г. *Г.*, заведомо для него находящуюся в состоянии беременности. В апелляционной жалобе *К.* утверждал, что его действия не могли быть квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку у потерпевшей была

---

[60] *Кудрявцев В.Н.* Указ. соч. С. 151.

[61] См., напр.: Уголовное право России: учеб. Часть Особенная / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М., 2012. С. 35.

[62] См.: Уголовное право России: учеб. для вузов: в 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2000. Т. 2. Часть Особенная. С. 18.

[63] См., напр.: *Дядюн К.В.* Проблемы толкования и применения критерия «заведомость» при квалификации убийств // Журнал росс. права. 2018. № 5. С. 88, 94.

[64] Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 342.

[65] См.: *Хатуев В.Б.* Совершение преступления в отношении беременной женщины как отягчающее наказание обстоятельство в российском уголовном законодательстве // Вестник МГУ. Сер. 11 «Право». 2020. № 3. С. 75.

[66] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.03.2018 г. № 86-АПУ18-1 // СПС «КонсультантПлюс»; см. также: Вынесен приговор в отношении одного из членов преступной группы, совершившей тройное убийство в городе Владимире. URL: http://www.vladproc.ru

патология беременности и она не могла бы закончиться рождением ребёнка.

Судебная коллегия, отметив, что «как правильно указано в приговоре, то обстоятельство, что у Г. при исследовании трупа была установлена патология беременности, исключающая последующее рождение ребенка, не может влиять на юридическую квалификацию действия К.», приговор оставила без изменения, а апелляционную жалобу осуждённого без удовлетворения[67].

О несомненном знании виновным о наличии состояния беременности у жертвы могут свидетельствовать визуальное обнаружение беременности, ознакомление с официальными врачебными документами, информирование об этом самой потерпевшей или другими лицами и иные фактические данные. Как замечал С.П. Мокринский, «не требуется, чтобы признаки убиваемой были доступны уже внешнему, поверхностному наблюдению. Достаточно, если убийца знал о существовании беременности»[68]. Источник осведомленности о ней не имеет значения для квалификации содеянного.

Судебная практика также стоит на позиции признания таких данных достаточными доказательствами знания виновным о беременности потерпевшей. Иллюстрирует это следующее криминальное событие. Так, *Т.В.* на почве личных неприязненных отношений совершил убийство заведомо для него беременной *О.*, с которой он ранее сожительствовал. *О.* после того, как перестала сожительствовать с *Т.В.*, встречалась с *И.*, была от него беременна и собиралась за него замуж, о чём *Т.В.* знал. *Т.В.* предлагал ей сделать аборт и снова жить с ним.

В суде *Т.В.* утверждал, что перед совершением убийства не знал о беременности потерпевшей. Вместе с тем в судебном заседании он же пояснил, что он узнал о беременности *О.* от *Е.* Затем сама *О.* сначала подтвердила свою беременность, а позже сказала, что не беременна. О беременности *О.* он рассказал своему другу *Т.*

Кроме того, *Т.В.* на предварительном следствии не отрицал свою осведомленность о беременности потерпевшей перед её убийством.

При судебно-медицинском исследовании трупа *О.* было выявлено наличие беременности в сроке 10–12 недель.

Свидетели *Д.* и *К.*, мать и сестра виновного, *Ю.*, *В.*, *Ш.*, *Т.*, *И.*, *Е.*, *М.* показали, что *Т.В.* знал о беременности *О.*

Оценив все эти доказательства, суд нашёл вину *Т.В.* в убийстве заведомо для него беременной женщины установленной и квалифицировал его действия по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ[69].

Суд апелляционной инстанции подтвердил правильность квалификации его действия по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ[70].

Лицо, не владевшее достоверной информацией о беременности потерпевшей, не может быть привлечено к ответственности за убийство по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК, т.к. вероятная осведомлённость виновного о наличии этого фактора исключает признак заведомости, а поэтому и не дает оснований для применения означенной нормы.

Модельный уголовный кодекс и уголовные кодексы всех бывших советских республик, за исключением УК Литвы, аналогично УК РФ используют термин «заведомость» применительно к беременности[71].

---

[67] См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.10.2014 г. № 10-АПУ14-8 // Документ опубликован не был.

[68] *Мокринский С., Натансон В.* Преступления против личности. Харьков, 1928. С. 20 (цит. по: *Побегайло Э.Ф.* Указ. соч.).

[69] См.: Приговор Свердловского областного суда от 26.12.2013 г. № 1-136/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

[70] См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.03.2014 г. № 45-АПУ14-15 // СПС «КонсультантПлюс»; см. также: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.04.2013 г. № 48-АПУ13-1 // СПС «КонсультантПлюс»; Приговор Верховного суда Республики Тыва от 20.12.2017 г. № 2-14/2017. URL: http://www.sudact.ru; Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 10.09.2020 г. № 55-531/2020 // Документ опубликован не был.

[71] При этом УК Молдовы в п. «е» ч. 2 ст. 145 в отношении беременности данный признак непосредственно не зафиксирован. В этой норме названное свойство указано альтернативно, через союз «или» к несовершеннолетию, перед которым и стоит термин «заведомость». Поэтому в соответствии с грамматическим толкованием заведомость относится в данной норме и к беременности.

Высшие судебные органы некоторых из этих республик уделили внимание этому понятию. Пленум Верховного суда Республики Беларусь в своём постановлении от 17.12.2002 г. № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК РФ)» указал, что «судам надлежит иметь в виду, что по п. 3 ч. 2 ст. 139 УК подлежат квалификации действия виновного, заведомо знавшего о беременности потерпевшей» (п. 7) (см.: URL: http://www.belzakon.net).

Верховный суд Республики Казахстан в постановлении от 11.05.2007 г. № 1 (в ред. нормативного постановления Верховного суда РК от 20.04.2018 г. № 8) «О квалификации некоторых правонарушений против жизни и здоровья человека» (п. 9) разъяснил, что «при квалификации убийства по п. 4) части 2 ст. 99 УК необходимо устанавливать, что виновный на момент совершения убийства заведомо знал о беременности потерпевшей» (см.: URL: http://www.zakon.uchet.kz). Недостаток этих толкований усматривается в не раскрытии понятия заведомости – степени достоверности знания виновного об этом состоянии потерпевшей.

В УК Франции также требуется достоверное знание этого состояния, но не используется заведомость, а говорится, что такое состояние потерпевшей очевидно или известно исполнителю.

УК Болгарии и Литвы не указали критерий заведомости в качестве обязательного. В этом отношении, с нашей точки зрения, позиция последних заслуживает внимания.

Представляется целесообразным в целях повышения качества уголовно-правовой охраны такой категории потерпевших исключение термина «заведомость» из п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ[72]. Сходного мнения придерживаются и другие авторы[73].

Субъективная сторона анализируемого деяния может выражаться как прямым, так и косвенным умыслом[74]. Отдельные специалисты считают, что это преступление, «учитывая характер деяния»[75], т.к. на это указывает признак «заведомость»[76], может быть совершено только с прямым умыслом. Это утверждение неверно. Указание закона на заведомость относится только к осознанию состояния беременности, а не к психическому отношению к совершению убийства. Совершенно допустимо, что субъект знал о беременности женщины, но, причиняя ей смерть, безразлично к этому относился.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве»[77] не дал разъяснений относительно заведомости беременности и содержания субъективной стороны разбираемого состава, в связи с чем представляется целесообразным дополнить его рекомендациями по этим вопросам.

Мотивы и цели не являются обязательными признаками состава и не влияют на квалификацию деяния по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК. Поводом для убийства может быть как беременность потерпевшей, так и другие обстоятельства. Так, *Н.* в 2018 г., опасаясь, что его беременная любовница, которая отказалась делать аборт по его предложению, расскажет его тоже беременной супруге и о внебрачных отношениях, и о своей беременности, убил её[78]. А в октябре 2019 г. житель г. Омска из ревности убил беременную сожительницу[79].

Вместе с тем если мотив (цель) совершения убийства беременной предусмотрен в ином пункте ч. 2 ст. 105 УК РФ как квалифицирующее обстоятельство, то он тоже подлежат вменению и отражению при уголовно-правовой квалификации и содеянное необходимо квалифицировать по соответствующему пункту и п. «г» (например, по п. «г», «и» (хулиганские побуждения)[80]).

В вышеприведённых делах *М.* и *С.* также было вменено в вину и убийство беременной *К.* в целях сокрытия другого преступления, их действия квалифицированы дополнительно и по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Апелляционная инстанция констатировала: «Поскольку они оба явились свидетелями убийства П., а К. – еще и убийства сына, квалифицирующий признак их убийства с целью скрыть другое преступление также нашел свое подтверждение».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айламазян Э.К.* Акушерство: учеб. для мед. вузов. СПб., 2003. С. 55.
2. *Аниянц М.К.* Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М., 1964. С. 49.
3. *Багмет А.М., Скобелин С.Ю.* Уголовно-правовая охрана материнства и детства // Юридический мир. 2015. № 3. С. 50.
4. *Безверхов А.Г., Коростелёв В.С.* Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара, 2013.

[72] См.: *Хатуев В.Б.* Уголовно-правовое значение особых свойств потерпевшего от преступлений как основных или квалифицирующих признаков преступлений // Актуальные проблемы росс. права. 2019. № 3. С. 186, 187, 189.

[73] См., напр.: *Багмет А.М., Скобелин С.Ю.* Уголовно-правовая охрана материнства и детства // Юридический мир. 2015. № 3. С. 50; *Стрельников А.И.* Ответственность за убийство, совершенное при обстоятельствах, отягчающих наказание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. Правда, есть и противники такого решения (см.: *Егорова Н.А.* Предметное содержание вины: проблема уголовно-правовой науки и практики // Lex Russica. 2015. № 12. С. 67).

[74] См., напр.: Российское уголовное право: учеб. для вузов. Часть Особенная / под ред. В.С. Комиссарова. СПб., 2008. С. 46; Уголовное право России: учеб. Часть Особенная / под ред. В.Н. Бурлакова, В.В. Лукьянова, В.Ф. Щепелькова; *Иванов Н.Г.* Уголовное право. Т. 1. С. 27; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. С. 228; *Хатуев В.Б.* Уголовная ответственность за убийство беременной женщины // Российское правосудие. 2010. № 3. С. 74.

[75] Уголовное право: учеб. для вузов. Части Общая и Особенная / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2006. С. 151.

[76] Уголовное право России. Часть Особенная. Преступления против личности: курс лекций / под ред. С.Н. Сабанина. Екатеринбург, 2003. С. 20.

[77] См.: Росс. газ. 1999. 9 февр.

[78] См.: Приговор Верховного суда Республики Башкортостан от 27.11.2018 г. по делу № 2-30/2018. URL: http://www.sudact.ru

[79] См.: Омича осудят за жестокое убийство своей беременной сожительницы. URL: http://www.bk55.ru

[80] См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.10.2015 г. № 47-АПУ15-16СП (действия *Д.* квалифицированы по п. «г» и «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Документ опубликован не был.

5. *Белогриц-Котляровский Л.С.* Очерки курса русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев – Харьков, 1908. С. 151, 338.

6. *Белокуров О.В.* Квалификация убийства (ст. 105 УК РФ): учеб. пособие. М., 2004. С. 49.

7. *Благов Е.В.* Признаки состава преступления: традиции и реальность // Lex Russica. 2017. № 6. С. 162.

8. *Бодяжина В.И., Жмакин К.Н.* Гинекология: учеб. М., 1967. С. 11.

9. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 342.

10. *Борзенков Г.Н.* Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учеб.-практ. пособие. М., 2006. С. 52.

11. *Бородин С.В.* Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 26, 107.

12. *Бородин С.В.* Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 135.

13. Гинекология: учеб. для вузов / под ред. Г.М. Савельевой, В.Г. Бреусенко. М., 2009. С. 75.

14. *Доронина Е.Б.* Беспомощное состояние потерпевшего в структуре состава убийства: теория, закон, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 19, 20.

15. *Дядюн К.В.* Проблемы толкования и применения критерия «заведомость» при квалификации убийств // Журнал росс. права. 2018. № 5. С. 88, 94.

16. *Егорова Н.А.* Предметное содержание вины: проблема уголовно-правовой науки и практики // Lex Russica. 2015. № 12. С. 67.

17. *Есипов В.В.* Уголовное право. Часть Особенная. Преступления против государства и общества. М., 1906. С. 23.

18. *Иванов Н.Г.* Уголовное право: учеб. для академ. бакалавриата. Часть Особенная: в 2 т. М., 2019. Т. 1. С. 27.

19. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / отв. ред. Г.З. Анашкин, И.И. Карпец, Б.С. Никифоров. М., 1971. С. 261.

20. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / отв. ред. Ю.Д. Северин. М., 1984, С. 239, 240; М., 1985. С. 239, 240.

21. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2019.

22. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 2001. С. 228.

23. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный): в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. Т. 1. С. 199, 378.

24. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный): в 4 т. / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2020. Т. 2. Часть Особенная. Разд. VII–VIII. С. 33.

25. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. В.В. Меркурьев. М., 2019.

26. *Коробеев А.И.* Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М., 2012. С. 67, 68.

27. *Краев Д.Ю.* Некоторые вопросы квалификации убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности // Криминалистъ. 2016. № 2. С. 19.

28. *Краев Д.Ю.* Уголовная ответственность за убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Криминалистъ. 2016. № 1. С. 20.

29. *Кругликов Л.Л., Скрипченко Н.Ю.* Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Уголовное право. 2012. № 1. С. 44.

30. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 2004. С. 150, 151.

31. Курс советского уголовного права: в 6 т. / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М., 1971. Т. 5. С. 38.

32. Курс уголовного права: в 5 т. / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. М., 2002. Т. 3. Часть Особенная. С. 114.

33. *Лопашенко Н.А.* Убийство. М., 2013. С. 280, 281.

34. *Лохвицкий А.В.* Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 525.

35. *Мокринский С., Натансон В.* Преступления против личности. Харьков, 1928. С. 20.

36. *Морозов А.* Проблемы толкования и применения статьи 150 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 1. С. 56, 57.

37. *Наумов А.В.* Теоретические обоснования внесения изменений и дополнений в Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92). С. 6.

38. Научно-практическое пособие по применению Уголовного кодекса РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2005. С. 245.

39. *Неклюдов Н.А.* Руководство к особенной части русского уголовного права. Преступления и проступки против личности. СПб., 1876. Т. 1. С. 286.

40. *Никифоров Б.С.* Об умысле по действующему законодательству // Сов. государство и право. 1965. № 6. С. 29.

41. *Плаксина Т.А.* Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юриди-

ческое выражение в признаках состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. С. 10.

42. *Побегайло Э.Ф.* Избр. труды. СПб., 2008.
43. *Побегайло Э.Ф.* Умышленные убийства и борьба с ними (уголовно-правовое и криминологическое исследование). Воронеж, 1965.
44. *Познышев С.В.* Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. 1912 г. URL: http://www. Allpravo.Ru – 2004.
45. *Попов А.Н.* О начале уголовно-правовой охраны жизни в Российской Федерации // Криминалистъ. 2013. № 2. С. 80.
46. *Рарог А.И.* Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. М., 2006. С. 48.
47. *Рарог А.И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М., 2015. С. 49, 50.
48. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. С. 76–256, 435; М., 1986. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. С. 317, 327–365; М., 1994. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. С. 240–320.
49. Российское уголовное право: учеб. Часть Особенная / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997. С. 37.
50. Российское уголовное право: учеб. для вузов. Часть Особенная / под ред. В.С. Комиссарова. СПб., 2008. С. 46.
51. *Сверчков В.В.* Уголовное право: учеб. пособие для вузов. Часть Особенная. М., 2019. С. 27.
52. *Семернёва Н.К.* Квалификация преступлений. Части Общая и Особенная: науч.-практ. пособие. М., 2010.
53. *Стрельников А.И.* Ответственность за убийство, совершенное при обстоятельствах, отягчающих наказание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
54. Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел: науч.-практ. пособие / под ред. А.В. Галаховой. М., 2006.
55. Судебная медицина: учеб. / под ред. О.Х. Поркшеяна, В.В. Томилина. М., 1974. С. 217.
56. *Таганцев Н.С.* О преступлениях против жизни по русскому уголовному праву: в 2 т. СПб., 1871. Т. 2. С. 62, 63.
57. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая. Тула, 2001. Т. 1. С. 183, 190.
58. Уголовное право: учеб. для вузов. Части Общая и Особенная / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2006. С. 151.
59. Уголовное право. Часть Особенная / под ред. Б.В. Здравомыслова, С.Г. Келиной, Ш.С. Рашковской, М.А. Шнейдера. М., 1966. С. 164.
60. Уголовное право зарубежных стран: учеб. Части Общая и Особенная / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2010. С. 787, 788.
61. Уголовное право России: учеб. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. М., 2018.
62. Уголовное право России: учеб. Часть Особенная / под ред. В.Н. Бурлакова, В.В. Лукьянова, В.Ф. Щепелькова. СПб., 2014.
63. Уголовное право России: учеб. Часть Особенная / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М., 2012. С. 35.
64. Уголовное право России: учеб. для академ. бакалавриата: в 2 т. / отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. М., 2019. Т. 2. Часть Особенная. С. 31.
65. Уголовное право России: учеб. для вузов: в 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2000. Т. 2. Часть Особенная. С. 18.
66. Уголовное право России. Часть Особенная. Преступления против личности: курс лекций / под ред. С.Н. Сабанина. Екатеринбург, 2003. С. 20.
67. Уголовное право Российской Федерации: учеб. Часть Особенная / под ред. И.Э. Звечаровского. М., 2020. С. 26.
68. Уголовное право Российской Федерации: учеб. Часть Особенная / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2008. С. 38.
69. Уголовное право Российской Федерации: учеб. Часть Особенная / под ред. А.И. Рарога. М., 2004. С. 12.
70. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1893. С. 34, 40.
71. *Хатуев В.Б.* Совершение преступления в отношении беременной женщины как отягчающее наказание обстоятельство в российском уголовном законодательстве // Вестник МГУ. Сер. 11 «Право». 2020. № 3. С. 75.
72. *Хатуев В.Б.* Уголовная ответственность за убийство беременной женщины // Российское правосудие. 2010. № 3. С. 74.
73. *Хатуев В.Б.* Уголовно-правовое значение особых свойств потерпевшего от преступлений как основных или квалифицирующих признаков преступлений // Актуальные проблемы росс. права. 2019. № 3. С. 186, 187, 189.
74. *Чубарев В.Л.* Тяжесть преступного деяния. Киев, 1992. С. 53.
75. *Шаргородский М.Д.* Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 95.

REFERENCES

1. *Aylamazyan E.K.* Obstetrics: textbook for the honey universities. SPb., 2003. P. 55 (in Russ.).
2. *Aniyants M.K.* Liability for crimes against life by the current legislation of the Union republics. M., 1964. P. 49 (in Russ.).
3. *Bagmet A.M., Skobelin S. Yu.* Criminal legal protection of motherhood and childhood // Legal world. 2015. No. 3. P. 50 (in Russ.).
4. *Bezverkhov A.G, Korostelev V.S.* The Draft of the Criminal Code of the Russian Empire in 1813. Samara, 2013 (in Russ.).
5. *Belogrits-Kotlyarovsky L.S.* Essays of the course of Russian criminal law. General and Special parts. Kiev – Kharkiv, 1908. P. 151, 338 (in Russ.).
6. *Belokurov O.V.* Qualification of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation): textbook. M., 2004. P. 49 (in Russ.).
7. *Blagov E.B.* The elements of a crime: tradition and reality // Lex Russica. 2017. No. 6. P. 162 (in Russ.).
8. *Bodyazhina V.I. Zhmakin K.N.* Gynecology: textbook. M., 1967. P. 11 (in Russ.).
9. Big explanatory dictionary of Russian language / ed. by S.A. Kuznetsov. SPb., 2000. P. 342 (in Russ.).
10. *Borzenkov G.N.* Qualification of crimes against life and health: science-pract. manual. M., 2006. P. 52 (in Russ.).
11. *Borodin S.V.* Responsibility for murder: qualification and punishment under Russian law. M., 1994. P. 26, 107 (in Russ.).
12. *Borodin S.V.* Crimes against life. SPb., 2003. P. 135 (in Russ.).
13. Gynecology: textbook for universities / ed. by G.M. Savelyeva, V.G. Breusenko. M., 2009. P. 75 (in Russ.).
14. *Doronina E.B.* The helpless state of the victim in the structure of the composition of the murder: theory, law, practice: dis. ... PhD in Law. Yekaterinburg, 2004. P. 19, 20 (in Russ.).
15. *Dyadyun K.V.* Problems of interpretation and application of the criterion of "knowledge" in the qualification of murders // Journal of Russ. law. 2018. No. 5. P. 88, 94 (in Russ.).
16. *Egorova N.A.* The subject content of guilt: the problem of criminal law science and practice // Lex Russica. 2015. No. 12. P. 67 (in Russ.).
17. *Esipov V.V.* Criminal Law. The Part Is Special. Crimes against the state and society. M., 1906. P. 23 (in Russ.).
18. *Ivanov N.G.* Criminal Law: textbook for academies. bachelor's degree. Special part: in 2 vols. M., 2019. Vol. 1. P. 27 (in Russ.).
19. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ex. ed G.Z. Anashkin, I.I. Karpets, B.S. Nikiforov. M., 1971. P. 261 (in Russ.).
20. Commentary on the Criminal code of the Russian Federation / ex. ed. D. Severin. M., 1984. P. 239, 240; M., 1985. P. 239, 240 (in Russ.).
21. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ex. ed. A.I. Rarog. M., 2019 (in Russ.).
22. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ed. by Yu. I. Skuratov, V.M. Lebedev. M., 2001. P. 228 (in Russ.).
23. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized): in 2 vols / ed. by A.V. Brilliantov. M., 2015. Vol. 1. P. 199, 378 (in Russ.).
24. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized): in 4 vols. / ed. by V.M. Lebedev. M., 2020. Vol. 2. Part of the Special. Sec. VII–VIII. P. 33 (in Russ.).
25. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized) / under the General editorship of O.S. Kapinus; science ed. by V.V. Mercurev. M., 2019 (in Russ.).
26. *Korobeev A.I.* Criminal assault on life and human health. M., 2012. P. 67, 68 (in Russ.).
27. *Kraev D. Yu.* Some questions of qualification of murder of the woman, obviously for the guilty being in a state of pregnancy // Criminalist. 2016. No. 2. P. 19 (in Russ.).
28. *Kraev D. Yu.* Criminally responsible for the murder of a woman known to the perpetrator to be pregnant (item "g" of part 2 of article 105 of the Criminal Code) // Forensic. 2016. No. 1. P. 20 (in Russ.).
29. *Kruglikov L.L., Skripchenko N. Yu.* Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On the judicial practice of applying legislation regulating the features of criminal liability and punishment of minors" // Criminal Law. 2012. No. 1. P. 44 (in Russ.).
30. *Kudryavtsev V.N.* The General theory of qualification of crimes. M., 2004. P. 150, 151 (in Russ.).
31. The course of the Soviet Criminal Law: in 6 vols / ed. by A.A. Piontkovsky, P.S. Romashkin, V.M. Chkhikvadze. M., 1971. Vol. 5. P. 38 (in Russ.).
32. Criminal Law: in 5 vols / ed. by G.N. Borzenkov, V.S. Komissarov. M., 2002. Vol. 3. Part of the Special. P. 114 (in Russ.).
33. *Lopashenko N.A.* Murder. M., 2013. P. 280, 281 (in Russ.).
34. *Lokhvitsky A.V.* Course of Russian Criminal Law. SPb., 1871. P. 525 (in Russ.).
35. *Mokrinsky S., Natanson V.* Crimes against the person. Kharkiv, 1928. P. 20 (in Russ.).

36. *Morozov A.* Problems of interpretation and application of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal Law. 2013. No. 1. P. 56, 57 (in Russ.).

37. *Naumov A.V.* Theoretical justifications for making changes and additions to the Model Criminal Code for the member States of the Commonwealth of Independent States // Man: Crime and punishment. 2016. No. 1 (92). P. 6 (in Russ.).

38. Scientific and practical manual on the application of the Criminal Code of the Russian Federation / ed. V.M. Lebedev. M., 2005. P. 245 (in Russ.).

39. *Neklyudov N.A.* Guide to the special part of Russian criminal law. Crimes and misdemeanors against the person. SPb., 1876. Vol. 1. P. 286 (in Russ.).

40. *Nikiforov B.S.* On the intent by the current legislation // Soviet State and Law. 1965. No. 6. P. 29 (in Russ.).

41. *Plaksina T.A.* Social foundations of the qualifying circumstances of murder, and their legal expression in the elements of the crime: abstract ... Doctor of Law. Tomsk, 2006. P. 10 (in Russ.).

42. *Pobegailo E.F.* Selected works. SPb., 2008 (in Russ.).

43. *Pobegailo E.F.* Premeditated murders and the fight against them (Criminal Law and criminological research). Voronezh, 1965 (in Russ.).

44. *Poznyshev S.V.* Special part of the Russian criminal law. A comparative sketch of the most important departments of the special part of the old and new codes. 1912. URL: http://www. Allpravo.Ru –2004 (in Russ.).

45. *Popov A.N.* On the beginning of the criminal-legal protection of life in the Russian Federation. 2013. No. 2. P. 80 (in Russ.).

46. *Rarog A.I.* Table book of the judge on the qualification of crimes: practice manual. M., 2006. P. 48 (in Russ.).

47. *Rarog A.I.* Problems of qualification of crimes on subjective grounds. M., 2015. P. 49, 50 (in Russ.).

48. Russian law X–XX centuries: in 9 vols / ed. by O.I. Chistyakov. M., 1985. Vol. 3. The acts of the Zemsky Sobor / ed. by A.G. Mankov. P. 76–256, 435; M., 1986. Vol. 4. The legislation of the period of absolutism / ed. by A.G. Mankov. P. 317, 327–365, M., 1994. Vol. 9. The legislation of the era of bourgeois-democratic revolutions / ed. by O.I. Chistyakov. P. 240–320 (in Russ.).

49. Russian Criminal Law: textbook. Part of the Special / ed. by V.N. Kudryavtsev, A.V. Naumov. M., 1997. P. 37 (in Russ.).

50. Russian Criminal Law: textbook for universities. Part of the Special / ed. by V.S. Komissarov. SPb., 2008. P. 46 (in Russ.).

51. *Sverchkov V.V.* Criminal Law: textbook for universities. Part Special. M., 2019. P. 27 (in Russ.).

52. *Semerneva N.K.* Qualification of crimes. Parts General and Special: scientific-practical. M., 2010.

53. *Strelnikov A.I.* Responsibility for murder committed under circumstances aggravating the punishment: abstract ... PhD in Law. M., 1997 (in Russ.).

54. Trial by jury: the qualification of crimes and the procedure for considering cases: scientific-practical. manual / ed. by A.V. Galakhova. M., 2006 (in Russ.).

55. Forensic medicine: textbook / ed. by O.H. Porksheyan, V.V. Tomilin. M., 1974. P. 217 (in Russ.).

56. *Tagantsev N.S.* Russian Criminal Law: on crimes against life in Russian Criminal Law: in 2 vols. SPb., 1871. Vol. 2. P. 62, 63 (in Russ.).

57. *Tagantsev N.S.* Russian Criminal Law. The General Part. Tula, 2001. Vol. 1. P. 183, 190 (in Russ.).

58. Criminal Law: textbook for universities. Parts General and Special / ed. by N.G. Kadnikov. M., 2006. P. 151 (in Russ.).

59. Criminal Law. Part of the Special / ed. by B.V. Zdravomyslov, S.G. Kelina, Sh. S. Rashkovskaya, M.A. Shneider. M., 1966. P. 164 (in Russ.).

60. Criminal Law of foreign countries: textbook. Parts General and Special / ed. by I.D. Kozochkin. M., 2010. P. 787, 788 (in Russ.).

61. Criminal Law of Russia: textbook. Parts General and Special / ed. by A.I. Rarog. M., 2018 (in Russ.).

62. Criminal Law of Russia: textbook. Part of the Special / ed. by V.N. Burlakov, V.V. Lukyanov, V.F. Shchepelkov. SPb., 2014 (in Russ.).

63. Criminal Law of Russia: textbook. Part of the Special / ed. by F.R. Sundurov, M.V. Talan. M., 2012. P. 35 (in Russ.).

64. Criminal Law of Russia: textbook for academies. bachelor's degree: in 2 vols / ed. by A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. M., 2019. Vol. 2. Part Special. P. 31 (in Russ.).

65. Criminal Law of Russia: textbook for universities: in 2 vols. / ed. by A.N. Ignatov, Yu. A. Krasikov. M., 2000. Vol. 2. Part Special. P. 18 (in Russ.).

66. Criminal Law of Russia. The Part Is Special. Crimes against the person: a course of lectures / ed. by S.N. Sabanin. Ekaterinburg, 2003. P. 20 (in Russ.).

67. Criminal Law of the Russian Federation: textbook. Special part / under the editorship of I.E. Zvecharovsky. M., 2020. P. 26 (in Russ.).

68. Criminal Law of the Russian Federation: textbook. Part of the Special / ed. by L.V. Inogamova-Hegay, A.I. Rarog, A.I. Chuchaev. M., 2008. P. 38 (in Russ.).

69. Criminal Law of the Russian Federation: textbook. Part of the Special / ed. by A.I. Rarog. M., 2004. P. 12 (in Russ.).

70. *Foynitsky I. Ya.* Course of Criminal Law. The Part Is Special. Personal and property infringements. SPb., 1893. P. 34, 40 (in Russ.).

71. *Khatuev V.B.* Committing a crime against a pregnant woman as an aggravating circumstance in the Russian criminal legislation // Vestnik MSU. Ser. 11 "Law". 2020. No. 3. P. 75 (in Russ.).

72. *Khatuev V.B.* Criminal responsibility for the murder of a pregnant woman // Russian justice. 2010. No. 3. P. 74 (in Russ.).

73. *Khatuev V.B.* Criminal-legal significance of the special properties of the victim of crimes as the main or qualifying signs of crimes // Actual problems of Russ. law. 2019. No. 3. P. 186, 187, 189 (in Russ.).

74. *Chubarev V.L.* The severity of the criminal act. Kiev, 1992. P. 53 (in Russ.).

75. *Shargorodsky M.D.* Crimes against life and health. M., 1948. P. 95 (in Russ.).

Сведения об авторе

ХАТУЕВ Ваха Бухадывович -
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета Чеченского
государственного университета;
364024 г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32

Authors' information

KHATUEV Vakha B. –
PhD in Law, associate Professor of the Department
of Criminal Law and criminology, Faculty of Law,
Chechen state University;
32 A. Sheripova str., 364024 Grozny, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 83–92
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 83–92

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

УДК 342.4; 338

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА (К вопросу о конституционной реформе 2020 г.)

© 2021 г. И. В. Левакин

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

E-mail: Levakin@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.04.2020 г.

Аннотация. Анализу конституционно-правовых основ экономической системы России XX – начала XXI в. в связи с конституционной реформой 2020 г. посвящена данная статья. Автором прослеживается закономерность, согласно которой практически каждая новая конституция нашей страны (советские, буржуазная) отражала существенные изменения в формах собственности, способах производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, социально-классовой структуре общества. Реформирование отдельных статей, а не принципиальное изменение Конституции РФ 1993 г. в 2020 г. учитывает данную закономерность и предполагает развитие конституционно-правовых основ экономической системы в текущем законодательстве и правоприменительной практике. Новизна исследования заключается в осмыслении объективных закономерностей, обусловливающих развитие конституционно-правовых основ экономической системы.

Ключевые слова: конституция, законодательство, правовые основы, социально-экономическая система, социализм, капитализм, конституционные поправки.

Цитирование: *Левакин И.В.* Конституционно-правовые основы экономической системы России XX – начала XXI века (К вопросу о конституционной реформе 2020 г.) // Государство и право. 2021. № 3. С. 83–92.

DOI: 10.31857/S102694520014037-1

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN ECONOMIC SYSTEM OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURY (To the question of constitutional reform in 2020)

© 2021 I. V. Levakin

Moscow state Institute of international relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

E-mail: Levakin@yandex.ru

Received 09.04.2020

Abstract. This article is concerned with the analysis of the constitutional and legal foundations of the Russian economic system of the XX – beginning of the XXI century. There is a certain pattern according to which every new constitution in our country (soviet, bourgeois) reflected the essential changes in the forms of the property ownership, modes of production, distribution, exchange, consumption and social classes of the society. Reforms of the separate articles and not changes in principle in the 1993 Constitution in 2020 are reflecting this pattern and assuming the development of the constitutional and legal foundations of Russian economic system in Russia in current legislation and legal practice.

The novelty of the research consists in understanding the objective laws that determine the development of the constitutional and legal foundations of the economic system of our country, the adoption or reform of domestic constitutions.

Key words: Constitution, legislation, legal framework, socio-economic system, socialism, capitalism, constitutional amendments.

For citation: *Levakin, I.V. (2021).* Constitutional and legal foundations of the Russian economic system of the XX – beginning of the XXI century (To the question of constitutional reform in 2020) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 83–92.

Введение. Две наиболее влиятельные экономические системы: плановая с государственной собственностью в качестве основы хозяйствования – социализм и рыночная с опорой на частную собственность – капитализм, апробированы в законодательстве России.

Социализм начала – середины XX в. исходил из необходимости построения коммунизма, для чего были обобщены средства производства, сформирована плановая экономика; обеспечен режим социалистической законности[1].

Капитализм конца XX в. провозглашал в качестве высшей ценности человека его права и свободы, реализуемые в гражданском обществе, опирающемся на свободные рыночные отношения; принципы либерализма, естественные права, законодательство, нормы гражданских институтов отражали потенциал реализации индивидуальных целей[2].

Смешанная экономическая система XXI в. функционирует как регулируемый рынок: часть экономических ресурсов централизуется и распределяется государством в целях компенсации провалов (слабостей) рыночных механизмов; конституционные нормы предполагают баланс целеполагания государства, общества и индивидов[3].

Предмет данной статьи включает: 1) конституционно-правовые основы экономической системы советского социализма начала – середины XX в.; 2) конституционно-правовые основы перехода от экономики социализма к капитализму в конце XX в.; 3) конституционно-правовые основы экономической системы России начала XXI в.

Цель исследования: выявление причинно-следственных связей между социально-экономическими отношениями и основами их конституционно-правового регулирования на обозначенных этапах общественного развития и в связи с проводимой конституционной реформой. Поставленная цель достигается путем историко-логического анализа основ конституционно-правового регулирования экономической системы[4].

Конституционно-правовые основы экономической системы советского социализма начала – середины XX в. Известные события 1917 г. были вызваны в т.ч. существенными экономическими и социальными причинами: бедность подавляющего большинства трудящихся, продовольственные кризисы, технологическая отсталость и т.п.[5] По признанию С.Ю. Витте, в начале второго десятилетия XX в. экономика государства находилась «еще в начале развития промышленно-торговой ступени народного хозяйства»[6]. Модернизировать основные средства производства либо перестать играть активную роль на арене истории и впасть в зависимость от развитых государств и их монополий – таков был выбор. В то же время «российский капитал, а также класс и партии, представлявшие этот капитал, были слишком слабы, чтобы разрешить задачи быстрой индустриализации. <...> революция стала необходимостью, жизненной потребностью для народа...»[7].

Модернизация экономики требовала людских, материальных и финансовых источников: решения вопроса по займам царского и Временного правительств; привлечения больших человеческих ресурсов для строительства коммуникаций, возведения предприятий тяжелой промышленности; земельной реформы – «черного передела» и т.д. Лишь революционное – радикальное и насильственное – изменение общественного строя, сопровождаемое трансформированием структуры экономики, форм собственности, а значит, и политической власти, позволяло большевикам кардинальным способом решать насущные социально-экономические

[1] См.: *Ленин В.И.* КПСС о советской Конституции. М., 1979.

[2] См.: *Хайек Ф.А.* фон Дорога к рабству / пер. с англ. М., 1992.

[3] См.: *Самуэльсон Пол А., Нордхаус Вильям Д.* Экономика / пер. с англ. М., 1997.

[4] Подробное освещение всего спектра актов советских и российских органов государственного управления, которые также можно отнести к сфере экономики, выходит за рамки данной работы. О высших и центральных органах государственной власти и управления см. коллекцию Президентской библиотеки: URL: https://www.prlib.ru/authority_3-4-2 (дата обращения: 02.04.2020).

[5] См.: *Левакин И.В.* «Экономические конституции» и научно-технологический прогресс // Журнал росс. права. 2017. № 7. С. 46–53.

[6] *Витте С.Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912. С. 41.

[7] *Джилас М.* Новый класс. Нью-Йорк, 1961. С. 24.

задачи. Для подавления каждого, кто был не согласен с таким переворотом или его методами, устанавливалась диктатура «в виде мощной Всероссийской Советской власти», которая проводила тотальное переустройство жизни, предполагавшее невиданную доселе цель – «организацию общества в целом», превращение государства в огромную корпорацию, иными словами – социализм[8].

Социализм строился по плану, очертания которого были отражены в первой Программе РСДРП 1903 г., резолюции III съезда РСДРП 1905 г., далее в важнейших документах (декреты «О национализации крупнейших предприятий», «О земле», «О национализации внешней торговли» и др.), принятых после прихода большевиков к власти[9]. Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа, затем полностью включенной в Конституцию РСФСР 1918 г., частная собственность на землю отменялась, «все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия» объявлялись национальным достоянием. Фабрики, заводы, рудники, железные дороги и прочие средства производства и транспорта переходили под контроль советов, национализировались банки, аннулировались займы, заключенные царским правительством и т.д.[10] Тотальное переустройство жизни оправдывалось целью «уничтожения эксплуатации человека человеком...» (ст. 3, 9).

Экономическое положение, однако, требовало именно ужесточения эксплуатации народа[11]. Так, насильственная политика, получившая название «военный коммунизм», – высшая фаза стремления к построению новой социально-экономической системы в условиях Гражданской войны 1918–1921 гг. – включала всеобщую мобилизацию (военную, политическую, экономическую); крайнюю степень централизации управления; продразверстку хлеба по классовому принципу; национализацию промышленности (от мелкой до крупной); запрет на ведение частной торговли и свертывание товарно-денежных отношений[12]. Политика была направлена на «уничтожение паразитических слоев общества и организацию хозяйства путем всеобщей трудовой повинности» (ст. 18). Один из главных вождей революции, Л.Д. Троцкий, точно объяснил ситуацию: «Самый принцип трудовой повинности является для коммуниста совершенно бесспорным: “Кто не работает, тот не ест”. А так как есть должны все, то все обязаны работать. Трудовая повинность начертана в нашей Конституции и в Кодексе труда»[13].

Военный режим позволил большевикам удержать власть, однако хозяйственные отношения деградировали, экономика требовала «перезапуска» – новой экономической политики (НЭП). НЭП, инициированный в 1921 г. по решению XX съезда РКП(б), допускал временный отход от конституционной цели «экспроприации буржуазии» (ст. 79 Конституции 1918 г.), введение / реставрацию элементов рыночных отношений, хотя и под контролем новой власти[14]. По мысли В.И. Ленина, НЭП не менял единого государственного хозяйственного плана, а менял подход к его осуществлению: восстановление товарно-денежных отношений способствовало «максимальному подъему производительных сил...»[15].

---

[8] Примером того общегосударственного плана, стал знаменитый план ГОЭЛРО (Государственной комиссии по электрификации России), который был принят 22.12.1920 г. 8-м Всероссийским съездом Советов (утв. СНК 21.12.1921 г.).

[9] II Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов принял 7 ноября (по старому стилю – 25 октября) 1917 г. обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам!», в котором провозгласил в том числе: безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов; рабочий контроль над производством и др. Далее были приняты важнейшие акты: Положение о рабочем контроле, принятое ВЦИК 27.11.1917 г.; декреты ВЦИК: от 27.12.1917 г. «О национализации банков»; от 09.02.1918 г. «О социализации земли»; декреты СНК: от 22.04.1918 г. «О национализации внешней торговли»; от 28.07.1918 г. «О национализации крупнейших предприятий горной, металлургической, металлообрабатывающей, текстильной и других ведущих отраслей промышленности»; и др. (см.: Россия (1917, февраль – октябрь). Законы и постановления // Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920 / авт. предисл. Д. Курский. М., 1920).

[10] См.: *Генкин Д.М.* Право собственности в СССР. М., 1961.

[11] См.: *Дятлов В.Н.* Постмодернизм и Марксизм. Сопоставление. URL: http://philocv.files.wordpress.com/2011/12/diatlov02.pdf (дата обращения: 02.04.2020).

[12] В марте 1919 г. большевистская партия на своем VIII съезде приняла программу РКП(б). В ней, среди прочего, говорилось: «Выдвигается – как одна из коренных задач – максимальное объединение всей хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану» (см.: Восьмой съезд РКП(б) // Протоколы. URL: http://istmat.info/files/uploads/51514/8_sezd.pdf (дата обращения: 02.04.2020).

[13] *Троцкий Л.* Терроризм и коммунизм. URL: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1920/terr.htm (дата обращения: 02.04.2020).

[14] Был издан Декрет ВЦИК от 22.05.1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых в РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР». Гражданский кодекс 1922 г. содержал ст. 52: «Различается собственность: а) государственная (национализированная и муниципализированная), б) кооперативная, в) частная». НЭП был подкреплен правовыми актами в области финансового, промышленного, сельскохозяйственного регулирования (см.: Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1330.htm (дата обращения: 02.04.2020)).

[15] План НЭПа предусматривал сначала оживить сельское хозяйство и мелкую промышленность; затем восстановить и развить крупную промышленность; подготовить и осуществить социалистическое переустройство сельского хозяйства; создать материально-технических базу социализма (см.: *Ленин В.И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов (Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. С. 155–175).

Одновременно шло «установление основ и общего плана всего народного хозяйства, определение отраслей промышленности и отдельных промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение», предпринимались меры централизации экономики, предусмотренные Договором об образовании Союза Советских Социалистических Республик 1922 г., в т.ч. в целях «внутреннего хозяйственного преуспеяния» республики были объединены в единое государство, создан СССР и принята его первая Конституция 1924 г.[16] В 1929 г. на XVI партийной конференции был утверждён план первой пятилетки, предусматривающий форсированную индустриализацию СССР при предельной централизации руководства экономикой: вопрос о сочетании рыночных и дирижистских методов регулирования экономики был снят с повестки дня[17]. В 1929–1930 гг. урезали хозяйственную самостоятельность государственных предприятий и ликвидировали рыночную инфраструктуру. От НЭПа как системы, допускавшей элементы рыночной экономики, во второй половине 30-х годов практически ничего не осталось[18].

Индустриализация промышленности, коллективизация сельского хозяйства привели в невиданно короткий срок к радикальным переменам в социально-экономической системе СССР: изменился социально-классовый состав населения, был практически уничтожен частный сектор, что послужило одной из главных предпосылок пересмотра Конституции СССР 1924 г. и РСФСР 1925 г. Сталинская Конституция СССР 1936 г. утвердила факт победы социализма в СССР (тоталитарный режим, построенный на жесткой централизации управления государственными органами и огосударствленной экономикой)[19]. В тексте Конституции появилось понятие «экономической основы СССР» – ее составляли плановая социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства (ст. 4)[20]. Тяжелым, зачастую, принудительным трудом населения был обеспечен фундамент ряда социально-экономических прав: на труд; на отдых; на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности и др.[21] Конституция СССР 1936 г. и Конституция РСФСР 1937 г. соответствовали мобилизационному характеру советской социально-экономической системы до и после чрезвычайного периода Великой Отечественной войны[22].

«Оттепель» 1953–1964 гг. характеризовалась попытками поиска новых источников, методов и ориентиров развития промышленности, сельского хозяйства и строительства в рамках несколько гуманизированной социально-экономической системы (в 1956 г. демонтировали систему ГУЛАГа)[23]. Уже в 1961 г. на XXII съезде партии была представлена Программа КПСС, которая провозгласила начало нового этапа истории СССР – периода «развернутого коммунистического строительства»: используя сохранявшийся потенциал мобилизационной экономики, развивались атомная, космическая, радиоэлектронная, химическая промышленность, приборостроение[24]. Предполагалось, что в течение двух ближайших десятилетий СССР будет располагать невиданными по своему могуществу производительными силами, превысит технический уровень развитых государств и займет первое место в мире по производству продукции на душу населения, – будет построен коммунизм (07.05.1960 г. был принят Закон СССР от «Об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих»)[25]. Такие утопические цели все больше расходились с действительностью. Волюнтаризм Н.С. Хрущева мешал трезво оценить возможности замедляющейся

[16] Конституция РСФСР 1925 г. зафиксировала, что вся земля, леса, недра, воды, а равно фабрики и заводы, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и средства связи составляют «собственность рабоче-крестьянского государства» на основах, определяемых особыми законами Союза ССР и верховными органами РСФСР (ст. 15).

[17] 1929 год И.В. Сталин назвал «годом великого перелома»: капиталистические элементы в экономике были окончательно отменены, началась форсированная индустриализация на основании пятилетнего плана (см.: *Сталин И.В.* Год великого перелома // Правда. 1929. 7 нояб.).

[18] См.: Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. М., 2000.

[19] Принятие Конституций СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. имело в своей основе неразрывный комплекс социально-экономических и политических причин (см. подр.: Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000).

[20] См.: *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999.

[21] См.: *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 43–78.

[22] См.: *Пьянкевич В.Л.* Восстановление экономики СССР, середина 1941 – середина 1950-х гг.: историография. URL: https://www.dissercat.com/content/vosstanovlenie-ekonomiki-sssr-seredina-1941-seredina-1950-kh-gg-istoriografiya (дата обращения: 02.04.2020).

[23] Труд в сталинских лагерях необходимо рассматривать в широком контексте системы принуждения к труду в советской экономике 1930-х – середины 1950-х гг. (см.: ГУЛАГ. Экономика принудительного труда. М., 2008).

[24] 11.06.1964 г. Верховным Советом РСФСР был принят новый Гражданский кодекс, содержащий ряд положений, отсутствовавших в ГК РСФСР 1922 г.

[25] См.: Доклад и заключительное слово Н.С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР 07.05.1960 г. «Об отмене налогов с рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния Советского народа». URL: http://tonshlibr.ru/files/1960/56.pdf (дата обращения: 02.04.2020).

в темпах роста устаревшей и затратной системы хозяйствования[26].

Попытка экономических реформ с введением элементов рыночного регулирования, вошедшая в историю в качестве «косыгинских», была предпринята 30 сентября 1965 г., – принято постановление «Об улучшении управления промышленностью», а 4 октября 1965 г. – постановление «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства»[27]. Однако отдельные меры уже не были способны предотвратить деградацию социально-экономической системы «всенародного государства развитого социализма», провозглашенных «брежневской» Конституцией СССР 1977 г. Период с 70-х до середины 80-х годов был отмечен резким нарастанием хозяйственных проблем (не хватало продовольствия и товаров народного потребления), кроме прочего, СССР ввязался в крайне затратную гонку вооружений и непопулярную афганскую войну. Глубокий социально-экономический упадок, получивший характеристику «застоя», предопределил формационные перемены[28].

Конституционно-правовые основы перехода от экономики социализма к капитализму в конце XX в. На судьбоносном для СССР и всей системы мирового социализма апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 г. руководство партии призвало к «совершенствованию организационных структур управления, ликвидации излишних звеньев, упрощению аппарата, повышению его эффективности...»[29]. Генеральный секретарь КПСС требовал «ускорения» экономики, повышения эффективности и производительности труда, но о принципиальных изменениях в социально-экономическом устройстве речи еще не было, хотя на этом же пленуме впервые прозвучало слово «перестройка», которое впоследствии переросло в целое движение по глубокому реформированию СССР – «Перестройку»[30].

Перестройка 1986–1989 гг. – вынужденная либерализация социально-экономической системы «развитого социализма» – проводилась на фоне крайне неблагоприятных обстоятельств: низкие цены на нефть; высокие военные расходы (несмотря на «новое мышление»); экстенсивная экономика, ориентированная на военную и тяжелую промышленность, не обеспечивающая базовых потребительских запросов населения. Многие реформы были не продуманы: волюнтаристская антиалкогольная кампания, начатая 16 мая 1985 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогоноварения» породила спекуляцию и раздражение населения; легализация индивидуальной трудовой деятельности, перевод государственных предприятий на хозрасчёт и самофинансирование, создание кооперативов и совместных предприятий с иностранным капиталом вместе с группами предпринимателей-производителей сформировали «класс» криминальных коммерсантов, способствовали дальнейшему коррумпированию партийно-хозяйственной номенклатуры[31].

Провалились надежды разработчиков советской «Перестройки» на конвергенцию социалистической и либерально-рыночной систем. Предполагалось, что к конвергенции должно привести осознание «беспрецедентной ситуации реальной опасности самоуничтожения» в результате различных угроз.

А.Д. Сахаров полагал, что «единственным путем кардинального и окончательного устранения термоядерной и экологической гибели человечества, решения других глобальных проблем является глубокое встречное сближение мировых систем капитализма и социализма, охватывающее экономические и прочие отношения»[32].

Симбиоза передовых рыночных механизмов и подлинных социальных достижений реального социализма достичь не удалось, хотя попытки формирования конвергированной экономической системы были зафиксированы уже в Конституции РСФСР 1978 г., которая в редакции от 9 декабря 1992 г. конституировала рыночные отношения, предусмотрела условия для развития частной (юридических лиц и граждан), коллективной (общей совместной, общей долевой), государственной, муниципальной и собственности общественных объединений (ст. 10). Причины провала конвергенции можно называть разные, но, вероятнее всего, элиты, захватившие власть-собственность в России

[26] По некоторым данным, уровень бедности в СССР в 1958 г. составлял 69.5% всего населения (см.: Масштабы бедности в Советском Союзе и соцстранах. URL: https://ussrvopros.ru/sovetskaya-zhizn/sovetskij-truzhenik/502-masshtaby-bednosti-v-sovetskom-soyuze-i-sotsstranakh (дата обращения: 02.04.2020).

[27] Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / под науч. ред. Р.М. Нуреева. М., 2017.

[28] См.: Эпоха застоя в СССР. URL: https://historynotes.ru/period-zastoya/ (дата обращения: 02.04.2020).

[29] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М., 1985. С. 12.

[30] Речь Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза на XIX Всесоюзной конференции (28 июня – 1 июля 1988 г.). URL: http://soveticus5.narod.ru/455/soxix101.htm (дата обращения: 02.04.2020).

[31] См.: *Кузнецова О.Д.* История экономики. М., 2009.

[32] *Сахаров А.Д.* Конвергенция, мирное существование. URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_70.html (дата обращения: 02.04.2020).

и других будущих суверенных государствах, даже не ставили такой задачи.

Е.Т. Гайдар писал: «...изменить механизм распределения собственности... Именно здесь основной социальный смысл приватизации»[33], т.е. главным было не повышение благосостояния народа (социализм) и не повышение эффективности экономики и ее постоянный рост (капитализм), а передел собственности[34].

И ныне не прекратились споры относительно возможностей сохранения социализма и Союза ССР. Но, во-первых, в позднем СССР не было огромных людских ресурсов, переехавших из деревни в город и способных годами работать за гроши[35], а во-вторых, господствующий «класс» бюрократии ухватился за возможность быстрой конвертации власти в собственность и буржуазный комфорт[36]. Более чем 70-летний опыт социалистического строительства завершился: переродившаяся за годы «застоя», неудовлетворенная отчуждением от собственности, партийно-хозяйственная номенклатура легализовала капитализм.

1 мая 1987 г. вступил в силу Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности граждан СССР», 30 июня того же года – Закон «О государственном предприятии», предусматривавший хозрасчет и элементы самостоятельности в выборе экономических партнеров. Считается, что формально новейшая история российского капитализма началась с принятия 26 мая 1988 г. Закона «О кооперации в СССР» и постановления Совета Министров РСФСР от 18 июля 1991 г. № 406 «О мерах по поддержке и развитию малых предприятий в РСФСР», которые впервые со времен НЭПа создали правовые основы для создания и деятельности частных предприятий. Яркий деятель 90-х, Б.А. Березовский, в одном из интервью обмолвился, что закон о кооперативах приблизил конец советской власти[37]. Действительно, новая эра буржуазных отношений в России наступила: Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. «О собственности в РСФСР» и Закон РФ от 3 июля 1991 г. «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» вводили частную собственность, провозглашали равноправие всех форм собственности, т.е. ликвидировали систему реального социализма в России.

Демонтаж социалистической системы хозяйствования был ознаменован событиями в центре Москве 4 октября 1993 г., а 12 декабря того же года Конституция РФ зафиксировала основные формы либерально-рыночной социально-экономической системы.

Конституционно-правовые основы экономической системы России начала XXI в. В тексте Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. отсутствует специальный раздел, посвященный экономической системе (в отличие от Конституции СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г.), субъектам хозяйствования предоставлена возможность осуществлять свою деятельность в широких, но все же определенных рамках[38].

Конституция РФ препятствует полному огосударствлению экономической системы: гарантируется свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (ч. 1 ст. 8); защищаются экономические права человека и запрещается монополизация экономической деятельности (ст. 34); запрещается лишение имущества без решения суда, подчеркивается защита законом частной собственности (ст. 35); в равной мере защищаются все формы собственности, при первенстве частной (ч. 2 ст. 8); гарантируется исполнение ратифицированных международных договоров (ч. 4. ст. 15), право частной собственности на землю (ст. 36); предпринимательская деятельность защищается, в т.ч. от недобросовестной конкуренции (ч. 2 ст. 34), и т.д.[39]

Конституция, провозгласившая Российскую Федерацию социальным государством (ст. 7), предусматривает возможность ограниченного государственного вмешательства в процесс распределения материальных благ, например, для обеспечения социальной защиты всех членов общества и отдельных групп населения. Принцип социального государства требует юридических механизмов воплощения, но, в конечном счете, действенность и масштаб социальной защиты зависит от реальных экономических возможностей. Например, остатки еще неотмененного советского трудового, социального законодательства не помогли противостоять возложению всей тяжести рыночных реформ на население в разгаре рыночных реформ 90-х – капитализм эпохи первоначального накопления

[33] *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М., 1997. С. 136.

[34] См.: Экономика СССР с 1953 г. по 1985 г. URL: https://forum-msk.org/material/kompromat/11478532.html (дата обращения: 02.04.2020).

[35] См.: Вымирание села. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5e384220d5678042d888d4a3/vymiranie-sela-5e7cadbe4e3ba518b8133377 (дата обращения: 05.04.2020).

[36] См.: Расследование РБК: в каких странах у чиновников есть недвижимость. URL: https://www.rbc.ru/politics/21/07/2014/543d59cdcbb20f33d3197856 (дата обращения: 05.04.2020).

[37] См.: *Кречетников А.* Кооперативы 80-х: хотели как лучше, вышло как всегда. URL: https://inosmi.ru/world/20130526/209365303.html (дата обращения: 02.04.2020).

[38] См.: *Гаджиев Г.А.* Конституция как правовая основа современной экономики // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2009. № 1. С. 26–28.

[39] См.: *Бондарь Н.С.* Экономический конституционализм в России. М., 2017. С. 17–21.

капиталов. Только экономический подъем, последовавший за дефолтом 1998 г. позволил существенно повысить уровень жизни граждан. Улучшению экономического «климата» содействовали эффективные меры государства по борьбе с насильственными преступлениями, а также реформа законодательства начала 2000-х: вторая часть Налогового кодекса РФ, утвердившая плоскую ставку налогообложения физических лиц в 13%; Земельный кодекс РФ, узаконивший частную собственность на землю; Трудовой кодекс РФ, снявший ряд архаичных ограничений, унаследованных от плановой экономики; другие меры государственной поддержки отдельных отраслей экономики.

Росту экономических показателей, повышению уровня жизни населения помог рост цен на углеводороды: «4 июля 2008 г. цены на нефть марки Brent достигли исторического максимума – 143,95 доллара, в марте-декабре 2010 г. уровень цен на нефть стабилизировался на уровне 70–80 долларов за баррель»[40]. Российская Федерация представала амбициозной «энергетической сверхдержавой», государство стало мощным экономическим субъектом – реализовалась концепция смешанной экономики. Однако падение цен на энергоресурсы в условиях внешних экономических санкций сильно ударило по определяющей – сырьевой отрасли отечественного капитализма. Как следствие – двукратный обвал курса национальной валюты в 2015 г.[41], многолетнее сокращение реальных доходов населения, заморозка пенсионных накоплений на неопределенный срок, наконец, «пенсионная реформа» – повышение пенсионного возраста в 2018 г.[42]

Очевидно, в порыве правового инфантилизма, не учитывающего динамики глобальных процессов технологического развития, жизненной необходимости участия Российской Федерации в международном разделении труда, возможностей саморазвития Конституции РФ, предлагается социализировать экономику лозунгами: приоритет общественного интереса при осуществлении экономической деятельности над личным интересом; приоритетное развитие российских хозяйствующих субъектов и локализация капиталов, ресурсов на территории Российской Федерации; государственное регулирование экономической деятельности, отвечающее всеобщему благу и интересам гражданам России, экономического развития государства.

В том числе в качестве ответа на справедливый запрос населения на государственную социальную поддержку выступили изменения, внесенные в Конституцию РФ от 12 декабря 1993 г. Законом РФ о Поправке к Конституции, подписанным Президентом РФ 14 марта 2020 г.[43] В социально-экономической сфере предполагается «создание условий для устойчивого экономического роста страны.., гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность» (ст. 75^{1}); конституируются «гарантии минимального размера оплаты труда не менее величины прожиточного минимума; индексация пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом»; предполагается формирование системы «пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений» (ч. 5, 6 ст. 76); выстраиваются предпосылки для реализации «принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений» (п.е.4 ст. 114) и т.д.[44]

Экономические основы конституционного строя формально-юридически остаются неизменными, однако нормативы солидаризма корректируют первичный (либеральный) конституционный порядок, его дальнейшая фактическая трансформация будет зависеть от целеполагающей деятельности Президента РФ, в соответствии с поправками 2020 г. осуществляющего общее руководство Правительством РФ (п. б) ст. 83) и, собственно, высшего органа исполнительной власти, обязанного обновленной Конституцией РФ обеспечивать проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики (п. в) ч. 1 ст. 114), содействовать развитию предпринимательства и частной инициативы; обеспечивать реализацию принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений (п. е.3), е.4) ч. 1 ст. 114), а также Федерального Собрания РФ, несколько расширившего свои возможности по контролю над деятельностью исполнительной власти, через утверждение Государственной Думой кандидатур заместителей

[40] Динамика цен на нефть с 1990 г. Досье. URL: https://tass.ru/ekonomika/1572991 (дата обращения: 02.04.2020).

[41] См.: Динамика курса доллара США. URL: https://www.banki.ru/products/currency/usd/ (дата обращения: 02.04.2020).

[42] См.: Реальные доходы россиян в 2019 году продолжили падение. URL: https://www.rbc.ru/economics/19/02/2019/5c6c3a0a9a794787fc457225 (дата обращения: 02.04.2020).

[43] См.: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: https://rg.ru/2020/03/16/popravka-v-konstituciyu-dok.html (дата обращения: 08.04.2020).

[44] См.: Отношение к Основному Закону страны и к возможностям его пересмотра. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14307 (дата обращения: 02.04.2020).

Председателя Правительства РФ, некоторых министров Правительства РФ (п. а 1) ст. 103) и т.п.[45]

Заключение. Диалектика конституционно-правовых основ экономических отношений подтверждает, что отечественные конституции в качестве фундаментальных правовых актов сопрягают в своем содержании экономические и идеологические цели: «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»[46].

1. Советские конституции и законодательство начала – середины XX в. легализовали обобществление средств и предметов труда для модернизации доиндустриальных социально-экономических отношений: была поставлена цель построения бесклассового общества нового типа. Социалистической экономике мобилизационного типа удавалось довольно успешно развиваться до известного предела, которым стал переход от индустриальной к постиндустриальной социально-экономической системе.

2. При переходе в постиндустриальную эру конца XX в. экономическая система реального социализма потеряла динамику (командно-административная система не создавала должных стимулов к конкуренции и внедрению инноваций; уровень жизни населения падал) и, в конце концов, потерпела крах. В начале 90-х законодатель увидел возможности спасения стагнирующей экономики на путях рыночных реформ и построения «открытого общества»: узаконил частную собственность, предпринимательство, обеспечил легализацию процессов приватизации и т.п., т.е. конституировал концепцию либеральной экономики.

3. Новые вызовы XXI в. остро ставят перед Конституцией РФ задачи содействия становлению в Российской Федерации современной, социально-ориентированной и конкурентной экономической системы, способной как создавать «умные» технологии, так и функционировать в «особые периоды» сырьевых, финансовых, эпидемиологических и др. кризисов; в качестве ответа на данные вызовы конституционные поправки 2020 г. легализуют концепцию солидаризма: смешанной экономики, построенной на сотрудничестве общественных групп и широких социальных гарантиях.

Вывод. Практически каждая новая конституция – советские, буржуазная – отражала существенные изменения в формах собственности, способах производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, социально-классовой структуре общества. Реформирование отдельных глав и статей, а не принципиальное изменение Конституции РФ в 2020 г. учитывает данную закономерность и, очевидно, до определенного момента предполагает развитие скорректированных поправками конституционно-правовых основ экономической системы Российской Федерации в текущем законодательстве и правоприменительной практике – значит, последовательная социальная трансформация, оценивать которую следует «по плодам».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000.
2. *Бондарь Н.С.* Экономический конституционализм в России. М., 2017. С. 17–21.
3. *Витте С.Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912. С. 41.
4. Вымирание села. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5e384220d5678042d888d4a3/vymiranie-sela-5e7cadbe4e3ba518b8133377 (дата обращения: 05.04.2020).
5. *Гаджиев Г.А.* Конституция как правовая основа современной экономики // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2009. № 1. С. 26–28.
6. *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М., 1997. С. 136.
7. *Генкин Д.М.* Право собственности в СССР. М., 1961.
8. ГУЛАГ. Экономика принудительного труда. М., 2008.
9. *Джилас М.* Новый класс. Нью-Йорк, 1961. С. 24.
10. *Дятлов В.Н.* Постмодернизм и Марксизм. Сопоставление. URL: http://philocv.files.wordpress.com/2011/12/diatlov02.pdf (дата обращения: 02.04.2020).
11. *Кречетников А.* Кооперативы 80-х: хотели как лучше, вышло как всегда. URL: https://inosmi.ru/world/20130526/209365303.html (дата обращения: 02.04.2020).
12. *Кузнецова О.Д.* История экономики. М., 2009.
13. *Левакин И.В.* «Экономические конституции» и научно-технологический прогресс // Журнал росс. права. 2017. № 7. С. 46–53.
14. *Ленин В.И.* КПСС о советской Конституции. М., 1979.

[45] См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 г. «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf (дата обращения: 06.04.2020).

[46] *Маркс К.* Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 19.

15. *Ленин В.И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов (Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. С. 155–175.

16. *Маркс К.* Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 19.

17. Масштабы бедности в Советском Союзе и соцстранах. URL: https://ussrvopros.ru/sovetskaya-zhizn/sovetskij-truzhenik/502-masshtaby-bednosti-v-sovetskom-soyuze-i-sotsstranakh (дата обращения: 02.04.2020).

18. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М., 1985. С. 12.

19. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999.

20. Отношение к Основному Закону страны и к возможностям его пересмотра. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14307 (дата обращения: 02.04.2020).

21. *Пьянкевич В.Л.* Восстановление экономики СССР, середина 1941 – середина 1950-х гг.: историография. URL: https://www.dissercat.com/content/vosstanovlenie-ekonomiki-sssr-seredina-1941-seredina-1950-kh-gg-istoriografiya (дата обращения: 02.04.2020).

22. Расследование РБК: в каких странах у чиновников есть недвижимость. URL: https://www.rbc.ru/politics/21/07/2014/543d59cdcbb20f33d3197856 (дата обращения: 05.04.2020).

23. Реальные доходы россиян в 2019 году продолжили падение. URL: https://www.rbc.ru/economics/19/02/2019/5c6c3a0a9a794787fc457225 (дата обращения: 02.04.2020).

24. Россия (1917, февраль – октябрь). Законы и постановления // Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920 / авт. предисл. Д. Курский. М., 1920.

25. *Самуэльсон Пол А., Нордхаус Вильям Д.* Экономика / пер. с англ. М., 1997.

26. *Сахаров А.Д.* Конвергенция, мирное существование. URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_70.html (дата обращения: 02.04.2020).

27. *Сталин И.В.* Год великого перелома // Правда. 1929. 7 нояб.

28. *Троцкий Л.* Терроризм и коммунизм. URL: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1920/terr.htm (дата обращения: 02.04.2020).

29. Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / под науч. ред. Р.М. Нуреева. М., 2017.

30. *Хайек Ф.А. фон.* Дорога к рабству / пер. с англ. М., 1992.

31. *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 43–78.

32. Экономика СССР с 1953 г. по 1985 г. URL: https://forum-msk.org/material/kompromat/11478532.html (дата обращения: 02.04.2020).

33. Эпоха застоя в СССР. URL: https://historynotes.ru/period-zastoya/ (дата обращения: 02.04.2020).

REFERENCES

1. *Avakian S.A.* Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. M., 2000 (in Russ.).

2. *Bondar N.S.* Economic constitutionalism in Russia. M., 2017. P. 17–21 (in Russ.).

3. *Witte S. Yu.* Summary of lectures on national and state economy. SPb., 1912. P. 41 (in Russ.).

4. The extinction of the village. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5e384220d5678042d888d4a3/vymiranie-sela-5e7cadbe4e3ba518b8133377 (accessed: 05.04.2020) (in Russ.).

5. *Gadzhiev G.A.* Constitution as the legal basis of the modern economy // Real estate and investment. Legal regulation. 2009. No. 1. P. 26–28 (in Russ.).

6. *Gaidar E.T.* State and evolution. M., 1997. P. 136 (in Russ.).

7. *Genkin D.M.* Property rights in the USSR. M., 1961 (in Russ.).

8. GULAG. Economics of forced labor. M., 2008 (in Russ.).

9. *Djilas M.* The new class. New York, 1961. P. 24 (in Russ.).

10. *Dyatlov V.N.* Postmodernism and Marxism. Comparison. URL: http://philocv.files.wordpress.com/2011/12/diatlov02.pdf (accessed: 02.04.2020) (in Russ.).

11. *Krechetnikov A.* Cooperatives of the 80's: they wanted the best, it turned out as always. URL: https://inosmi.ru/world/20130526/209365303.html (accessed: 02.04.2020) (in Russ.).

12. *Kuznetsova O.D.* The history of Economics. M., 2009 (in Russ.).

13. *Levakin I.V.* "Economic Constitution" and the scientific and technological progress // Journal of Russ. law. 2017. No. 7. P. 46–53 (in Russ.).

14. *Lenin V.I.* The CPSU on the Soviet Constitution. M., 1979.

15. *Lenin V.I.* New economic policy and tasks of political lights (Report at the II All-Russian Congress of political lights) // Lenin V.I. Complete collection of works of the 5th ed. Vol. 44. P. 155–175 (in Russ.).

16. *Marx K.* Critique of the Goth program // Marx K., Engels F. Essays. 2nd ed. M., 1961. Vol. 19. P. 19 (in Russ.).
17. The scale of poverty in the Soviet Union and the Socialist countries. URL: https://ussrvopros.ru/sovetskaya-zhizn/sovetskij-truzhenik/502-masshtaby-bednosti-v-sovetskom-soyuze-i-sotsstranakh (accessed: 02.04.2020) (in Russ.).
18. Proceedings of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, April 23, 1985. M., 1985. P. 12 (in Russ.).
19. *Osokina E.A.* Behind the facade of "Stalin's abundance": Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941. M., 1999 (in Russ.).
20. Attitude to the Basic Law of the country and to the possibilities of its revision. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14307 (accessed: 02.04.2020) (in Russ.).
21. *Pyankevich V.I.* Restoration of the USSR economy, mid-1941-mid-1950s: Historiography. URL: https://www.dissercat.com/content/vosstanovlenie-ekonomiki-sssr-seredina-1941-seredina-1950-kh-gg-istoriografiya (accessed: 02.04.2020) (in Russ.).
22. RBC investigation: in which countries officials have real estate. URL: https://www.rbc.ru/politics/21/07/2014/543d59cdcbb20f33d3197856 (accessed: 05.04.2020) (in Russ.).
23. Real incomes of Russians in 2019 continued to fall. URL: https://www.rbc.ru/economics/19/02/2019/5c6c3a0a9a794787fc457225 (accessed: 02.04.2020) (in Russ.).
24. Russia (1917, February – October). Laws and regulations // Systematic collection of the most important decrees. 1917–1920 / auth. preface. D. Kursky. M., 1920 (in Russ.).
25. *Samuelson Paul A., Nordhaus William D.* Economics / transl. from English. M., 1997 (in Russ.).
26. *Sakharov A.D.* Convergence, peaceful existence. URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_70.html (accessed: 02.04.2020) (in Russ.).
27. *Stalin I.V.* The year of great change // The newspaper "Pravda". November 7, 1929, No. 259. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t12/t12_06.htm (accessed: 02.04.2020) (in Russ.).
28. *Trotsky L.* Terrorism and communism. URL: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1920/terr.htm (accessed: 02.04.2020) (in Russ.).
29. A missed chance or the last valve? (to the 50th anniversary of the Kosygin reforms in 1965) / under the scientific ed. of R.M. Nureyev. M., 2017 (in Russ.).
30. *Hayek F.A.* von The road to slavery / transl. from English. M., 1992 (in Russ.).
31. *Ebzeev B.S.* Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation. M., 2005. P. 43–78 (in Russ.).
32. Economy of the USSR from 1953 to 1985. URL: https://forum-msk.org/material/kompromat/11478532.html (accessed: 02.04.2020) (in Russ.).
33. The era of stagnation in the USSR. URL: https://historynotes.ru/period-zastoya/ (accessed: 02.04.2020) (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛЕВАКИН Игорь Вячеславович –
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры публичного права
Московского государственного института
международных отношений (Университет)
МИД России; 119454 г. Москва,
пр-т Вернадского, д. 76

Authors' information

LEVAKIN Igor V. —
Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department of Public Law of the Moscow state
Institute of international relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation; 76 Vernadsky ave.,
119454 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 93–101
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 93–101

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

НАЛОГОВЫЕ РАСХОДЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ БЮДЖЕТОВ

© 2021 г. Т. А. Вершило*, Н. Л. Шарандина**

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

**E-mail: tvershilo@yandex.ru*
***E-mail: natsharandina@mail.ru*

Поступила в редакцию 11.06.2020 г.

Аннотация. В статье анализируется правовое регулирование налоговых расходов бюджетов публично-правовых образований. Рассматривается становление и развитие института налоговых расходов в Российской Федерации и в зарубежных государствах. Определены взаимосвязь налоговых льгот и налоговых расходов, методы оценки налоговых расходов, а также правовой статус участников бюджетного процесса в целях формирования перечня и оценки налоговых расходов. Сформулирован вывод о том, что своевременная и обоснованная информация о налоговых расходах публично-правового образования призвана послужить одним из важнейших средств эффективного управления расходами бюджетов бюджетной системы.

Ключевые слова: бюджет, бюджетная система, бюджетный федерализм, налоговые льготы, налоговые расходы, методы оценки налоговых расходов, управление, эффективное управление доходами и расходами бюджетов публично-правовых образований.

Цитирование: *Вершило Т.А., Шарандина Н.Л.* Налоговые расходы публично-правового образования в системе доходов и расходов бюджетов // Государство и право. 2021. № 3. С. 93–101.

DOI: 10.31857/S102694520014040-5

TAX EXPENDITURES OF PUBLIC LEGAL EDUCATION IN THE SYSTEM OF BUDGET REVENUES AND EXPENDITURES

© 2021 T. A. Vershilo*, N. L. Sharandina**

Russian state University of justice, Moscow

**E-mail: tvershilo@yandex.ru*
***E-mail: natsharandina@mail.ru*

Received 11.06.2020

Abstract. The article analyzes the legal regulation of tax expenditures in the budgets of public legal entities and the problems of such regulation. The article considers the formation and development of the category and institution of tax expenditures in the world practice and in Russia, the relationship between tax benefits and tax expenditures, methods for assessing tax expenditures, as well as the legal status of participants in the budget process in order to create a list and assess tax expenditures. The authors conclude that timely and reasonable information about tax expenditures of public legal education is intended to serve as one of the most important tools for effective management of budget expenditures in the budget system.

Key words: budget, budget system, budget federalism, tax benefits, tax expenditures, methods of assessing tax expenditures, management, effective management of revenues and expenditures of budgets of public legal entities.

For citation: *Vershilo, T.A., Sharandina, N.L. (2021).* Tax expenditures of public legal education in the system of budget revenues and expenditures // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 93–101.

Эффективное управление бюджетной сферой является трендом развития Российской Федерации. Данному направлению уделяется пристальное внимание, поскольку от того, как расходуются денежные средства централизованного публичного денежного фонда, зависит качество жизни не только каждого гражданина, в частности, но и экономическое развитие государства в целом[1].

Установление государством различных видов налоговых льгот (освобождений, вычетов и др.) фактически предусматривает недополучение в качестве налоговых доходов бюджетов объема денежных средств на сумму предоставленных налоговых льгот, а значит – невозможности профинансировать на эту сумму государственные (муниципальные) расходы.

Льготами по налогам и сборам признаются предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов предусмотренные законодательством о налогах и сборах преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере (п. 1 ст. 56 НК РФ). Однако важно отметить, что для целей определения налоговых расходов данный подход не всегда может быть корректным в силу нескольких причин. Во-первых, налоговые расходы включают в себя не только налоговые льготы, но и преференции, которые предусмотрены в т.ч. и по другим неналоговым платежам. Во-вторых, налоговые льготы и налоговые расходы соотносятся между собой как часть и целое, поскольку налоговые льготы установлены только налоговым законодательством, а налоговые расходы предусматривают льготы по обязательным платежам, имеющим как налоговый, так и неналоговый характер.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что налоговые льготы являются факультативным элементом юридической конструкции налога; они предусмотрены не для всех налогов. В то же время предоставление налоговых льгот, с одной стороны, направлено на достижение социальной справедливости для налогоплательщиков, обладающих разными финансовыми возможностями (например, на снижение налогового бремени для малоимущих и социально незащищенных лиц); с другой – призвано стимулировать развитие разных сфер общественной жизни, способствовать увеличению числа рабочих мест и т.д.

А.М. Соколовская указывает, что *налоговая льгота* представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных финансовых проблем[2]. При этом она отмечает, что базовыми критериями налоговой льготы являются: 1) отклонение от базовой (нормативной) структуры налога; 2) предоставление преимуществ отдельным плательщикам налогов; 3) использование в качестве инструмента налогового регулирования[3].

Т.А. Логинова и Т.И. Семкина подчеркивают важность установления критериев, позволяющих отнести налоговую норму к налоговой льготе. Среди признаков налоговой льготы они называют: преимущество в виде неуплаты налога или уплаты налога в пониженном размере; отсутствие в качестве элемента методологии расчета. Кроме того, данные авторы указывают на то, что налоговая льгота должна представлять собой норму, являющуюся объектом обложения налогом, а также располагать возможностью соотнести элемент налогообложения с определенной категорией налогоплательщиков, имеющих право на получение преференций[4].

В науке не раз обращалось внимание на отсутствие в мировой практике налогообложения единой концепции нормативного закрепления структуры налогов, хотя исследования налоговых льгот в финансовой науке, в т.ч. и в контексте обсуждения концепции налоговых расходов, ведутся с 1960–1970-х годов. При этом каждое государство вводит свои критерии, позволяющие отнести такие преференции либо к налоговым льготам, либо к налоговым расходам[5].

Многочисленность налоговых льгот, в т.ч. в системе налоообложения Российской Федерации, обусловлена разнообразием целей государственной налоговой политики и путей их достижения. В связи с этим в науке предлагаются различные основания их классификации. Например, предлагается классифицировать налоговые льготы по ряду оснований: а) *в зависимости от вида налога;* б) *в зависимости от элемента налога:* в) *по форме предоставления льготы;* г) *по характеру целей государственной налоговой политики;* д) *в зависимости от назначения льготы;* е) *по сроку применения;* ж) *по компетенции установления и масштабу применения;* з) *в зависимости от*

[1] Подробнее об этом см.: *Вершило Т.А.* Бюджет и его роль в управлении государством // Финансовое право. 2015. № 12. С. 12–14.

[2] См.: Энциклопедия теоретических основ налогообложения / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. М., 2016. С. 127.

[3] См.: там же.

[4] См.: *Логинова Т.А., Семкина Т.И.* Налоговые расходы (налоговые льготы): проблемы налогов на имущество и НДС // Налоги. 2019. № 6. С. 27–33.

[5] См.: *Иванов А., Милоголов Н.С., Пинская М.Р.* Формирование реестра налоговых льгот: принципы и подходы // Налоги. 2019. № 1. С. 6–10; Энциклопедия теоретических основ налогообложения / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. С. 127.

характера (механизма) предоставления[6]. Представляется, что такая расширенная классификация видов налоговых льгот будет способствовать точному расчету налоговых расходов.

В ст. 56 НК РФ не только закреплено легальное определение понятия «налоговая льгота», но и одновременно установлен важный принцип: предоставление льгот не может быть индивидуализировано (абз. 2 ч. 1 ст. 56 НК РФ)[7]. Следовательно, как разъяснил Конституционный Суд РФ, *налоговая льгота* – это исключение из закрепленных в Конституции РФ правил налогообложения[8], позволяющих достичь определенного баланса интересов всех участников налоговых правоотношений: сочетания возможности налогоплательщиков уплатить налоги, а государства – в получении доходов.

В противном случае, если этот принцип нарушается, во-первых, усложняется налоговое администрирование, поскольку есть возможность для злоупотреблений в данной сфере; во-вторых, увеличиваются расходы государства на исполнение требований налогового законодательства, связанные с осуществлением налогового контроля.

С этой позиции предоставление налоговых льгот определяет уязвимость бюджетного процесса из-за недополучения соответствующих доходов на суммы предоставленных налоговых льгот в текущем финансовом году; в то же время, в налоговом процессе нарушается принцип справедливости, удобства и эффективности налогообложения[9]. А поскольку налоги предназначены для финансового обеспечения деятельности публично-правовых образований, возникает «диссонанс» между бюджетным и налоговым процессами, устранить который призваны новейшие цифровые технологии, используемые как в бюджетном, так и налоговом процессах.

В то же время отказаться от наличия такого инструмента в регулировании налоговых отношений как налоговые льготы государство не может; в противном случае будет нарушен «хрупкий» баланс сочетания интересов государства и интересов налогоплательщика. Таким образом, предоставление налоговых льгот фактически является налоговыми расходами бюджетов публично-правового образования, т.е. на практике «налоговые расходы» являются альтернативой другим мерам государственной поддержки (например, предоставление субсидий на возмещение затрат товаропроизводителям, на регулирование цен по тарифам), включая непосредственные расходы бюджетов.

Налоговые льготы, будучи институтом налогового права, тесно и неразрывно связаны с институтом бюджетного права – *налоговыми расходами*, детерминируют их. Предоставление льгот налогоплательщикам неизбежно влечет налоговые расходы в соответствующих бюджетах публично-правовых образований. Именно налоговые льготы обусловили появление в бюджетном праве ***категории налоговых расходов.***

Появление концепции налоговых расходов пришлось на вторую половину XX в. Этот период ознаменован усложнением налоговых систем ведущих государств, сделавшим очевидным усиление регулирующей функции налогов, следствием чего и стало расширение практики налоговых льгот.

Концепция налоговых расходов возникла в ФРГ в 1954 г. при анализе бюджетных расходов (впервые введено понятие «налоговые расходы»), но только в 1965 г. она получила законодательное закрепление. С тех пор каждые два года бундестагу в целях анализа мер налоговой политики стал представляться «Отчет о налоговых субсидиях». Основным объектом оценки стали: а) налоговые льготы для корпоративного сектора, б) отраслевые субсидии, – с позиции их влияния на доходы населения и конечное потребление[10].

В 1968 г. Министерство финансов США инициировало формирование перечня налоговых расходов, был составлен список всех налоговых льгот, относящихся к налоговым расходам. С 1971 г. на основании этого перечня Комитет Конгресса США по вопросам налогообложения стал осуществлять ежегодную оценку налоговых расходов бюджета. 1974 г. ознаменовался принятием Закона о контроле за расходованием бюджетных средств (Congressional Budget and Impoundment Control Act of 1974; PL 93–344), предусматривающим включение перечня налоговых расходов в ежегодный отчет о бюджете. Первоначальная идея оценки налоговых льгот С. Суррея (Staley S. Surrey) касалась исключительно индивидуального подоходного налога и налога на прибыль корпораций. Однако впоследствии перечень налоговых расходов был увеличен

[6] См.: Энциклопедия теоретических основ налогообложения / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. С. 129.

[7] Более подробно см.: *Копина А.А.* Равенство, дискриминация и дифференциация налогоплательщиков // Налоги. 2017. № 22. С. 1–8.

[8] См.: определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 г. № 1713-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белоцерковца Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 3 Закона Астраханской области “О транспортном налоге”» // В официальных источниках не публиковалось.

[9] См.: *Малинина Т.А.* Оценка налоговых льгот и освобождений: зарубежный опыт и российская практика. М., 2010.

[10] См.: Энциклопедия теоретических основ налогообложения / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. С. 386.

за счет налоговых льгот, предоставляемых по налогам на собственность и потребление[11].

В дальнейшем концепция налоговых расходов получила распространение в других государствах: Южной Корее, Японии (1976), Испании (1978), Австрии, Канаде, Великобритании (1979), Франции (1980), Австралии (1981), Бельгии (1984), Нидерландах (1987), Финляндии (1988), Дании, Швеции (1996), Норвегии (1999), а также в начале 2000-х годов в Греции, Италии, Мексике, Новой Зеландии, Польше, Португалии, Чили, Швейцарии. Необходимость этой меры вызвана прежде всего увеличением бюджетных дефицитов, а также необходимостью оптимизации государственных расходов[12].

В российском законодательстве понятие «налоговые расходы» отсутствовало вплоть до января 2019 г., в связи с чем Международный валютный фонд (МВФ) рекомендовал урегулировать данный вопрос в Российской Федерации[13]. При этом МВФ не только сформулировал дефиницию «налоговые расходы», но и описал опыт таких государств, как ФРГ, США, Соединенное Королевство и др. по использованию информации, касающейся налоговых расходов, и их влияния на формирование доходов в бюджетном процессе этих государств.

Включение понятия «налоговые расходы» в бюджетное законодательство Российской Федерации стало возможным только после того, как Министерством финансов РФ были разработаны направления совершенствования бюджетного законодательства. Так, параметры определения налоговых расходов по различным видам доходов бюджетов бюджетной системы впервые были предусмотрены в Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2017 год и плановый период 2018 и 2019 годов.

Таким образом, Министерством финансов РФ, с одной стороны, были выполнены рекомендации МВФ, с другой – проанализированы дополнительные возможности по получению доходов бюджетами Российской Федерации и тем самым реализованы указанные рекомендации при подготовке федерального бюджета на 2019 год.

По предварительной оценке Минфина РФ, объем налоговых льгот и иных преференций, относимых к «налоговым расходам», к 2018 г. превысил 2 трлн руб. В то же время подчеркнуто, что, в отличие от прямых расходов бюджета «налоговые расходы» прежде не были объектом бюджетного контроля. Одновременно указывалось на отсутствие правовых основ, обеспечивающих проведение учета, прогнозирования и оценки налоговых льгот в рамках бюджетного процесса не установлены, следствием чего, по мнению Минфина России, явилась, во-первых, нерегулярность и несопоставимость оценок, невозможность использования их при принятии решений относительно мер социально-экономической поддержки; во-вторых, это создавало предпосылки для снижения эффективности мер государственной политики, недооценки фактических объемов ресурсов, направленных на поддержку того или иного направления, неоптимального распределения дефицитных бюджетных ресурсов.

Реализация данного проекта нацелена на формирование нормативной базы, а также внедрение оценки «налоговых расходов» в регулярный бюджетный процесс[14].

Фактическое урегулирование вопросов, связанных с недополучением доходов государством в результате предоставления налоговых льгот, стало возможным с принятием Федерального закона от 25 декабря 2018 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации»[15] (далее – Федеральный закон от 25 декабря 2018 г. № 494-ФЗ), дополнившего Бюджетный кодекс РФ двумя статьями, непосредственно затрагивающими налоговые расходы, отдельные нормы которого вступили в силу с 1 января 2019 г.

Принятие данного Федерального закона, безусловно, явилось одним из результатов выполнения Российской Федерацией рекомендаций МВФ о повышении прозрачности бюджетно-налоговой сферы и совершенствования бюджетного и налогового федерализма, которому в последнее время не уделялось достаточного внимания.

Бюджетный федерализм – не только залог развития и укрепления государства, но также и стимул для увеличения налогового потенциала как государства в целом, так и каждого субъекта и муниципального образования в Российской Федерации. Лишь выстроив оптимальную модель бюджетного и налогового федерализма, присущую именно Российской Федерации, можно достичь оптимизации и успехов в управлении бюджетной системой Российской Федерации[16].

---

[11] См.: Энциклопедия теоретических основ налогообложения / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. С. 386.

[12] См.: там же.

[13] См.: Руководство по обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере. Вашингтон, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.b-ok.org/book/523638/77cd55 (дата обращения: 12.03.2019).

[14] См.: URL: https://www.minfin.ru/ru/perfomance/projects/departmental/ (дата обращения: 15.03.2020).

[15] См.: СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I), ст. 8420.

[16] См.: *Вершило Т.А.* Налоговые расходы публично-правового образования как средство эффективного управления расходами бюджетов бюджетной системы в условиях становления цифровой экономики (правовой аспект) // Право и государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 109.

В результате принятия Федерального закона от 25 декабря 2018 г. № 494-ФЗ ст. 6 БК РФ была дополнена абз. 35, а также ст. 174[3].

В абз. 35 указанной статьи включена дефиниция «налоговые расходы публично-правового образования», определяющая их как «выпадающие доходы бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, обусловленные налоговыми льготами, освобождениями и иными преференциями по налогам, сборам, таможенным платежам, страховым взносам на обязательное социальное страхование, предусмотренными в качестве мер государственной (муниципальной) поддержки в соответствии с целями государственных (муниципальных) программ и (или) целями социально-экономической политики публично-правового образования, не относящимися к государственным (муниципальным) программам». Следовательно, не только легализована и определена категория «налоговые расходы», но и дан импульс появлению в бюджетном праве и формированию в рамках института бюджетных доходов нового правового субинститута.

Анализ данного определения позволяет отметить следующее. Во-первых, законодательно определены налоговые расходы публично-правового образования как выпадающие доходы, т.е. те доходы, которые недополучило публично-правовое образование в связи с предоставлением льгот. Во-вторых, в качестве налоговых расходов публично-правового образования законодательно установлен исчерпывающий перечень льгот, которые необходимо учитывать в качестве налоговых расходов. В-третьих, к налоговым расходам публично-правового образования законодатель отнес не только льготы, обусловленные налоговым законодательством, но также и льготы, которые установлены неналоговым законодательством, а именно таможенным и законодательством об обязательном социальном страховании. Однако, в-четвертых, возникает вопрос: как рассматривать и куда следует отнести льготы, предусмотренные иным законодательством, предоставление которых также затрагивает выпадающие доходы бюджетов?

В *Приложении 1* к Основным направлениям бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов приведен отчет «Налоговые расходы Российской Федерации 2015–2021», содержащий описание и стоимостную оценку налоговых расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

В силу того что налоговые расходы представляют собой разницу между доходами бюджета при использовании «базовой» структуры налогов (иных платежей) и фактически закрепленной в законодательстве, их учет и оценка необходимы для корректного прогнозирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, что является одним из важнейших этапов бюджетного процесса. Отсутствие отдельного учета налоговых расходов также приводит к недооценке влияния государства на экономику.

Постановлением Правительства РФ от 12 апреля 2019 г. № 439 утверждены *Правила формирования перечня налоговых расходов Российской Федерации и оценки налоговых расходов Российской Федерации*[17], устанавливающие состав, полномочия и функции участников бюджетного процесса в целях формирования перечня и оценки налоговых расходов. Кроме того, вводится и раскрывается ряд новых дефиниций, таких как *куратор налогового расхода*; *соисполнитель куратора налогового расхода*; *нормативные характеристики налоговых расходов Российской Федерации*; *оценка налоговых расходов Российской Федерации*; *оценка объемов налоговых расходов Российской Федерации*; *оценка эффективности налоговых расходов Российской Федерации*; *сводная оценка эффективности налоговых расходов Российской Федерации*; *нормативные характеристики налоговых расходов Российской Федерации*; *паспорт налогового расхода Российской Федерации*; *перечень налоговых расходов Российской Федерации*; *стимулирующие налоговые расходы Российской Федерации*; *технические налоговые расходы Российской Федерации*; *фискальные характеристики налоговых расходов Российской Федерации*; *целевые характеристики налоговых расходов Российской Федерации*.

Важный момент при определении объема налоговых расходов – оценка таких расходов. В данном Постановлении Правительства РФ также определен круг и полномочия органов, осуществляющих оценку налоговых расходов Российской Федерации.

Так, *Министерство финансов РФ* обладает широким кругом полномочий, которые можно разделить на несколько групп. К первой группе можно отнести полномочия, непосредственно связанные с формированием перечня налоговых расходов, который составляется на основе информации о нормативных, целевых и фискальных характеристиках. Вторую группу полномочий составляют полномочия, связанные с оценкой объемов налоговых расходов. И наконец, третью группу полномочий – полномочия, связанные с обобщением результатов оценки эффективности налоговых расходов; определением правил формирования информации о нормативных, целевых и фискальных характеристиках налоговых расходов.

[17] См.: постановление Правительства РФ от 12.04.2019 г. № 439 «Об утверждении Правил формирования перечня налоговых расходов Российской Федерации и оценки налоговых расходов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 16, ст. 1946.

Главные администраторы доходов федерального бюджета: представляют в Министерство финансов РФ информацию о фискальных характеристиках налоговых расходов Российской Федерации за отчетный финансовый год, а также информацию о стимулирующих налоговых расходах Российской Федерации за шесть лет, предшествующих отчетному финансовому году.

Кураторы налоговых расходов:

а) формируют паспорта налоговых расходов Российской Федерации;

б) осуществляют оценку эффективности налоговых расходов Российской Федерации и направляют результаты такой оценки в Министерство финансов РФ.

Соисполнитель куратора налоговых расходов:

а) представляет куратору налоговых расходов Российской Федерации информацию для оценки налоговых расходов Российской Федерации (данные статистической отчетности, иные сведения, необходимые для проведения оценки налоговых расходов);

б) представляет куратору налоговых расходов предложения для включения в проекты методик оценки эффективности налоговых расходов Российской Федерации в пределах полномочий, в соответствии с которыми они являются ответственными за достижение соответствующих налоговому расходу Российской Федерации целей государственной программы Российской Федерации и (или) целей социально-экономической политики Российской Федерации, не относящихся к государственным программам Российской Федерации;

в) осуществляет оценку эффективности налоговых расходов Российской Федерации в пределах полномочий, определенных методикой оценки эффективности налоговых расходов Российской Федерации, в соответствии с которыми он является ответственным за достижение соответствующих налоговому расходу целей государственной программы Российской Федерации и (или) целей социально-экономической политики Российской Федерации, не относящихся к государственным программам Российской Федерации, и направляет результаты оценки эффективности налоговых расходов Российской Федерации куратору налоговых расходов, осуществляющему сводную оценку эффективности налоговых расходов Российской Федерации, ежегодно, не позднее 1 декабря (уточненные данные – до 15 февраля).

22 июня 2019 г. Постановлением Правительства РФ № 796 утверждены *Общие требования к оценке налоговых расходов*[18], определившие, что оценка эффективности налоговых расходов должна осуществляться *кураторами налоговых расходов*, на которых дополнительно возложена ответственность за достижение целей, заявленных в государственных (муниципальных) программах, или не относящихся к государственным (муниципальным) программам целей социально-экономической политики соответствующих налоговому расходу субъекта Российской Федерации (муниципального образования), т.е. объемам налоговых льгот, предоставленных публично-правовыми образованиями различным категориям налогоплательщиков.

Наряду с этим кураторы налоговых расходов должны оценивать эффективность предоставленных налоговых льгот для бюджетного процесса.

В Постановлении Правительства РФ от 22 июня 2019 г. № 796 установлены критерии оценки целесообразности налоговых расходов, перечень которых является открытым.

В необходимых случаях сами кураторы налоговых расходов могут установить дополнительные критерии. Однако содержание понятия такой «необходимости» в указанном подзаконном нормативном правовом акте не раскрывается. Соответственно, создаются дополнительные возможности для органов власти самостоятельно устанавливать критерии, позволяющие, с одной стороны, уменьшить налоговые расходы в связи с отказом в предоставлении налоговых льгот, а с другой – остается некая «лазейка» для злоупотреблений в этой сфере.

Постановлением Правительства РФ от 22 июня 2019 г. № 796 также устанавливаются критерии и оценка результативности налоговых расходов, отражающие разные виды налоговых расходов: социальный, фискальный, стимулирующий, технический и целевой. В качестве критерия определяется как минимум один показатель (индикатор) программы, позволяющий судить о достижении ее целей.

Оценить результативность налоговых расходов, согласно данному Постановлению, возможно только на основании сравнительного анализа результативности предоставления льгот и результативности применения альтернативных механизмов достижения целей, таких как предоставление субсидий, государственных гарантий и др., результатом которой будет бюджетная эффективность или неэффективность. При этом оценка совокупного бюджетного эффекта (самоокупаемости) стимулирующих налоговых расходов осуществляется за период с начала действия соответствующих льгот или за пять отчетных лет, а в случае, если указанные льготы действуют более шести лет,– на день проведения оценки

[18] См.: постановление Правительства РФ от 22.06.2019 г. № 796 «Об общих требованиях к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // СЗ РФ. 2019. № 26, ст. 3450.

эффективности налогового расхода (Е) по установленной формуле.

Следует подчеркнуть, что результаты рассмотрения оценки налоговых расходов публично-правовых образований должны быть учтены, в частности, при формировании основных направлений бюджетной и налоговой политики субъектов Российской Федерации (муниципальных образований).

Международная практика оценки налоговых расходов фиксирует три основных метода, позволяющих оценить их количественный объем:

метод упущенных доходов, который позволяет оценить сумму потерь доходов бюджета от предоставления льготы;

метод восстановленных доходов, предусматривающий оценку суммы вероятного увеличения доходов бюджета в случае отмены льготы;

метод эквивалентных расходов, устанавливающий оценку суммы прямых расходов бюджета в случае замены льготы трансфертом (отличается от метода восстановленных доходов в случае, если заменяющий льготу трансферт облагается налогом).

Наиболее широкое распространение в мировой практике получил *метод упущенных доходов* – за его большую надежность.

Оценка стоимостного объема налоговых расходов по методу упущенных доходов в отчете Минфина России произведена преимущественно на основе данных, содержащихся в формах статистической налоговой отчетности о налоговой базе и структуре начислений по конкретным налогам: в частности, в формах 1-НДС, 5-П, 5-НДПИ, 5-НИО, 5-ТН; 5-НДФЛ, 5-МН[19].

Таким образом, можно констатировать, что Правительством РФ, в частности, в короткие сроки разработан механизм оценки налоговых расходов, подлежащий применению в бюджетном процессе уже на 2020 год для субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Аналогичная норма действует и для оценки налоговых расходов Российской Федерации в связи с принятием 12 апреля 2019 г. постановления Правительства РФ № 439 «Об утверждении правил формирования перечня налоговых расходов Российской Федерации и оценки налоговых расходов Российской Федерации»[20].

Абзацем 26 ст. 192 БК РФ устанавливается дополнительный обязательный документ при внесении на рассмотрении Государственной Думы проекта федерального бюджета на очередной финансовый год и плановый период – *отчет об оценке налоговых расходов Российской Федерации* за отчетный финансовый год, который формируют кураторы налоговых расходов, определяемые на всех уровнях власти. Поскольку этот документ является обязательным, органы исполнительной власти должны просчитать все риски, связанные с предоставлением льгот. Представляется, что включение в ст. 192 БК РФ данного абзаца призвано обеспечить возможность осуществления парламентского контроля за качеством и достоверностью указанной оценки, поскольку ныне контроль за оценкой налоговых льгот со стороны Федерального Собрания отсутствует.

Таким образом, в условиях увеличения возможностей налоговых органов применять различные инструменты и методы при осуществлении налогового контроля, одновременно отсутствуют механизмы контроля за предоставлением налоговых льгот, имеющих постоянный и не заявительный характер; тем самым оказывается влияние на формирование доходной части бюджета. Нормы Федерального закона от 25 декабря 2018 г. № 494-ФЗ создают потенциал для дополнительных источников дохода бюджета, поскольку предусматривают обязанность в рамках осуществления бюджетного процесса органами власти всех уровней проводить постоянный мониторинг и осуществлять оценку предоставленных налоговых льгот с точки зрения влияния их на формирования доходной части бюджета.

Отсутствие отдельного учета налоговых расходов приводит к недооценке влияния государства на экономику. Несмотря на то что налоговые расходы приводят к росту государственного вмешательства, при отсутствии отдельного учета расширенное применение налоговых расходов будет отражаться как сокращение доходов, что может некорректно интерпретироваться как снижение роли государства в экономике.

В Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годов заявлено, что расширение охвата обзоров бюджетных расходов, совершенствование системы государственных закупок, а также *полноценное внедрение концепции налоговых расходов с оценкой их эффективности* Правительство РФ считает ключевыми мерами операционной эффективности для повышения вклада мер государственной поддержки в достижение национальных целей развития[21].

[19] См.: URL: https://www.minfin.ru/common/gen_html/?id=123007&fld=FILE_MAIN (дата обращения: 08.05.2020).

[20] См.: СЗ РФ. 2019. № 16, ст. 1946.

[21] См.: URL: https://www.minfin.ru/common/gen_html/?id=123007&fld=FILE_MAIN (дата обращения: 08.05.2020).

22 апреля 2020 г. Президент РФ подписал Федеральный закон от № 121-ФЗ, в соответствии с которым доходы малых и средних предприятий, полученные в виде субсидий из федерального бюджета в связи с неблагоприятной ситуацией, связанной с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), освобождаются от уплаты налога на прибыль[22].

В частности, данным Федеральным законом ст. 217 НК РФ дополнена п. 80, 81, 82, устанавливающими освобождение от уплаты ***налога на доходы физических лиц*** доходы:

в виде ежегодной денежной выплаты лицам, награжденным нагрудным знаком «Почетный донор России», установленной Федеральным законом от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» (п. 80);

в виде денежной выплаты стимулирующего характера за особые условия труда и дополнительную нагрузку медицинским работникам, оказывающим медицинскую помощь гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из групп риска заражения новой коронавирусной инфекцией, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования федерального бюджета (81);

в виде субсидий, полученных из федерального бюджета в связи с неблагоприятной ситуацией, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции, налогоплательщиками, включенными по состоянию на 1 марта 2020 г. в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства и ведущими деятельность в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения указанной инфекции, перечень которых утверждается Правительством РФ (п. 82; п/п. 60 п. 1 ст. 251).

Таким образом, льгота будет предоставляться предпринимателям, ведущим деятельность в отраслях экономики, в наибольшей степени пострадавших в результате распространения коронавируса COVID-19 (перечень этих отраслей утверждается Правительством РФ). Обязательное условие – налогоплательщик должен быть включен по состоянию на 1 марта в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.

Федеральный закон от 22 апреля 2020 г. № 121-ФЗ позволяет при определении налоговой базы по налогу на прибыль учитывать расходы малых и средних предприятий, сделанные за счет этих субсидий, что позволит дополнительно снизить налоговую нагрузку на малый и средний бизнес[23].

Именно гл. 25 ***«Налог на прибыль организаций»*** НК РФ дополнения затронули в наибольшей степени.

6 мая 2020 г. в «Российской газете» опубликовано сообщение о представленной руководителем Федеральной налоговой службы презентации к совещанию у Президента РФ, из которой следует, что в апреле 2020 г. фактические налоговые поступления в бюджетную систему Российской Федерации составили 1.716 трлн руб., что на 31.4% меньше уровней апреля 2019 г. В федеральный бюджет в апреле поступило 784.2 млрд руб. – на 31.2% меньше, чем год назад, в т.ч. в апреле 2020 г. к апрелю 2019 г. поступления по налогу на прибыль снизились на 40.8% (до 438.4 млрд руб.), НДФЛ – на 14.1% (до 302.8 млрд руб.), НДС – на 26.7% (до 220.1 млрд руб.), НДПИ – на 50.8% (до 269.8 млрд руб.). На этом же совещании руководитель ФНС России указал, что бизнес, пострадавший от пандемии коронавируса, получит отсрочки по налогам. Автоматически их получат 1.5 млн компаний на 217 млрд руб., еще более 50 тыс. компаний получат отсрочку после подачи заявления в Федеральную налоговую службу[24].

Указанные меры влекут увеличение объема налоговых расходов и, соответственно, уменьшение поступлений налоговых доходов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации.

Необходимость внедрения в бюджетный процесс системы учета, анализа и контроля налоговых расходов обусловлена их значимостью для достижения целей социально-экономической политики, потребностью оценить полный объем бюджетных ресурсов, направленных на достижение таких целей.

* * *

Представляется, что своевременная и обоснованная информация о налоговых расходах публично-правового образования призвана послужить важнейшим средством эффективного управления расходами бюджетов бюджетной системы в условиях развития цифровой экономики.

[22] См.: Федеральный закон от 22.04.2020 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 24.04.2020

[23] См.: URL: https://rg.ru/2020/04/22/putin-osvobodil-ot-naloga-subsidii-dlia-biznesa-v-sviazi-s-covid-19.html

[24] См.: URL: https://rg.ru/2020/05/06/postupleniia-nalogov-v-rossii-upali-na-tret.html

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вершило Т.А.* Бюджет и его роль в управлении государством // Финансовое право. 2015. № 12. С. 12–14.
2. *Вершило Т.А.* Налоговые расходы публично-правового образования как средство эффективного управления расходами бюджетов бюджетной системы в условиях становления цифровой экономики (правовой аспект) // Право и государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 109.
3. *Иванов А., Милоголов Н.С., Пинская М.Р.* Формирование реестра налоговых льгот: принципы и подходы // Налоги. 2019. № 1. С. 6–10.
4. *Копина А.А.* Равенство, дискриминация и дифференциация налогоплательщиков // Налоги. 2017. № 22. С. 1–8.
5. *Логинова Т.А., Семкина Т.И.* Налоговые расходы (налоговые льготы): проблемы налогов на имущество и НДС // Налоги. 2019. № 6. С. 27–33.
6. *Малинина Т.А.* Оценка налоговых льгот и освобождений: зарубежный опыт и российская практика. М., 2010.
7. Руководство по обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере. Вашингтон, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.b-ok.org/book/523638/77cd55 (дата обращения: 12.03.2019).
8. Энциклопедия теоретических основ налогообложения / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. М., 2016. С. 127, 129, 386.

REFERENCES

1. *Vershilo T.A.* The budget and its role in state management // Financial Law. 2015. No. 12. P. 12–14 (in Russ.).
2. *Vershilo T.A.* Tax expenditures of public legal education as a means of effective management of budget expenditures of the budget system in the conditions of the formation of the digital economy (legal aspect) // Law and state: theory and practice. 2019. No. 3 (57). P. 109 (in Russ.).
3. *Ivanov A., Milogolov N.S., Pinskaya M.R.* Formation of the register of tax benefits: principles and approaches // Taxes. 2019. No. 1. P. 6–10 (in Russ.).
4. *Kopina A.A.* Equality, discrimination and differentiation of taxpayers // Taxes. 2017. No. 22. P. 1–8 (in Russ.).
5. *Loginova T.A., Semkina T.I.* Tax expenses (tax benefits): problems of property taxes and VAT // Taxes. 2019. No. 6. P. 27–33 (in Russ.).
6. *Malinina T.A.* Assessment of tax benefits and exemptions: foreign experience and Russian practice. M., 2010 (in Russ.).
7. Guidelines for ensuring transparency in the budget and tax sphere. Washington, 2001 [Electronic resource]. – Access mode: https://ru.b-ok.org/book/523638/77cd55 (accessed: 12.03.2019) (in Russ.).
8. Encyclopedia of the theoretical foundations of taxation / ed. by I.A. Mayburov, Yu.B. Ivanov. M., 2016. P. 127, 129, 386 (in Russ.).

Сведения об авторах

ВЕРШИЛО Татьяна Александровна –
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69а

ШАРАНДИНА Наталия Львовна –
старший преподаватель кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69а

Authors' information

VERSHILO Tatyana A. –
PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of Financial Law of the Russian state University of justice; 69a Novocheremushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia

SHARANDINA Natalia L. -
senior lecturer of the Department of Financial Law of the Russian state University of justice; 69a Novocheremushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 102–111
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 102–111

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА В СЛУЧАЕ ЕГО ОТОБРАНИЯ (ИЗЪЯТИЯ) ИЗ СЕМЬИ

© 2021 г. Н. В. Летова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: letovanv@mail.ru

Поступила в редакцию 11.01.2021 г.

Аннотация. В статье рассмотрены последние тенденции развития законодательства об отобрании ребенка у родителей, выявлены достоинства и недоставки действующего порядка отобрания (изъятия) ребенка из семьи.
Автором представлены выводы о сущности данной меры защиты ребенка и ответственности его родителей, систематизированы последствия такой меры и отличия от иных санкций, применяемых в сфере семейных отношений, проанализированы основания для применения этой меры в отношении родителей ребенка.

Ключевые слова: семейная государственная политика, семья, семейные ценности, ребенок, отобрание ребенка, изъятие из семьи, правовые последствия отобрания, защита ребенка, меры защиты, меры ответственности, превентивные меры защиты, ответственность, лишение родительских прав, санкции, тенденции развития законодательства.

Цитирование: *Летова Н.В.* Защита прав и интересов ребенка в случае его отобрания (изъятия) из семьи // Государство и право. 2021. № 3. С. 102–111.

DOI: 10.31857/S102694520014036-0

PROTECTION OF THE RIGHTS AND INTERESTS OF THE CHILD IN THE EVENT OF HIS REMOVAL (REMOVAL) FROM THE FAMILY

© 2021 N. V. Letova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: letovanv@mail.ru

Received 11.01.2021

Abstract. In the article examines the latest trends in the development of legislation on the removal of a child from parents, presents an analysis of the current norm, identifies the advantages and disadvantages of the current procedure for the removal (removal) of a child from the family.
The author presents conclusions about the essence of this measure of protecting a child and the responsibility of his parents, systematizes the legal consequences of such a measure and the differences from other sanctions applied in the field of family relations, analyzes the grounds for applying such a measure in relation to the child's parents.

Key words: family state policy, a family, family values, child, removal of the child, removal from the family, legal consequences of taking away, child protection, protection measures, measures of responsibility, preventive protection measures, a responsibility, deprivation of parental rights, sanctions, trends in the development of legislation.

For citation: *Letova, N.V. (2021).* Protection of the rights and interests of the child in the event of his removal (removal) from the family // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 102–111.

Каждому ребенку государством гарантировано право на семейное воспитание своими родителями. Право жить и воспитываться в семье относится к числу фундаментальных и социально значимых прав ребенка. Данное право регламентировано не только на уровне норм национального права (ст. 54 Семейного кодекса РФ[1]), но и международного. Так, Конвенция о правах ребенка[2] признает, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере любви и понимания, обязывает подписавшие ее государства обеспечивать детям необходимые для их благополучия защиту и заботу, принимать все надлежащие законодательные, административные и другие меры для осуществления прав, признанных в Конвенции, признавать право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития (преамбула, п. 2 ст. 3, ст. 4 и п. 1 ст. 27).

Принцип 6 Декларации прав ребенка[3] гласит, что ребенок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании. Он должен, когда это возможно, расти на попечении и под ответственностью своих родителей и во всяком случае в атмосфере любви и моральной и материальной обеспеченности. Согласно ст. 5 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод[4] государствам предписано принимать такие меры, которые необходимы для соблюдения интересов детей.

Имплементация данных положений находит свое выражение в нормах национального права. Согласно Конституции РФ 1993 г. государство гарантирует охрану материнства, отцовства и детства на территории Российской Федерации (ст. 38).

Особое внимание к семье, детям проявляется не только в принятии многочисленных актов, посвященных охране и защите детства[5], но и в пристальном внимании к их проблемам, уделяемом Президентом РФ В.В. Путиным. На протяжении многих последних лет были приняты программные документы в отношении детей, в частности, в рамках Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы[6]. Президентом РФ определена общая задача о необходимости формирования системы, которая способна обеспечить реагирование на нарушение прав каждого ребенка, включая диагностику ситуации, планирование и принятие необходимого комплекса мер по обеспечению соблюдения прав ребенка и их восстановлению.

В соответствии со ст. 1 Конвенции о правах ребенка, ч. 1 ст. 54 СК РФ ребенком признается лицо, не достигшее возраста 18 лет, т.е. совершеннолетия, воспитание которого возложено законом на его родителей. В кодифицированном нормативном правовом акте предусмотрено общее ограничение, что только в случаях отсутствия у ребенка родителей, лишения их родительских прав или при наличии других причин утраты родительского попечения, функции по устройству ребенка в семью возложены на специальные органы, а именно органы опеки и попечительства. Следует отметить, что степень нуждаемости ребенка в правовой защите не зависит от причины утраты родительского попечения, которые могут быть объективными, например, смерть родителей, недееспособность, признание их безвестно отсутствующими или субъективными, такие как лишение родительских прав, отсутствие желания заниматься своим ребенком и другие причины[7].

---

[1] См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16.

[2] Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г. (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

[3] Принята 20.11.1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Права и свободы личности. М., 1995. Вып. 11. С. 191–194.

[4] Заключена в г. Риме 04.11.1950 г. (с изм. от 13.05.2004 г.) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (подписан в г. Париже 20.03.1952 г.), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963 г.), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984 г.)) // СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.

[5] См., напр.: Указ Президента РФ от 06.10.2020 г. № 614 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации “Фонд защиты детей”» // СЗ РФ. 2020. № 41, ст. 6393; Указ Президента РФ от 23.06.2020 г. № 412 «О единовременной выплате семьям, имеющим детей» // СЗ РФ. 2020. № 26, ст. 4086; Указ Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // СЗ РФ. 2017. № 23, ст. 3309; и др.

[6] См.: Указ Президента РФ от 01.06.2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // СЗ РФ. 2012. № 23, ст. 2994.

[7] Реализация такого положения на практике призывает государства учитывать общие ограничения, предусмотренные стандартами Совета Европы в данной сфере. Так, например, как следует из правовой позиции Европейского Суда по правам человека, изложенной в п. 95 постановления от 08.04.2004 г. по делу «Хазе (Haase) против Германии», сам по себе тот факт, что ребенок может быть помещен в более благоприятную для его воспитания среду, не оправдывает принудительные меры по отобранию его у биологических родителей; требуется наличие иных обстоятельств, свидетельствующих о необходимости такого вмешательства в право родителей на семейную жизнь вместе с их ребенком, закрепленное ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (см.: *Дедов Д.И., Гаджиев Х.И.* Обзор Постановления Большой палаты Европейского суда по правам человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3; *Spano R.* The Future of the European Court of Human Rights – Subsidiarity, Process – Based Review and the Rule of Law // Human Rights Law Review, September 2018. Vol. 18. Iss. 3. P. 473–494; *Lavrysen L.* Strand Lobben and Others v. Norway: from Age of Subsidiarity to Age of Redundancy? // Strasbourg Observers. 23 October. 2019).

Несмотря на значительные изменения и улучшения в сфере семейной политики, число детей, не получающих надлежащего семейного воспитания, остается значительным (47 242 ребенка находятся на учете в федеральном банке данных), что обусловлено рядом причин, а именно отсутствием эффективных механизмов по раннему выявлению семей, находящихся на самых разных стадиях кризиса, слабо развитой инфраструктурой помощи семьям с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, низкой активностью близких и родственников семьи, что не позволяет своевременно оказать комплексную помощь такой семье.

В целях изменения такой ситуации на практике Президентом РФ перед обществом была определена задача в осуществлении т.н. «партнерства во имя ребенка». Практическая реализация такой задачи в Российской Федерации должна осуществляться путем проведения широкомасштабной политики в области детства. Такая политика должна опираться на технологии социального партнерства, общественно-профессиональную экспертизу, реализовываться с участием бизнес-сообщества посредством привлечения общественных организаций, деятельность которых направлена на защиту прав и интересов детей.

Особо следует подчеркнуть, что Президентом РФ обозначена потребность в ином подходе к решению такой задачи, а именно исключение одноаспектного направления, только один орган или одна структура не в состоянии комплексно решить самые разнообразные вопросы с участием ребенка. Только при условии формирования именно партнерских отношений между разными органами власти, только такой подход позволит комплексно решить этот вопрос. Реализация указанных положений, их эффективность на практике зависит в т.ч. от правового статуса ребенка, это могут быть дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 1 Федерального закона от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ (в ред. от 07.03.2018 г.) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»[8]), наличие которого дает право на дополнительные гарантии по социальной поддержке.

Проблема защиты детей, потребность обеспечения их прав и законных интересов остается не только актуальной, но и требует своего решения, особенно когда речь идет о случаях изъятия ребенка из семьи. В последнее время данная проблема находится в «фокусе» пристального внимания не только ученых[9], но и законодателя[10]. Особое внимание к такого рода проектам обусловлено тем, что предлагаемые изменения действующих норм Семейного кодекса РФ касаются не только проблемы отобрания ребенка из семьи, а затрагивают широкий спектр принципиально важных вопросов, направленных на обеспечение защиты прав и законных интересов ребенка, проживающего в семье. Вместе с тем важно отметить, что значительное внимание законодателя уделено вопросу определения фундаментальных условий, необходимых для реализации права каждого ребенка жить и воспитываться в семье кровными родителями[11]. Важно, что формирование таких условий должно быть направлено на ситуации, не допускающие нарушения прав ребенка, включая формирование комплексной системы мер его защиты в семье.

Нормативным обоснованием указанных изменений служат конституционные новеллы касающиеся семьи, семейных ценностей, института брака, реализация которых должна найти свое воплощение в нормах отраслевого законодательства[12].

[8] См.: СЗ РФ. 1996. № 52, ст. 5880.

[9] См.: Права ребенка в РФ и проблемы их осуществления / под ред. Ю.Ф. Беспалова. М., 2019; *Беспалов Ю.Ф.* Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект // Нотариус. 2019. № 1; *Нечаева А.М.* Россия и ее дети: ребенок, закон, государство. М., 2000; *Сердюк Л.В.* О защите детей от семейного насилия и проблеме их правового воспитания // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 3; *Брунер Р.А.* Об административном запрете на приближение в сфере противодействия семейно-бытовому насилию // Современное право. 2018. № 7–8; *Попов Д.В.* Общее и особенное в преступлениях против семьи и несовершеннолетних, совершаемых посредством насилия, в уголовном законодательстве России и стран Европейского союза // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 1; и многие др.

[10] В числе последних законопроектов, направленных на усовершенствование норм касающиеся процедуры изъятия ребенка из семьи, можно отметить проект федерального закона № 989008-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи».

[11] В ст. 14.1 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» закреплена обязанность родителей и заменяющих их лиц заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей (см.: СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3802).

[12] Конкретизируя приведенные основополагающие принципы, Федеральный закон от 24.07.1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» среди приоритетных целей государственной политики в интересах детей называет формирование правовых основ гарантий прав ребенка, гарантирование осуществления прав детей, закрепленных Конституцией РФ, недопущение их дискриминации, восстановление их прав в случае нарушений, содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей, реализации личности ребенка в интересах общества; названный Федеральный закон указывает, что государственная политика в интересах детей строится в т.ч. на принципах поддержки семьи в целях обеспечения воспитания, отдыха и оздоровления детей, защиты их прав, подготовки их к полноценной жизни в обществе, ответственности должностных лиц, граждан за нарушение прав и законных интересов

Принимая во внимание современные тенденции развития законодательства о семье, родительстве, браке, становится очевидным потребность в совершенствовании многих положений, направленных на укрепление семьи, основ семейной политики государства, социальной поддержки семей с детьми и др. Кроме того, формирование концептуальных основ брака, семьи фактически определяют общие предпосылки и условия для совершенствования института семейно-правовой ответственности, в частности порядку ограничения и лишения родительских прав, конкретизации последствий применения таких санкций в отношении родителей, к числу которых относится и процедура отобрания ребенка у родителей.

Порядок отобрания, основания и правовые последствия определены ст. 77 СК РФ.

Следует признать, что действующая норма сформулирована неудачно, требует конкретизации с учетом потребностей и теории, и практики. Именно по этой причине данная норма вызывает интерес у законодателя, его стремление урегулировать и усовершенствовать прежде всего процедуру отобрания, определить правовые последствия и для ребенка, и для родителей. Особое социальное значение и высокая потребность в решении таких вопросов на практике обусловлена необходимостью укрепления института семьи, основанной на традиционных семейных ценностях, обеспечением необходимых условий для осуществления надлежащего воспитания ребенка в семье и формированию благоприятной среды, чтобы ребенок рос в атмосфере любви и заботы, что отвечает содержанию ч. 2 ст. 54 СК РФ, Преамбуле Конвенции о правах ребенка. Действующая ст. 77 СК РФ не предоставляет ребенку полноценной защиты, условия ее применения лишь на время позволяют «изолировать» ребенка из семьи, но не решить вопрос его защиты окончательно.

Применение ст. 77 СК РФ на практике, как правило, сопряжено с решением вопроса о квалификации действий родителей по отношению к ребенку, требует оценки поведение родителей, всегда ли его можно расценивать как виновное? В этой связи к числу широко обсуждаемых вопросов относится вопрос об изменении системы принципов семейного права, в частности о включении в число принципов презумпции добросовестности осуществления родителями родительских прав.

Суть таких предложений заключается в закреплении на законодательном уровне презумпции о том, что действия родителей считаются добросовестными (соответствующими правам и законным интересам детей), пока их недобросовестность не будет установлена вступившим в законную силу судебным решением. Бремя доказывания недобросовестности родителя при осуществлении им родительских прав в отношении конкретного ребенка лежит на истце. В целом такой подход не вызывает отторжения, поскольку отвечает общим принципам добросовестности и разумности действий субъектов общественных отношений, в частности семейных. Кроме того, такое решение отвечает общим принципам гражданского права, согласно положениям которого презумпция добросовестности является одним из фундаментальных принципов (ч. 5 ст. 10 ГК РФ)[13].

Реализация такого принципа в семейных отношениях обусловлена в первую очередь отраслевым содержанием норм и влиянием на их функциональное назначение, не подменяя, безусловно, сущности и значения принципа добросовестности. Согласно данному принципу любой участник правоотношений считается добросовестно исполняющим свои обязанности перед другими лицами до тех пор, пока не будет установлено и доказано обратное. Принимая во внимание, что презумпция может быть опровергнута, а по положениям предлагаемых проектов такое опровержение возможно только на основании судебного решения, вступившего в законную силу, представляется, что такой подход позволит защитить интересы ребенка в дальнейшем, на стадии принятия соответствующего решения, когда лицо, оспаривающее добросовестность другого лица (родителя), предоставит доказательства, свидетельствующие о такой недобросовестности.

Исходя из потребности обеспечения баланса публичных и частных интересов, не допуская ситуации «перекоса» в сторону осуществления пристального внимания и тотального контроля в семейных отношениях со стороны государства и системы органов, полагаем, что присутствие презумпции добросовестности в сфере семейных отношений вполне оправдано. Однако необходимо учитывать, что специфика реализации семейных отношений заключается в том, что защита прав и интересов их участников, в частности ребенка, обусловлена потребностью его защиты именно на первоначальном этапе. То есть речь идет о случаях, когда такая презумпция добросовестности действий родителей еще никем не опровергнута, при

ребенка, причинение ему вреда (преамбула и ст. 4) (см.: СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3802).

Так, ст. 5.35 КоАП РФ за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних предусмотрена ответственность в виде предупреждения или наложения административного штрафа в размере от одного до пяти минимальных размеров оплаты труда (см.: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1).

[13] См.: СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

этом права ребенка в семье нарушаются. Тогда и возникает вопрос: каким образом можно защитить права ребенка на данном этапе, до инициирования судебного процесса?

Как отмечалось, не все дети имеют возможность жить в семье и воспитываться родителями по самым разным причинам, как объективного, так и субъективного характера, в частности дети могут остаться без попечения родителей (смерть родителей, лишение родительских прав, недееспособность и другие обстоятельства), или когда родители детей временно, по уважительным причинам, не могут осуществлять свои родительские права. В этом случае таким детям должно быть гарантировано предусмотренное законодательством преимущественное право воспитания их родственниками (ч. 5 ст. 10 Федерального закона от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ (в ред. от 01.03.2020 г.) «Об опеке и попечительстве»[14]). Однако на практике данное положение закона реализуется не в полном объеме. Сотрудник органа опеки и попечительства, решая вопрос об устройстве ребенка, не всегда пользуется такой возможностью, а иногда сами родственники ребенка не желают взять его на воспитание[15].

В таких случаях, учитывая, что законодательством за ними предусмотрено преимущественное право на воспитание ребенка, которым они могут и не воспользоваться, принципиально важно защитить права ребенка на воспитание, его права жить и воспитываться в семье. На наш взгляд, в действующем законодательстве могло бы быть положение, которое в целях приоритетной защиты прав и интересов ребенка определяло бы именно условия и порядок отказа родственников ребенка от реализации своего преимущественного права на его воспитание при условии, что такой отказ в полной мере отвечает правам и интересам конкретного ребенка. Наличие такого положения в Семейном кодексе РФ, по нашему мнению, не только способствовало бы выработке эффективных механизмов защиты прав и интересов ребенка, но было бы направлено на обеспечение стабильности правового статуса ребенка, обладающего специальным статусом – ребенка, оставшегося без попечения родителей.

Вместе с тем на практике нередко встречаются ситуации и случаи, когда ребенок находится на воспитании не только у своих кровных родителей, но и других лиц, соответственно, возникает потребность в определении не только круга, категории лиц, на воспитании которых может находиться ребенок[16], к числу актуальных вопросов также относится определение их правового статуса по отношению к ребенку.

Действующий порядок отобрания ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью ребенка рассматривается как исключительная и одновременно универсальная мера защиты в отношении ребенка (ст. 77 СК РФ). Вместе с тем представляется уместным поставить вопрос относительно специфики, сущности такой меры защиты, применяемой в отношении ребенка. Нет сомнений, что такая мера рассматривается прежде всего как мера защиты в отношении ребенка, направленная именно на защиту его прав и интересов в приоритетном порядке. В отношении родителей ребенка данная мера рассматривается как мера их ответственности, санкция за осуществление ими противоправного поведения в отношении ребенка. Вместе с тем всегда ли мы можем говорить именно как о санкции в отношении родителей, например, в ситуации, если родители не осуществляют надлежащего надзора в отношении ребенка по причинам объективного характера, например, в случае их болезни. В этой связи можно предположить, что такая мера является универсальной в смысле обеспечения защиты прав и интересов ребенка, осуществляемая

[14] См.: СЗ РФ. 2008. № 17, ст. 1755.

[15] См.: «Обзор практики рассмотрения в 2019 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020 г.); «Обзор практики рассмотрения в 2018 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2019 г.).

В результате изучения дел указанной категории было установлено, что родственники в большинстве случаев оформляли письменные заявления об отказе принятия ребенка в семью с указанием причин отказа. Как правило, основными причинами, по которым родственники детей отказывались принять их в свои семьи, являлись тяжелое материальное положение, вызванное отсутствием постоянной работы, неудовлетворительные жилищные условия, преклонный возраст, состояние здоровья (родственника ребенка и / или усыновляемого ребенка), отсутствие родственных чувств к ребенку.

[16] Для справки: согласно статистическим сведениям Минпросвещения России, (форма № 103-РИК) «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», в разд. 5 «Защита детей в возрасте до 18 лет и лиц из числа детей, оставшихся без попечения родителей» численность детей, отобранных у родителей при непосредственной угрозе жизни или здоровью детей, составляет за 2017 г. – 1990, из них 362 ребенка возвращено родителям после проведения социально-реабилитационных мероприятий; за 2018 г. – 2098 детей отобрано по тем же основаниям, из них 342 возвращено родителям; 2019 г. – 1959 детей отобрано по тем же основаниям, из них только 295 возвращено родителям (см.: приказ Росстата от 29.01.2020 г. № 38 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения с указаниями по ее заполнению для организации Министерством просвещения Российской Федерации федерального статистического наблюдения за выявлением и устройством детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»).

в приоритетном порядке. В отношении родителей ребенка данная мера может выступать в качестве санкции в случае их виновного поведения по отношению к ребенку, однако в случае отсутствия вины в действиях родителей данная мера одновременно выступает в качестве защиты по отношению и к родителям, и к ребенку, т.е. условно мы можем говорить о выполнении *«двусторонней функции защиты»* (курсив наш. – *Н.Л.*) такой меры. В этом, на наш взгляд, проявляется своеобразие и специфика правовой природы отобрания ребенка.

Теоретический и практический интерес представляет оценка этой же меры защиты или санкции в случае, когда функции законных представителей ребенка выполняют иные лица, опекуны, попечители, близкие родственники ребенка и др. Возникает вопрос: возможно ли применение данной нормы в отношении иных законных представителей ребенка, происходит ли «трансформация» сущности и функционального назначения такой меры в зависимости от правового статуса представителя ребенка, принимая во внимание, что ст. 77 СК РФ в тексте их не упоминает, а речь идет только о родителях ребенка?

С нашей точки зрения, ответ на данный вопрос лежит не только в формате рассуждений о сущности и назначения ст. 77 СК РФ, но и с учетом оценки правовой природы юридических фактов, являющихся основаниями возникновения представительства в отношении ребенка. Кроме того, теоретически оправданным и практически целесообразным является рассмотрение вопроса о применении в сфере семейных отношений т.н. «дифференцированной» системы мер защиты ребенка, определяемой в зависимости от тех конкретных обстоятельств, в которых оказалась семья и ребенок. Такой подход в целом отвечает требованиям практически в принятии именно адресных мер в отношении семьи и ребенка, учитывая именно индивидуальные потребности семьи и ребенка, которые в конечном счете должны найти свое отражение и в судебном решении[17]. Вместе с тем при принятии судом решения об отобрании ребенка необходимо учитывать рекомендации постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав», а именно: судам необходимо иметь в виду, что предусмотренная ст. 77 СК РФ мера по защите прав ребенка носит чрезвычайный характер, применение которой возможно в исключительных случаях, не терпящих отлагательств в связи с угрозой жизни или здоровью ребенка, и только на основании соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо главы муниципального образования, принятие которого влечет за собой временное прекращение права родителей (одного из них) либо иных лиц, на попечении которых ребенок находился, на личное воспитание ребенка (до рассмотрения судом заявления об ограничении родителей (одного из них) в родительских правах или о лишении их родительских прав, об отмене усыновления либо до разрешения органом опеки и попечительства вопроса об отстранении опекуна (попечителя), приемного родителя, патронатного воспитателя от выполнения своих обязанностей) (п. 31)[18].

Принимая во внимание правовые последствия, которые наступают в связи с применением отобрания ребенка у родителей, необходимо изменить действующий порядок отобрания ребенка. Согласно п. 1. ст. 77 СК РФ при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится.

Немедленное отобрание ребенка осуществляется органом опеки и попечительства на основании соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо акта главы муниципального образования в случае, если законом субъекта Российской Федерации органы местного самоуправления наделены полномочиями по опеке и попечительству в соответствии с федеральными законами[19].

Представляется оптимальным рассматривать отобрание ребенка как принудительное разлучение его с лицами, на попечении которых он находится, и соответственно, отобрание ребенка у родителей

[17] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 г. № 23 (в ред. от 23.06.2015 г.) «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

[18] См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

[19] Порядок и процедура исполнения судебных решений об изъятии ребенка из семьи определена в нормах специального закона, согласно которому отобрание ребенка и его передача осуществляются с обязательным участием органа опеки и попечительства, а также лица, которому передается ребенок. При необходимости судебный пристав-исполнитель также привлекает к участию в исполнительном производстве представителя органов внутренних дел, детского психолога, врача, педагога, переводчика и иных специалистов. По фактам отобрания и передачи ребенка судебным приставом-исполнителем составляется акт (см.: Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 г.) «Об исполнительном производстве» (ст. 109.3) // СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849); см. также: *Борисов А.Н.* Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020; Исполнительное производство: учеб. / под общ. ред. В.В. Яркова. М., 2020).

должно осуществляется только на основании судебного решения.

Такое предложение позволило бы точнее определить порядок отобрания ребенка, предусмотренный действующей нормой (ст. 77 СК РФ), согласно которой отобрание возможно только в случае непосредственной угрозы жизни и здоровью ребенка, когда ребенок находится в опасности, его жизни и здоровью есть реальная угроза и защита его прав должна быть осуществлена незамедлительно. Вместе с тем такая формулировка не позволяет на практике определить момент незамедлительного отобрания и систематизировать основания, наличие которых позволяет изъять ребенка из семьи.

Системное толкование ст. 77 СК РФ позволяет утверждать, что основанием для отобрания ребенка является виновное поведение родителя, учитывая чрезвычайный характер обстоятельств, при которых возникает необходимость защиты прав и интересов ребенка, процедура и критерии оценки поведения родителей должны быть максимально точными и конкретными, не допуская неоднозначного их толкования на практике. Как отмечалось, данная норма по логике применима только в отношении родителей ребенка, что фактически исключает применение такой меры защиты ребенка в отношении иных лиц, на попечении которых может находиться ребенок[20].

Принимая во внимание присутствие в Семейном кодексе РФ норм, направленных на регулирование иных форм устройства ребенка, например, усыновление ребенка, в результате которого отношения приравниваются к родственникам по происхождению (ст. 137), редакция ст. 77 СК РФ вызывает некоторое недоумение, по какой причине законодатель не упоминает усыновителей в качестве лиц, в отношении которых может быть применена эта норма.

Учитывая, что отобрание ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью ребенка возможно только на основании вступившего в законную силу решения суда, представляется, что и такой подход может иметь определенные «ограничения» практического характера. Так, например, на практике нередко основанием для отобрания ребенка является опасная для него ситуация, например, жестокое обращение с ребенком, проявление насилия в отношении него, поэтому отобрание должно осуществляться незамедлительно, а принятие судебного решения требует времени, даже в случаях рассмотрения таких дел в особом порядке, ребенок на протяжении длительного времени может находиться в неблагоприятной обстановке, т.е. в опасности.

Следует признать, что порядок отобрания ребенка, предусмотренный ст. 77 СК РФ, не позволяет определить специфику такой меры, выявить правовую природу отобрания, установить критерии опасности и угрозы для ребенка, наличие которых позволяет принимать решение об изъятии ребенка из семьи.

Представляется, что, с одной стороны, основное назначение указанной нормы, ее толкование ориентирует на практике оперативно отреагировать на нарушение прав ребенка, когда очевидно, что принятие судебного решения потребует времени. Тем не менее, учитывая серьезность правовых последствий принимаемой меры в отношении родителей и одновременную потребность в защите прав ребенка в самые короткие сроки, в отсутствие времени, принципиально важно, чтобы процедурные вопросы были максимально определенными, не вызывали неоднозначного толкования на практике. В такой ситуации опять же сохраняется потребность в обеспечении публичных и частных интересов, их разумном соотношении, когда заинтересованность государства проявляется в потребности защиты интересов ребенка и необходимости применения санкций в отношении родителей, поведение которых ставит под угрозу жизнь и здоровье ребенка.

Считаем, что в целях обеспечения определенного баланса интересов представляется целесообразным «наполнить» предусмотренный законодательством порядок отобрания ребенка у родителей новым содержанием, включив в него, например, меры самозащиты. Известно, что использование самозащиты прав возможно только при совокупности условий, а именно нарушение права или возможности его нарушения и необходимости пресечения нарушения и применения мер, соответствующих характеру и содержанию правонарушения. Вместе с тем необходимо принимать во внимание, что в рамках самозащиты меры превентивного, предупредительного характера не применяются, у лица (в данном случае родителя) не утрачивается возможность защиты своих прав

[20] См.: *Мельникова М.Б.* Роль прокурора в оценке законности отобрания ребенка у родителей // Законность. 2018. № 2; *Букшина С.В.* Отобрание ребенка в административном порядке: основание, последствия и значение // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 3. С. 13–16; *Дамаскин О.В., Красинский В.В.* О предотвращении «колумбайна» (скулшутинга) в образовательных организациях // Государство и право. 2020. № 11. С. 84–96; *Дадаян Е.В., Сторожева А.Н.* К вопросу о процедуре отобрания детей при непосредственной угрозе жизни и здоровью ребенка // Тенденции формирования науки нового времени: сб. Междунар. науч.-практ. конф: в 4 ч. / отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2014. С. 253; *Ситкова О.Ю.* Применение оперативных мер при осуществлении защиты прав несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. 2014. № 5. С. 17–19; *Рыженков А.Я.* Реализация принципа судебной защиты семейных прав: проблемы и перспективы // Современное право. 2020. № 9; и др.

и последующего обжалования действий (органа опеки и попечительства) в соответствующих юрисдикционных органах.

В целях эффективного использования указанной нормы на практике, выработки единообразных подходов полагаем, что содержание Семейного кодекса РФ нуждается в определении перечня причин, которые могут быть признаны уважительными, наличие которых не позволяет родителям надлежащим образом осуществлять свои права в отношении ребенка. Осознавая, что такой перечень может быть примерным, поскольку практика применения таких норм доказала, что невозможно предусмотреть закрытый перечень таких обстоятельств, в каждом случае они будут индивидуальными и в основе решения будут приняты во внимание причины конкретной семьи, родителей, которые не могут осуществлять своих прав в отношении ребенка, тем не менее перечень позволит выработать единообразные подходы на практике при принятии соответствующих решений. К числу таких причин можно будет отнести командировку родителей на определенный срок или постоянную работу родителей, осуществляемую в пути или имеющую разъездной характер; длительную болезнь родителей, связанную с необходимостью пребывания в медицинском стационаре; нахождение родителей под стражей; отбывание родителями наказания в виде лишения свободы, недостижение родителями возраста 16 лет и другие причины.

К числу принципиально важных положений, фактически отсутствующих в ст. 77 СК РФ и требующих решения, является вопрос об определении судьбы ребенка, изъятого из семьи. Очевидно, что на практике возникает потребность как минимум во временном устройстве ребенка, изъятого из семьи. Кроме того, если причины, по которым ребенок отобран у родителей, не свидетельствуют об их виновном поведении в отношении ребенка, как минимум содержание Семейного кодекса РФ требует решения вопроса об определении порядка временного устройства ребенка, имеющего родителей, например, в организацию социального обслуживания, а при ее отсутствии в месте фактического нахождения ребенка – в организацию для детей, оставшихся без попечения родителей.

Кроме того, важно определить период, предельный срок, в течение которого ребенок может находиться в указанных учреждениях. Потребность в определении такого срока обусловлена тем, что на практике уже сложилась такая ситуация, когда родители неоднократно помещают своих детей по заявлению в указанные организации по причине того, что положение о сроке, в т.ч. предусмотренное постановлением Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481 (в ред. от 10.02.2020 г.) «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей», сформулировано таким образом, что не позволяет точно установить такой срок, такие дети помещаются временно, и срок определяется соглашением (п. 12, 13)[21].

В целях единообразного применения названных норм представляется практически оправданным определять срок пребывания ребенка в указанном учреждении в соглашении, заключаемом организацией для детей-сирот и законным представителем ребенка, как раз на случаи, когда родители ребенка не могли исполнять свои права и обязанности в отношении ребенка по уважительным причинам. Сейчас на практике складывается ситуация, когда родители могут продлевать срок пребывания одного и того же ребенка в учреждении неоднократно, тем самым злоупотребляя своим правом в ситуациях, когда уважительные причины невозможности осуществления своих прав в отношении ребенка уже отпали, тем не менее ребенок продолжает находиться в детском учреждении на попечении государства. В этой связи считаем, что должен быть предусмотрен предельный срок, в течение которого ребенок может временно находиться в указанных учреждениях.

В случаях, когда родители не виновны, не смогли исполнять обязанности в отношении ребенка именно по объективным причинам, важно на законодательном уровне проработать вопрос о передаче ребенка его родственникам в максимально короткие сроки, по аналогии составления завещания в чрезвычайных условиях. Такое решение позволит быстро и оперативно решить вопрос о судьбе ребенка, который изъят из семьи, тем самым обеспечить непрерывность осуществления базового права ребенка на семейное воспитание.

Представляется, что концептуально иное отношение к данной мере ответственности родителей позволит прежде всего защитить интересы ребенка, сохранить приоритет родительского воспитания, обеспечив баланс интересов и ребенка, и родителей, тем самым создать дополнительные условия для укрепления института семьи в Российской Федерации, основанной на традиционных представлениях о семье и семейных ценностях[22].

[21] См.: СЗ РФ. 2014. № 22, ст. 2887.

[22] См.: *Крашенинников П.В., Бадулина Е.В.* Поддержка института семьи: конституционные поправки // Семейное и жилищное право. 2020. № 4; *Крашенинников П.В.* Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7; Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М., 2019; и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беспалов Ю.Ф.* Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект // Нотариус. 2019. № 1.
2. *Борисов А.Н.* Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020.
3. *Брунер Р.А.* Об административном запрете на приближение в сфере противодействия семейно-бытовому насилию // Современное право. 2018. № 7–8.
4. *Букшина С.В.* Отобрание ребенка в административном порядке: основание, последствия и значение // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 3. С. 13–16.
5. *Дадаян Е.В., Сторожева А.Н.* К вопросу о процедуре отобрания детей при непосредственной угрозе жизни и здоровью ребенка // Тенденции формирования науки нового времени: сб. Междунар. науч.-практ. конф: в 4 ч. / отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2014. С. 253.
6. *Дамаскин О.В., Красинский В.В.* О предотвращении «колумбайна» (скулшутинга) в образовательных организациях // Государство и право. 2020. № 11. С. 84–96.
7. *Дедов Д.И., Гаджиев Х.И.* Обзор Постановления Большой палаты Европейского суда по правам человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3.
8. Исполнительное производство: учеб. / под общ. ред. В.В. Яркова. М., 2020.
9. Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М., 2019.
10. *Крашенинников П.В.* Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.
11. *Крашенинников П.В., Бадулина Е.В.* Поддержка института семьи: конституционные поправки // Семейное и жилищное право. 2020. № 4.
12. *Мельникова М.Б.* Роль прокурора в оценке законности отобрания ребенка у родителей // Законность. 2018. № 2.
13. *Нечаева А.М.* Россия и ее дети: ребенок, закон, государство. М., 2000.
14. *Попов Д.В.* Общее и особенное в преступлениях против семьи и несовершеннолетних, совершаемых посредством насилия, в уголовном законодательстве России и стран Европейского союза // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 1.
15. Права ребенка в РФ и проблемы их осуществления / под ред. Ю.Ф. Беспалова. М., 2019.
16. *Рыженков А.Я.* Реализация принципа судебной защиты семейных прав: проблемы и перспективы // Современное право. 2020. № 9.
17. *Сердюк Л.В.* О защите детей от семейного насилия и проблеме их правового воспитания // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 3.
18. *Ситкова О.Ю.* Применение оперативных мер при осуществлении защиты прав несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. 2014. № 5. С. 17–19.
19. *Lavrysen L.* Strand Lobben and Others v. Norway: from Age of Subsidiarity to Age of Redundancy? // Strasbourg Observers. 23 October. 2019.
20. *Spano R.* The Future of the European Court of Human Rights – Subsidiarity, Process – Based Review and the Rule of Law // Human Rights Law Review, September 2018. Vol. 18. Iss. 3. P. 473–494.

REFERENCES

1. *Bespalov Yu.F.* Family violence in the Russian Federation as a vice of life and activities of the family and its members: social and legal aspect // Notary. 2019. No. 1 (in Russ.).
2. *Borisov A.N.* Commentary to the Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FL "On Enforcement Proceedings" (itemized). 2nd ed., rev. and supplemented. M., 2020 (in Russ.).
3. *Bruner R.A.* On the administrative ban on approximation in the field of combating family and domestic violence // Modern law. 2018. No. 7–8 (in Russ.).
4. *Bukshina S.V.* Removal of a child in administrative order: grounds, consequences and significance // Issues of juvenile justice. 2014. No. 3. P. 13–16 (in Russ.).
5. *Dadayan E.V., Storozheva A.N.* To the question of the procedure for the selection of children in case of an immediate threat to the life and health of the child // Trends in the formation of science of the new time: collection of the International scientific and practical conf.: in 4 vols / ex. ed. A.A. Sukiasyan. Ufa, 2014. P. 253 (in Russ.).
6. *Damaskin O.V., Krasinsky V.V.* On the prevention of "columbine" (school shooting) in educational organizations // State and Law. 2020. No. 11. P. 84–96 (in Russ.).
7. *Dedov D.I., Gadzhiev Kh. I.* Review of the Decree of the Grand Chamber of the European Court of Human Rights // Journal of Foreign Law and Comparative Law. 2020. No. 3 (in Russ.).
8. Enforcement proceedings: textbook / under the general editorship of V.V. Yarkov. M., 2020 (in Russ.).
9. Codification of Russian Private Law / ed. by D.A. Medvedev. M., 2019 (in Russ.).

10. *Krasheninnikov P.V.* Does Russia need a new Family Code? // Family and Housing Law. 2017. No 1. P. 3–7 (in Russ.).
11. *Krasheninnikov P.V., Badulina E.V.* Support of the institution of the family: constitutional amendments // Family and Housing law. 2020. No. 4 (in Russ.).
12. *Melnikova M.B.* The role of the prosecutor in assessing the legality of taking a child away from parents // Legality. 2018. No. 2 (in Russ.).
13. *Nechaeva A.M.* Russia and its children: child, law, state. M., 2000 (in Russ.).
14. *Popov D.V.* General and specific in crimes against the family and minors committed through violence in the criminal legislation of Russia and the countries of the European Union // International criminal law and international justice. 2018. No. 1 (in Russ.).
15. The rights of the child in the Russian Federation and the problems of their implementation / ed. by Yu. F. Bespalov. M., 2019 (in Russ.).
16. *Ryzhenkov A. Ya.* Implementation of the principle of judicial protection of family rights: problems and prospects // Modern law. 2020. No. 9 (in Russ.).
17. *Serdyuk L.V.* On the protection of children from family violence and the problem of their legal education // Issues of juvenile justice. 2014. No. 3 (in Russ.).
18. *Sitkova O. Yu.* Application of operational measures in the implementation of protection of the rights of minors // Family and Housing Law. 2014. No. 5. P. 17–19 (in Russ.).
19. *Lavrysen L.* Strand Lobben and Others v. Norway: from Age of Subsidiarity to Age of Redundancy? // Strasbourg Observers. 23 October. 2019.
20. *Spano R.* The Future of the European Court of Human Rights – Subsidiarity, Process – Based Review and the Rule of Law // Human Rights Law Review, September 2018. Vol. 18. Iss. 3. P. 473–494.

Сведения об авторе

ЛЕТОВА Наталия Валерьевна –
доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LETOVA Natalia V. –
Doctor of Law, chief researcher of the Civil Law, civil and arbitration process Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 112–121
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 112–121

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ИНТЕРТЕМПОРАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ДОГОВОРА ПО КОСМОСУ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ

© 2021 г. Н. Б. Крылов*, Г. Г. Шинкарецкая**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: interlaw@igpran.ru*
***E-mail: gshink@yandex.ru*

Поступила в редакцию 27.01.2021 г.

Аннотация. Изменения в технологиях освоения космоса привели к появлению новых видов его исследования и использования, а также к участию в космической деятельности негосударственных акторов. Существующие документы международного космического права не дают ответов на многие вопросы. Особенно значительные проблемы связаны с намерением приступить к разработке минеральных ресурсов небесных тел. В процессе толкования Договора по космосу и других договоров их нередко оценивают с позиций сегодняшнего времени. Авторы считают, что действительное значение норм космического права можно уяснить, только применяя интертемпоральный подход, т.е. оценивая договоры с точки зрения того права и тех условий, которые существовали в момент их заключения.

Ключевые слова: технологии освоения космоса, Договор по космосу, минеральные ресурсы небесных тел, толкование договоров, интертемпоральное право, негосударственные акторы, международное космическое право, Луна, Соглашение о Луне, общее наследие человечества.

Цитирование: *Крылов Н.Б., Шинкарецкая, Г.Г.* Интертемпоральное толкование договора по космосу и негосударственные акторы // Государство и право. 2021. № 3. С. 112–121.

DOI: 10.31857/S102694520014151-7

INTERTEMPORAL INTERPRETATION OF THE OUTER SPACE TREATY AND NON-STATE ACTORS

© 2021 N. B. Krylov*, G. G. Shinkaretskaya**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: interlaw@igpran.ru*
***E-mail: gshink@yandex.ru*

Received 27.01.2021

Abstract. Changes in space exploration technologies have led to the emergence of new types of space exploration and use, as well as to the participation of non-State actors in space activities. The existing instruments of international space law do not provide clear answers to many of the questions that arise in this regard. Especially significant problems are associated with the intention to start developing the mineral resources of celestial bodies. In the process of interpreting the Outer Space Treaty and other treaties, they are often evaluated from the perspective of today. The authors believe that the real meaning of the norms of space law can be understood only by applying an intertemporal approach, that is, evaluating contracts in terms of the law and the conditions that existed at the time of their conclusion.

Key words: space exploration technologies, the Outer Space Treaty, mineral resources of celestial bodies, interpretation of treaties, intertemporal law, non-State actors, international space law, the Moon, the Moon Agreement, the common heritage of mankind.

For citation: *Krylov, N.B., Shinkaretskaya, G.G. (2021).* Intertemporal interpretation of the Outer Space Treaty and non-state actors // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 112–121.

Начало XXI в. отличается тем, что международное сообщество вплотную подошло к новому этапу освоения космического пространства – использованию космических ресурсов в промышленных масштабах[1]. В последние годы популярной стала идея разработки минеральных ресурсов небесных тел. В первую очередь, конечно, объектом разработок станет Луна, в недрах которой, по одним данным, находятся неограниченные запасы пресной воды, по другим – залежи элемента гелий-3, который способен решить все энергетические проблемы человечества навсегда[2].

С середины прошлого века, после успешного запуска первых искусственных спутников, в космосе был установлен правопорядок, который только принципиально регулировал деятельность в этом регионе. Тогда только у двух государств в мире – СССР и США – были технические возможности осуществлять полеты в космос. Космическое пространство и деятельность в нем были объектом чисто межгосударственного регулирования, которое напрямую не затрагивало действия физических и юридических лиц. Были разработаны пять договоров, сформировавших международный правопорядок в космосе: Договор по космосу[3], Соглашение о спасании космонавтов[4], Конвенция об ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами[5], Конвенция о регистрации объектов[6], Соглашение о деятельности на Луне[7].

Наиболее важный среди них – Договор по космосу, в котором изложены основы поведения человечества в космосе. Этот Договор и ратифицирован наибольшим числом государств. По состоянию на 2020 год 110 государств являются участниками Договора, ещё 23 подписали договор, но не завершили ратификацию. Это значит, что Договор признан 133 государствами. Заместитель Генерального директора Управления по вопросам космического пространства ООН в Вене Нандасири Ясентулиана подчеркивает: «Договор стал фундаментальной отправной точкой для национальной деятельности и международного сотрудничества в исследовании и использования космического пространства»[8].

Таким образом, существующий массив нормативного регулирования в космосе сложился еще до 1980-х годов. Никакого специального регулирования относительно минеральных ресурсов космоса этот массив не содержит, поскольку в то время технических возможностей для их добычи просто не было, и интерес к нему не проявлялся. Ситуация изменилась в начале XXI в., когда на фоне роста числа коммерческих видов космической деятельности появилась идея использовать минеральные ресурсы. Благодаря дистанционному зондированию была создана всемирная служба погоды, обнаружены новые залежи полезных ископаемых, создалась ясная картина загрязнения Мирового океана, найдены целые затерянные в джунглях древние царства. Медленно, но неуклонно развивается космический туризм.

Для этих прикладных видов космической деятельности нет нормативного регулирования. Государства, отпуская свои частные компании в космос, большей частью опираются на свое национальное законодательство. После 2010 г. стало появляться такое законодательство и относительно разработок минеральных ресурсов космоса. Пока во всем мире только три государства приняли такое законодательство – США, Люксембург и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). Ни одно из них пока не предпринимает шагов к практическим действиям, например, к лицензированию компаний, осуществляющих разработки, и их законодательство остается «спящим». Практической добычи пока никто не ведет.

Примечательно, что, начиная с 2015 г., право частных лиц на минеральные разработки является предметом активных международных переговоров, и двусторонних с заинтересованными государствами, и многосторонних в форме разного рода конференций, семинаров, форумов. Инициаторами их выступают правительства разных стран, а также

[1] См.: *Абашидзе А., Черных И.* Космические ресурсы в фокусе повышенного внимания человечества // Обозреватель–Observer. 2020. № 11. С. 45.

[2] См.: Сокровище Луны – гелий-3 // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/24664-sokrovische-luny-geliy-3.html (дата обращения: 08.01.2021).

[3] См.: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела,1967 г. (Москва – Вашингтон – Лондон, 27 января 1967 г.). Официальный сайт ООН // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 03.12.2020).

[4] См.: Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (Москва, Лондон, Вашингтон, 22 апреля 1968 г.) // Официальный сайт ООН // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/astronauts_rescue.shtml shtml (дата обращения: 03.12.2020).

[5] См.: Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 г. // Официальный сайт ООН // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml shtml (дата обращения: 03.12.2020).

[6] См.: Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 1975 г. // Официальный сайт ООН // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/objects_registration.shtml (дата обращения: 03.12.2020).

[7] См.: Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. // Официальный сайт ООН // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 03.12.2020).

[8] *Ясентулиана Нандасири*. Введение // Современные проблемы международного космического права / под ред. Г.П. Жукова и А.Я. Капустина. М., 2008. С. 17.

государственные органы, чаще всего в лице космических агентств.

а) новое законодательство о добыче ресурсов в космосе

Будем анализировать главным образом законодательство США, поскольку оно гораздо подробнее разработано, чем люксембургское или законодательство ОАЭ. Выделим три американских акта, касающихся минеральных разработок в космосе.

Первым стал принятый парламентом в ноябре 2015 г. Закон США, название которого можно перевести как Закон о конкурентоспособности коммерческих запусков в космос[9]. Особенный интерес в нем представляет гл. IV «Разработка и использование ресурсов космоса». Согласно § 10101 разд. 51 Свода законов США эта глава имеет специальный правовой статус, который позволяет считать ее отдельным законом. Содержание главы – это уполномочие Президента США по обеспечению прав и интересов граждан США в коммерческой разработке и добыче ресурсов в космосе с разрешения и под контролем федерального правительства.

В этом уполномочии примечательны два положения:

развитие экономически эффективных, безопасных и стабильных производств, направленных на коммерческую разработку и добычу космических ресурсов, должно соответствовать **международным обязательствам США**;

право граждан США на любые такие ресурсы **после их добычи должно осуществляться** в соответствии с законом, в т.ч. **с международными обязательствами** США (п. 403).

Вторым актом стал принятый Конгрессом США в 2017 г. Закон о свободном коммерческом предпринимательстве в космосе[10]. Непосредственно добычи полезных ископаемых касается раздел Закона, который озаглавлен как «Соответствие Договору по космосу» *(“Compliance With The Outer Space Treaty”)*. В нем содержатся указания Министру торговли США о том, как следует применять и толковать Договор 1967 г., чтобы не нанести ущерба интересам США, поскольку, как сказано в Законе, «будущая коммерческая деятельность в космосе может затрагивать обязательства США по Договору о космосе».

В Законе предусмотрены некоторые положения, уточняющие правовую позицию США, которые, очевидно, должны быть императивными при толковании Договора 1967 г. государственными органами. Во-первых, обязательства США не распространяются на частных лиц; во-вторых, международные указания (т.е. документы, имеющие рекомендательный характер, в первую очередь резолюции Генеральной Ассамблеи ООН) не обязательны для США.

Закон 2017 г. также запрещает признание космоса «глобальной общностью» *(“global commons”)*.

И наконец, **третьим** актом стал исполнительный Указ Президента США от 6 апреля 2020 г.[11] В нем Государственному секретарю США дано распоряжение стремиться к достижению договоренностей с другими государствами о совместных усилиях, направленных на достижение безопасной и устойчивой эксплуатации ресурсов, а также подтверждены правовые позиции США, изложенные в указанных выше законах.

Таким образом, правовые позиции, выраженные в национальном законодательстве США, касающемся добычи полезных ископаемых в космосе, можно обобщить следующим образом.

1. Потенциальная деятельность государств по разведке и разработке природных ресурсов космоса должна определяться их действующими международными обязательствами.

2. Признание космоса «глобальной общностью» *(“global commons”)* запрещено для государственных органов США.

3. Международные обязательства США не имеют юридической силы для юридических лиц.

4. Добывающие организации должны иметь право собственности на добытые полезные ископаемые.

Что касается законодательства Люксембурга, Закон об исследовании и использовании космических ресурсов был принят 20 июля 2017 г.[12] Этот Закон состоит из двух основных частей, регулирующих право собственности на космические ресурсы и режим получения разрешения на разведку и использование таких ресурсов. Относительно присвоения добытых ресурсов, законодатели применили аналогию с нормами, определяющими правовой режим открытого моря. Установлена свобода разведки и разработки природных ресурсов без присвоения открытого моря в целом или

[9] См.: H.R.2262 – U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act114th Congress (2015–2016). URL: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262/text (дата обращения: 02.01.2021).

[10] См.: H.R.2809 – American Space Commerce Free Enterprise Act115th Congress (2017–2018). URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/2809 (дата обращения: 02.01.2021).

[11] См.: Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources. Issued on: April 6, 2020.

[12] См.: Law of 20 July 2017 on the Exploration and Use of Space Resources. URL: http://data.legilux.public.lu/file/eli-etat-leg-loi-2017-07-20-a674-jo-fr-pdf.pdf (дата обращения: 09.01.2021).

частично. Вся подобная деятельность должна осуществляться под контролем правительства. В Законе также указано, что уполномоченный оператор обязан осуществлять свою деятельность в соответствии с международными обязательствами Люксембурга.

В 2019 г. к этим законодательствам присоединилось еще одно государство: Объединённые Арабские Эмираты, в котором принят Закон о регулировании космического сектора[13]. В нем есть раздел о добыче, освоении и использовании космических ресурсов. Данный Закон не отличается конкретикой, в нем в основном повторены основные положения законодательства США.

Необходимо также обратить внимание на позиции государств, участвующих в проекте «Артемис», который осуществляется в рамках НАСА с 2019 г. Цель проекта – организация регулярных полетов человека на Луну и постепенное создание постоянного человеческого поселения. Поначалу планируется сделать это поселение промежуточной базой для полетов в дальний космос, а также для исследования перспектив разработки полезных ископаемых. Кроме американских частных компаний в проекте готовы участвовать Европейское космическое агентство, компании Японии, Канады, Австралии, Соединенного Королевства, Италии, ОАЭ, Люксембурга и Украины. Это значит, что названные государства готовы формулировать новые нормы международного космического права, регулирующие добычу полезных ископаемых на Луне и других небесных телах[14].

Теперь проанализируем некоторые положения этих законодательств с точки зрения международного права.

б) толкование Договора 1967 г. в момент его заключения и ныне

Толкование международных договоров – это один из давних и постоянно встающих в международных отношениях вопросов.

Нормы относительно толкования договорных обязательств государств изложены в Венской конвенции о праве международных договоров, о которой один из ее авторов, Ш. Розенн, сказал, что она вобрала в себя опыт большинства государств и результаты развития научной мысли[15]. Венская конвенция – это основной документ, регулирующий заключение, изменение, толкование, действие и прекращение договоров.

Статья 31 Венской конвенции устанавливает основные правила толкования; авторитетные специалисты международного права квалифицируют ее как отражающую обычное, т.е. обязательное для всех, международное право[16]. Главные положения в ней – договор должен толковаться добросовестно, в соответствии с обычным значением, которое должно придаваться терминам договора в их контексте и в свете его объекта и цели.

То, что не отмечено в Венской конвенции,– это фактор времени. Нередко международный договор, как и Договор по космосу 1967 г., подвергается толкованию через много лет после его заключения. Авторы публикаций, посвященных современному состоянию международного космического права, как правило, применяют к его оценке действующие документы в том виде, в каком они были в момент их принятия. В этом случае договор зачастую оценивается с позиций сегодняшнего дня. Например, Р.И. Гвидо Лаваль пишет: «Договор 1967 года не устанавливает точный режим минеральных разработок»[17]. Это вполне современный взгляд на Договор. Но ясно, что в момент заключения Договора в 1967 г. регулирование минеральных разработок просто не принималось во внимание. Поэтому мы должны сделать вывод: Договор не регулирует добычу полезных ископаемых, и это регулирование нужно начинать формулировать с чистого листа.

Задолго до Венской конвенции, в 1928 г., в решении арбитража по делу *Las Palmas*[18] М. Юбер заявил: «Факт, имеющий значение для суда, должен оцениваться в свете права, современного ему, а не того права, которое действует в момент, когда спор о нем возникает или разрешается».

Эта идея оценивать факты в соответствии с правом, существовавшим в то время, когда они происходили, получила название **интертемпорального права**[19]. В дальнейшем эта идея развивалась в основном в решениях судов и арбитражей разных уровней[20] и сформировалась как процессуальная

[13] См.: Federal Law No. 12. Issued on 19/12/2019. Corresponding to 22 Rabi' Al-Akhar 1441H. On the Regulation of the Space Sector.

[14] См.: Официальный сайт НАСА // https://www.nasa.gov/specials/artemis/ (дата обращения: 16.01.2021).

[15] См.: *Rosenne Sh.* The Law of Treaties. A Guide to the Legislative History of the Vienna Convention. Leiden, 1970. P. 46.

[16] См.: *Shaw M.N.* International Law. 6th ed. Cambridge, 2008. P. 933.

[17] *Guido Lavalle R.I.* The international orders in the fourth territory: the influence of new opportunities in outer space on governance systems and Space Law // International Cooperation. 2019 Dec 29.

[18] См.: Island of Palmas (U.S. v. Neth.), II R.I.A.A. 829, 845 (Perm. Ct. Arb. 1928).

[19] См.: *Kotzur M.* Intertemporal Law // Max Planck Encyclopedia of International Law. Jn-line edition. URL: mpepil.org (дата обращения: 12.01.2021).

[20] См.: Minquiers and Ecrehos, 1953 I.C.J. Rep. p. 47; Fisheries, 1951 I.C.J. Rep. P. 116; Legal Status of Eastern Greenland, 1933 P.C.I.J. (Seri. A/B) No. 53; Rights of Nationals of United States of America in Morocco, 1952 I.C.J. Rep. P. 193.

норма обычного происхождения[21]. Ее процессуальный характер выражается в том, что она фактически применяется как коллизионная норма, определяющая выбор права в определенный момент или период времени.

Сама по себе норма интертемпорального права не создает прав или обязанностей для государств, а обеспечивает урегулирование временных коллизий законов на основе сложившихся материальных прав и обязанностей сторон. Несмотря на всю (мнимую) историческую объективность, такой подход имеет свои очевидные пределы. Ни первоначальное значение не дает однозначного доказательства первоначального намерения формулирующих сторон, ни последнее значение не является неизменным фиксированным стандартом вневременного качества.

Применение интертемпоральных норм к толкованию договоров весьма логично, поскольку при этом принимается во внимание эволюция права и международной правовой системы в целом. Договоры – это живые инструменты, толкование которых должно быть чутким к быстро меняющимся социальным, политическим, экономическим, а также техническим обстоятельствам. Правда такой подход заставляет задуматься, какой объем событий, происшедших после вступления договора в силу, следует учитывать. Он требует всеобъемлющего взгляда на всю современную правовую систему, а не только на нормы, непосредственно устанавливаемые в договоре. Наиболее широко распространенными мнениями являются два:

следует учитывать в первую очередь намерения сторон в момент заключения договора и их возможные изменения с течением времени;

учитываться должно и изменение обстоятельств. Известно, что оговорка *rebus sic stantibus* (неизменность обстоятельств) – это одно из самых прочных оснований сохранения договора[22]. Статья 62 Венской конвенции о праве договоров допускает ссылку на коренное изменение обстоятельств, существовавших при заключении договора, и которое не предвиделось участниками в тех случаях, когда:

a) наличие таких обстоятельств составляло существенное основание согласия участников на обязательность для них договора;

b) последствие изменения обстоятельств коренным образом изменяет сферу действия обязательств, все еще подлежащих выполнению по договору.

Иногда в процессе применения нормы интертемпорального права возникает затруднение в виде необходимости учета ее ретроактивного характера, как, например, в деле *Mavrommatis Palestine Concessions*[23]. Ст. 28 Венской конвенции учитывает именно это затруднение: «Договоры не имеют обратной силы».

В Особом мнении по делу *Crime of Genocide* судьи Ши и Корома обратили внимание на то, что при применении нормы интертемпорального права особое значение имеют нормы *Ius cogens:* «Даже если договор в момент заключения не противоречил какой-либо норме *ius cogens*, он станет недействительным, если впоследствии появится новая норма *ius cogens*, с которой он находится в конфликте»[24]. Некоторые авторы подчеркивают, что норма *ius cogens* особенно часто применяется в отношении договоров о правах человека[25].

В трудах Комитета ООН по космосу нет прямого указания на надлежащие методы толкования. Однако в одном из докладов есть оценка того, к какому времени принадлежит Договор. В 2019 г. Комитет подвел итоги выяснения отношения государств к пяти договорам по космическому праву, в т.ч. к Договору 1967 г., и отразил итоги своего обобщения в Докладе Комитета ООН по космосу 2019 г.[26] Основываясь на докладе Рабочей группы по статусу и применению пяти договоров Организации Объединенных Наций по космосу[27], Комитет заявил, что общим мнением государств является следующее: многосторонней основой международного космического права следует считать пять договоров Организации Объединенных Наций по космосу и закрепленные в них соответствующие принципы, **одобренные Генеральной Ассамблеей.** Какие именно резолюции – в Докладе не сказано возможно потому, что их просто слишком много:

---

[21] См.: *Fitzmaurice G.* The Law and Procedure of the International Court of Justice 1951–54. CUP, 1955. P. 132.

[22] См.: *Ильинская О.И.* Влияние коренного изменения обстоятельств на действие международных договоров // Актуальные проблемы росс. права. 2018. № 5.

[23] См.: The Mavrommatis Palestine Concessions Case (Greece v Great Britain) (Merits) PCIJ Series A No. 5.

[24] Case concerning the Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. Bosnia and Herzegovina v Serbia and Montenegro. Joint Declaration of Judges Shi and Koroma, I.C.J. Reports 2007, P. 43.

[25] См.: *Li Zhenni.* International intertemporal law // California western International Law journal. 2018. Vol. 48. P. 387.

[26] См.: Организация Объединенных Наций. Доклад Комитета по использованию космического пространства в мирных целях. Шестьдесят вторая сессия (12–21 июня 2019 года). Документ ООН A/74/20.

[27] См.: Юридический подкомитет. Доклад Рабочей группы по статусу и применению пяти договоров Организации Объединенных Наций по космосу. Документ ООН A/AC.105/1203, п. 68, и приложение I, п. 9–13.

начиная с 1958 г. на каждой сессии Генеральной Ассамблеи принимается одна-две резолюции относительно деятельности государств в космосе. Для нас важно указание в Докладе на то, что это те резолюции, принципы которых восприняты пятью договорами. Значит, имеются в виду резолюции, принятые до принятия последнего договора, т.е. до 1979 г., а то и ранее, до 1974 г., когда была принята Конвенция о регистрации.

В Договоре 1967 г. есть одно положение, которое ставит под сомнение применимость к нему интертемпорального подхода: в ст. III предусмотрено, что космическая деятельность осуществляется в соответствии с международным правом, включая Устав ООН. Поскольку международное право находится в состоянии постоянных изменений, содержание Договора и по духу, и по букве не могло не отражать изменений общего международного права. Современное международное право чрезвычайно разнообразно и по объектам регулирования, и по сферам действия, поэтому, чтобы установить изменения в космическом праве, производить толкование Договора 1967 г. в нынешнее время следует 1) осуществлять не целиком, а в отдельных его положениях; 2) отмечать возможные «отставания» договора от нынешнего уровня международного права.

Перейдем теперь к толкованию отдельных положений Договора.

в) достояние всего человечества

Это положение составляет часть ст. I Договора по космосу: «Исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, осуществляются на благо и в интересах всех стран, независимо от степени их экономического или научного развития, и являются достоянием всего человечества». Поскольку оно входит в Договор 1967 года, все государства, принявшие законодательство о космической деятельности, признают его и оснований его отвергать, нет. Однако в законодательстве США содержится решительное возражение против формулы, очень близкой по значению к приведенной. Закон 2017 г. запрещает признание космоса «глобальной общностью» (“global commons”).

Этого термина нет ни в одном космическом договоре. В Соглашении о Луне[28] (ст. 4) есть упоминание «общего достояния человечества»: «Исследование и использование Луны является достоянием всего человечества». В английском тексте: “The exploration and use of the moon shall be the province of all mankind”.

Фактически это цитата из ст. I Договора по космосу: «Исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела.., являются достоянием всего человечества». В английском тексте: “The exploration and use of outer space, including the Moon and other celestial bodies.., shall be the province of all mankind”.

Таким образом, в Договоре по космосу 1967 г. между аутентичными текстами – русским и английским – есть разногласия: в русском тексте сказано «являются достоянием всего человечества», в английском – *“province of all mankind”*, что не совсем одно и то же, поскольку слово «достояние» содержит оттенок владения, а *“province”* – это скорее «область деятельности».

Но главная причина возражений США против *“global commons”* заключается скорее в неприятии не просто термина, а целой концепции, которая сформулирована как «общее наследие человечества». В ст. 4 Соглашения о Луне сказано: «Луна и ее природные ресурсы являются общим наследием человечества».

Здесь нам придется применить интертемпоральный подход и обратиться к тому периоду, когда готовилось Соглашение о Луне. В это же время завершала свою работу Третья Конференция ООН по морскому праву, где одним из острых вопросов был вопрос об использовании минеральных ресурсов глубоководного дна Мирового океана. Незадолго до этого было сделано открытие: на поверхности дна лежат почти чистые куски редкоземельных металлов, которые можно добывать гораздо дешевле, чем на суше, но для этого необходима соответствующая техника, которая была у технически высоко развитых государств и которой не было у развивающихся государств. Чтобы предотвратить «золотую лихорадку» и хищническое разграбление богатств дна, и была придумана концепция «общего наследия человечества».

Объявление в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.[29] морского дна и его минеральных ресурсов за пределами континентальных шельфов государств «общим наследием человечества» (ч. XI, ст. 133–191) имело фактически две цели: 1) предотвращение исчерпания минеральных ресурсов дна несколькими самыми технологическими державами, пока другие государства не имеют доступа к этим относительно недорогим, как тогда казалось, ресурсам; 2) недопущение разорения тех государств, которые добывали аналогичные ресурсы на суше.

[28] См.: Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах. Принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 5 декабря 1979 г. // Официальный сайт ООН // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 20.01.2021). На ноябрь 2020 г. Соглашение ратифицировано 13-ю государствами.

[29] См.: Конвенция ООН по морскому праву. Монтего-бей, 10 декабря 1982 г.

Была создана международная организация (Орган по морскому дну), наделенная исключительными полномочиями вести разведку и разработку всех залежей, а также выдавать соответствующие лицензии и квоты государствам. В 1994 г., когда Конвенция еще не вступила в силу, было принято дополнительное Соглашение о режиме Района и его ресурсов[30].

Это было значительное ограничение рыночных механизмов мировой экономики. Кроме того, Орган должен был следить за отчислением доходов у тех, кто добывал ресурсы на морском дне, в пользу тех, кто добывал на суше. Именно эта концепция и ее практическое воплощение стали причиной того, что США отказались ратифицировать Конвенцию ООН по морскому праву.

Поясним, что тогдашние представления о нетрудной и недорогой добыче ресурсов дна с течением времени не оправдались, и пока что Район и концепция выступают скорее как опыт изобретения нового института международного морского права. Орган по морскому дну, по сути, ничем не отличается от всех других межгосударственных организаций, а его работы на дне ограничиваются исследовательским направлением, которое дает интересные результаты в виде открытия новых форм минеральных ресурсов и неизвестных форм жизни на дне. Промышленная разработка богатств дна пока не ведется.

В любом случае концепция «общего наследия человечества» не получила реального юридического наполнения и не стала общим институтом международного права.

Однако в 70–80-х годах прошлого века концепция «общего наследия» казалась привлекательной, и в ст. 11 Соглашения о Луне было включено следующее положение: «Государства-участники обязуются установить международный режим, включая соответствующие процедуры, для регулирования эксплуатации природных ресурсов Луны, когда будет очевидно, что такая эксплуатация станет возможной в ближайшее время». Учтем, что согласно ст. 1 Соглашения о Луне его положения распространяются также на другие небесные тела. Одной из целей Соглашения было объявлено справедливое распределение между всеми государствами-участниками благ, получаемых от этих ресурсов, с особым учетом интересов и нужд развивающихся государств.

Соглашение о Луне ратифицировано всего лишь восемью государствами и в силу не вступило. Ни одно из государств, принявших законодательство, не является его участником. Очевидно, решительный отказ США от любых форм признания единого режима использования минеральных ресурсов, напоминающего «общее наследие человечества» – это некая предохранительная мера.

Альтернативой режиму «общего наследия человечества», очевидно, может стать договоренность о некоем другом регулировании. Поскольку все государства признают распространение на космос международного права вообще и Устава ООН, в частности, можно ожидать достижения согласия о действии здесь какого-либо известного международного режима, например, режима Всемирной торговой организации.

г) соотношение обязательств государства и юридических лиц

В Законе США 2017 г. государственные органы обязываются давать такое толкование международному космическому праву, которое бы ясно указывало на то, что обязательства США как государства не распространяются на частных лиц. Действительно, международное право не создает напрямую права и обязанности для юридических и физических лиц. Только государства создают международное право и следуют обязательствам, которые из него вытекают. Физические и юридические лица следуют предписаниям того национального права, в юрисдикции которого они находятся.

Однако некоторые авторы полагают возможным толковать космические договоры как устанавливающие обязательства для разных авторов. Например, К.Д. Шестакова, толкуя запрет на национальное присвоение в ст. II Соглашения о Луне, пишет: «Из текста этой статьи прямо не следует, что запрет на присвоение распространяется на каких-либо других субъектов помимо государств»[31]. К сожалению, автор не уточняет, какой еще субъект права способен на национальное присвоение.

В основных документах международного космического права не регулируется положение негосударственных акторов, осуществляющих космическую деятельность. В то время, когда формировался Договор по космосу, действующими лицами в космосе были исключительно государства. Тем не менее некоторое соотношение правовых статусов государств и негосударственных акторов в Договоре по космосу предусмотрены: «Государства – участники Договора несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, независимо

[30] См.: Соглашение об осуществлении Части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года. Принято резолюцией 48/263 Генеральной Ассамблеи от 28 июля 1994 г.

[31] *Шестакова К.Д.* Добыча полезных ископаемых в космосе: отдельные тенденции развития международного космического права // Пятая конференция по воздушному праву. Научно-практическая конференция, 16 октября 2015 года, Санкт-Петербург: сб. докладов. СПб., 2015. С. 105.

от того, осуществляется ли она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами, и за обеспечение того, чтобы национальная деятельность проводилась в соответствии с положениями, содержащимися в настоящем Договоре. Деятельность неправительственных юридических лиц в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, должна проводиться с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства – участника Договора» (ст. VI). Таким образом, государства воспринимают свои обязательства по международному космическому праву и обеспечивают, что их физические и юридические лица не нарушали это право.

Это соотношение прав и полномочий государств и негосударственнных акторов – общепризнанное правило, и в нынешнее время имеет то же значение, что и в момент принятия Договора по космосу. Положение Закона США («Федеральное правительство не должно презюмировать, что все обязательства США по Договору о космосе налагаются также на неправительственные организации США») толкуется в том смысле, что нормы международного космического права не применяются к физическим и юридическим лицам непосредственно, а после процесса имплементации их в право США. Таким образом, соотношение прав и полномочий государств и негосударственных акторов, установленное Договором 1967 г., сохраняет свое значение.

д) право собственности добывающих организаций на добытые полезные ископаемые

Наличие такого права – одно из условий участия компаний в разработке минеральных ресурсов Луны. Этот вопрос – следствие неясных формулировок ст. II Договора по космосу: «Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами». Уже в 1977 г. известный специалист по космическому праву С. Гороув писал, что в этой формулировке неясно, 1) что именно запрещено к присвоению; 2) что означает «национальное» присвоение; 3) что, собственно, означает «присвоение»[32]. Из всех этих неясностей С. Гороув делает вывод о допустимости такого толкования прав собственности на минеральные ресурсы Луны и других небесных тел: запрещены права собственности не только на участки, так сказать, территории, но и на ресурсы[33].

Внимание С. Гороува было привлечено прежде всего к ст. 11, хотя в его распоряжении был тогда проект Соглашения о Луне, но он мало отличался от принятого впоследствии Соглашения. В ст. 11 (п. 3) сказано следующее: «Поверхность или недра Луны, а также участки ее поверхности или недр или природные ресурсы там, где они находятся, не могут быть собственностью какого-либо государства, международной межправительственной или неправительственной организации, национальной организации или неправительственного учреждения или любого физического лица».

Однако присмотримся к словам, составляющим суть данной статьи: «природные ресурсы там, где они находятся» (английский текст: "*natural resources in place*"). Здесь явно имеются в виду те ресурсы, которые еще не добыты и составляют единое целое с тем небесным телом, в недрах или на поверхности которого расположены.

Обратимся к опыту Конвенции ООН по морскому праву. Ее создатели (а это фактически все государства, включая и США, которые внесли значительный вклад в разработку Конвенции, хотя потом и отказались в ней участвовать) разделили понятие «ресурсы» и «полезные ископаемые». В ст. 133 Конвенции говорится:

a) «ресурсы» означают все твердые, жидкие или газообразные минеральные ресурсы, включая полиметаллические конкреции, in situ в Районе на морском дне или в его недрах;

b) ресурсы, когда они извлечены из Района, рассматриваются как «полезные ископаемые».

Как видим, здесь вместо расплывчатого «там, где они находятся» или *"in place"* употреблен точный латинский термин *"in situ"*. Это естественно-научный термин, который в разных областях знания (в сельскохозяйственных науках, в биологии, в химии, в медицине, в геомеханике и геофизике, в информатике) может иметь несколько отличные значения[34], но в любом случае говорится о том, что обсуждаемый объект находится там, где его еще не трогали.

Правовой статус ресурсов и полезных ископаемых, согласно Конвенции ООН по морскому праву, различен. Ресурсы, как и весь Международный район морского дна, являются общим наследием человечества (ст. 136). Ни одно государство не может претендовать на суверенитет или суверенные права или осуществлять их в отношении какой бы то ни было части Района или его ресурсов, и ни одно государство, физическое или юридическое лицо не может присваивать какую бы то ни было их часть (п. 1 ст. 137). А вот полезные ископаемые, добываемые в Районе, могут быть отчуждены, но лишь в соответствии «с настоящей Частью» и с нормами, правилами и процедурами

[32] *Gorove S.* Space Law: Its Challenges and Prospects. Leiden, 1977. P. 79.

[33] См.: ibid. P. 177.

[34] См.: Академический словарь онлайн. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/488483 (дата обращения: 22.01.2021.)

Органа (п. 2 ст. 137). В п. 3 ст. 137 уточняется, что права на полезные ископаемые, добываемые в Районе, могут быть приобретены только в соответствии «с настоящей Частью».

Такое разделение ресурсов на полезные ископаемые в недрах, которые обычно принадлежат государству, и на добытые ископаемые закреплено в ст. 12 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. «О недрах»[35], и это не исключительная клаузула российского законодательства. Такие нормы содержатся в законодательстве большинства государств[36]. Это позволяет сделать вывод о том, что собственность на добытые полезные ископаемые – это общий принцип права, который может быть реципирован в международное космическое право. К однозначному выводу приходит и М.Р. Юзбашян: «Уже добытые природные ресурсы («natural resources not in place» в противопоставлении к используемому в аутентичном тексте Соглашения на английском языке "natural resources in place") Луны не подпадают под режим неприсвоения, а их разработка и дальнейшее присвоение не противоречит нормам и принципам МКП»[37].

Таким образом, в момент заключения Договора в 1967 г. регулирование минеральных разработок просто не предусматривалось. Поэтому мы должны сделать вывод: Договор не регулирует добычу полезных ископаемых, и это регулирование нужно начинать формулировать с чистого листа.

е) заключение

За время, прошедшее с начала космической эры, в мире произошли огромные перемены, непосредственно влияющие на образование правопорядка в космосе. Перемены эти в основном, так сказать, технические: дистанционное зондирование Земли, облегчение и удешевление полетов человека в космос, возможности геологической деятельности на Луне и даже на астероидах. Но основные параметры глобального управления на планете Земля остались прежними; основные акторы международных отношений – это государства. Они формулируют правила и следят за их исполнением, а также несут ответственность за их неисполнение.

Основы международного космического права, заложенные в середине XX в., сохранились. Договор по космосу, как считают авторитетные исследователи, заложил прочную основу мирного и равноправного сотрудничества государств на многие годы[38]. Р.С. Джакху отмечает, что ученые всех континентов почти единодушно объявили Договор 1967 г. большим достижением в создании соответствующего правопорядка в космосе, который и теперь не теряет своего значения[39].

Конечно, космическое право требует изменений и главным образом дополнений в силу роста технических возможностей человечества. Проектирование этих изменений может быть эффективным только в том случае, когда они будут опираться на правильно понимаемые обстоятельства и задачи, вызвавшие к жизни именно то международное космическое право, которое мы имеем.

На основе надлежащего толкования Договора по космосу можно будет предложить опустить некоторые реалии, как, например, концепция общего наследия человечества, в т.ч. в ипостаси общего достояния, поскольку обе эти концепции безнадежно устарели, а заботу о человечестве прекрасно позволяет осуществлять принцип общих интересов, сформулированный в ст. I Договора по космосу. В то же время необходимо будет учитывать активное участие физических и юридических лиц в различных видах космической деятельности, так что соответствующим современному праву будет расширение допуска гражданской ответственности негосударственных акторов и снятие части такой ответственности с государств.

На этом фоне вряд ли полезным было бы создание единого органа управления разведкой и разработкой природных ресурсов небесных тел, но представляется необходимым распространение на эту область согласованных правил доступа и добычи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абашидзе А., Черных И.* Космические ресурсы в фокусе повышенного внимания человечества // Обозреватель–Observer. 2020. № 11. С. 45.
2. *Джакху Р.С.* 40-я годовщина Договора по космосу 1967 г. // Современные проблемы международного космического права / под ред. Г.П. Жукова и А.Я. Капустина. М., 2008. С. 201.
3. *Жуков Г.П.* 40 лет Договору о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела // Современные проблемы междуна-

[35] См.: СЗ РФ. 1995. № 10, ст. 823.

[36] См.: Официальный сайт Федерального агентства по недропользованию // https://rosnedra.gov.ru/article/256.html (дата обращения: 22.01.2021).

[37] *Юзбашян М.Р.* Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право // Московский журнал междунар. права. 2017. № 2 (106). С. 77.

[38] См.: *Жуков Г.П.* 40 лет Договору о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела // Современные проблемы международного космического права / под ред. Г.П. Жукова и А.Я. Капустина. М., 2008.С. 96.

[39] См.: *Джакху Р.С.* 40-я годовщина Договора по космосу 1967 г. // Там же. С. 201.

родного космического права / под ред. Г.П. Жукова и А.Я. Капустина. М., 2008. С. 96.

4. *Ильинская О.И.* Влияние коренного изменения обстоятельств на действие международных договоров // Актуальные проблемы росс. права. 2018. № 5. С. 5.
5. *Юзбашян М.Р.* Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право // Московский журнал междунар. права. 2017. № 2 (106). С. 77.
6. *Ясентулиана Нандасири.* Введение // Современные проблемы международного космического права / под ред. Г.П. Жукова и А.Я. Капустина. М., 2008. С. 17.
7. *Fitzmaurice G.* The Law and Procedure of the International Court of Justice 1951–54. CUP, 1955. P. 132.
8. *Gorove.* Space Law: Its Challenges and Prospects. Leiden, 1977. P. 79.
9. *Guido Lavalle R.I.* The international orders in the fourth territory: the influence of new opportunities in outer space on governance systems and Space Law // International Cooperation. 2019 Dec 29.
10. *Kotzur M.* Intertemporal Law // Max Planck Encyclopedia of international law. Jn-line edition. URL: mpepil.org. (дата обращения: 12.01.2021).
11. *Li Zhenni.* International intertemporal law // California western International Law journal. 2018. Vol. 48. P. 387.
12. *Rosenne Sh.* The Law of Treaties. A Guide to the Legislative History of the Vienna Convention. Leiden, 1970. P. 46.
13. *Shaw M.N.* International Law. 6th ed. Cambridge, 2008. P. 933.

REFERENCES

1. *Abashidze A., Chernykh I.* Space resources in the focus of attention of mankind // Obozrevatel–Observer. 2020. No. 11. P. 45 (in Russ.).
2. *Jakhu R.S.* 40th anniversary of the Outer Space Treaty of 1967 // Current issues of international space law / ed. by G.P. Zhukov and A. Ya. Kapustin. M., 2008. P. 201 (in Russ.).
3. *Zhukov G.P.* 40 years of the Treaty on principles governing the activities of States in the exploration and use of outer space, including the moon and other celestial bodies // Modern problems of international space law / ed. by G.P. Zhukov and A. Ya. Kapustin. M., 2008. P. 96 (in Russ.).
4. *Ilinskaya O.I.* Influence of the radical change of circumstances on the effect of international treaties // Actual problems of Russ. law. 2018. No. 5. P. 5 (in Russ.).
5. *Yuzbashyan M.R.* The US Law on the research and use of space resources in 2015 and international space law // Moscow journal of International Law. 2017. No. 2 (106). P. 77 (in Russ.).
6. *Jasentuliyana Nandasiri.* Introduction // Modern problems of international space law / ed. by G.P. Zhukov and A. Ya. Kapustin. M., 2008. P. 17 (in Russ.).
7. *Fitzmaurice G.* The Law and Procedure of the International Court of Justice 1951–54. CUP, 1955. P. 132.
8. *Gorove.* Space Law: Its Challenges and Prospects. Leiden, 1977. P. 79.
9. *Guido Lavalle R.I.* The international orders in the fourth territory: the influence of new opportunities in outer space on governance systems and Space Law // International Cooperation. 2019 Dec 29.
10. *Kotzur M.* Intertemporal Law // Max Planck Encyclopedia of international law. Jn-line edition. URL: mpepil.org. (дата обращения: 12.01.2021).
11. *Li Zhenni.* International intertemporal law // California western International Law journal. 2018. Vol. 48. P. 387.
12. *Rosenne Sh.* The Law of Treaties. A Guide to the Legislative History of the Vienna Convention. Leiden, 1970. P. 46.
13. *Shaw M.N.* International Law. 6th ed. Cambridge, 2008. P. 933.

Сведения об авторах

КРЫЛОВ Николай Борисович –
доктор юридических наук, профессор,
заведующий сектором международного права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ШИНКАРЕЦКАЯ Галина Георгиевна –
доктор юридических наук, главный научный
сотрудник сектора международного права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KRYLOV Nikolay B. –
PhD of Law, Professor, head of the sector
of International Law of the Institute of State and
Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

SHINKARETSKAYA Galina G. –
PhD of Law, principal research fellow, sector
of International Law of the Institute of State and
Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 122–130
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 122–130

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

О ПАТЕНТНОЙ СИСТЕМЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ И В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

© 2021 г. Д. В. Афанасьев

Эксперт-координатор Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи, г. Москва

E-mail: dm.law@mail.ru

Поступила в редакцию 23.03.2020 г.

Аннотация. Проблемы в сфере патентования возникали с момента выдачи первых патентов еще до принятия патентного законодательства. Обсуждение проблемы в сфере патентов получило новый толчок в связи с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19) и разрабатываемой против него вакциной. В статье рассказывается о сущности патентной системы. Излагается первое судебное дело 1602 г., принятое в Англии против монополий еще до принятия первого законодательного акта о патентах (статут «О монополиях» 1623 г.). Автором обнаружены истоки появления таких институтов патентного права, как изобретательский уровень (неочевидность, изобретательский шаг), принудительные лицензии и полезные модели.

Ключевые слова: отмена патентной охраны, узаконенное пиратство, патентный троллинг, злоупотребления патентными правами, антимонопольное законодательство, принудительные лицензии, требование об изобретательском уровне (изобретательском шаге, неочевидности), свобода торговли, общественные интересы, благо общества, промышленная революция, промышленный подъем, стимулирование инноваций.

Цитирование: *Афанасьев Д.В.* О патентной системе в зарубежных государствах и в России: историко-правовой аспект // Государство и право. 2021. № 3. С. 122–130.

DOI: 10.31857/S102694520014150-6

ABOUT THE PATENT SYSTEM IN FOREIGN COUNTRIES AND IN RUSSIA (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

© 2021 D. V. Afanasyev

Expert Coordinator of the State Duma Committee on information policy, information technologies and communication, Moscow

E-mail: dm.law@mail.ru

Received 23.03.2020

Abstract. Problems in the field of patenting have arisen since the issuance of the first patents even before the adoption of patent legislation. The discussion of the patent issue has received a new impetus in connection with the coronavirus pandemic (COVID-19) and the vaccine being developed against it. The article describes the essence of the patent system. The first court case of 1602, adopted in England against monopolies even before the adoption of the first legislative act on patents (the statute "On monopolies" of 1623), is presented. The author has discovered the origins of such patent law institutions as the inventive level (non-obviousness, inventive step), compulsory licenses and utility models.

Key words: cancellation of patent protection, legalized piracy, patent trolling, abuse of patent rights, antitrust law, compulsory licenses, the requirement of the inventive step (inventive step, non-obviousness), freedom of trade, public interests, the public good, industrial revolution, industrial recovery, stimulating innovation.

For citation: *Afanasyev, D.V. (2021).* About the patent system in foreign countries and in Russia (historical and legal aspect) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 122–130.

Споры о целесообразности патентной системы, о негативном или позитивном ее влиянии на экономику ведутся уже несколько веков (с XVII в.). При этом такие события, как отмена патентной охраны и принципиальное отсутствие патентной охраны в некоторых государствах, являются «белыми пятнами» в литературе о патентном праве в Российской Федерации.

Вместе с тем аргументы, которые выдвигаются против патентной системы, зачастую не новы и уже озвучивались несколько веков назад. В частности, многие аргументы против патентной системы были высказаны еще в XIX в. Данная тема заслуживает отдельного научного исследования, поэтому далее кратко излагаются лишь некоторые ее аспекты.

В Англии критика патентов появилась до принятия парламентом в 1623 г. первого законодательного акта о патентах (статут «О монополиях»). Точкой отсчета антипатентных настроений является решение по делу *Darcy v. Allein (1602)*. В этом деле о нарушении патента (монополии) суд в Англии впервые признал недействительным королевский патент, выданный Елизаветой I. В качестве оснований ее недействительности суд указал аргументы, сходные с которыми до сих пор высказывают противники патентной системы. Во-первых, предоставление государством монополии наносит ущерб не только коммерсантам, но и всем, кто хочет использовать товар, потому что монополист завышает цены и не имеет стимулов для поддержания качества продаваемых товаров.

Во-вторых, установленные государством монополии по своей природе позволяют монополизировать торговлю, а это противоречит свободе торговли.

Наконец, любая монополия препятствует тому, чтобы коммерсанты занимались торговлей и «поэтому способствует праздности»[1].

На основании дела *Darcy v. Allein (1602)* в английской практике возникло правило, что обладатель патента (монополии) вправе пользоваться своим правом, если только не завышает цены на некачественные товары. Значимость этого дела также в том, что в нем было заложено правило, что при рассмотрении иска о нарушении патента может быть одновременно рассмотрено встречное требование об аннулировании патента. Данное правило соблюдается сейчас в большинстве государств, за исключением Российской Федерации и некоторых иных государств – участников СНГ.

Более того, данное дело легло в основу английского статута «О монополиях» 1623 г., поскольку в нем было указано, что никакие патенты и монополии не должны быть вредны государству путем поднятия цен, не могут наносить вред торговле и в целом не могут служить во вред обществу. Аргументы суда в этом знаковом деле послужили основой сначала для критики патентной системы, а затем для практики применения в Соединенном Королевстве антимонопольного законодательства к сфере патентов[2].

В начале XIX в. против патентов решительно выступило авторитетное научное Королевское общество искусств Лондона. В 1811 г. оно предложило в целях поощрения производства и торговли взамен получения патентов присуждать изобретателям призы в виде денежной премии и (или) почетной награды. Для поощрения изобретателей подобным образом в 1812 г. были разработаны правила, создан специальный комитет, который рассматривал поданные ему заявки, присваивал награды и заключал с изобретателем договор, по которому обладатель приза не мог значительно завышать цены на свои товары.

Не так давно лауреат премии Банка Королевства Швеция в области экономических наук памяти Альфреда Нобеля, неофициально именуемой «Нобелевской премией по экономике», Дж. Стиглитц высказал суждение о том, что вместо патентов следует выдавать призы, как это в свое время делало английское Королевское обществе искусств. Он указал, что патенты далеко не всегда способствуют инновациям и назвал их преградой для свободной торговли и доступа к жизненно важным лекарствам[3].

Екатерина II, Павел I и Александр I в начале своего правления негативно относись к патентным монополиям, поэтому в то время привилегии в Российской Империи не выдавались[4]. Екатерина II была сторонницей свободной торговли, поэтому при ней была отменена выдача любых привилегий на строительство фабрик и заводов, а в 1769 г. упразднена Мануфактур-коллегия, которая ведала выдачей привилегий на их заведение и выдавала среди них привилегии, являющиеся, по существу, патентами в современном понимании.

Антипатентные настроения главенствовали и в Европе во второй четверти XIX в., когда там имело место движение за отмену патентных монополий. В частности, в английском правительстве

[1] *Афанасьев Д.В.* Основные принципы патентного права и их генезис. Первые патенты, первые патентные законы и первая критика патентов // Хозяйство и право. 2020. № 6.

[2] См.: *Miller S.* The Case of the Monopolies: Some of Its Results and Suggestions // Michigan Law Review. 1907. Vol. 6. No. 1. P. 1–24.

[3] См.: *Stieglitz J.* Give Prizes not Patents // New Scientists. September. 2006. P. 21.

[4] См.: *Пиленко А.А.* Право изобретателя. 3-е изд. М., 2013. С. 185.

и парламенте главенствовали идеи свободной торговли, проводилась целенаправленная политика либерализации торговли. Предпринятые правительством Англии меры по либерализации экономики послужили толчком к ее дальнейшему росту. На этом фоне патенты стали рассматривать как очередное ограничение свободы торговли. В связи с этим вспомнили о решении по делу *Darcy v. Allein (1602)*.

Ситуация усугублялась тем, что процедура получения патента в то время на территории Соединенного Королевства была долгой, сложной и дорогой. До реформы патентного законодательства Соединенного Королевства в 1852 г. в Англии, Шотландии и Северной Ирландии необходимо было получать отдельные патенты, а для этого обращаться в самостоятельные патентные ведомства этих государств. Более того, до середины XIX в. колониальные государства Соединенного Королевства не имели собственного патентного законодательства и патентных ведомств, поэтому, например, изобретатель из Австралии должен был подавать заявку на патент в Англии, что было нереально.

Помимо сложной бюрократической процедуры получения патентов, она была чрезмерно дорогой и в силу этого недоступной для большинства изобретателей. На фоне повсеместной критики патентного законодательства в Соединенном Королевстве Ч. Диккенс в 1850 г. написал произведение «Рассказ бедняка о патенте», в котором иронично описал реальные бюрократические трудности и дороговизну получения патента для небогатого изобретателя.

Ч. Бэббидж, которого иногда называют «отцом компьютера», поскольку ему приписывается изобретение первого механического компьютера, в 1829 г. описал патентное законодательство Англии как систему, основанную на «совокупности порочных и мошеннических законов, которая, предоставляя несерьезную привилегию небольшой ценности, лишает ее владельца естественных прав на плоды его гения»[5].

Пик антипатентных настроений наступил в середине XIX в. во многих государствах Европы, включая Англию, Францию, Пруссию, Германию, Данию, Нидерланды, Швейцарию[6].

Например, в Пруссии в результате негативного отношения к патентным монополиям патенты на изобретения в середине XIX в. выдавались на срок не более трех-пяти лет. В некоторых германских государствах, например, в герцогстве Мекленбург-Шверин и вольных городах Гамбург, Бремен и Любек, принципиально не выдавали патентов на изобретения в XIX в. во избежание возникновения монополий в торговле. В 1863 г. общенациональный конгресс немецких экономистов принял резолюцию о том, что «патенты на изобретения вредны для общего благосостояния». Разнообразие патентных законов и множественность германских патентов долгое время препятствовали экономическому росту и объединению разрозненных германских государств в единое государство. В этой связи в 1868 г. О. Бисмарк предлагал отменить разом действие всех разнообразных законов о патентах, действовавших в разных германских государствах на территории Северогерманского союза: «Вместо того чтобы снова начинать неуспешные попытки реформирования законов о патентах, предпочтительнее было бы их совсем отменить на всей территории Союза»[7].

Кульминацией антипатентных настроений стала отмена в Голландии в 1869 г. на будущее время действия принятого в 1817 г. закона о патентах на изобретения. Патентный закон был отменен в связи с позицией представителей истеблишмента, которые в 1864 г. подали королю Голландии прошение о полной отмене патентной системы. В обоснование отмены выдвигались как экономические, так и философские аргументы о всеобщем благе и традициях свободы в Голландии. Заново патентный закон был принят в Голландии лишь в 1910 г., а патенты снова начали выдавать с 1912 г.[8] Тем самым патентная охрана была отменена на 43 года как искусственная монополия, противоречившая принципам свободной торговли. Тем не менее Нидерланды в отличие от Российской Империи подписали и ратифицировали Парижскую конвенцию о промышленной собственности 1883 г. в целях урегулирования вопросов, связанных с товарными знаками, зарегистрированными в Голландии. В результате Голландия в конце XIX в. снова, как и в XVI в., приобрела репутацию самого свободного государства в отношении торговли[9].

Отсутствие патентного регулирования привело, в частности, к созданию такой инновационной компании, как *Philips*. Эта компания начинала

---

[5] *Babbage Ch.* Reflections on the Decline of Science in England and Some of its Causes (1830). London, 1830. P. 141; см. также: *Brewster D.* Decline of Science in England // Quarterly Review 43 (October 1830). P. 333.

[6] См.: *Machlup F., Penrose E.* The Patent Controversy in the Nineteenth Century // Journal of Economic History. 1950. Vol. 10. No. 1. P. 1–29.

[7] *Doorman G.* Patent Law in Netherlands. Part I // Journal of the Patent Office Society. 1948. Vol. 30. No. 3. P. 236.

[8] См.: *Doorman G.* Patents for Inventions in the Netherlands during the 16th, 17th and 18th centuries. Martinus Nijnoff. 1942; *Machlup F., Penrose E.T.* Op. cit. P. 3–5.

[9] См.: *Schiff E.* Industrialization Without National Patents: The Netherlands, 1869–1912; Switzerland, 1850–1907. Princeton Legacy Library. 1971; см. также: *Doorman G.* Patents for Inventions in the Netherlands during the 16th, 17th and 18th centuries.

с производства «контрафактных» лампочек по патентам Т. Эдисона без его разрешения и без выплат ему, а впоследствии получила более 100 000 патентов, включая патенты на изобретение *CD* (*Compact Disc*), *DVD+RW* и аудиокассеты, изобретение которой привело к революции в музыкальной индустрии и, как следствие, к принятию в 1961 г. Римской конвенции по охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм, вещательных организаций.

Кроме того, в период «патентного безвластия» в Голландии было сделано такое пионерное изобретение, как гальванометр, на котором была сделана первая в мире электрокардиограмма сердца. Это изобретение произвело революционный прорыв в области исследования болезней сердца, а его изобретатель В. Эйнтховен получил за него Нобелевскую премию в 1924 г. Ученые и врачи со всего мира стали приезжать к Эйнтховену в Лейденский университет, в котором он преподавал, он охотно делился с ними своим изобретением. В связи с этим в кратчайший возможный срок врачи во всем мире стали использовать это изобретение для спасения человеческих жизней.

В Швейцарии и Дании длительное время по экономическим соображениям не действовали патентные законы. В Швейцарии первый патентный закон от 1799 г. был отменен в 1802 г., а новый был принят лишь в 1851 г. – после активного промышленного бума. В Дании первый патентный закон был принят в 1894 г. одновременно с ратификацией Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г.

Кроме того, Швейцария до 1907 г. принципиально не меняла свой патентный закон, чтобы его действие не распространялось на химические соединения в целях законного копирования химической продукции из Германии. Только в результате давления Германии и под угрозой санкций с ее стороны, Швейцария вынуждена была изменить закон о патентах, распространив ее действие не только на материальные объекты, но и на способы. В Великобритании после Первой мировой войны до 1949 г. специально исключили химические соединения из патентной охраны в целях свободного копирования химической продукции превосходящей по качеству немецкой химической промышленности.

В Российской Империи в конце XIX в. негативное отношение к патентной системе и пример Голландии, отменившей патентную охрану, тоже вызывал одобрение некоторых известных юристов того времени. В частности, видный правовед, член Госсовета Российской Империи и обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев полагал, что практика отмены патентной охраны по примеру Голландии будет расширяться на другие государства, поскольку «патентное право уже давно и чем дальше, тем больше подвергается критике и является причиной жалоб и возражений». Он отмечал, что с тех пор, как вошли в обыкновение международные промышленные выставки, «изменилось основное понятие о смысле нового изобретения», а спор о патентах из юридической и экономической литературы давно уже перешел в законодательные собрания во Франции, в Англии и в Германии[10].

Между тем пик антипатентных настроений в государствах Европы в середине XIX в. вовсе не привел к отмене патентных законов. Решение Голландии об отмене действующего патентного закона даже по тем временам на фоне популистского движения за отмену патентов оказалось чрезмерно радикальным. Ни одно государство более не решилась на подобный шаг, хотя в Голландии предполагали, что государство станет образцом освобождения от патентных монополий и другие страны последуют ее примеру.

Наоборот, в результате критики патентной системы во многих государствах была проведена существенная реформа патентного законодательства в целях повышения ее эффективности, стимулирования и ускорения получения патентов, устранения выявленных недостатков. Практически все европейские государства, включая Российскую Империю, во второй половине и в конце XIX в. усовершенствовали законодательство о патентах. Так, патентная система Великобритании в 1852 и в 1883 гг. была существенно реформирована путем принятия изменений, значительно упростивших получение патента.

Кроме того, во второй половине XIX в. началась активная работа на международном уровне с целью разработки конвенции, призванной урегулировать многие возникающие в сфере патентов проблемы, в частности, проблемы при патентовании в связи с участием в международных промышленных выставках, дискриминацией иностранных изобретателей, необходимостью подавать заявку на патентование сразу в нескольких государствах. Результатом этой работы стало принятие Парижской конвенции о промышленной собственности 1883 г.

Более того, в результате критики патентной системы и реформирования ее положений в патентном праве многих государств в конце XIX в. появился такой важный для патентного права институт, как принудительная лицензия. Он стал санкцией за нарушение одного из принципов патентного права – обязательного использования

[10] См.: *Победоносцев К.* Курс гражданского права. СПб., 1896. Т. 1. С. 676, 677.

патента, поскольку в результате критики патентного права пришло осознание, что неиспользование или незначительное использование патентной монополии тормозит технический прогресс.

Принудительная лицензия была разработана и появилась в патентном законодательстве Германии в 1877 г, а оттуда была вскоре воспринята другими промышленно развитыми странами. Кроме того, в Германии в результате пересмотра взглядов на изобретения появился новый для патентного права институт – полезные модели на основании закона о полезных моделях от 1887 г. Этот закон был призван упростить, ускорить и стимулировать патентование «мелких изобретений». Он оказал существенное влияние на патентное законодательство многих государств.

Решение об отмене патентов было принято Голландией, отставшей от соседних государств в промышленном развитии, в целях легального и свободного копирования чужих изобретений из промышленно более развитых стран. При этом в Голландии за период первоначального действия патентного закона (с 1817 по 1869 г.) было выдано незначительное количество патентов. Причем подавляющая часть из них выдавалась иностранным гражданам и зарубежным компаниям. Голландское патентное законодательство, действовавшее до его отмены в 1869 г., также было несовершенным. В частности, в нем допускалась выдача патентов на изобретения, уже запатентованные за рубежом. На этом фоне патенты рассматривались там как некое препятствие для промышленного развития страны, свободной торговли и конкуренции. Патенты ассоциировались с возможностью для иностранных граждан устанавливать патентные монополии и высокие цены.

Тем не менее период патентного безвластия не оказал существенного влияния на темпы роста промышленности Голландии и не привел к значительному росту там торговли. Исключением стало лишь появление такой компании, как *Philips,* начинавшей свою деятельность с легального копирования чужих изобретений, и появление голландской маргариновой промышленности[11]. Однако повторное введение патентной системы в XX в. привело к повышению уровня изобретательской активности в Голландии[12].

В свое время деятельность авторитетного Королевского общества искусств Лондона по выдаче изобретателям вместо патентов призов в виде денежных премий и (или) почетных наград провалилась, поскольку никак не повлияла на техническое развитие, а некоторые изобретатели умудрялись получать и патенты, и денежные призы за свои изобретения. Наоборот, практика выдачи подобных призов продемонстрировала, что она не является эффективной заменой патентной системы.

Отсутствие единого патентного законодательства на территории Германии (а точнее, на территории Северогерманского союза), а также чрезмерно короткие сроки патентной охраны ввиду негативного отношения к патентным монополиям в Пруссии делали практически бессмысленным получение патентов на них. Как вспоминал изобретатель и основатель компании *Siemens* В. фон Сименс, до единого патентного закона Германии и при произвольных сроках действия в Пруссии патентов на изобретения в три-пять года не имело практического смысла получать патенты в Пруссии в первой половине XIX в.[13]

После объединения в 1871 г. различных немецких государств в одну империю сначала в разных государствах действовало разнообразное патентное законодательство и патенты выдавались на разные сроки разными патентными ведомствами. Однако в 1877 г. был принят единый национальный патентный закон Германии, создано централизованное имперское патентное ведомство, которое стало выдавать единые общенациональные патенты.

Единый патентный закон Германии 1877 г. подтвердил экономическое объединение различных немецких государств в одну державу. Он значительно стимулировал изобретательскую деятельность в объединенной Германии, став одним из самых прогрессивных патентных законов мира того времени и примером для других государств. Сначала в объединенном германском государстве стал действовать единый закон о патентовании изобретений, затем закон о патентовании полезных моделей, и лишь в 1900 г. вступило в силу Германское гражданское уложение, работа над которым началась в 1874 г. Тем самым история патентного права свидетельствует, что единое патентное право обычно сопутствует объединению территорий в единое экономическое пространство.

После объединения США там был принят единый патентный закон, хотя до 1790 г. на территории каждого штата патенты выдавались отдельно. Позиция Т. Джефферсона, третьего президента США и первого главы первого единого патентного ведомства, в отношении патентов прошла эволюцию от полного отрицания патентных монополий до разработки патентного законодательства и участия

[11] См.: *Doorman G.* Patent Law in Netherlands. Part I. P. 212.

[12] См.: *Dutton H.* The patent system and inventive activity during the industrial revolution 1750–1852. Manchester University Press. 1984. P. 5, 6.

[13] См.: *Сименс Э.В. фон.* Личные воспоминания / пер. с нем. В. Чумакова. М., 2010.

в выдаче патентов. Как указал Верховный суд США в одном из самых прецедентных по патентам деле *Graham v. John Deere Co*. (1966 г.), Джефферсон, как и другие американцы, инстинктивно ненавидел монополии. Будучи свидетелем дискуссий в парламенте Франции о вреде привилегий (патентов) на изобретения, он писал в 1788 г., что выдаваемые патентные монополии могут стать стимулом к изобретательству, однако польза от них весьма сомнительна в сопоставлении с тем, что они подавляют.

Между тем со временем Т. Джефферсон стал рассматривать патенты как единственный способ стимулирования создания новых и полезных для общества изобретений. Им была выработана популярная ныне концепция о том, что выдача патента представляет собой условное соглашение между заявителем (изобретателем) и обществом, согласно которому общество предоставляет заявителю (изобретателю) легальную монополию на ограниченный срок взамен того, что тот раскрывает обществу сущность своего изобретения.

В своем письме от 1813 г., на которое ссылаются суды США, Джефферсон изложил сущность и цель патентной системы следующим образом: «Патентная монополия не предназначена для того, чтобы обеспечить изобретателю его естественное право при его открытиях. Скорее это награда, стимул, чтобы привнести новое знание. Предоставление исключительного права на изобретение было творением общества – в противоречии с присущим ему свободным характером раскрываемых идей – это право не должно предоставляться легко. Только изобретения и открытия, которые способствуют развитию человеческих знаний, являются новыми и полезными, оправдывающими особо основание предоставления патентной монополии». Верховный суд США подробно проанализировал это письмо Т. Джефферсона в деле *Graham v. John Deere Co.* и указал, что исключительное право на основании патента представляет собой особую легальную монополию, оправданную исключительно тем, что она служит интересам общества.

Изложенная позиция Т. Джефферсона также лежит в основе отрицания в США и в других государствах возможности патентования полезных моделей, поскольку он полагал, что в целях содействия прогрессу патентные монополии не должны выдаваться в отношении незначительных мелочей и очевидных улучшений, а могут выдаваться только в отношении изобретений, которые являются новыми, полезными и существенно расширяют человеческие знания. При этом в некоторых государствах, в которых полезные модели являются объектом патентования, они иногда, как в России, используются как одно из средств «патентного троллинга» ввиду отсутствия применительно к ним требования об изобретательском уровне.

Первый единый для США патентный закон 1790 г. по предложению Джефферсона специально установил небольшие патентные пошлины, чтобы в отличие от Великобритании в США подать заявку на патент мог любой. Главными условиями выдачи патентов на изобретения были новизна и полезность.

Позднее по предложению Джефферсона в целях борьбы со злоупотреблениями при получении патентов в патентном законодательстве США появилась норма, что «простое изменение в любой степени формы или пропорций какого-либо механизма или соединения не делает его открытием», то есть изобретением[14]. Это положение появилось, поскольку, пользуясь недостатком патентного законодательства, некоторые лица стали недобросовестно получать патенты, лишь изменив очевидным образом размер, форму или пропорции.

До середины XIX в. ни в одном государстве еще не существовало требования об изобретательском уровне (изобретательском шаге, неочевидности) в качестве самостоятельного требования к патентоспособности изобретений. В США данное положение об изменении формы и пропорций не решало всех проблем, однако стало прообразом для возникновения в США в середине XIX в. требования о неочевидности, поскольку патенты стали получать, просто заменив очевидным образом один материал на другой. Подобная недобросовестная практика патентования стала основой для возникновения в XIX в. сначала в США, а после и в других государствах современного требования к изобретениям о неочевидности (изобретательском уровне, изобретательском шаге).

С тех пор простое изменение размера, формы или пропорций, в результате которого не возникает какой-либо неожиданный эффект, а также простая замена известного элемента на другой элемент для достижения предсказуемых результатов не соответствуют требованию об изобретательском уровне (неочевидности, изобретательском шаге). Тем самым строгое соблюдение требования об изобретательском уровне (изобретательском шаге, неочевидности) есть одно из препятствий для злоупотреблений в сфере патентного права.

В результате активной изобретательской деятельности и передовой патентной системы США в конце XIX в. стали одним из мировых лидеров по

[14] См.: *Афанасьев Д. В.* Тонкая грань между патентуемым и непатентуемым в законодательстве зарубежных стран и России: открытия, компьютерные программы, биотехнологии, способы лечения и иное // Хозяйство и право. 2020. № 2 (517). С. 73–96.

количеству выдаваемых патентов. Они сначала составили конкуренцию английской промышленности, а после благодаря эффективной системе патентования и экономической политике обошли Великобританию и заменили ее в XX в. в роли мирового промышленного лидера.

В самой Великобритании промышленная революция XVIII–XIX вв. началась благодаря изобретениям. Отправной точкой промышленной революции, впрочем как и всех последующих промышленных революций, стали именно изобретения.

Саймон (Семен) Кузнец, являющийся, как и цитируемый выше Дж. Стиглитц, лауреатом премии Банка Королевства Швеция в области экономических наук памяти Альфреда Нобеля («Нобелевской премией по экономике»), на основе анализа промышленных подъемов в разных государствах пришел к выводу, что необходимым условием экономического роста любого государства является применение изобретений и передовых технологий, без которого невозможно добиться экономического роста[15].

Паровой двигатель Дж. Уатта, механический ткацкий станок Р. Аркрайта и иные изобретения стали отправной точкой английской промышленной революции и «имперского века Британии» (*Pax Britannica*). Другое дело, что промышленная революция из Соединенного Королевства распространилась по миру в XVIII–XIX вв. благодаря промышленному шпионажу и отсутствию регулирования патентования на международном уровне. При этом оба патента Р. Аркрайта были судом аннулированы, а иски о нарушении патентов Дж. Уатта, пионеров авиации братьев Р. и Т. Эдисона далеко не всегда способствовали техническому прогрессу. Эти «идолы изобретательства» иногда выступали в судах в роли «патентных троллей». Тем не менее вклад в технический прогресс этих изобретателей благодаря запатентованным ими изобретениям трудно оспорить.

История продемонстрировала, что патентная монополия – единственный способ эффективного стимулирования инноваций, а отсутствие патентной охраны используется государствами лишь как льготный период в несколько десятков лет в целях стимулирования экономики, когда становится легальным копирование чужих новшеств, т.е. узаконивается пиратство.

Данный путь прошли не только Голландия, Швейцария и Дания в свое время. Подобная ситуация фактически была в Южной Корее в конце XX в. и в Китае в недавнем прошлом. Вместе с тем КНР скоро опередит мирового лидера инноваций, которым пока являются США, а Южная Корея – один из мировых лидеров международного патентования. В то же время в России продолжительное время наблюдается стагнация в сфере патентования изобретений, а в области патентования своих изобретений за рубежом позиции США, Китая и Южной Кореи для Российской Федерации недостижимы в обозримом будущем.

Действительно, в сфере патентов существуют различные проблемы, в частности «патентный тролинг», «вечно зеленые патенты», неиспользуемые патенты и т.д. Представляется, что все эти проблемы относятся больше к судебной сфере рассмотрения.

Например, в одних государствах институт принудительных лицензий, возникший в конце XIX в. в результате критики патентной системы, есть эффективное средство борьбы со злоупотреблениями в сфере патентов, тогда как в других он больше формально закреплен в патентном законодательстве, как, например, в России. Во многих государствах принудительные лицензии выдаются в сфере здравоохранения в целях обеспечения доступа своего населения к лечению, в частности, дженериковыми лекарствами. В Соглашении ТРИПС (в частности, в ст. 31bis) подробно урегулирована процедура выдачи принудительных лицензий в фармацевтической сфере[16]. Тем не менее в Российской Федерации судебная практика применения положений о принудительном лицензировании до сих пор находится в зачаточном состоянии.

История патентного права свидетельствует о том, что с момента принятия первых патентных законов в Англии в XVII в. и в Венеции в XIV в. в отношении действия патентов были закреплены определенные изъятия в интересах общественного блага[17]. В первом законе о патентах 1623 г. Англии, как указано выше, был закреплен принцип о том, что патенты должны служить во благо общества и правом на основании патента нельзя злоупотреблять. Изъятия в «интересах общественного блага» были предусмотрены в законодательстве практически всех государств с конца XIX в. – начала XX в. При этом данные положения не были декларативными нормами, а применялись на практике судами и властями в те далекие времена.

В Российской Федерации до сих пор не прекращаются споры о возможности применения к сфере патентов антимонопольного законодательства, поскольку, с одной стороны, патенты являются легальной монополией, а с другой – злоупотребление этим монопольным правом возможно и требуется его ограничение, в частности, в целях сохранения здоровья населения.

[15] См.: *Kuznets S.S.* Modern Economic Growth: Finding and Reflection // The American Economic Review. 1973. V. 63 (3). P. 247.

[16] См.: *Bagchi A.* Compulsory Licensing and the Duty of Good Faith in TRIPS // Stanford Law Review. 2003. Vol. 55. No. 5. P. 1529–1555.

[17] См. об этом: *Афанасьев Д.В.* Тонкая грань между патентуемым и непатентуемым в законодательстве зарубежных стран и России: открытия, компьютерные программы, биотехнологии, способы лечения и иное.

В США более ста лет назад в судах установилась практика применения к патентной сфере, в частности к «патентным пулам», антимонопольного законодательства. Так, Верховный суд США сначала в 1911 г. по делу *Standard Oil Co. of New Jersey v. United States* проанализировал английскую судебную практику о том, что монополии, ограничивающие индивидуальные свободы и торговлю, наносящие вред обществу незаконны. Позднее, в 1931 г., в деле *Standard Oil Co. v. United States* Верховный суд США признал противоречащими антимонопольному законодательству лицензионные соглашения, заключенные компанией первого в истории долларового миллиардера Дж. Рокфеллера в целях образования патентного пула[18].

Задача борьбы с различными злоупотреблениями в патентной сфере возлагается именно на суды. В различных государствах не так давно были созданы специализированые патентные суды, как например, ЕС, в ФРГ и Швейцарии. В Российской Федерации тоже создан специализированный суд в сфере интеллектуальных прав, однако большую часть дел в нем составляют дела о неиспользовании и регистрации товарных знаков. При этом тема злоупотребления патентными правами в российских судах по-прежнему остается *terra incognita,* какие-либо судебные разъяснения в этой сфере отсутствуют.

Верховный суд США в 2012 г. указал, что охрана на основании патента – это палка о двух концах. С одной стороны, это обещание исключительного права обеспечивать денежные стимулы, которые приводят к созданию изобретений. С другой – эта исключительность может препятствовать потоку информации, позволяет поднимать цены и требует от потенциальных пользователей патентов проводить дорогостоящие и трудоемкие поиски существующих патентов, а также находящихся на рассмотрении патентных заявок, требует сложных согласований лицензионных соглашений. Однако задача патентного права – регулировать изобретательскую деятельность таким образом, чтобы сбалансировать эти положения.

* * *

Представляется, что в Российской Федерации искать данный баланс в каждом отдельном деле в сфере патентов предстоит именно судам, однако изменение законодательства в этих целях также целесообразно.

[18] См.: Pooling of Patents: Hearings Before the Committee on Patents, House of Representatives, Seventy-fourth Congress, a Bill Providing for the Recording of Patent Pooling Agreements and Contracts with the Commissioner of Patents, 1935. U.S. Government Printing Office, 1936.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афанасьев Д.В.* Основные принципы патентного права и их генезис. Первые патенты, первые патентные законы и первая критика патентов // Хозяйство и право. 2020. № 6.
2. *Афанасьев Д.В.* Тонкая грань между патентуемым и непатентуемым в законодательстве зарубежных стран и России: открытия, компьютерные программы, биотехнологии, способы лечения и иное // Хозяйство и право. 2020. № 2 (517). С. 73–96.
3. *Пиленко А.А.* Право изобретателя. 3-е изд. М., 2013. С. 185.
4. *Победоносцев К.* Курс гражданского права. СПб., 1896. Т. 1. С. 676, 677.
5. *Сименс Э.В. фон.* Личные воспоминания / пер. с нем. В. Чумакова. М., 2010.
6. *Babbage Ch.* Reflections on the Decline of Science in England and Some of its Causes (1830). London, 1830. P. 141.
7. *Bagchi A.* Compulsory Licensing and the Duty of Good Faith in TRIPS // Stanford Law Review. 2003. Vol. 55. No. 5. P. 1529–1555.
8. *Brewster D.* Decline of Science in England // Quarterly Review 43 (October 1830). P. 333.
9. *Doorman G.* Patent Law in Netherlands. Part I // Journal of the Patent Office Society. 1948. Vol. 30. No. 3. P. 212, 236.
10. *Doorman G.* Patents for Inventions in the Netherlands during the 16th, 17th and 18th centuries. Martinus Nijnoff. 1942.
11. *Dutton H.* The patent system and inventive activity during the industrial revolution 1750–1852. Manchester University Press. 1984. P. 5, 6.
12. *Kuznets S.S.* Modern Economic Growth: Finding and Reflection // The American Economic Review. 1973. V. 63 (3). P. 247.
13. *Machlup F., Penrose E.* The Patent Controversy in the Nineteenth Century // Journal of Economic History. 1950. Vol. 10. No. 1. P. 1–29.
14. *Miller S.* The Case of the Monopolies: Some of Its Results and Suggestions // Michigan Law Review. 1907. Vol. 6. No. 1. P. 1–24.
15. *Schiff E.* Industrialization Without National Patents: The Netherlands, 1869–1912; Switzerland, 1850–1907. Princeton Legacy Library. 1971.
16. Pooling of Patents: Hearings Before the Committee on Patents, House of Representatives, Seventy-fourth Congress, a Bill Providing for the Recording of Patent Pooling Agreements and Contracts with the Commissioner of Patents, 1935. U.S. Government Printing Office, 1936.
17. *Stieglitz J.* Give Prizes not Patents // New Scientists. September. 2006. P. 21.

REFERENCES

1. *Afanasyev D.V.* Basic principles of patent law and their genesis. The first patents, the first patent laws and the first criticism of patents // Economy and Law. 2020. No. 6 (in Russ.).
2. *Afanasyev D.V.* The fine line between the patentable and the non-patentable in the legislation of foreign countries and Russia: discoveries, computer programs, biotechnologies, methods of treatment and other // Economy and Law. 2020. No. 2 (517). P. 73–96 (in Russ.).
3. *Pilenko A.A.* The right of the inventor. 3rd ed. M., 2013. P. 185 (in Russ.).
4. *Pobedonostsev K.* Course of Civil Law. SPb., 1896. Vol. 1. P. 676, 677 (in Russ.).
5. *Siemens E.V. von.* Personal memories / transl. from the German. V. Chumakov. M., 2010 (in Russ.).
6. *Babbage Ch.* Reflections on the Decline of Science in England and Some of its Causes (1830). London, 1830. P. 141.
7. *Bagchi A.* Compulsory Licensing and the Duty of Good Faith in TRIPS // Stanford Law Review. 2003. Vol. 55. No. 5. P. 1529–1555.
8. *Brewster D.* Decline of Science in England // Quarterly Review 43 (October 1830). P. 333.
9. *Doorman G.* Patent Law in Netherlands. Part I // Journal of the Patent Office Society. 1948. Vol. 30. No. 3. P. 212, 236.
10. *Doorman G.* Patents for Inventions in the Netherlands during the 16th, 17th and 18th centuries. Martinus Nijnoff. 1942.
11. *Dutton H.* The patent system and inventive activity during the industrial revolution 1750–1852. Manchester University Press. 1984. P. 5, 6.
12. *Kuznets S.S.* Modern Economic Growth: Finding and Reflection // The American Economic Review. 1973. V. 63 (3). P. 247.
13. *Machlup F., Penrose E.* The Patent Controversy in the Nineteenth Century // Journal of Economic History. 1950. Vol. 10. No. 1. P. 1–29.
14. *Miller S.* The Case of the Monopolies: Some of Its Results and Suggestions // Michigan Law Review. 1907. Vol. 6. No. 1. P. 1–24.
15. *Schiff E.* Industrialization Without National Patents: The Netherlands, 1869–1912; Switzerland, 1850–1907. Princeton Legacy Library. 1971.
16. Pooling of Patents: Hearings Before the Committee on Patents, House of Representatives, Seventy-fourth Congress, a Bill Providing for the Recording of Patent Pooling Agreements and Contracts with the Commissioner of Patents, 1935. U.S. Government Printing Office, 1936.
17. *Stieglitz J.* Give Prizes not Patents // New Scientists. September. 2006. P. 21.

Сведения об авторе

АФАНАСЬЕВ Дмитрий Викторович –
эксперт-координатор Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи; 103265 г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1

Authors' information

AFANASYEV Dmitry V. –
Expert coordinator of the State Duma Committee on information policy, information technologies and communication; 1 Okhotny Ryad str., 103265 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 131–136
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 131–136

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ЗАЩИТНИКА ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ ТАДЖИКСКОЙ ССР 1961 г.

© 2021 г. Т. Т. Вохидов

Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики (ТГУПБП), г. Худжанд

E-mail: tokhirdzhon@list.ru

Поступила в редакцию 07.09.2020 г.

Аннотация. На основе Уголовно-процессуального кодекса Таджикской ССР 1961 г. рассматриваются процессуальные права и обязанности защитника в досудебных стадиях уголовного процесса. В статье рассмотрены также историко-правовые основы принятия Уголовно-процессуального кодекса ТаджССР 1961 г. Во второй половине XX в. в Таджикской ССР начался этап кодификации законодательства (с 1956 г.). Проект второго УПК ТаджССР до своего принятия в виде четырёх вариантов за период 1956–1961 гг. в окончательном варианте был принят 17 августа 1961 г. и с 1 ноября 1961 г. Кодекс стал действовать на территории Таджикской ССР. Уголовно-процессуальный кодекс ТаджССР 1961 г. основывался на УПК ТаджССР 1935 г. и действовал в течение почти 50 лет.
В статье проанализированы основные положения Уголовно-процессуального кодекса ТаджССР 1961 г., касающиеся досудебного производства по уголовным делам и статуса защитника. Проведен также краткий контент-анализ норм УПК ТаджССР 1961 г., регулирующий уголовно-процессуальную деятельность в досудебном производстве. В период своего действия в Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР 1961 г. вносились изменения и дополнения.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР, предварительное расследование, следователь, прокурор, права и обязанности, защитник, кодификация законодательства, конференция.

Цитирование: *Вохидов Т.Т.* Процессуальный статус защитника по Уголовно-процессуальному кодексу Таджикской ССР 1961 г. // Государство и право. 2021. № 3. С. 131–136.

DOI: 10.31857/S102694520014041-6

THE PROCEDURAL STATUS OF THE DEFENDER UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF TAJIK SSR 1961

© 2021 T. T. Vohidov

Tajik state University of law, business and politics (TSULBP), Khujand

E-mail: tokhirdzhon@list.ru

Abstract. The author examines the procedural rights and obligations of a defense attorney in the pre-trial stage of the criminal process based on the study of the Criminal Procedure Code of Tajik SSR1961. It is also briefly examined the historical and legal foundations of the adoption of the Criminal Procedure Code of Tajik SSR 1961.
The stage of codification of legislation began in the Tajik SSR in the second half of the 20th century. In particular, the codification of the Criminal Procedure Code of Tajik SSR began in 1956. The draft of the second Criminal Procedure Code of Tajik SSR, before its adoption, was improved in four versions during the period 1956–1961. The final version was adopted on August 17, 1961 and from November 1, 1961, the law became effective on the territory of the Tajik SSR. The Criminal Procedural Code of Tajik SSR in 1961 was based on the norms of the Criminal Procedural Code of Tajik SSR1935 and served for almost 50 years on the territory of the Tajik SSR.

The article analyzes in detail the main provisions of the Criminal Procedure Code of Tajik SSR 1961, concerning pre-trial proceedings in criminal cases and the status of a defender. Also, a brief content analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Tajik SSR 1961, which regulates criminal procedural activities in pre-trial proceedings. During the period of its operation, amendments and additions were made to the Criminal Procedure Code of Tajik SSR 1961. Having served firmly in the practice of law enforcement agencies, the Criminal Procedure Code of Tajik SSR 1961 positively regulated the procedural position of the participants in the criminal process, in particular, the criminal procedural status of the defender.

Key words: Criminal Procedure Code of Tajik SSR, preliminary investigation, investigator, prosecutor, rights and duties, defender, codification of legislation, conference.

For citation: *Vohidov, T.T. (2021)*. The procedural status of the defender under the Criminal Procedure Code of Tajik SSR 1961 // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 131–136.

Неотъемлемость прав и свобод человека и гражданина должна означать невозможность ограничения прав участников уголовного процесса органами предварительного расследования, прокурорами и судами[1].

Как отмечает З.Х. Искандаров, «права и свободы человека и гражданина как объект исследования актуальны во всех сферах жизнедеятельности в Таджикистане, так как они по существу в течение долгих лет не были как сегодня приоритетным направлением науки. Особенно нуждаются в глубокой научной разработке вопросы расширения правового статуса лиц, вовлеченных в орбиту уголовного процесса и его защиты с учётом признания естественных прав человека и гражданина»[2].

К концу 50-х годов в Таджикской ССР назрела необходимость принятия Уголовно-процессуального кодекса.

Влияние на организацию разработки и принятия УПК ТаджССР оказал Председатель Президиума Верховного совета Таджикской ССР (1956–1963 гг.), советский и таджикский дипломат, партийный и государственный деятель М.Р. Рахматов. Уже в начале периода его работы в качестве Председателя Президиума Верховного совета Таджикской ССР начались поэтапные реформы, касавшиеся совершенствования законодательных актов Таджикской ССР.

Как пишет А.А. Мухитдинов, «учитывая ряд предложений теоретиков и практиков, в 1956 году Президиум Верховного Совета Таджикской ССР признал необходимым ускорить работу по систематизации и кодификации законодательства Таджикской ССР. В качестве первоочередной меры намечалось выявление тех законов, которые либо устарели, либо нуждались в дополнении. В связи с этим Президиум Верховного Совета Таджикской ССР созвал расширенное совещание юристов, на котором из представителей заинтересованных ведомств, научных работников и работников аппарата Министерства юстиции была создана подкомиссия по подготовке проекта УПК республики. Подкомиссия по разработке проекта УПК Таджикский ССР начала свою работу с анализа структуры и содержания УПК, тщательно изучив каждую статью УПК, сопоставив действующий УПК Таджикский ССР с УПК союзных республик. В результате работы подкомиссии в начале 1958 года был опубликован первый вариант УПК Таджикской ССР, который состоял из восьми разделов, тридцати двух глав и четырехсот шестнадцати статей»[3].

Организация и деятельность подкомиссии по подготовке проекта УПК Таджикской ССР подробно изложены в трудах Р.Н. Хамрокулова[4].

В начале 1961 г. окончательно четвёртый вариант был подготовлен. Теоретические и практические особенности разработки четырёх вариантов УПК ТаджССР отмечены в работах А.А. Мухитдинова[5].

Огромное значение для совершенствования уголовного законодательства Средней Азии сыграла проведённая в 1959 г. в г. Ташкенте межреспубликанская научная конференция по вопросам кодификации законодательства Узбекской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР.

В связи с этим директор Института государства и права АН СССР, член-корр. АН СССР П.С. Ромашкин отмечал, что «кодификация советского законодательства должна осуществляться на высоком теоретическом уровне. Необходимо уделять значительно большое внимание вопросам законодательной техники, в первую очередь при составлении проектов кодексов. Эти вопросы в нашей литературе освещались недостаточно, а в законодательной практике иногда игнорировались. Вместе с тем недостаточное внимание к указанным вопросам (построение закона, язык, точность формулировок, единство терминологии и т.д.) приводит к различного рода недостаткам законодательных актов»[6].

Министр юстиции Узбекской ССР, зав. отделом права Института философии и права АН УзССР, акад. АН УзССР Х.С. Сулейманова в своём выступлении указывала на необходимость отражения в проекте УПК среднеазиатских государств усиления гарантии конституционных прав граждан путём закрепления в нормах УК отдельной статьи,

[1] См.: *Гаврилов Б.Я.* Актуальные проблемы защиты Конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве. М., 2012. С. 13.

[2] *Искандаров З.Х.* Конституционно-правовые основы защиты прав человека и гражданина в уголовном процессе Республики Таджикистан. Душанбе, 2008. С. 7.

[3] *Мухитдинов А.А.* Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан). Душанбе, 2015. С. 56.

[4] См.: *Хамрокулов Р.Н.* Вопросы теории и практики кодификации уголовного законодательства Союзной республики. Душанбе, 1962.

[5] См.: *Мухитдинов А.А.* Указ. соч. С. 56–60; *Его же*. Краткая история принятия второго Уголовно-процессуального кодекса Таджикской ССР // Вестник РТСУ. Душанбе, 2018. С. 40–46.

[6] Межреспубликанская научная конференция по вопросам кодификации законодательства Узбекской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР. Ташкент, 1959. С. 9.

предусматривающей уголовную ответственность за привлечение в качестве обвиняемого заведомо невиновного лица. Так же было выдвинуто мнение о том, что суд первой инстанции обязан направлять осуждённому или оправданному копию протеста прокурора и разъяснить этим лицам их право представлять возражения на протест[7].

Министр юстиции Казахской ССР К.С. Султанов подчеркивал необходимость в целях повышения гарантии прав подсудимого и установления объективной истины дополнения УПК нормами, предоставляющими суду право при сознании обвиняемого, подсудимого своей вины не производить дальнейшего судебного следствия. Предлагалось установить единые сроки обжалования и опротестования прокурором, а также единый порядок извещения сторон в судебных стадиях уголовного процесса[8].

По мнению Министра юстиции Киргизской ССР К. Шаменова, признание обвиняемым предъявленного ему обвинения, не подтверждённого другими доказательствами, не может служить основанием для вынесения обвинительного приговора. Необходимо предусматривать возможность приостановления следствия в случае обнаружения лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Этим исключается возможность прекращения дела по мотивам неизвестности лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

Следует устанавливать обязательное участие защитника по делам, в которых участвует государственный или общественный обвинитель, по делам лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут осуществлять свою защиту, несовершеннолетних, лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство, и при наличии защитника у одного из нескольких подсудимых, если их интересы находятся в противоречии. Предлагалось также допускать в качестве защитника близких родственников подсудимого[9].

Министр юстиции Туркменской ССР А. Аймамедов указал, что «законодательная и особенно кодификационная деятельность не всегда успевала своевременно осуществлять правовое регулирование общественных отношений, его изменение, дополнение и обновление в соответствии с запросами жизни. Следует включить в УПК обстоятельство, исключающее уголовную ответственность, как недостаточность собранных по делу доказательств для предания суду лица, привлеченного в качестве обвиняемого»[10].

Председатель юридической комиссии при Совете министров Таджикской ССР М. Исмаилов в своем выступлении отмечал, что «в действующем УПК ТаджССР не отражены такие основные конституционные принципы, как коллегиальное рассмотрение дел, в судах с участием народных заседателей, независимость судей при осуществлении правосудия и подчинении их только закону, равенства граждан перед судом, участие защитника в уголовном судопроизводстве и другие важнейшие вопросы, регламентирующие деятельность судебных органов. Необходимо обеспечить дальнейшую демократизацию советского уголовного процесса, усилить гарантию прав участвующих в деле лиц и особенно прав обвиняемого, против которого возбуждено уголовное дело, ведётся расследование в процессе судебного рассмотрения дел»[11].

А.А. Мухитдинов пишет, что «в процессе обсуждения первого варианта проекта УК, УПК, закона о судоустройстве союзных республик поступило более 600 предложений, из них 250 по Уголовно-процессуальному кодексу. Окончательный вариант УПК Таджикской ССР был рассмотрен и одобрен на заседании Комиссии законодательных предложений Верховного Совета Таджикской ССР на основании доклада академика С.А. Раджабова.

17 августа 1961 г. пятая сессия Верховного Совета Таджикской ССР единогласно приняла закон об утверждении УПК Таджикской ССР, и с 1 ноября 1961 года закон стал действовать на территории Республики. Но в последующем Указом Верховного Совета Таджикской ССР от 13 ноября 1961 года срок введения действие УПК Таджикской ССР было перенесено на 1 декабря 1961 г. По своей структуре УПК Таджикской ССР 1961 г. состоял из 9 разделов, 34 глав и 412 статей»[12].

Контент-анализ УПК ТаджССР 1961 г. и закреплённые в нём положения, касавшиеся процессуального положения защитника в досудебном производстве, позволяют автору высказать несколько суждений.

Глава первая «Общие положения» содержала 23 (1–23) статьи, которые в общих чертах регламентировали общие условия производства по уголовным делам. В частности, закреплялись следующие положения: задачи уголовного судопроизводства; обязанность возбуждения уголовного дела и процесс раскрытия преступления; обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу; общие условия прекращения уголовного дела; принципы уголовного процесса; представление органа дознания, следователя, прокурора по уголовному делу; частное определение (постановления) суда; осуществление судебного и прокурорского надзора по уголовным делам; процессуальный порядок сношения правоохранительных органов между Таджикской ССР и иными союзными республиками; разъяснение некоторых наименований, содержащихся в Кодексе.

Глава вторая «Суд и подсудность» состояла из 17 (24–40) статей, в которых содержались нормы, закреплявшие состав суда; отвод судьи; подсудность дел в судебных стадиях уголовного процесса; определение подсудности и передачи уголовных дел по подсудности.

В **главу третью «Прокурор»** входило три (41–43) статьи, содержавших нормы, которые регулировали полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве.

Глава четвертая «Следователь и лицо, производящее дознание» состояла из пяти (44–46) статей, предусматривавших процессуальные полномочия следователя, начальника следственного отдела, лица, производящего дознание, а также отвод следователя и лица, производящего дознание.

Глава пятая «Участники процесса, их права и обязанности» содержала 15 (48–59) статей, регламентировавших процессуальные права и обязанности участников уголовного процесса. В отличие от трех предыдущих УПК (УПК

[7] См.: Межреспубликанская научная конференция по вопросам кодификации законодательства Узбекской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР. С. 14.

[8] См.: там же. С. 20.

[9] См.: там же. С. 27.

[10] Там же. С. 38–42.

[11] Там же. С. 34.

[12] *Мухитдинов А.А.* Краткая история принятия второго Уголовно-процессуального кодекса Таджикской ССР. С. 44.

УзССР 1926 и 1929 гг., УПК ТаджССР 1935 г.), действовавших на территории Таджикской ССР, в которых отсутствовала отдельная статья, регламентировавшая статус защитника на стадии предварительного расследования, в УПК ТаджССР 1961 г. более детально было регламентировано процессуальное положение защитника на всех стадиях уголовного процесса. В частности, в УПК ТаджССР 1961 г. процессуальному положению защитника в досудебном уголовном производстве было посвящено шесть отдельных статей, в которых регламентировались участие защитника в судопроизводстве, приглашение, назначение и замена защитника, обязательное участие защитника, отказ от защитника, обстоятельства, исключающие участие в деле адвоката, представителя общественной организации в качестве защитника или представителя потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, а также обязанности и права защитника.

К сожалению, в ст. 49 УПК ТаджССР 1961 г. закреплялись положения о том, что допуск к участию защитника в уголовном деле разрешался не с момента возбуждения уголовного дела, а только с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления ему для ознакомления всего производства по делу. Кроме того, по постановлению прокурора защитник допускался к участию в деле с момента предъявления обвинения.

Следует отметить, что закрепление такой нормы в УПК ТаджССР 1961 г. дало импульс для совершенствования процессуального положения защитника в досудебном производстве.

Согласно ст. 49 Кодекса в качестве защитника допускались адвокаты, представители профессиональных союзов и других общественных организаций, а также по определению суда или постановлению судьи – близкие родственники и законные представители обвиняемого, и иные лица.

В УПК ТаджССР 1961 г. нашло закрепление отдельной статьи (ст. 53), в которой предусматривались права и обязанности защитника.

Другим положительным новшеством Кодекса также считается появление нормы, предусматривавшей включение в круг обязанностей защитника о неразглашении сведений в связи с осуществлением защиты, т.е. адвокатской тайны. Появление такой нормы положило начало для совершенствования не только уголовного законодательства, но и закрепления отдельных норм в действующем УПК, Законе Республики Таджикистан об адвокатуре и адвокатской деятельности и Кодексе профессиональной этики адвоката.

Характеризуя предыдущий Кодекс, можно сделать вывод о том, что в УПК ТаджССР 1935 г. в общих чертах регламентировалось процессуальное положение защитника в досудебном производстве по уголовному делу. Как по УПК УзССР 1926 и 1929 гг., действовавших на территории Таджикистана до 1935 г., так и в УПК ТаджССР отсутствовала отдельная статья, регламентировавшая статус защитника в стадии предварительного расследования. Участие защитника по УПК ТаджССР 1935 г. предусматривалось исключительно в судебных стадиях уголовного судопроизводства. В частности, ст. 70 УПК ТаджССР 1935 г. разрешала допуск и назначение защитника, истребование новых доказательств по ходатайству обвиняемого, подсудимого в подготовительном заседании, которое проводилось до судебного разбирательства.

Согласно ст. 77 указанного Кодекса защитниками могли быть члены коллегии защитников и другие лица, по усмотрению суда[13]. В судебном разбирательстве после окончания судебного следствия председательствующим судьей объявлялось прение сторон. Защитнику предоставлялось право на выступление со своей защитительной речью после вводной речи обвинителя (прокурора), а также гражданского истца. Кроме того, ст. 98 гласила, что в судебных заседаниях по окончанию судебных прений право последней речи принадлежало защитнику или подсудимому в случае отсутствия защитника.

В соответствии со ст. 100 после речи защитника председательствующий объявлял прения сторон законченными и предоставлял подсудимому последнее слово, после чего удалялся в совещательную комнату для вынесения приговора[14].

Выявляя недостатки УПК ТаджССР 1935 г., можно констатировать, что в судебных стадиях статус подсудимого ошибочно определялся термином «обвиняемый».

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан существенно расширил уголовно-процессуальную деятельность защитника в досудебном судопроизводстве. В силу ч. 3 ст. 46 УПК РТ подозреваемый с момента фактического задержания имеет право на защиту.

Конституция Республики Таджикистан провозглашает состязательное начало уголовного судопроизводства. В частности, ст. 88 закрепляет основополагающее положение, что судебный процесс осуществляется на основе принципа состязательности и равенства сторон[15].

Состязательность предполагает равноправие сторон (обвинения и защиты), их равные процессуально-правовые возможности в отстаивании и доказывании своей позиции по уголовному делу. Для обеспечения процессуального равенства сторон кардинальное значение имеют последовательная реализация на практике права обвиняемого на защиту, обеспечение каждому обвиняемому возможности пользоваться помощью защитника, обладающего необходимой правовой подготовкой[16].

В целях расширения реализации принципа состязательности и равенства сторон в ч. 4 ст. 46 УПК РТ было внесено дополнение, расширяющее права подозреваемого с момента фактического задержания незамедлительно пользоваться услугами защитника, беспрепятственно иметь свидание наедине с защитником, в т.ч. до начала допроса в качестве подозреваемого.

С.Б. Россинский отмечает, что момент фактического задержания – это момент (временной миг) физического захвата человека, т.е. его реального (телесного) ограничения права на свободу и личную неприкосновенность[17].

В ч. 3 ст. 227 УПК РТ закреплено положение, что участие защитника обязательно на допросе несовершеннолетнего обвиняемого, который в силу физических или

---

[13] См.: УПК Таджикской ССР. Сталинабад, 1935. С. 18.

[14] См.: там же. С. 22.

[15] См.: Конституция Республики Таджикистан. Душанбе, 2003. С. 56.

[16] См.: *Михайлов В.А., Юлдашев Р.Р., Нозиров Н.А, Аripов А.Л.* Конституционно-правовые основы уголовного судопроизводства. Душанбе, 2014. С. 220.

[17] См.: *Россинский С.Б.* Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М., 2019. С. 91.

психических недостатков не может сам осуществлять право на защиту, или лица, не владеющего языком, на котором ведется производство по делу, а также при обвинении лица в преступлении, за которое может быть назначено пожизненное лишение свободы либо смертная казнь[18].

Как полагает М.С. Газиев, «практике нарушений права подозреваемого, обвиняемого на защиту способствует прежде всего действовавшее законодательство, его несовершенство, двусмысленность норм и неоднозначность их толкования»[19].

Глава шестая «Доказательства» состояла из 21 (60–81) статьи, определявших обстоятельства, которые подлежали доказыванию по уголовному делу, общий порядок собирания и оценки доказательств.

В **главу седьмую «Меры пресечения»** входило 15 (82–94) статей, регламентировавших общие условия принятия меры пресечения в связи с производством по уголовному делу.

Глава восьмая «Протоколы, сроки и судебные издержки» содержала семь (97–102) статей, в которых предусматривались обязанность ведения протокола, процессуальные сроки и судебные издержки.

Глава девятая «Возбуждение уголовного дела» состояла из 10 (103–112) статей, регламентировавших поводы и основания к возбуждению уголовного дела, процессуальный порядок возбуждения уголовного дела, отказа от возбуждения уголовного дела, а также прекращения уголовного преследования.

В **главу десятую «Дознание»** входило восемь (113–120) статей, закреплявших обязанности органов дознания, а также деятельность органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, деятельность органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно.

Глава одиннадцатая «Общие условия производства предварительного следствия» состояла из 24 (121–141) статей, закреплявших процессуальные основы предварительного следствия.

Глава двенадцатая «Предъявление обвинения и допрос обвиняемого» содержала 13 (142–154) статей, которые регламентировали процессуальный порядок предъявления обвинения и допрос обвиняемого.

В **главе тринадцатой «Допрос свидетеля и потерпевшего»** имелось семь (155–161) статей, предусматривавших процессуальные основы допроса свидетелей и потерпевшего.

В **главу четырнадцатую «Очная ставка, предъявление для опознания»** входило пять (162–166) статей, регламентировавших производство такого следственного действия, как очная ставка, предъявление для опознания.

Глава пятнадцатая «Выемка, обыск, наложение ареста на имущество» состояла из 11 (167–177) статей, которые предусматривали процессуальный порядок проведения обыска, выемки, а также наложение ареста на имущество.

Глава шестнадцатая «Осмотр и освидетельствование» содержала шесть (178–182) статей, предусматривавших общий порядок осмотра и освидетельствование по уголовным делам.

В **главу семнадцатую «Производство экспертизы»** входило 11 (184–194) статей, регламентировавших общий порядок производства экспертизы по уголовным делам.

Глава восемнадцатая «Приостановление и окончание предварительного следствия» состояла из 17 (195–211) статей, которые содержали формы приостановления окончания предварительного следствия. В частности, в данной главе имелись нормы, касавшиеся уголовно-процессуальной деятельности защитника при приостановлении и окончании предварительного расследования по уголовным делам.

Согласно ст. 203 УПК ТаджССР защитнику обвиняемого было предоставлено право: иметь свидание с обвиняемым наедине; знакомиться со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения; обсуждать с обвиняемым вопрос о заявлении ходатайств; заявлять ходатайство о производстве следственных действий, истребовании и приобщении к делу доказательств и по всем иным вопросам, имеющим значение для дела; заявлять отвод следователю, прокурору, эксперту, переводчику и специалисту; приносить прокурору жалобы на действия следователя, нарушающие или стесняющие права защитника или обвиняемого; присутствовать с разрешения следователя при производстве следственных действий, выполняемых по ходатайствам, заявленным обвиняемым и его защитником[20].

УПК Таджикской ССР, исходя из потребности совершенствования теории и практики, объективно расширил полномочия защитника в досудебном производстве. В частности, в ст. 205 было закреплено положение о праве защитника ходатайствовать о дополнении предварительного расследования. Защитник в ходе предварительного следствия имел право устно и письменно ходатайствовать о дополнении предварительного расследования, излагая следователю круг оснований и доказательств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. В соответствии со ст. 205 заявленные ходатайства заносятся в протокол, а письменные ходатайства приобщаются к делу.

Завершая предварительное расследование, следователь составлял протокол о предоставлении обвиняемому и его защитнику материалов дела. В частности, согласно ст. 204 УПК Таджикской ССР о предъявлении обвиняемому и его защитнику для ознакомления материалов дела следователь составлял протокол. В протоколе отмечалось, что обвиняемому объявлено о достаточности собранных данных для составления обвинительного заключения, разъяснены его права, какие именно материалы (количество томов и листов) были предъявлены для ознакомления, где и в течение какого времени происходило ознакомление с материалами дела, какие ходатайства были заявлены обвиняемым и его защитником, какие заявления были ими сделаны.

Глава девятнадцатая «Надзор прокурора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия» состояла из семи (212–218) статей, которые предусматривали деятельность прокурора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия.

Глава двадцатая «Обжалование действий органа дознания, следователя и прокурора» содержала три (219–221)

[18] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан. Душанбе, 2017. С. 471.

[19] *Газиев М.С.* Отказ от защитника в уголовном судопроизводстве Таджикистана: проблемы законодательства, теории и практики // Известия Иркутской гос. экон. академии. 2014. № 5. С. 26.

[20] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР. Душанбе, 1984. С .148.

статьи, регламентировавшие порядок процессуального порядка обжалования действий органа дознания, следователя и прокурора.

* * *

Таким образом, Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР 1961 г. детальнее по сравнению с предыдущими аналогичными нормативными правовыми актами регламентировал процессуальное положение защитника в досудебном производстве по уголовным делам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаврилов Б.Я.* Актуальные проблемы защиты Конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве. М., 2012. С. 13.
2. *Газиев М.С.* Отказ от защитника в уголовном судопроизводстве Таджикистана: проблемы законодательства, теории и практики // Известия Иркутской гос. экон. академии. 2014. № 5. С. 26.
3. *Искандаров З.Х.* Конституционно-правовые основы защиты прав человека и гражданина в уголовном процессе Республики Таджикистан. Душанбе, 2008. С. 7.
4. Межреспубликанская научная конференция по вопросам кодификации законодательства Узбекской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР. Ташкент, 1959. С. 9, 14, 20, 27, 38–42.
5. *Михайлов В.А., Юлдашев Р.Р., Нозиров Н.А, Аripов А.Л.* Конституционно-правовые основы уголовного судопроизводства. Душанбе, 2014. С. 220.
6. *Мухитдинов А.А.* Краткая история принятия второго Уголовно-процессуального кодекса Таджикской ССР // Вестник РТСУ. Душанбе, 2018. С. 40–46.
7. *Мухитдинов А.А.* Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан). Душанбе, 2015. С. 56–60.
8. *Россинский С.Б.* Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М., 2019. С. 91.
9. *Хамрокулов Р.Н.* Вопросы теории и практики кодификации уголовного законодательства Союзной республики. Душанбе, 1962.

REFERENCES

1. *Gavrilov B. Ya.* Actual problems of protection of Constitutional rights and freedoms of the individual in pre-trial proceedings. M., 2012. P. 13 (in Russ.).
2. *Gaziev M.S.* Refusal of the defender in criminal proceedings of Tajikistan: problems of legislation, theory and practice // Izvestiya of Irkutsk state economic. academies. 2014. No. 5. P. 26 (in Russ.).
3. *Iskandarov Z. Kh.* Constitutional and legal bases for the protection of human and civil rights in the criminal process of the Republic of Tajikistan. Dushanbe, 2008. P. 7 (in Russ.).
4. Inter-Republican scientific conference on the codification of the legislation of the Uzbek SSR, Kazakh SSR, Kyrgyz SSR, Tajik SSR and Turkmen SSR. Tashkent, 1959. P. 9, 14, 20, 27, 38–42 (in Russ.).
5. *Mikhailov V.A., Yuldashev R.R., Nozirov N.A., Aripov A.L.* Constitutional and legal bases of criminal proceedings. Dushanbe, 2014. P. 220 (in Russ.).
6. *Mukhitdinov A.A.* Brief history of the adoption of the second Criminal Procedure Code of the Tajik SSR // Herald of the RTSU. Dushanbe, 2018. P. 40–46 (in Russ.).
7. *Mukhitdinov A.A.* The procedural position of the investigator in the criminal process (based on the materials of the Republic of Tajikistan). Dushanbe, 2015. P. 56–60 (in Russ.).
8. *Rossinsky S.B.* Detaining a suspect: a constitutional and intersectoral approach. M., 2019. P. 91 (in Russ.).
9. *Khamrokulov R.N.* Questions of theory and practice of codification of the criminal legislation of the Union Republic. Dushanbe, 1962 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВОХИДОВ Т.Т. –
докторант 1 курса, специальность 6D030100, юридического факультета Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики (ТГУПБП); 735700 Республика Таджикистан, Согдийская область, г. Худжанд, 17 мкр-н, д. 1

Authors' information

VOHIDOV T.T. –
the 1st year doctoral student of 6D030100 specialty Law faculty of Tajik state University of law, business and politics (TSULBP); 1, 17th microdistrict, 735700 Republic of Tajikistan, Sughd region, Khujand

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 137–146
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 137–146

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБЗОР ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

© 2021 г. Л. В. Борисова*, К. А. Лебедь, Н. В. Летова***, М. С. Лизикова****, И. Н. Лукьянова*****, А. В. Пушкина******

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: lilya-borisova@yandex.ru*
***E-mail: konst.leb@mail.ru*
****E-mail: letovanv@mail.ru*
*****E-mail: lizikova_m@mail.ru*
******E-mail: irinluk@bk.ru*
*******E-mail: ann-pushkina@yandex.ru*

Поступила в редакцию 29.01.2021 г.

Аннотация. В статье представлен обзор докладов и выступлений по проблемам возникновения гражданских, семейных прав, судебной и внесудебным формам защиты гражданских и семейных прав на Второй Международной научно-практической конференции «Абовские чтения», посвященной памяти заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Тамары Евгеньевны Абовой. Круг вопросов, поднимавшихся в докладах, охватил проблемы возникновения гражданских прав в сфере договорного, авторского, семейного права, статуса отдельных видов субъектов гражданского и семейного права, влияния судопроизводства на единообразие судебной практики и гарантии процессуальных прав, реализации принципов гражданского и арбитражного процессов, внедрения искусственного интеллекта в гражданское и арбитражное судопроизводство Российской Федерации и других государств, использования технологий веб-конференцсвязи в судебном и арбитражном разбирательствах, содержания категории справедливости судебного решения. Отдельные доклады были посвящены проблемам арбитража и примирительных процедур.

Ключевые слова: возникновение гражданских прав, возникновение семейных прав, право автора на вознаграждение, ликвидация благотворительного фонда, единообразие судебной практики, семейное предприятие, защита прав детей-сирот, основания к отмене арбитражных решений, виды договоров, сравнительное правоведение, служебные результаты интеллектуальной деятельности, имущественная ответственность, ликвидация организации, благотворительный фонд, конституционные права, право на семью, права детей, оставшихся без попечения родителей, алименты, судебное примирение, принцип контроля искусственного интеллекта пользователем, упрощенное производство, принцип гласности, обеспечение иска, арест морских судов, арбитрабельность споров, вебконференцсвязь, искусственный интеллект, судебные извещения, электронное судопроизводство

Цитирование: *Борисова Л.В., Лебедь К.А., Летова Н.В., Лизикова М.С., Лукьянова И.Н., Пушкина А.В.* Обзор Второй Международной научно-практической конференции «Абовские чтения» // Государство и право. 2021. № 3. С. 137–146.

DOI: 10.31857/S102694520014030-4

REVIEW OF THE SECOND INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "ABOVA READINGS"

© 2021 L. V. Borisova*, K. A. Lebed, N. V. Letova***, M. S. Lizikova****, I. N. Lukianova*****, A. V. Pushkina******

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: lilya-borisova@yandex.ru*
***E-mail: konst.leb@mail.ru*
****E-mail: letovanv@mail.ru*
*****E-mail: lizikova_m@mail.ru*
******E-mail: irinluk@bk.ru*
*******E-mail: ann-pushkina@yandex.ru*

Received 29.01.2021

Abstract. The publication is a review of reports and speeches on the problems in the fields of the civil and family the emergence of a right, judicial and non-judicial forms of protection of civil and family rights, which were delivered at the Second International scientific and practical conference "Abova Readings" dedicated to the memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Tamara E. Abova. The range of issues in the reports covered the problems of the of the emergence of a right in the contract law, copyright law, family law, the new types of contracts in Russia, the status of certain types of subjects in civil and family law and the impact of the judicial system form on the uniformity of judicial practice and the guarantees of procedural rights, the implementation of the principles of civil and arbitration process, the introduction of artificial intelligence in civil and arbitration procedure of the Russian Federation and other states, the use of the web-conferences technology in litigation and arbitration, the content of the category of justice in judicial decisions. Some sets of reports were devoted to the problems of arbitration and conciliation procedures.

Key words: the emergence of a right in Civil Law, the emergence of a right in Family Law, the author's right to remuneration, liquidation of a charitable foundation, uniformity of judicial practice, family enterprise, protection of the rights of orphans, grounds for refusal in enforcement of arbitral awards, types of contracts, Comparative Law, employees results of intellectual activity, property liability, liquidation of an organization, charitable foundation, constitutional rights, the right to a family, the rights of children left without parental care, alimony, judicial reconciliation, the principle of control of artificial intelligence by the user, simplified proceeding, the principle of publicity, injunction, arrest of sea vessels, arbitrability, web conference hearings, artificial intelligence, summons, e-justice.

For citation: *Borisova, L.V., Lebed, K.A., Letova, N.V., Lizikova, M.S., Lukianova, I.N., Pushkina, A.V. (2021)* Review of the Second International scientific and practical conference "Abova Readings" // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 137–146.

18 ноября 2020 г. в Институте государства и права Российской академии наук (ИГП РАН) состоялась Вторая Международная научно-практическая конференция «Абовские чтения», посвященная памяти заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Тамары Евгеньевны Абовой.

Тема Вторых «Абовских чтений» – **«Возникновение гражданских и семейных прав и их защита: традиционные и новые подходы»** не случайно включала в себя не только гражданское право, но также семейное право, гражданский и арбитражный процесс. Цивилистические конференции, которые организовывала Т.Е. Абова в Институте, обычно охватывали все три направления и объединили значительное число коллег – постоянных участников конференций в ИГП РАН в круг единомышленников, и эта традиция продолжается.

Вторая традиция «Абовских чтений» – ее проведение в день рождения Тамары Евгеньевны, 18 ноября, и выступления коллег с воспоминаниями о выдающемся ученом-правоведе.

Противоэпидемические ограничения продиктовали новый формат работы конференции. Впервые конференция, на которую всегда собиралось более ста участников, была проведена в смешанном формате: в Институте в очном формате работали модераторы, остальные участники конференции работали в режиме веб-конференции.

Масштаб конференции соответствовал заложенному Т.Е. Абовой уровню: к конференции присоединились 162 коллеги из 42 вузов и научных организаций из 18 городов Российской Федерации, Казахстана и Республики Беларусь. Состав участников конференции впечатляет: 81 канд. юрид. наук, 26 д-ров юрид. наук, судьи Верховного Суда РФ и Суда ЕАЭС, арбитражных судов и судов общей юрисдикции, 22 практикующих юриста, сотрудники, преподаватели, аспиранты и студенты ИГП РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Института

законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (ИЗиСП), Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Московского государственного института (Университета) международных отношений МИД России (МГИМО), Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ (ВАВТ), Уральского государственного юридического университета (УрГЮУ), Саратовской государственной юридической академии (СГЮА), Российского государственного университета правосудия (РГУП), Всероссийского государственного университета юстиции (ВГУЮ) (РПА Минюста России), Сибирского федерального университета, Казанского федерального университета, Самарского национального исследовательского университета, Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН), Воронежского государственного университета, Финансового университета при Правительстве РФ, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Тольяттинского государственного университета, Университета ФСИН России, РГУ нефти и газа им Губкина, Московского гуманитарного университета, Тверского государственного университета (ТвГУ), Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, Белорусского государственного университета, Северо-Кавказского федерального университета, филиала Российского государственного социального университета (РГСУ) в г. Клин Московской области.

С приветственным словом обратился к участникам конференции **директор ИГП РАН, член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ А.Н. Савенков**, открыв пленарное заседание, *модераторами* которого выступили *и.о. зам директора ИГП РАН по научной работе, д-р юрид. наук Н.В. Летова* и *и.о. зав. сектором гражданского права, гражданского и арбитражного процесса, д-р юрид. наук, проф. С.С. Занковский*.

В своем докладе, посвященном ***творческому наследию Т.Е. Абовой***, А.Н. Савенков отметил, что умение ставить острые вопросы, активно отстаивать свою позицию, искреннее желание помочь гражданам, малому и среднему бизнесу отличали Тамару Евгеньевну и отражались в ее исследованиях и выступлениях. Многосторонние интересы позволили ей стать признанным специалистом не только в гражданском и хозяйственном праве, но также в транспортном, кооперативном праве. Именно Т.Е. Абова разработала сначала концепцию законодательства о производственных кооперативах, на основе которой затем появился инициативный проект закона «О производственных кооперативах». Положения этого проекта легли в основание действующего с 1996 г. Федерального закона «О производственных кооперативах».

Одной из крупнейших работ, которая была осуществлена Центром цивилистических исследований, действовавшим в ИГП РАН под руководством Т.Е. Абовой, остается Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, выдержавший неоднократное переиздание. Лично Т.Е. Абовой написаны комментарии к главам Кодекса: «Осуществление гражданских прав», «Исковая давность», «Перевозка», «Транспортная экспедиция».

Созданные в 60–80-е годы труды легли в основание современной доктрины арбитражного процессуального права, а Т.Е. Абову сделали одним из апологетов арбитражного процесса.

Т.Е. Абова участвовала в разработке проекта действующего Гражданского процессуального кодекса РФ, концепции Единого кодекса гражданского судопроизводства. В течение многих лет являлась активным членом Научно-консультативных советов Высшего Арбитражного Суда РФ, Суда по интеллектуальным правам, Арбитражного суда Московского округа, Арбитражного суда г. Москвы.

Она несколько десятилетий была активно действующим арбитром Международной коммерческого арбитражного суда и Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ.

Заслуги Т.Е. Абовой были отмечены государством и профессиональным сообществом. За вклад в развитие арбитражных судов и арбитражного процесса она была награждена медалью «За заслуги перед судебной системой РФ», юбилейной медалью «20 лет арбитражным судам», Премией «Фемида» в номинации «Юридические науки», Премией «Юрист года» в 2014 г., общественной премией альтернативного разрешения споров – «Арбитраж и примирение».

Идеи Т.Е. Абовой не утрачивают своей актуальности, а напротив, находят практическую реализацию в настоящее время. Дискуссии с Тамарой Евгеньевной о перспективе развития науки, ее идеи о том, что все цивилистические направления права – гражданское, трудовое, семейное, предпринимательское – должны развиваться комплексно, во взаимосвязи, легли в основание создания междисциплинарных центров в ИГП РАН.

А.Н. Савенков высказал уверенность в том, что научное наследие Тамары Евгеньевны актуально по сей день и будет изучаться еще много лет.

Ректор МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), канд. юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ В.В. Блажеев отметил многолетнюю связь между ИГП РАН и Университетом им. О.Е. Кутафина, в основании которой в т.ч. тот факт, что Тамара Евгеньевна была первой аспиранткой проф. М.А. Гурвича – основателя процессуальной школы ВЮЗИ (сегодня – МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА)). В.В. Блажеев рассказал о встречах с Тамарой Евгеньевной в Научно-консультативном совете Высшего Арбитражного Суда РФ, о ее интересных, острых выступлениях, ее умении аргументированно и убедительно излагать свою новую позицию. В связи с внесенными в 2020 г. изменениями в ст. 118 Конституции РФ В.В. Блажеев напомнил, что Т.Е. Абова всегда поддерживала идею самостоятельности арбитражного судопроизводства, которая теперь реализована.

Судья Верховного Суда РФ, канд. юрид наук, доц. Т.Н. Назаренко в своем докладе подчеркнула, что укрепление и защита семьи как фундаментальной основы общества, сохранение традиционных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, обеспечение благополучного и защищенного детства являются одними из основных национальных приоритетов Российской Федерации и постоянно находятся в поле зрения Верховного Суда РФ: в 2014 г. в Судебной коллегии по гражданским делам был создан судебный состав по семейным делам и делам о защите прав детей.

Из 21 млн 700 тыс. зарегистрированных в 2019 г. исковых заявлений, заявлений и жалоб, обращений в порядке гражданского судопроизводства, из которых окончены производством более одного миллиона дел по спорам, вытекающим из семейных правоотношений, в т.ч. 492 867 дел о расторжении брака, 38 405 – о разделе совместно нажитого имущества между супругами, 765 – о признании брака недействительным, 800 – об изменении, расторжении и признании недействительным брачного договора, 923 – о выделе доли супруга-должника из общего имущества

супругов для обращения на нее взыскания, 304 078 – о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей, 5329 – на содержание совершеннолетних, 45 785 – о лишении родительских прав, 7942 – об ограничении родительских прав, 2884 – о восстановлении в родительских правах, 15 832 – об установлении отцовства, 11 605 – об оспаривании отцовства (материнства), 30 597 – по спорам, связанным с воспитанием детей, 9563 – по спорам, возникающим при реализации Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», 4054 дела по спорам, связанным с реализацией прав на материнский (семейный) капитал.

Семейные дела – одни из наиболее сложных, это очень чувствительная сфера области частного права, которая касается практически всех граждан. При рассмотрении таких споров суд должен учитывать конкретные обстоятельства дела и по своему усмотрению призван оценивать те или иные факты с точки зрения их правовой значимости. В этой категории споров проявляются такие свойства права как справедливость и гуманность.

Среди приоритетов Верховного Суда РФ при рассмотрении семейных дел докладчик выделила повышение уровня защиты особой категории детей – детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; рассмотрение дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами Российской Федерации; соотношение гражданского и семейного права, особенно в области имущественных отношений супругов.

Судья Суда Евразийского экономического союза, зав. кафедрой международного права РГУП, д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Нешатаева в своем выступлении отметила два качества Т.Е. Абовой, восхищавшие в своем сочетании: твердость по вопросам судебной практики и женственность. Она рассказала, что с Тамарой Евгеньевной они познакомились в Высшем Арбитражном Суде РФ именно на обсуждении перестройки судоустройства.

В своем докладе ***«Влияние судоустройства на процесс защиты гражданских прав»*** Т.Н. Нешатаева рассказала о проблемах, связанных с созданием единообразной судебной практики для пяти государств – участников Евразийского экономического союза, и провела параллели с подходами к решению проблемы единообразия арбитражной судебной практики в Российской Федерации.

В 1998 г., когда к арбитражным судам предъявлялись претензии в связи с отменой судебных актов, вступивших в силу, без достаточных к тому оснований и в рамках процедуры, которая начиналась по инициативе административных лиц – заместителей Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ, две идеи были положены в основание пути к преодолению этих проблем в арбитражном процессе. Во-первых, были выработаны основания к отмене судебного акта после его вступления в силу: нарушение единообразия судебной практики, нарушение прав человека и нарушение публичного порядка. Во-вторых, инициация процедуры отмены вступившего в силу судебного акта была передана судье, который свободен выдвинуть предложение начать процедуру проверки вступившего в законную силу судебного акта, но его могут критиковать два других судьи, которые коллегиальным составом с ним решали вопрос о передаче дела для проверки в порядке надзора в Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ. Реализация обеих идей в Арбитражном процессуальном кодексе РФ привела к троекратному снижению количества отмен вступивших в законную силу судебных актов. Позднее идея о включении в систему арбитражных судов апелляционных и кассационных судов завершила создание основы для образования системы, которая и сейчас действует. Ее успех выражается в поддержке такой системы российскими предпринимателями.

Т.Н. Нешатаева отметила, что согласно Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. основной задачей Суда ЕАЭС, которая в целом успешно выполняется, является обеспечение *единообразного* применения государствами – членами Договора о Евразийском экономическом союзе, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза и решений органов Союза. Спустя восемь лет деятельности Суда, выполняющего функцию нормоконтроля в переданных под правовое регулирование ЕАЭС сферах (в т.ч. таможенное регулирование, антимонопольное, обращение товарных знаков), произошел сбой в единообразии правоприменения. Единообразие нарушается по вопросам переноса бремени доказывания в делах с участием административной власти, когда административная власть и предприниматель начинают расцениваться как равные субъекты и от предпринимателя требуют представить документы, которые находятся у административной власти, а предприниматель их никак не может представить. Кроме того, требуют внимания случаи немотивированного отказа от тех конвенций, в которых участвуют государства-члены.

Причина таких нарушений в единообразии правоприменения, как полагает докладчик, кроется в теоретической нестыковке материально-правовой и процессуально-правовой нормы. Для исправления складывающихся подходов, которые в практике Суда ЕАЭС приводят к нарушению единообразия, нужны судоустроительные изменения, в частности: 1) установление процедуры назначения Председателя Суда ЕАЭС; 2) изменение порядка отбора судей ЕАЭС; 3) изменение порядка рассмотрения споров Судом ЕАЭС: каждое дело должны рассматривать все 10 судей Суда ЕАЭС. Такие изменения позволили бы устранить условия, в которых складываются «заговоры» против российских предпринимателей.

В завершение Т.Н. Нешатаева подчеркнула, что в целом Суд ЕАЭС состоялся, для интеграции соседних государств форма ЕАЭС оказалась удачной. При выработке подходов к совершенствованию Суда ЕАЭС невозможно полностью ориентироваться на опыт Европейского Союза, который состоит из государств одной цивилизации, приверженных одной системе ценностей. Государства ЕАЭС основаны на различных ценностных системах и культурах, поэтому надо искать новые формы и подходы к совершенствованию деятельности Суда ЕАЭС.

Председатель Международного коммерческого арбитражного суда и Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате РФ, зав. кафедрой международного частного и гражданского права МГИМО, канд. юрид. наук, проф. А.А. Костин выступил с докладом ***«О Тамаре Евгеньевне Абовой – Арбитре и Учителе»***. Он рассказал о ее многолетней работе на кафедре международного частного права МГИМО в качестве преподавателя транспортного права и отметил, что Тамара Евгеньевна являлась одним из идейных лидеров кафедры. Напомнил, что свою деятельность в качестве арбитра она начинала в Морской арбитражной комиссии при ТПП СССР и в течение нескольких десятилетий являлась активно действующим авторитетным

арбитром МАК и МКАС при ТПП РФ, тонко понимавшим различия между процедурой арбитража и разбирательством в государственных арбитражных судах.

В докладе была подвергнута критике практика арбитражных судов, отменяющих решения международного коммерческого арбитража на основании нарушения публичного порядка. В некоторых случаях в качестве нарушения публичного порядка указывается на нарушение принципов российского права или на иные основания к отмене решений международного коммерческого арбитража. А.А. Костин отметил, что законных оснований к тому не существует, а объяснения мотивов такого использования нарушения публичного порядка для обоснования отмены решений международного коммерческого арбитража в судебных актах арбитражных судов отсутствуют. Он предостерег от продолжения такой судебной практики и отметил, что игнорирование значения «публичного порядка» как основания ultima ratio – последнего довода, когда никакие другие основания не применимы – влечет рост числа отменяемых судами третейских и арбитражных решений. В свою очередь, это демонстрирует «непроарбитражный подход» российских государственных судов. А.А. Костин полагает, что с учетом постановления Пленума Верховного Суда от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» можно надеяться на изменение подходов государственных судов к использованию нарушения публичного порядка как основания к отмене решений международного коммерческого арбитража.

На пленарном заседании состоялась презентация сборника материалов Первой Международной научно-практической конференции «Абовские чтения» – «Фундаментальные проблемы и перспективы гражданского и предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса в современных экономических условиях», состоявшейся 18 ноября 2019 г. **Профессор С.С. Занковский** и **Е.В. Абов, сын Т.Е. Абовой, вице-президент Союза предприятий печатной индустрии, член Исполкома Всемирной информационно-издательской ассоциации**, напомнили о том, как 18 ноября 2019 г., в день рождения Тамары Евгеньевны, прошли Первые «Абовские чтения» и рассказали об издании сборника материалов конференции. Е.В. Абов поблагодарил участников конференции за теплые слова о маме.

Заведующая кафедрой коммерческого права и основ правоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф. Е.А. Абросимова представила доклад ***«Развитие российского договорного права под влиянием иностранных моделей»***. В начале своего доклада она вспомнила, что Тамара Евгеньевна всегда настаивала на том, что экономическое и хозяйственное законодательство имеет свои особенности. В развитие такого подхода Е.А. Абросимова высказала точку зрения, согласно которой становление единого товарного рынка предполагает конвергенцию правовых конструкций и влияние зарубежного законодательства на российское и обратилась к новым договорным моделям, которые появились в российском праве под влиянием зарубежных моделей, отметив сложности адаптации в российском гражданском праве институтов, существующих в зарубежном праве: корпоративного договора, факторинга, каршеринга, договоров об интегрированных маркетинговых коммуникациях, договорах о программах лояльности. Введение новых терминов вызвано отсутствием в российском праве аналогов, объясняющих правовую природу новых явлений и терминов, что неизбежно порождает большое количество исследований, которые посвящены поиску в зарубежной доктрине особенностей соответствующих договоров и их адаптации к существующим в российском праве конструкциям. На примерах договоров о партнерских программах лояльности, об интегрированных маркетинговых коммуникациях Е.А. Абросимова показала, как изменяющиеся потребности экономики влекут появление новых для российского права видов договоров. Сравнив правовое регулирование заверения об обстоятельствах в Гражданском кодексе РФ с аналогичным институтом в проекте Европейского гражданского кодекса, она продемонстрировала, как введение новых институтов меняет российское договорное право, и призвала при разработке правового регулирования новых договорных моделей, успешно действующих в зарубежных юрисдикциях, учитывать условия, в которых внедряется новый для российского права вид договора, те проблемы, решение которых в практике требует его внедрения, а также исторический опыт правового регулирования подобных институтов.

Заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГЮУ (РПА Минюста России), д-р юрид. наук, проф. М.Н. Илюшина представила доклад на тему ***«Решения общих собраний как новое основание возникновения гражданских прав и обязанностей: проблемы становления института»***, основное внимание уделив вопросу о том, как необходимо проводить общие собрания хозяйственных обществ, чтобы избежать рейдерских захватов.

И.о. зав. сектором гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф. С.С. Занковский рассказал о своем многолетнем сотрудничестве с Тамарой Евгеньевной, о том, каким высокопрофессиональным юристом, организатором, ученым она была. Он подчеркнул, что Т.Е. Абова заслужила любовь коллектива ИГП РАН за сочувствие и готовность помочь, за озорной и веселый характер, за ее отношение к молодым научным сотрудникам – чуткое, но в то же время критическое, за ее трудолюбие. Будучи в преклонном возрасте, в работоспособности она опережала многих.

Пленарное заседание конференции завершилось презентацией номера журнала «Третейский суд», посвященного памяти Т.Е. Абовой. **Главный редактор журнала «Третейский суд», старший преподаватель кафедры гражданского процесса СПбГУ Г.В. Севастьянов** представил рубрики номера 1/2 (2020 г.) журнала, в которых можно найти неопубликованное интервью с Тамарой Евгеньевной, воспоминания о ней коллег, друзей, учеников, памятные фотоматериалы а также научные статьи, посвященные Т.Е. Абовой и развивающие ее идеи, а также статьи об арбитраже и примирительных процедурах – сферах, которые занимали значительную часть не только научных интересов Тамары Евгеньевны, но и ее преподавательской и практической деятельности.

После перерыва работа конференции была продолжена в **трех секциях**.

Первая секция на тему **«Возникновение гражданских прав и их защита: традиционные и новые подходы»** *(модератор – проф. С.С. Занковский, д-р юрид. наук)* стала площадкой для обсуждения широкого круга вопросов: от имущественной ответственности и защиты прав сторон в договоре подряда до прав автора и правового режима биологического материала человека.

Профессор кафедры гражданского и предпринимательского права ВАВТ, канд. юрид. наук, доц. **Е.Н. Васильева** представила доклад на тему ***«Служебные результаты интеллектуальной деятельности: право автора на***

вознаграждение», отметив, что лаконичное нормативное регулирование в четвертой части Гражданского кодекса РФ порождает теоретические и практические проблемы в реализации права автора-работника на вознаграждение. Не ясно, за что полагается данное вознаграждение: за создание служебного результата или за его использование работодателем, либо это плата за переход исключительного права к работодателю. Оставляя на усмотрение работника и работодателя регулирование отношений по поводу размера, сроков, способов выплаты вознаграждения, законодатель, казалось бы, максимально реализует принцип свободы договора, не учитывая, что его стороны явно находятся в неравном положении в рамках трудовых отношений. В теории остается открытым вопрос об отраслевой принадлежности права на вознаграждение. Из судебной практики следует, что стороны могут урегулировать свои отношения по поводу вознаграждения как в трудовом, так и в гражданско-правовом договоре. Едва ли можно сделать вывод, что природа такого договора будет определять отраслевую принадлежность права на вознаграждение, так как право на вознаграждение входит в группу иных интеллектуальных прав наряду с правом наследования или правом на вознаграждение за свободное использование результатов интеллектуальной деятельности, что определяет его гражданско-правовую природу.

Старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права ИГП РАН, канд. юрид. наук, доц. М.Д. Шапсугова в своем докладе обратила внимание ***на проблему неопределенности материального и процессуального статуса самозанятого гражданина***.

Доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮУ им. О.Е Кутафина (МГЮА), канд. юрид. наук, доц. Т.П. Шишмарева посвятила свой доклад ***защите прав кредиторов при возникновении искусственной задолженности***.

Научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, канд. юрид. наук Ю.С. Овчинникова рассказала ***о страховании как способе защиты интересов сторон при реализации договора строительного подряда.***

Часть докладов были посвящены отдельным институтам гражданского права и проблемам их правового регулирования.

Партнер юридической фирмы «Монастырский, Зюба, Степанов & партнеры», д-р юрид. наук Ю.Э. Монастырский обратился ***к проблеме договорного регулирования имущественной ответственности в Гражданском кодексе РФ***. Докладчик отметил ряд существующих противоречий между положениями ст. 15 и п. 4 ст. 401 ГК РФ и дал критическую оценку интерпретации Верховным Судом РФ нормы о заблаговременном исключении ответственности сторон за грубую небрежность.

Старший научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, канд. юрид. наук А.В. Пушкина посвятила свой доклад ***особенностям правопреемства в вещных и обязательственных правоотношениях***.

Младший научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН И.А. Черешнева выступила на тему ***правовой природы эстоппеля в российской традиции права***.

Старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права ИГП РАН, канд. юрид. наук С.М. Мотуренко в докладе ***«Правовые вопросы ликвидации благотворительного фонда»*** рассмотрел существующие при реализации рассматриваемой процедуры сложности и предложил разрешить в законодательном порядке возможность ликвидации благотворительных организаций во внесудебном порядке, если это инициатива добровольная, не связанная с каким-либо административным преследованием или мерами воздействия.

Ведущий научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, д-р юрид. наук, доц. Е.В. Михайлова выступила с докладом ***о понятии субъективных гражданских прав и способах их защиты***.

Доцент Тольяттинского государственного университета, канд. юрид. наук, доц. А.А. Пестрикова обратилась ***к проблеме правового режима биологического материала человека в вещно-правовых отношениях***, акцентировав внимание на этическом аспекте рассматриваемого вопроса. На примерах разрешения споров, связанных с вещно-правовым статусом рассматриваемых объектов в праве зарубежных государств, были освещены вопросы передачи этих объектов от одного субъекта другому, а также выделены признаки, благодаря которым рассматриваемые объекты могут быть включены в гражданский оборот.

Старший научный сотрудник ИГП РАН, канд. юрид. наук Ю.С. Шпинев и **аспирант Финансового университета при Правительстве РФ С.Н. Жилкибаев** отразили в докладах ***отдельные проблемы инвестиционного права***.

Заседание **второй секции «Возникновение семейных прав и их защита: традиционные и новые подходы»** открыла **и.о. зам. директора ИГП РАН по научной работе, д-р юрид. наук Н.В. Летова,** выступившая *модератором* секции. В докладе на тему ***«Защита семьи, детства, материнства и отцовства в свете новелл Конституции РФ»*** была подчеркнута заинтересованность Российской Федерации в системной защите института семьи, поддержке семьи, основанной на традиционных семейных ценностях, создании условий для полноценного воспитания детей. Остановив внимание на поправках в Конституцию РФ, внесенных в 2020 г. по вопросам семьи, материнства, отцовства и детства, докладчик связала их с базовым положением Конституции РФ – принципом государственной защиты семьи, материнства и детства и отметила, что они направлены на развитие Конституции РФ 1993 г., первоначальная редакция которой не определяла понятие семьи и ее состав, не содержала положений о защите именно традиционных семейных ценностей. Сквозной идеей доклада стал тезис о необходимости учитывать в научных исследованиях взгляд на семью как на один из главных механизмов воспроизводства и совершенствования общества, посредством которого накапливается и передается будущим поколениям опыт, традиции и базовые ценности.

Профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮУ им. О.Е Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф. А.Н. Левушкин в своем докладе осветил ***проблемы, возникающие при осуществлении супругами предпринимательской деятельности и связанные с особенностями правового регулирования брачно-семейных отношений***. Им были проанализированы права и обязанности супругов при участии в бизнес-процессах и осуществлении предпринимательской деятельности, обозначены проблемы раздела семейного бизнеса. Прозвучало предложение о законодательном закреплении статуса семейного предприятия, чтобы создать условия для оказания дополнительной государственной поддержки особой целевой группы малого и среднего бизнеса – «семейных предприятий».

Доцент кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета, канд. юрид. наук, доц. А.А. Серебрякова остановилась ***на категории семейной правосубъектности***, обратив внимание на защиту прав субъектов правоотношения алиментирования, и предложила уточнить категориальный аппарат действующего семейного законодательства, а также затронула вопросы права на семейное содержание.

Доцент кафедры гражданского права и процесса Института права и национальной безопасности РАНХиГС, канд. юрид. наук М.В. Лебедь обратилась ***к проблемам самозащиты права несовершеннолетних на получение алиментов***, в т.ч. отсутствию в действующем законодательстве ответственности законных представителей за невыполнение обязанности по взысканию алиментов.

Старший научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, канд. юрид. наук, доц. Л.В. Борисова в своем докладе отметила ***рассогласованность положений федерального законодательства и санитарно-эпидемиологических правил, согласно которым на все общеобразовательные организации возложена обязанность проводить термометрию учащихся и посетителей***. Проанализировав аргументы, выдвигаемые против проведения термометрии, Л.В. Борисова предложила исключить термометрию из перечня процедур, которые могут проводиться только медицинскими или иными работниками, имеющими право на осуществление медицинской деятельности.

Доцент кафедры гражданского права РГУП, канд. юрид. наук М.В. Ульянова выдвинула ***тезис о правовом характере категории «уважение»*** и предложила включить принцип уважения в число принципов осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей. Помимо этого было обращено внимание на проблемы субъектного состава в спорах об установлении происхождения детей и спорах о воспитании, где предметом спора являются права и законные интересы ребенка, а также на необходимость приведения в соответствие норм процессуального права и положений материального права.

Заведующая кафедрой гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, канд. юрид. наук, доц. Т.В. Шершень в докладе ***«Способы защиты семейных прав: традиционные и новые подходы»*** отметила отсутствие в семейном законодательстве нормы, которая устанавливала бы примерный перечень способов защиты семейных прав. Докладчик указала на необходимость доктринального осмысления ч. 4 ст. 67^1 Конституции РФ о принятии государством на себя обязанности не опекуна или попечителя, а именно родителя в отношении детей, оставшихся без попечения родителей в целях обеспечения приоритета семейного воспитания. Такое осмысление предлагается основывать на допускаемом доктриной применении при защите семейных прав как универсальных, так и отраслевых (гражданско-правовых и семейно-правовых) и межотраслевых способов защиты.

Доцент кафедры конституционного и муниципального права Сибирского института управления Новосибирского государственного университета экономики и управления, канд. юрид. наук, доц. А.И. Маркеев посвятил свое выступление ***плюрализму во взглядах на брачный союз***.

Третья секция стала местом обсуждения *актуальных проблем цивилистического процесса, арбитража*.

Работа **третьей секции «Актуальные проблемы судебных и внесудебных форм защиты гражданских и семейных прав»** прошла в ***двух подсекциях***.

В ***подсекции 1*** **«Влияние искусственного интеллекта и онлайн технологий на судебные и внесудебные формы защиты гражданских и семейных прав»** *(модератор – старший научный сотрудник ИГП РАН, канд. юрид. наук И.Н. Лукьянова)* выступления были объединены в несколько тематических *блоков*.

В рамках *первого блока* были рассмотрены ***проблемы, возникающие в связи с внедрением искусственного интеллекта (ИИ) в судопроизводство***.

Заведующий кафедрой арбитражного процесса СГЮА, д-р юрид. наук, проф. С.Ф. Афанасьев задал направление *дискуссии об использовании ИИ в судопроизводстве*, во-первых, как объекта правового регулирования, предположив появление в будущем цифровых процессуальных прав, и, во-вторых, как субъекта, отправляющего правосудие. Был поставлен вопрос о том, для чего существует мораль и как она соотносится с ИИ.

Доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства МГЮУ им. О.У. Кутафина (МГЮА), канд. юрид. наук Е.Г. Стрельцова в своем докладе обосновала вывод о том, что *технологии с использованием ИИ в судопроизводстве приводят к сокращению непосредственного восприятия судом сведений об обстоятельствах дела, но не влияют на теорию судебного познания*.

Заведующая кафедрой гражданского процесса Сибирского федерального университета, д-р юрид. наук Т.В. Сахнова подчеркнула, что *внедрение ИИ не должно заменять отправление правосудия человеком*, новые технологии должны внедряться в помощь судье и заинтересованным лицам; поставила проблему реализации принципов гражданского процесса в разбирательстве с использованием информационных технологий.

Доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства РГУП, канд. юрид. наук С.Т. Багыллы обратила внимание *на необходимость соблюдения баланса между правом на неприкосновенность частной жизни и данными об участниках дела в публикуемых судами в электронном виде сведениями о деле*.

Доцент кафедры гражданского процесса УрГЮУ, канд. юрид. наук И.Н. Спицын свое выступление посвятил *юридизации понятия «искусственный интеллект»*.

Внимание участников привлек *блок* выступлений ***об опыте использования информационных технологий в гражданском процессе в зарубежных государствах***.

Доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета Т.В. Сысуев рассказал *о внедрении информационных технологий в гражданское судопроизводство Республики Беларусь*.

Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук Е.В. Кудрявцева, известный исследователь гражданского процесса Соединенного Королевства, сообщила *о текущих результатах проекта модернизации судов Англии и Уэльса*, которые выявили проблему соотношения в целеполагании проекта баланса доступа к правосудию и экономической эффективности судебной деятельности.

Профессор РУДН, д-р юрид. наук Е.П. Ермакова представила *информацию о внедрении информационных технологий*

в судопроизводстве США, реализующемся в трех сферах: во-первых, в оцифровке судебных актов; во-вторых, в виде онлайн-разбирательства по мелким искам; в-третьих, в применении в уголовных делах алгоритмов оценки иска.

Старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права ИГП РАН, канд. юрид. наук Н.И. Соловяненко выступила с докладом, в котором обозначила *основные характеристики юридической модели цифрового пространства доверия*, формируемого для осуществления и защиты гражданских прав в российском и зарубежном законодательстве.

Старший научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, канд. юрид. наук И.Н. Лукьянова рассказала о значении *принципа контроля искусственного интеллекта пользователем,* сформулированного в Европейской этической хартии использования искусственного интеллекта в судопроизводстве, и раскрыла его содержание.

Профессор кафедры гражданского процесса УрГЮУ К.Л. Брановицкий, д-р юрид. наук представил *обзор современного уровня цифровизации правосудия в государствах Европы*.

Заведующая кафедрой гражданского права и процесса Воронежского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. Е.И. Носырева, признанный специалист в области альтернативного разрешения споров, своим выступлением открыла *блок*, посвященный ***внесудебным формам защиты гражданских прав***. В своем докладе она сравнила новый институт судебного примирения с медиацией и обосновала вывод об отсутствии условий для конкуренции между этими способами АРС. Сообщив о том, что в Воронежской области был только один случай использования судебного примирения, и он был безуспешным, докладчик назвала главную причину отсутствия такой конкуренции – отсутствие спроса на эти процедуры, хотя при росте спроса конкуренция между ними все равно не возникнет. Предлагаемой в арбитражном суде бесплатной процедуре судебного примирения дана оценка как иждивенческой. По мнению Е.И. Носыревой, бесплатное судебное примирение в арбитражном процессе должно применяться ограниченно, а в судах общей юрисдикции, напротив, эта процедура должна широко предлагаться гражданам на бесплатной основе, а медиация – на платной основе в определенных случаях.

Старший научный сотрудник отдела гражданского законодательства иностранных государств ИЗиСП, канд. юрид. наук Н.И. Гайдаенко-Шер назвала в своем докладе *достоинства и проблемы применения веб-конференцсвязи для проведения процедуры медиации*.

Доцент кафедры международного частного права ВАВТ Е.В. Ситкарева обратилась *к проблемам использования искусственного интеллекта в арбитраже и медиации*.

Интерес участников привлек представленный **профессором кафедры гражданско-правовых дисциплин РГУ нефти и газа им Губкина, д-ром юрид. наук А.А. Карцхия** доклад *о внедрении в последние годы информационных технологий в деятельность нотариата*.

Проблемам арбитражного разбирательства был посвящен *специальный тематический блок* выступлений.

Старший преподаватель кафедры гражданского процесса СПбГУ, канд. юрид. наук Г.В. Севастьянов напомнил о том, что впервые в Российской Федерации видеоконференцсвязь для проведения арбитражных слушаний начал использовать Третейский суд ОАО «ГАЗПРОМ». Отметив, что ограничения работы арбитража из-за пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 повлияли на процессуальную форму, докладчик указал на ее адаптацию к условиям пандемии. Г.В. Севастьянов сделал вывод о необходимости дополнительных гарантий равноправия сторон в арбитражном разбирательстве на основании документов, с использованием видеоконференцсвязи или веб-конференции для проведения слушаний; востребованность трансформации процессуальной формы и разработки ее критериев с целью обеспечения равноправия сторон; предложил закрепить в регламентах арбитражей правила «процессуального форс-мажора».

Профессор кафедры международного частного права ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, зам. Председателя Арбитражного центра при РСПП (г. Москва), д-р юрид. наук М.Ю. Савранский обратил внимание на способность Т.Е. Абовой быть современной, переосмыслить традиционные институты и подходы с позиций современности, а затем остановился на ключевых положениях подготавливаемого Рабочей группой 2 ЮНСИТРАЛ документа об ускоренном арбитраже: проведении разбирательства по документам одним арбитром с представлением ограниченного числа доказательств, отметив в качестве недостатка такого арбитража право стороны в любой момент просить о проведении слушаний, что сразу превращает ускоренный арбитраж в «замедленный». М.Ю. Савранский сообщил, что в РСПП все слушания сейчас проходят с использованием видеоконференцсвязи и претензий сторон к такой форме слушаний не возникает, связав это с добросовестностью участников. Среди достоинств использования видеоконференцсвязи докладчик указал на возможность подключать к видеоконференции, например, финансовых специалистов, которым арбитры могут задать вопросы. Высказав опасения о том, что отсутствие в регламенте арбитража указания на возможность использования видеоконференцсвязи оставляет возможность недобросовестной стороне «торпедировать» решение арбитража заявлением о несогласии с такой формой проведения разбирательства, выступающий сообщил о разработанном в 2020 г. Руководстве Королевского института арбитров по дистанционному разрешению споров, Отчете арбитражной комиссии ICC о применении информационных технологий в арбитраже и Сеульском протоколе по использованию видеоконференцсвязи в арбитраже. Были отмечены положения последнего о прекращении сеанса в случае несправедливости в отношении одной из сторон, об идентификации сторон, о допросе свидетеля в нейтральной локации, о самостоятельной даче показаний свидетеля.

Судья Высшего Арбитражного Суда РФ в отставке, зам. Председателя и арбитра Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ А.Е. Березий свой доклад посвятил *правовой природе обеспечительных мер в морских спорах*. Напомнив, что Положение о МАК наделяет Председателя МАК полномочиями принять обеспечительные меры вплоть до ареста судна и груза, находящегося в порту Российской Федерации, докладчик охарактеризовал правовую природу таких мер как двойственную. Согласно ст. 17 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже» Председатель МАК может принять обеспечительные меры при выполнении ряда условий: во-первых, должно быть заключено арбитражное соглашение, во-вторых, иск должен быть предъявлен в МАК, обеспечительные меры принимаются до формирования арбитража. Возникает вопрос об исполнимости постановления МАК о применении

обеспечительных мер, т.к. из п. 51 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» следует, что по такому постановлению Председателя МАК не может быть выдан исполнительный лист. Критическая оценка дана мнению о том, что предварительные меры могут применяться только арбитражными государственными судами. А.Е. Березий обратил внимание на предоставляемое Кодексом торгового мореплавания РФ от 30.04.1999 г. № 81-ФЗ (КТМ) Председателю МАК право принятия обеспечительных мер в виде ареста по морским требованиям, перечисленным в ст. 388 КТМ. В самой природе ареста судна по морским требованиям, как это предусмотрено в Конвенции об унификации некоторых правил, касающихся ареста морских судов, 1952 г., заложена возможность принятия предварительных обеспечительных мер до обращения в суд. Иное понимание лишает смысла норму КТМ об аресте судов по морским требованиям.

Партнер московского офиса международной юридической фирмы «Бейкер Макензи», председатель правления Арбитражной Ассоциации В.В. Хвалей представил доклад на тему *«Доктрина политических вопросов и ее влияние на арбитрабельность споров»*, в котором критически оценил предложение применять доктрину политических вопросов при решении составом арбитров об арбитрабельности спора в случаях, когда в рамках разрешения исковых требований арбитрам предстоит ответить на вопрос, который может иметь политическое значение. Если впоследствии судом разрешается вопрос об арбитрабельности спора в связи с решением вопроса о признании и приведении в исполнение решения международного коммерческого арбитража, доктрина политических вопросов, по мнению докладчика, также не может применяться.

Старший преподаватель МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА) О.Ф. Засемкова рассмотрела основные *проблемы онлайн-арбитража на примере различных международных коммерческих арбитражей*.

В *дискуссии* **Г.В. Севастьяновым** была отмечена значимость лояльности самих сторон к онлайн-разбирательству.

В *подсекции 2* «**Принципы и традиционные институты гражданского и арбитражного процесса: актуальные проблемы**» *(модератор – старший научный сотрудник ИГП РАН, канд. юрид. наук К.А. Лебедь)* первый доклад представил **судья Арбитражного суда Уральского округа, канд. юрид. наук С.В. Лазарев**, который рассмотрел *пределы дискреции судьи по вопросу о проведении онлайн-заседаний арбитражного суда* (суды могут провести онлайн-заседания, а могут отказать в удовлетворении ходатайства о проведении онлайн-заседания) *в связи с гарантиями права быть выслушанным*. Отметив наблюдавшийся в мае-июне, октябре-ноябре, а также в связи со спадом в июле-августе 2020 г. резкий рост заявлений о проведении в режиме онлайн судебных заседаний, докладчик спрогнозировал сохранение потребности в очных заседаниях после отмены противопандемических ограничений.

Доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства РГУП, канд. юрид. наук М.Е. Поскребнев рассказал *о тенденциях развития письменных (электронных) и устных процессуальных начал, осветил новые возможности процессуальных норм о веб-конференцсвязи, отметил сложности, возникающие у граждан в связи с доступом к правосудию с использованием новых технологий*. В *реплике С.В. Лазарев* указал на возникающие при проведении судом онлайн-заседаний технические проблемы и отсутствие процессуального решения возникающих в связи с этим проблем.

Ведущий научный сотрудник ИЗиСП, канд. юрид. наук М.М. Вильданова затронула *проблемы идентификации сторон в гражданском процессе и третейском разбирательстве*, в частности вопросы установления судом личности гражданина и полномочий представителя. Выделяются последовательные действия, связанные с идентификацией и следующей за ней аутентификацией.

Старший научный сотрудник ИЗиСП, канд. юрид. наук М.О. Дьяконова в своем докладе выделила *особенности электронных судебных извещений с учетом изменений, происходящих в процессуальном законодательстве*. Рассмотрены вопросы соотношения с доступностью правосудия обязательности электронных судебных извещений, фиксации получения адресатом электронного извещения и др. Обоснована необходимость согласия лица, участвующего в деле, получать судебные извещения в электронном виде, предоставления пользователю личного кабинета в электронной информационной системе достаточного времени для ознакомления с судебным извещением.

Доцент кафедры судебной власти ТвГУ, канд. юрид. наук А.С. Федина отметила *возрастающее значение судебной практики в толковании содержания принципов гражданского процессуального права*. Применительно к содержанию принципа гласности это привело к усложнению возможностей понимания содержания принципа гласности.

Доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства РГУП, канд. юрид. наук Н.Д. Грибов в своем выступлении обратил внимание *на разницу в реализации прав стороны в очном судебном заседании и в упрощенном производстве в режиме онлайн*, в частности, на трудности реализации права задавать вопросы другим лицам, а также на особенности совершения процессуальных действий сторон, связанных с раскрытием доказательств, представлением отзыва на иск, проявлением уважения к суду и лицам, участвующим в деле.

Бурную *дискуссию* вызвал доклад **доцента кафедры гражданского и административного судопроизводства РГУП, канд. юрид. наук С.И. Князькина** *о степени влияния информационных технологий на правосудность судебных актов*, в котором прозвучало предположение о том, что в обозримом будущем искусственный интеллект сможет заменить людей (судей), осуществляющих разрешение дел, и выносить при этом справедливое судебное решение. *С.В. Лазарев* и *М.Е. Поскребнев* высказали обоснованные сомнения в скорой и эффективной замене судей искусственным интеллектом. Большинство участников дискуссии согласились, что пока рано говорить о возможности широкого использования искусственного интеллекта для разрешения споров по существу.

Аспирант РАНХиГС, адвокат Е.Н. Толмачева раскрыла *психологические аспекты рассмотрения семейных споров* и отметила, что не всегда в результате судебного заседания конфликт исчерпывается, хотя судебное решение и выносится по спору, указала на необходимость выявления причин конфликта (дисгармонии семейных отношений), динамики развития, определения его этапов.

В работе подсекции приняли участие **аспиранты ИГП РАН**. **О.В. Василенко** остановилась *на реализации основных начал гражданского процесса в условиях увеличения объема использования судами новых (электронных) технологий при рассмотрении и разрешении дел* (в т.ч. онлайн-заседаний).

Н.Т. Надоян обозначил *проблемы доказывания по делам особого производства*.

Завершая работу процессуальной секции, **К.А. Лебедь** отметил значимость критерия справедливости и призвал разделять законность и справедливость судебного решения.

Поддержав предыдущего докладчика, **зам. Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ в отставке, профессор кафедры гражданского процесса МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук Т.К. Андреева** указала, что необходимы критерии, позволяющие выстроить целостную конструкцию, чтобы избежать произвольное толкование категории справедливости. Т.К. Андреева обратила внимание на актуальные вопросы, связанные с внесением поправок в Конституцию РФ, в частности на расширение полномочий Конституционного Суда РФ, а также обратилась к проблеме разграничения полномочий судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

В *дискуссиях* по содержанию отдельных выступлений приняли активное участие *С.В. Лазарев, М.Е. Поскребнев, М.О. Дьяконова, С.И. Князькин, Н.Д. Грибов, О.В. Василенко, Е.Н. Толмачева, К.А. Лебедь*.

Сведения об авторах

БОРИСОВА Лилия Владимировна –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЛЕБЕДЬ Константин Александрович –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЛЕТОВА Наталия Валерьевна –
доктор юридических наук, и.о. заместителя директора Института государства и права Российской академии наук по научной работе; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЛИЗИКОВА Марина Сергеевна –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЛУКЬЯНОВА Ирина Николаевна –
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ПУШКИНА Анна Викторовна –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BORISOVA Liliya V. –
PhD in Law, senior researcher, Civil Law and civil procedure Department, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

LEBED Konstantin A. –
PhD in Law, senior researcher, Civil Law and civil procedure Department, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

LETOVA Natalia V. –
Doctor of Law, Deputy of the Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences on scientific work; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

LIZIKOVA Marina S. –
PhD in Law, senior researcher, Commercial and Corporative Law Department, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

LUKIANOVA Irina N. –
PhD in Law, associate Professor, senior researcher, Civil Law and civil procedure Department, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

PUSHKINA Anna V. –
PhD in Law, senior researcher, Civil Law and civil procedure Department, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 147–159
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 147–159

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ (ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ «КРУГЛОГО СТОЛА» ЖУРНАЛОВ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО» И «ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА»)

© 2021 г. А. В. Малько[1, *], В. А. Затонский[1, **], А. В. Красюков[1, *], Н. В. Кроткова[2, ****]**

[1] Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Саратов
[2] Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

[*] E-mail: alex25-58@mail.ru
[**] E-mail: zatonsky-va@yandex.ru
[***] E-mail: krasukov.andrei.oni@gmail.com
[****] E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.12.2020

Аннотация. В материалах «круглого стола», который, по сути, имеет межрегиональный характер, получили отражение все основные аспекты противодействия коррупции как наиболее деструктивного явления современной правовой жизни многих обществ, в т.ч. и российского. А именно деятельность органов государственной власти, муниципалитетов, институтов гражданского общества, организаций и граждан: а) по предупреждению коррупции, в т.ч. по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений. Общий вывод, который вытекает из совокупного анализа докладов и выступлений, сводится к тому, что противодействие коррупции должно быть непрерывным и включать прежде всего такие приоритеты, как введение четких стандартов оказания услуг населению государственными и муниципальными органами власти и снижение коррупционной емкости самих российских законов. Налицо острая потребность в выработке государственной антикоррупционной правовой политики — научно обоснованной, последовательной и системной деятельности институтов государства и гражданского общества по противодействию коррупции. Главная цель такой политики — минимизация коррупционных проявлений в правовой жизни общества.

Ключевые слова: государство, право, правовая жизнь, правовое государство, гражданское общество, коррупция, коррупционные правонарушения, коррупционная емкость законов, противодействие коррупции, антикоррупционная правовая политика, концепция антикоррупционной правовой политики, антикоррупционная экспертиза законопроектов, антикоррупционная ответственность, антикоррупционное просвещение.

Цитирование: *Малько А.В., Затонский В.А., Красюков А.В., Кроткова Н.В.* Противодействие коррупции в современной российской правовой жизни (Обзор материалов «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая культура») // Государство и право. 2021. № 3. С. 147–159.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726.

DOI: 10.31857/S102694520014038-2

COUNTERING CORRUPTION IN MODERN RUSSIAN LEGAL LIFE (REVIEW MATERIALS OF THE "ROUND TABLE" OF THE JOURNALS "STATE AND LAW" AND "THE LEGAL CULTURE")

© 2021 A. V. Mal'ko[1, *], V. A. Zatonsky[1, **], A. V. Krasyukov[1, *], N. V. Krotkova[2, ****]**

[1] *Volga Institute (the brunch) of the All-Russian state University of justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Saratov*
[2] *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

[*] *E-mail: alex25-58@mail.ru*
[**] *E-mail: sarrpa@rambler.ru*
[***] *E-mail: zatonsky-va@yandex.ru*
[****] *E-mail: krotkova2012@yandex.ru*

Received 28.12.2020

Abstract. The "Round Table", being essentially interregional, is due to reflect the main aspects of countering corruption considered as the mostly destructive phenomena of modern legal life of many societies including the Russian one. These aspects contain the following activities of state power bodies, municipalities, institutions of civil society, organizations and citizens aimed to: a) prevent corruption and to indicate and eliminate causes of corruption (corruption prevention); b) indicate, prevent, suppress, solve and investigate corruption crimes (countering corruption); c) minimize and (or) liquidate the consequences of corruption offenses. Overall conclusion based on combined analysis of speeches and reports assumes that countering corruption must be permanent and leaded by such priorities as introducing appropriate standards for state and municipal bodies' services and reduction of corruption capacity of the Russian laws. The authors claim to face strict necessity to create state anti-corruption legal policy represented by reasonable, logic and systematic activities of state and society institutions of countering corruption. The general purpose of such policy is to minimize corruption practices in legal life of the society.

Key words: state, law, legal life, legal state, civil society, corruption, corruption crimes, corruption capacity of laws, countering corruption, anti-corruption legal policy, concept of anti-corruption legal policy, anti-corruption expertise of draft laws, anti-corruption responsibility, anti-corruption education.

For citation: *Mal'ko, A.V., Zatonsky, V.A., Krasyukov, A.V., Krotkova, N.V. (2021).* Countering corruption in modern Russian legal life (Review materials of the "Round Table" of journals "State and Law" and "The legal culture") // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 147–159.

The research was carried out with the financial support of the RFBR as part of the research project No. 19-011-00726.

7 декабря 2020 г. в Поволжском институте (филиале) Всероссийского государственного университета юстиции (далее – ВГУЮ) (РПА Минюста России) в г. Саратове состоялся «круглый стол» на тему «Противодействие коррупции в современной российской правовой жизни». В мероприятии приняли участие представители научно-образовательных учреждений г. Саратова и ряда других российских городов (Москвы, Уфы, Балаково, Балашова, Калуги, Казани, Тамбова, Пензы, Ставрополя, Сочи, Красноярска, Пятигорска).

Ведущим «круглого стола» выступил **профессор Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Саратове, д-р юрид. наук, заслуженный деятель науки РФ А.В. Малько.**

В своем докладе ***«Концепция антикоррупционной правовой политики в Российской Федерации как проявление комплексного подхода в противодействии коррупции»*** он обратил внимание на то, что проблема коррупции для современной России остается одной из наиболее значимых, препятствующих решению важнейших экономических и политических задач, подрывающих авторитет власти в глазах народа, мешающих эффективному развитию международных торгово-экономических и иных связей, способствующих росту и укреплению позиций организованной преступности.

Для Российской Федерации и ее регионов актуальным выступает вопрос о выработке и претворении в жизнь эффективной антикоррупционной правовой политики, включающей в себя, помимо средств уголовной репрессии, комплекс мер по предупреждению коррупции. В рамках подобного комплекса мер особое место занимает проект Концепции антикоррупционной правовой политики в Российской Федерации как доктринальный документ.

Уже четвертое издание такого проекта разработано на основе и в развитие проекта Концепции антикоррупционной

политики в Российской Федерации[1] и проекта Концепции правовой политики в Российской Федерации[2] и является политико-правовым документом доктринально-прикладного характера, отражающим научно обоснованные представления о сущности, основных ориентирах, механизме реализации и путях повышения эффективности антикоррупционной правовой политики в условиях современной России.

Содержание Концепции есть продукт синтеза наиболее общих теоретических установок и практических рекомендаций, касающихся различных аспектов формирования и реализации антикоррупционной правовой политики в нашей стране. В ней нашли отражение юридическая догма и результаты новейших научных исследований в сфере правотворчества и правоприменения, действующее федеральное и региональное законодательство, практика муниципального правотворчества и мировой опыт в названной сфере.

При подготовке Концепции осуществлено обобщение данных различных политико-правовых и социологических исследований, проведенных учеными и ведущими научными организациями, отличающихся высоким уровнем теоретических выводов, глубоким анализом состояния и прогнозом дальнейшего развития разносторонней и многоуровневой деятельности по противодействию коррупции в Российской Федерации.

Целями настоящей Концепции являются:

1) обеспечение средствами антикоррупционной правовой политики единства нормативно-правового регулирования вопросов противодействия коррупции в Российской Федерации;

2) повышение качества нормативно-правового регулирования деятельности по противодействию коррупции на всех уровнях осуществления публичной власти, решение задачи наиболее полного его соответствия потребностям государства, субъектов предпринимательской деятельности и граждан;

3) создание необходимых условий для ликвидации противоречий и пробелов в федеральном и региональном законодательстве, а также в системе муниципальных нормативных правовых актов по вопросам противодействия коррупции;

4) обоснование безусловного приоритета федеральной антикоррупционной правовой политики по отношению к региональному и муниципальному уровням ее реализации;

5) отражение в общенациональной российской антикоррупционной правовой политике процессов правовой интеграции, создание необходимых условий для имплементации принципов и норм международного права в отечественную правовую систему, при обязательном учете национальных интересов.

По сути, заключил А.В. Малько, настоящая Концепция выступает модельной комплексной программой развития антикоррупционной правовой политики в Российской Федерации, которая может стать основой для целого ряда правотворческих инициатив, направленных на противодействие коррупции в нашей стране.

Профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, д-р юрид. наук В.В. Субочев указал, что борьба с коррупцией в современной России признается ключевым направлением как государственной политики, так и функционирования различных институтов гражданского общества и является весомым фактором обеспечения национальной безопасности, залогом гармоничного и динамичного развития всех сфер жизнедеятельности общества. Консолидированные усилия субъектов правотворческого, правоприменительного и правоинтерпретационного процессов вполне можно охарактеризовать как антикоррупционную стратегию, тем более для этого созданы и все нормативно-правовые предпосылки: в 2008 г. был принят Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Указом Президента РФ № 815 «О мерах по противодействию коррупции» предусматривается в т.ч. создание Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции, а в 2018 г. Президентом РФ был утвержден еще действующий Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 гг. Антикоррупционное законодательство разработано во всех субъектах Российской Федерации, соответствующие нормативно-правовые акты приняты и на муниципальном уровне.

Вместе с тем существует ряд вопросов к формально-юридическим основаниям современной антикоррупционной стратегии, к самой ее сути. Речь прежде всего идет о том, как субъекты правотворческого и правоприменительного процессов, да и общество в целом должны определять коррупцию, основываясь на действующем законодательстве. Как, используя формально-юридический метод, субъекты антикоррупционной стратегии должны понимать, что же собой представляет коррупционное правонарушение и какими признаками оно обладает. Вопрос этот далеко не риторический в силу того очевидного факта, что дефиниция коррупции, которая содержится в упомянутом Федеральном законе «О противодействии коррупции» и на которую ориентируются все субъекты антикоррупционной стратегии, весьма размыта, абстрактна и не может точно определить ни критерии, ни признаки того, что же законодатель под коррупцией подразумевает.

В ст. 1 данного Федерального закона сказано, что коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп **либо иное** незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, **иного** имущества или услуг имущественного характера, **иных** имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение всех перечисленных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Использование формально-юридического подхода наряду с герменевтическими методиками не позволяет с определенностью понять, какое «иное» незаконное использование физическим лицом своего должностного положения имеет в виду законодатель, и зачем тогда он перечислял конкретные составы преступления в самом начале определения, если данное перечисление не помогло избежать необходимости указания и на «иные», не поддающиеся прямому определению коррупционные действия. Более того, данное определение коррупции в одном предложении три раза использует прилагательное «иное» / «иных», три раза – союз «или». Другими словами, полагаем, что конструкция

[1] См.: Проект Концепции антикоррупционной политики в Российской Федерации / под ред. А.В. Малько. Саратов, 2007.

[2] См.: Концепция правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. (проект) / под ред. А.В. Малько. М., 2008.

предложенного законодателем определения коррупции не вполне удачна, и кроме того факта, что злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп, по мнению авторов закона, – это «точно» коррупция, все остальное отдается на явное усмотрение правоприменителя. Однако злоупотребление служебным положением, равно как и служебными полномочиями, не обязательно может иметь коррупционную направленность и, таким образом, не всегда может трактоваться именно как коррупция.

Следовательно, существующее определение коррупции не дает прямого ответа на вопрос, что же конкретно понимает законодатель под коррупцией, оставляя широкий простор как для толкования, так и усмотрения субъектов правоприменения.

Справедливости ради В.В. Субочев отметил, что сформулировать исчерпывающее, точное определение коррупции вряд ли возможно. Термин «коррупция» имеет собирательный и в определенном смысле оценочный характер, а в силу того очевидного факта, что коррупция не идентична ни одному составу правонарушения, требовать исчерпывающего перечисления квалифицирующих признаков именно коррупции от законодателя не имеет смысла. Многое в квалификации правонарушения как «коррупционного» будет зависеть от совокупности сопутствующих его совершению факторов и обстоятельств.

Тем не менее получается некий парадокс. Термин «коррупция» в подавляющем большинстве случаев используется как оценочное понятие, как если бы мы говорили о чем-либо «плохом», «нечестном», «подлом» и т.д. К юридической ответственности правонарушителя можно привлечь только при наличии в его деянии состава конкретного правонарушения, а такого состава правонарушения, как «коррупция» нет. Это с очевидностью приводит к тому, что субъекты антикоррупционной стратегии с готовностью коррупцию осуждают, но с еще меньшей готовы указать на конкретные, квалифицирующие ее признаки.

В отмеченной связи, с точки зрения докладчика, есть все основания полагать, что антикоррупционная стратегия современной России должна усиливать не только свою организационную базу, но и укреплять научные, теоретические и, в частности формально-юридические, основания с тем, чтобы слово «коррупционер» заключало в себе не только осуждающую, но и конкретную юридическую составляющую.

Ректор Пензенского государственного университета, канд. юрид. наук, доц. А.Д. Гуляков в своем докладе на тему ***«Американская демократия, федерализм и коррупция»*** охарактеризовал коррупцию как вечный спутник государственной жизни, масштабы которой (коррупции) в современном мире возросли. Этому способствовали ослабление централизованного контроля в условиях демократии, повышение конкуренции внутри элит, увеличение массы общенационального богатства, подлежащего перераспределению с помощью механизма государства.

США как старейшая демократия демонстрируют примеры беспрецедентного коррупционного поведения с середины XIX в. При республиканском строе и классической системе разделения властей Конгресс становится главным распорядителем государственных финансов, а программы «внутренних улучшений» оказываются правдоподобным поводом для «распила» государственного бюджета. Вакханалию коррупции в осторожно-критической форме описали в начале 1870-х годов писатель М. Твен и журналист Ч. Уорнер в романе «Позолоченный век».

Возможности для хищения государственных средств усиливала американская модель децентрализованного дуалистического федерализма с практически автономными полномочиями федерального центра и субъектов. При таком положении вещей в законодательных собраниях штатов формировались свои площадки для махинаций и злоупотреблений, которые федеральный центр не имел права контролировать. При этом экономическая децентрализация страны, когда у каждого штата, у каждой отрасли хозяйства были свои специфические интересы, создавала питательную среду для политического торга и коррупции в вопросе о таможенных пошлинах.

Доктрина протекционизма утверждается в политической жизни США в эпоху промышленного переворота в 1820-е годы. И каждый новый тарифный закон превращается в предмет сложного политического и хозяйственного компромисса, а также корыстных договоренностей. В условиях сложной расстановки сил банальная индивидуальная взятка представителю законодательной власти не всегда что-либо решала. Требовалась продуманная скоординированная стратегия массированного подкупа, которую могли осуществить только специальные агенты-лоббисты.

США стали родиной лоббизма. Они же приняли подробные законодательные акты о нем в 1946 и 1995 гг. Лоббизм, сочетая в себе экономический и политический нажим, негласную материальную заинтересованность законодателей и давление на них со стороны СМИ и общественного мнения, ввел коррупцию в более пристойное, «цивилизационное» русло. Сейчас коррупционные скандалы в духе 1850–1870-х годов в США – большая редкость. Во-первых, государство стало более централизованным, а общественность через СМИ усилила свой контроль. Во-вторых, найдены новые, более замаскированные формы подкупа. Американское «Глубинное государство», к существованию которого привлек внимание Президент США Д. Трамп, умеет эффективно скрывать свои тайны и купировать через подконтрольные СМИ случайно просочившуюся информацию. Однако по-прежнему демократия, понимаемая в США как торжество жесткого переселенческого индивидуализма, и «фрагментированный» на фоне культурно-цивилизационного и этно-расового раскола федерализм стимулируют коррупционное поведение.

К счастью, заключил А.Д. Гуляков, в России другая, более социально здоровая модель демократии и иная, более централизованная и ответственная модель федерализма, хотя с коррупцией наша страна также сталкивается.

Директор НИИ государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, д-р юрид. наук В.В. Трофимов совместно с **доцентом той же кафедры, канд. экон. наук Ю.В. Горюшкиной** представили доклад на тему ***«Функция антикоррупционной экспертизы законопроектов в деятельностной структуре законотворчества: проблема оптимизации»***[3].

Правотворчество как процесс выражения государственной воли в источниках права тесно связано с правоприменением. В ходе правоприменения выявляются допущенные законодателем коллизии, противоречия, пробелы, иные

[3] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726.

недоработки. В частности, именно на этапе правоприменения и реализации права в целом могут начать проявлять себя те положения законодательства, формулировка которых создает почву для правонарушений коррупционной направленности. Поэтому, помимо всех иных причин коррупции в государстве, к их числу добавляется некачественное законодательство, в котором могут содержаться нормы коррупциогенного характера.

С целью минимизации данных дефектов и обеспечения эффективной законотворческой (в целом правотворческой) деятельности был в некотором смысле вынужденно, но обоснованно введен институт антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов, в рамках которого решается центральная задача по выявлению и устранению коррупциогенных положений в проекте нормативного правового акта до момента его окончательного принятия и введения в действие.

Проведение антикоррупционной экспертизы проектов законов и иных нормативных правовых актов на федеральном уровне регулируется:

Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в ст. 6 которого антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов перечислена в ряду мер по профилактике коррупции[4];

Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативно-правовых актов»[5];

подзаконными нормативными правовыми актами (приказами) Минюста России – основного государственного органа, уполномоченного на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, а также нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций.

Кроме того, постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»[6] утверждены Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, а также методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов.

Основная нагрузка в деле проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов действующим законодательством возложена на Министерство юстиции РФ.

В докладе отмечены основные факторы, которые, устанавливая для правоприменителя излишне широкие пределы усмотрения либо возможность необоснованного применения исключений из общих правил, способны спровоцировать коррупционное поведение. Таковыми являются: широта дискреционных полномочий; определение компетенции по формуле «вправе»; возможность выборочного изменения объема прав и произвольного наложения дополнительных обязанностей на участников «подотчетных» правоприменителю правовых отношений; изобилие в нормативном акте т.н. бланкетных норм; отсутствие или неполнота устанавливаемых законом административных процедур; нормативные коллизии; юридико-лингвистическая неопределенность законодательных положений; и др.

В субъектах Российской Федерации правовое регулирование антикоррупционной экспертизы проектов законов (нормативных правовых актов) осуществляется на уровне: а) региональных законов о противодействии коррупции и законов о нормативных правовых актах и правотворчестве (где устанавливаются основы ее проведения); б) региональных подзаконных нормативно-правовых актов (где регулируется и регламентируется порядок ее проведения).

В Тамбовской области вопросы антикоррупционной экспертизы проектов нормативно-правовых актов урегулированы Законом от 4 июня 2007 г. № 205-З «О противодействии коррупции в Тамбовской области»[7], постановлением областной администрации от 8 июня 2018 г. № 578 «О мерах по реализации статьи 8.1 Закона области от 4 июня 2007 г. № 205-З “О противодействии коррупции в Тамбовской области”»[8]. Создан единый региональный интернет-портал (https://expert.tambov.gov.ru) для размещения проектов областных нормативных правовых актов в целях проведения независимой антикоррупционной экспертизы.

Как показывает анализ деятельности органов прокуратуры Тамбовской области по реализации полномочий прокурора в сфере правотворческой деятельности региональных органов государственной власти, количество отрицательных заключений от общего числа изученных региональных нормативных правовых актов за 9 мес. 2019 г. составило 21%, а за аналогичный период 2020 г. – 18%. Причастны органы прокуратуры и к нормотворчеству на уровне местного самоуправления. На стадии подготовки нормативных актов здесь был вынесен ряд отрицательных заключений, на основании которых за 9 мес. 2019 г. были доработаны 8% актов, а за соответствующий период 2020 г. – 11% от общего числа изученных на предмет коррупциогенности.

Как видим, отметили докладчики, работы в различных эшелонах власти в обозначенном направлении проводятся, но, тем не менее, это не исключает необходимости совершенствования данной функции на разных уровнях правотворчества. Возможно, следует на более ранних стадиях привлекать научные силы к разработке законопроектов, проводить комплексные исследования предмета правового регулирования, активнее сопровождать именно независимые виды антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов и, что не менее важно, иметь четкий регламент (порядок) учета всех поступающих предложений в рамках проведенных антикоррупционных экспертиз. В целом, как полагают выступающие, можно согласиться с высказываемыми в юридической науке мнениями о том, что для результативного решения этого вопроса требуется проведение целенаправленной государственной антикоррупционной правовой политики.

Профессор кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии (СГЮА), канд. юрид. наук, доц. В.А. Абалдуев посвятил свой доклад ***актуальным аспектам ответственности за нарушение антикоррупционных правил в сфере трудовых и служебных отношений***. Он указал, что полноценная реализация правовых механизмов, направленных на предотвращение и пресечение коррупционного поведения, невозможна без установления продуманной системы мер ответственности, обеспечивающих

[4] См.: СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I), ст. 6228.

[5] См.: СЗ РФ. 2009. № 29, ст. 3609.

[6] См.: СЗ РФ. 2010. № 10, ст. 1084.

[7] См.: Тамбовская жизнь. 2007. 8 июня.

[8] См.: Тамбовская жизнь (Спец. вып.). 2018. 22 июня.

соблюдение этих правил. Основой создания и последующего развития законодательства об ответственности за правонарушения в данной сфере является Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 24.04.2020 г.) «О противодействии коррупции», который определяет общие правила о видах, субъектном составе, основаниях и порядке применения рассматриваемой ответственности.

Юридические лица и индивидуальные предприниматели – работодатели (в сфере трудового права к этой группе относятся частные нотариусы и адвокаты) как субъекты антикоррупционной политики в сфере труда несут административно-правовую ответственность за правонарушения, связанные с использованием труда государственных и муниципальных служащих.

Физические лица, не являющиеся работодателями, – работники, государственные или муниципальные служащие в соответствии со ст. 13 Федерального закона № 273 в случае совершения коррупционных правонарушений несут дисциплинарную, уголовную, гражданско-правовую ответственность. При этом В.А. Абалдуев заметил, что гражданско-правовая ответственность за такие нарушения законом не определяется, но для него является очевидным, что речь идет о последствиях имущественного характера в связи с несоблюдением норм о противодействии коррупции.

Субъектами ответственности в отношениях противодействия коррупции выступают руководители, иные должностные лица организаций, представители нанимателя, действующие и бывшие государственные и муниципальные служащие.

Основания и порядок применения антикоррупционной административной ответственности организаций и предпринимателей предусмотрены нормами п. 4 и 5 ст. 12 Федерального закона № 273, ст. 64.1 Трудового кодекса РФ, 19.28 и 19.29 КоАП РФ. Эта ответственность детально исследована в научной литературе по трудовому, административному и процессуальному праву. В настоящее время большинство вопросов ее применения разъяснены Верховным Судом РФ[9] и в этой связи получили единообразное понимание у органов прокуратуры Российской Федерации, а также в российском правосудии.

Тем не менее остаются вопросы, которые требуют решения. По объективной стороне правонарушения, указанного в ст. 12 Федерального закона № 273, ст. 64.1 ТК РФ, работодатели отвечают за непредоставление сведений о приеме на работу *бывших государственных и муниципальных служащих.* Только о бывших служащих говорится в Обзоре Верховного Суда РФ 2016 г. и Постановлении Пленума Верховного Суда РФ 2017 г. При этом Трудовой кодекс РФ и Федеральный закон № 273 упускают из виду, что в России разрешена работа по найму и лицам, замещающим должности государственной или муниципальной службы (действующим служащим), если это не влечет конфликта интересов. При поступлении на такую работу обязательно разрешение комиссии органа власти по соблюдению требований к служебному поведению. Статья 19.29 КоАП РФ содержит на этот счет более полное и четкое правило, устанавливающее ответственность за нарушение правил приема *как бывших, так и действующих* служащих. Из-за несовпадения формально связанных между собой норм Трудового кодекса РФ, Федерального закона № 273 и КоАП РФ ст. 19.29 в части ответственности на нарушения при приеме на работу действующих служащих практически бездействует. Между тем опасность коррупционных проявлений в поведении именно этой категории работников несоизмеримо выше, чем в случае применения труда сотрудника, оставившего службу.

Для реализации на практике полного состава правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, необходимо в Трудовом кодексе РФ, Федеральном законе № 273 и иных связанных с трудом правовых актах *предусмотреть обязанность работодателя соблюдать единые правила найма в отношении бывших и действующих государственных и муниципальных служащих.*

Это предложение актуально и для новой редакции КоАП РФ, поскольку ст. 34.37 проектируемого закона дословно сохраняет существующее основание ответственности[10].

Из норм трудового права (ст. 64.1 ТК РФ), ст. 12 Федерального закона № 273 и соответствующих норм КоАП РФ также следовало бы исключить положение о том, что должность чиновника обязательно должна быть предусмотрена соответствующим специальным перечнем. Такого перечня в отношении федеральной государственной гражданской службы нет. Более того, Верховный Суд РФ при применении ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ не требует наличия связи между управленческими функциями чиновника и новым работодателем. Поэтому более рациональным будет установление универсальной обязанности работодателя в отношении всех категорий служащих. Это расширит границы действия рассматриваемых норм и избавит работодателя от поиска некоего специального перечня «потенциально коррупционных» должностей[11].

Дисциплинарная ответственность за нарушение антикоррупционных правил нормами трудового права предусмотрена для работников, обладающих особым правовым статусом. В силу специфики субъектного состава, оснований дисциплинарной ответственности антикоррупционной направленности, мер ответственности и правил их применения такую ответственность можно признать *специальной.* Специальной она является в трудовом праве и в отношениях государственной службы. Эта ответственность урегулирована обособленными от общих правил нормами закона, в т.ч. в части более длительных сроков применения.

В трудовом праве дисциплинарная ответственность лиц, обязанных соблюдать антикоррупционные ограничения, установлена для работников государственных корпораций, публично-правовых компаний, государственных компаний (ст. 349.1 ТК РФ), Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования РФ, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, а также иных организаций,

[9] Имеются в виду: Обзор судебной практики по делам о привлечении к административной ответственности, предусмотренной статьей 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.11.2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 4; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.11.2017 г. № 46 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судьями дел о привлечении к административной ответственности по статье 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

[10] См.: URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=102447

[11] Более подробно обоснование этих и других предложений по совершенствованию норм об ответственности в данной сфере см.: *Абалдуев В.А.* Российская антикоррупционная политика в сфере труда: новые правила и нерешенные проблемы // Государство и право. 2013. № 3. С. 50–55.

созданных для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами (ст. 349.2 ТК РФ).

Основание ответственности (состав дисциплинарного проступка) в отличие от общих норм трудового или служебного права в данном случае конкретизировано. Таким основанием является *нарушение точно и исчерпывающе определенных обязанностей и запретов* (ст. 59.1–59.3 Федерального закона от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 27.10.2020 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[12]; ст. 41.8–41.10 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 (в ред. от 09.11.2020 г.) «О прокуратуре Российской Федерации»)[13].

Максимальная санкция за такие нарушения – увольнение работника или лица, проходящего службу, в связи с утратой доверия (п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, ст. 59.2 Федерального закона о государственной гражданской службе, ст. 41.9 Федерального закона о прокуратуре).

Отличие норм Трудового кодекса РФ и законодательства о службе в том, что служебное право предусматривает увольнение по этому основанию и самого нарушителя антикоррупционных правил, и руководителя органа, которому стало известно об этом нарушении и не принявшего мер к устранению конфликта интересов. По Трудовому кодексу РФ увольняется только сам работник.

Правовое регулирование данного увольнения в сфере службы, как полагает В.А. Абалдуев, вызывает замечания по двум моментам:

во-первых, Закон предусматривает формулировку «подлежит увольнению», что исключает возможность применения общих требований об учете тяжести нарушения, личности нарушителя, хотя такие правила обязательны и в этом случае (ст. 59.3 Федерального закона о государственной гражданской службе);

во-вторых, в перечне проступков упущена ситуация, когда государственный служащий представил недостоверные, заведомо ложные сведения о своем материальном положении при поступлении на должность[14]. Это нарушение также следовало бы признать основанием для утраты доверия и увольнения.

Профессор Пятигорского филиала Северо-Кавказского федерального университета, д-р юрид. наук А.П. Мазуренко в своем выступлении осветил ряд вопросов, связанных ***с интеграцией фундаментальной науки и научных подразделений высшей школы в деле противодействия коррупции на примере деятельности Научно-образовательного центра (НОЦ) антикоррупционной правовой политики в Северо-Кавказском федеральном округе***.

Центр создан для достижения общих научно-исследовательских, образовательных, информационных целей, повышения качества высшего и послевузовского профессионального образования, организации проведения учеными высшей школы и Российской академии наук фундаментальных научных исследований, а также в целях обеспечения глубокой специализации аспирантов, магистрантов и студентов в области современных проблем антикоррупционной правовой политики и развития новых, междисциплинарных научных направлений. Эти цели, как подчеркнул А.П. Мазуренко, могут быть достигнуты только в условиях интеграции научного потенциала учреждений высшего профессионального образования и академической науки.

Фактически с первого дня Центром ведется обширная работа по экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов на коррупциогенность. За пять лет деятельности сотрудниками НОЦ проведено более 300 экспертиз, в т.ч. по проектам федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации, входящих в СКФО, проектам ведомственных нормативных актов.

Основная тема научных разработок Центра – наиболее актуальные проблемы антикоррупционной правовой политики на современном этапе развития Российского государства. Данную тему так или иначе анализируют многие исследователи (как теоретики, так и отраслевики), представляющие различные научные школы в нашей стране. Научно-образовательный центр антикоррупционной правовой политики в СКФО был создан для оперативного реагирования на новейшие научные достижения, аккумулирования последних разработок в этой сфере и создания в рамках общей научной концепции антикоррупционной правовой политики некоего конечного, целостного научного «продукта».

Одним из первых таких «продуктов», отличающихся теоретической новизной и практической значимостью, стал сборник научных трудов по материалам Всероссийского научно-практического «круглого стола» на тему «Антикоррупционная правовая политика: проблемы формирования в современной России» (май 2014 г.). Книга явилась первым междисциплинарным исследованием, созданным совместными усилиями представителей академической науки и образования, призванным сформировать у будущих ученых-правоведов и юристов-практиков представление об одном из важнейших феноменов современной юридической жизни – антикоррупционной правовой политике. В сборнике нашли отражение актуальные теоретические и прикладные вопросы данного вида правовой политики, возникающие в свете происходящих в России процессов и перемен, новейших реалий и тенденций.

Продолжением этой многоплановой исследовательской работы стало издание проекта Концепции антикоррупционной правовой политики в Российской Федерации под общей редакцией А.В. Малько и А.П. Мазуренко (2015 г.), который явился отражением концептуальных основ антикоррупционной политики как системы теоретических взглядов относительно содержания, принципов, задач этой политики на современном этапе развития Российской Федерации, а также конкретных мер, определяющих пути ее реализации на практике.

Буквально через год проблемы, лежащие в основе работы Центра, стали предметом обсуждения на Международной научно-практической конференции «Антикоррупционная правовая политика: новые приоритеты», благодаря чему круг исследователей данной проблемы был расширен за счет представительства научных школ многих российских городов, ближнего и дальнего зарубежья, что, безусловно, повысило научную и дидактическую значимость результатов проводимых Центром исследований.

Но наиболее знаковым событием в деятельности Научно-образовательного центра стало издание с 2017 г. академического и вузовского журнала-ежегодника «Антикоррупционная политика». На его страницах находят отражение не только общетеоретические проблемы антикоррупционной правовой политики, но и конкретные вопросы ее

[12] См.: СЗ РФ. 2004. № 31, ст. 3215.

[13] См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 8, ст. 366.

[14] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2020 г. № 14-П // СЗ РФ. 2020. № 15 (ч. IV), ст. 2433.

реализации в практике государственно-правового строительства в современной России. Отдельная рубрика журнала посвящена обзору результатов исследований молодых ученых, аспирантов и студентов российских вузов. На страницах этого нового научного издания рассматриваются вопросы модернизации различных сторон политико-правовой жизни страны, институтов демократии, а также структур власти федерального и регионального уровней в их работе по противодействию коррупции.

Еще одно направление деятельности Центра – изучение проблем методологии современной политико-правовой науки и других актуальных вопросов, которые пока не получили системного анализа и поэтому нуждаются во всестороннем исследовании. Для этого, начиная с 2018 года, Центр организует методологические научные семинары с молодыми учеными и «круглые столы» по различной проблематике, так или иначе соприкасающейся с антикоррупционной политикой. Руководителем постоянно действующего научно-методологического семинара является известный российский ученый, д-р полит. наук, проф. А.А. Вартумян. Названные научные мероприятия проводятся в рамках исследований методологических проблем современной политико-правовой науки, выполняемых на уровне магистерских и кандидатских диссертаций учеными различных научных школ Юга России, Северного Кавказа, Поволжья и других регионов страны.

Доцент кафедры общегуманитарных и юридических дисциплин Ставропольского филиала Московского педагогического государственного университета, канд. юрид. наук, доц. Н.В. Довголюк выступила с докладом на тему ***«Некоторые аспекты анализа современного состояния коррупции в России»***. Она указала, что одними из важнейших задач обеспечения общественной безопасности в целях реализации Концепции и осуществления Указа Президента РФ «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» являются[15]: совершенствование мер по противодействию коррупции; систематизация нормативно-правовой базы, устранение ее пробелов; повышение эффективности международного сотрудничества; совершенствование антикоррупционных стандартов; совершенствование мер ответственности; проведение руководителями высших исполнительных органов государственной власти социологических исследований; ежегодная отчетность антикоррупционной программы и т.д.

Изучение состояния коррупции трудно поддается существующим методикам измерения масштабов данного явления. В общественном сознании коррупция расценивается обычно как разрушающее зло. По информации официального сайта ООН, объем взяток в год оценивается в триллион долларов. Мировая экономика идет на спад и теряет огромное количество финансовых средств в связи с коррупционной деятельностью – более 5% глобального ВВП. По данным Программы развития ООН (ПРООН), в развивающихся странах потери, связанные с коррупцией, в 10 раз больше, чем затраты на помощь населению планеты. Коррупция – это опасное явление, которое губит все сферы жизнедеятельности общества[16].

Как отметила Н.В. Довголюк, проблема коррупции в федеральных органах государственной власти нашей страны ныне особенно актуализировалась, поскольку коррупция представляет угрозу как национальной, так и общественной безопасности.

Коррупция разлагает власть подобно металлу, который разрушает ржавчина. Коррупция своей сущностью разлагает не только государственный аппарат, но и моральные устои общества. Уровень коррупции зависит не только от развития законодательной базы, но и от уровня политического, социально-экономического и духовного развития государства.

Доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления им. П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС А.В. Федорова посвятила свое выступление ***особенностям формирования правовой культуры в условиях пандемии***. Особое внимание она обратила на следующие аспекты.

1. Происходит трансформация восприятия коррупции как использования должностных полномочий для достижения корыстных целей. Коррупционное поведение утрачивает негативную морально-нравственную окраску. Следование коррупционным стратегиям становится негласной конвенциальной нормой для того, чтобы быть успешными в условиях пандемии. Данная ситуация становится конвенциально оформлена, но совершенно не оформлена на законодательном уровне, поскольку законодательство не успевает за быстро меняющимися сложными условиями пандемии.

2. Трансформируются границы норм и правил правовой культуры, возникают новые практики и ритуалы, и все они в значительной степени коррелируют с коррупционными процессами

3. В условиях пандемии обостряются экономические факторы и обстоятельства, включающие коррупционную составляющую. Коррупция становится причиной различных форм неравенства в обществе, связанных, в частности, с правом на жизнь, на охрану здоровья, на образование, свободу передвижения и др. Социальное неравенство начинает приобретать крайние формы.

А.В. Федорова выделила пять направлений, в которых можно решать, по ее мнению, проблему коррупции в условиях пандемии: 1) семья, когда происходит выстраивание новых норм и практик в противовес колоссальному давлению социума, правового поля; 2) образование – реализация просветительских функций; 3) ответственность личности и формирование гражданской позиции; 4) обеспечение условий для повышения уровня правовой культуры.

Доцент кафедры теории государства и права СГЮА, канд. юрид. наук Р.С. Маркунин выступил с сообщением ***по проблеме юридической ответственности властных органов***, указав, что несовершенство системы юридической ответственности органов публичной власти приводит к росту коррупционной составляющей в их работе. Коррупционная деятельность, безусловно, свойственна не только государственному сектору. Однако наиболее опасной является коррупция именно в государственном механизме, поскольку данные субъекты наделены возможностями по управлению обществом в целом. Высокий уровень коррупции в деятельности органов публичной власти не только снижает уровень эффективности работы механизма государства и реализацию различного рода государственных программ, но и создает дополнительные препятствия для приближения к идеалам правовой государственности, развития общественных объединений и интеграции государства в международные структуры.

[15] См.: СЗ РФ. 2018. № 27, ст. 4038.

[16] См.: Организация Объединенных Наций (ООН): официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ (дата обращения: 04.11.2020).

В выступлении было обращено внимание на то, что коррупционная составляющая проявляется в различных формах, в частности таких как взяточничество, вымогательство и мошенничество с использованием своего положения в государственном механизме. Коррупция встречается во всех ветвях власти, в диапазоне от мелких сделок с участием государственных служащих первичного звена до растраты государственных ресурсов субъектами, находящимися на вершине государственной иерархии.

Основным направлением успешной борьбы с коррупцией Р.С. Маркунин считает необходимость законодательного закрепления полноценной системы юридической ответственности органов публичной власти. Подобная мера даст возможность применения института ответственности с учетом взаимосвязей его структурных элементов: оснований, мер и процедуры их применения. Значимость названных структурных компонентов усиливается в связи с тем, что отсутствие или недостаточная регламентация хотя бы одного элемента может привести к утрате системных свойств ответственности. Лишь при наличии полноценной и правильно выстроенной системы юридической ответственности органов публичной власти можно рассчитывать на положительный результат в борьбе с коррупцией внутри государственного механизма.

Помимо этого успешную борьбу с коррупцией способен во многом обеспечить постоянный мониторинг доходов и расходов должностных лиц. Правовые основы данного контроля заложены в Федеральном законе от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»[17], в котором устанавливается процедура контроля за соответствием доходов и расходов лиц, занимающих государственную должность, и членов их семей. Однако в вышеназванном акте основанием осуществления проверки за расходами государственных служащих и членов их семей выступает «достаточная информация». Подобная формулировка создает благоприятную для коррупции ситуацию, поскольку дает возможность проявления субъективного фактора со стороны проверяющих лиц. Устранение этого недостатка необходимо на законодательном уровне посредством определения четкого содержания и признаков той информации, которая может быть положена в основание осуществления проверки лиц, находящихся на государственной службе. В процедуре осуществления проверок также следует предусмотреть корреспондирующие меры ответственности в отношении лиц, принявших решения о подобных мероприятиях, для гарантии обоснованности их проведения в будущем. В противном случае подобный механизм будет не препятствовать коррупционным проявлениям в государственно-властном секторе, а наоборот, способствовать им.

Р.С. Маркунин призвал не забывать, что правоотношения в сфере государственной службы отличаются высокой степенью конфликтности, где сталкиваются личные и государственные интересы. По этой причине система юридической ответственности за коррупционные правонарушения должна иметь признаки высокой эффективности и законодательной определенности.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета, канд. юрид. наук С.В. Навальный акцентировал внимание участников «круглого стола» ***на вопросах антикоррупционного просвещения***. Он подчеркнул, что в Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы в качестве одной из основных поставлена задача совершенствования системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, – и это справедливо. Однако, как заметил С.В. Навальный, перечь возможностей правового регулирования этим не исчерпывается и предполагает использование прежде всего иных возможностей, которыми обладает антикоррупционное просвещение. Необходимо исходить из общего посыла – одними запретами проблему не решить. В соответствии со ст. 6 Федерального закона «О противодействии коррупции» профилактика коррупции осуществляется путем применения следующих основных мер: *во-первых,* формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; *во-вторых*, осуществление антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов и др.

Сегодня требуется организовать системное обучение государственных гражданских служащих, осуществлять мероприятия по антикоррупционному просвещению граждан, используя современные информационные и коммуникационные технологии. Антикоррупционное просвещение нацелено, *во-первых*, на информирование граждан о состоянии дел в этой сфере, *во-вторых,* на выработку антикоррупционного иммунитета. В этой связи работу по антикоррупционному просвещению необходимо выстраивать на нескольких уровнях. Первый уровень связан с просветительской работой, которая затрагивает государственных гражданских служащих, сотрудников правоохранительных органов и др. Второй уровень условно можно отнести к широким слоям населения, предварительно рассредоточив данную аудиторию на целевые группы: домохозяйки, студенты, предприниматели, офисные работники и др.

Изучение опыта антикоррупционного просвещения в различных субъектах Российской Федерации подтверждает, что в настоящее время продолжается поиск оптимальных вариантов его осуществления, в т.ч., *во-первых*, посредством создания мультимедийного и просветительского программного обеспечения; *во-вторых*, на основе выпуска информационных полиграфических материалов, раскрывающих антикоррупционную тематику; *в-третьих*, путем проведения конкурсов на лучшую социальную рекламу антикоррупционной направленности; *в-четвертых,* посредством создания информационно-аналитических порталов органов государственной власти по вопросам противодействия коррупции[18]. Ныне эти порталы пронизывают все уровни управления.

Второй уровень антикоррупционного просвещения, подчеркнул С.В. Навальный, сопряжен с мероприятиями, которые следует тщательно проработать для каждой целевой группы в плане реализации возможностей различных каналов донесения информации и использования различных методик разъяснения антикоррупционного материала. Необходимо, чтобы конкретная аудитория понимала и воспринимала смысл сказанного. Безусловно, что проводимая работа требует достаточных организационных усилий и материальных

[17] См.: СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. IV), ст. 6953.

[18] См.: Актуальные вопросы применения законодательства и правового просвещения в сфере противодействия коррупции: сб. материалов семинара-совещания с руководителями кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти, организаций, созданных для выполнения поставленных перед ними и Правительством Российской Федерации задач, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации, Москва, 18–19 апреля 2017. М., 2017. С. 1–161.

ресурсов. Поэтому важно привлекать к антикоррупционному просвещению имеющиеся ресурсы, доказавшие свою практическую ценность. Речь идет о работе в этом направлении министерств образования и науки регионов, управлений юстиции, труда, органов внутренних дел и др.

В своей просветительской деятельности они способны задействовать широкий арсенал средств, начиная с размещения информационных материалов в СМИ, изготовления социальной рекламы, организации лекций и обучающих семинаров и др. Нужно использовать высокотехнологичные и креативные методы: компьютерные игры, видеоролики в социальных сетях, которые способны своим содержанием ориентировать граждан на законопослушное поведение. Не менее важным следует считать участие в этих программах некоммерческих структур, работающих в т.ч. и по грантовым программам.

Докладчик предположил, что в ближайшем будущем потребуется создание единого Всероссийского центра антикоррупционного просвещения, который возьмет на себя роль координатора этой деятельности в части методологического обеспечения.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Красноярского государственного аграрного университета, канд. юрид. наук Д.И. Провалинский в своем выступлении на тему ***«Зарубежный опыт противодействия коррупции и некоторые вопросы допустимости его рецепции в российском праве»*** отметил, что исследованию коррупции как явления объективной действительности в юридической науке и практике уделяется большое значение с точки зрения как изучения причин и условий ее порождающих, так и поиска действенных способов оказания противодействия. В этой связи необходимо изучение зарубежного опыта.

Накопленный опыт противодействия коррупции можно разделить на опыт западных и восточных стран, поскольку способы и приемы борьбы с коррупцией в них кардинально отличаются. Так, в КНР за получение взятки приговаривают к смертной казни через расстрел.

Не столь радикальный, но не менее действенный метод противодействия коррупции был избран премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю, который добился принятия в 1960 г. антикоррупционного закона, отменяющего презумпцию невиновности. В итоге в случае подозрения в получении взятки или злоупотреблении служебным положением государственный служащий обязан доказывать свою невиновность, что снимает со стороны государственного обвинения нагрузку по сбору доказательств в пользу вины такого чиновника.

Если обратиться к западному опыту, то, к примеру, США и некоторые другие государства в целях противодействия коррупции пошли по пути материального стимулирования государственных служащих, обеспечив им более высокий уровень доходов. Однако такой способ значительно удорожает содержание государственного аппарата, при этом высокое материальное положение госслужащих не является безусловной гарантией разрешения коррупционной проблемы.

Подтверждением этого тезиса является вспыхнувший в 2020 г. скандал вокруг кандидата в президенты США Дж. Байдена, который был обвинен в СМИ в получении денежных «откатов» за счет лоббирования интересов украинской газовой компании “Burisma” в период занятия им должности вице-президента в администрации Президента США Б. Обамы.

В Германии и Греции в качестве одного из способов борьбы с коррупцией используется телефонная «горячая линия», куда может обратиться каждый гражданин и анонимно сообщить о своих подозрениях по факту дачи или получения взятки. В Греции, помимо этого, в целях формирования у граждан отрицательного отношения к проявлениям коррупции на фоне экономического кризиса 2012 г. по телевидению стали активно транслировать социальную рекламу с призывом: «Чиновники, если вы патриоты, будьте скромнее во имя спасения своей страны»[19].

В завершение Д.И. Провалинский отметил, что у любых методов есть как свои плюсы, так и минусы, связанные в первую очередь с социальной идентичностью каждого государства. Следует не только взвешенно оценивать опыт других стран, но и соизмерять возможности его использования с особенностями правовой политики Российского государства, а также с историческим опытом развития России и уровнем общественного и правового сознания граждан.

Доцент кафедры гражданского права и процесса Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Саратове, канд. юрид. наук Л.В. Саенко представила интересный доклад на тему ***«К вопросу о нормативном регулировании антикоррупционной экспертизы: региональный аспект»***.

11 лет прошло с момента принятия Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», в котором, помимо прочего, определен статус независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Непосредственное осуществление экспертизы обусловлено необходимостью приобретения особого статуса независимого эксперта, уполномоченного на ее проведение. В научной среде часто возникают оживленные дискуссии по поводу необходимости самого существования такой группы экспертов в целом, а в частности – эффективности и продуктивности работы таких экспертов.

Л.В. Саенко подчеркнула, что и сам сравнительно новый для нашего законодательства институт независимой антикоррупционной экспертизы и отдельные как организационные, так и содержательные аспекты работы независимых экспертов нуждаются в изменениях, потому что проблем в этой сфере, к сожалению, накопилось достаточно много.

Еще в 2010 г. на координационном совещании Минюста России были отмечены проблемы, которые возникали тогда у впервые зарегистрированных независимых экспертов. В первую очередь это был недостаток информации (органы власти на своих сайтах не спешили размещать на всеобщее обозрение проекты нормативных актов), во-вторых, практически полное отсутствие т.н. «обратной связи»: экспертам не считали нужным отвечать, в-третьих, отсутствие методических рекомендаций, которое превращало независимую экспертизу в исключительный творческий процесс.

Конечно, за прошедший период времени многое изменилось в лучшую сторону. Нельзя не отметить особую роль

[19] Сражение с гидрой. Как в Греции борются с воровatыми чиновниками // Aif.ru: Аргументы и факты. 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aif.ru/money/corruption/1329605 (дата обращения: 06.12.2020).

в этом процессе специалистов Управления Минюста России по Саратовской области и правового департамента Торгово-промышленной палаты Саратовской области, особенно в сфере создания методики.

Сейчас во многих субъектах Российской Федерации (включая Саратовскую область) перечень актов, подлежащих антикоррупционной экспертизе, и процедура ее проведения государственными органами, разрабатывающими и принимающими соответствующие акты, предусмотрены в базовых законах о противодействии коррупции. При этом в развитие указанных положений базовых законов органами государственной власти субъектов осуществляется собственное подзаконное регулирование по данному вопросу. В частности, в соответствии со специальными актами законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации утверждены специальные акты (положения, порядки, регламенты) проведения антикоррупционной экспертизы постановлений законодательных (представительных) органов государственной власти субъекта Федерации и их проектов, а также нормативных правовых актов и их проектов, принимаемых органами исполнительной власти субъекта Федерации и их должностными лицами. В отдельных субъектах Российской Федерации приняты специальные законы об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и их проектов, которыми устанавливаются общие правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, обязательные для всех органов государственной власти соответствующих субъектов Федерации.

Л.В. Саенко отметила, что, несмотря на некоторые различия в способах правового регулирования, содержащихся в антикоррупционном законодательстве субъектов Российской Федерации, за основу принимаются общие требования к методике и правилам проведения антикоррупционной экспертизы.

Дальнейшее совершенствование нормативного и методического обеспечения антикоррупционной экспертизы должно осуществляться с привлечением к этой работе компетентных специалистов в данной сфере и научного потенциала.

Так, эксперт должен прежде всего обладать специальными знаниями. Однако при аккредитации лица в качестве независимого антикоррупционного эксперта это требование не учитывается. Субъекту, не обладающему специальными юридическими знаниями, их понимание и оперирование ими представляется весьма затруднительным. В этой связи, как полагает докладчик, дополнительным критерием для аккредитации лица в качестве независимого антикоррупционного эксперта нормативных правовых актов и их проектов является наличие специальных, в т.ч. юридических знаний.

Вопрос же об оплате труда или услуги независимого эксперта остается пока открытым. По большому счету в таком случае утратит смысл сам институт независимой экспертизы. Определенная система стимулирования деятельности независимых антикоррупционных экспертов (морального и материального) необходима.

Подводя итоги, Л.В. Саенко подчеркнула, что система критериев для аккредитации физического лица в качестве независимого антикоррупционного эксперта нормативных правовых актов и их проектов должна выглядеть следующим образом: гражданство Российской Федерации; высшее профессиональное образование; стаж работы по специальности не менее пяти лет; наличие специальных, в т.ч. юридических знаний...

Студент 4 курса филиала СГЮА в г. Балаково Саратовской области А.И. Виноградов выступил с сообщением, в котором отметил, что сегодня в России сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, о массовой коррупции государственных должностных лиц говорится постоянно, в т.ч. и в коридорах власти, а с другой – который год тормозится, главным образом на федеральном уровне, принятие полноценных антикоррупционных законов.

Для успешной и эффективной борьбы с коррупцией необходимо проведение ряда реформ, направленных на сокращение коррупционной составляющей во всех сферах общественной жизни. Так, А.И. Виноградов считает целесообразным упразднение специального уголовно-процессуального статуса депутатов, судей и прокуроров. Он предлагает также установить универсальную подследственность уголовных дел о должностных и коррупционных преступлениях, ограничив ее принципами недопустимости расследования должностного преступления органом, находящимся в подчинении подозреваемого (обвиняемого), либо органом, на службе в котором состоит подозреваемый (обвиняемый) в совершении должностного преступления.

Были выдвинуты также следующие предложения:

1) коммерциализация части социальных (в т.ч. коммунальных) услуг, введение в этой сфере конкуренции, что, по мнению докладчика, превратит коррумпированный рынок дефицитных услуг в нормальный рыночный сегмент;

2) расширение практики применения современных методов осуществления социальных выплат с помощью электронных средств безналичного оборота в целях уменьшения зависимости граждан от усмотрения чиновников и тем самым ограничения низовой коррупции;

3) делегирование решения части социальных задач институтам гражданского общества (под государственным контролем расходования ресурсов); это, полагает А.И. Виноградов, – один из самых эффективных способов противодействия низовой коррупции.

Общественные организации, получающие по конкурсу и на условиях контракта право на реализацию отдельных государственных функций, более подвержены общественному контролю, менее бюрократизированны. Кроме того, они актуально направлены больше на решение основной задачи, а не на укрепление института, как это свойственно бюрократическим системам. Тем самым решаются сразу три важные задачи: ограничивается низовая коррупция, повышается эффективность реализации социальных функций государства, возрастает доверие общества к власти.

Студентка 3 курса Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Саратове Т.А. Дедова сделала сообщение о ***некоторых аспектах антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, проводимой органами прокуратуры***. Она отметила положительную роль антикоррупционной экспертизы, которая, с одной стороны, выявляет коррупциогенные факторы в нормах права, а с другой – решает задачу превентивного характера, предупреждая, не допуская в будущем совершения коррупционных правонарушений. Закрепление единоличного права прокурора на проведение антикоррупционной экспертизы является положительным качеством действующего законодательства. Данное полномочие прокурора позволяет повысить качество изучения органами прокуратуры нормативных правовых актов, обеспечить

полное и безоговорочное исключение представительными и исполнительными органами власти коррупционных факторов из нормативных правовых актов.

* * *

В большей части докладов наряду с главными положениями также звучала идея о необходимости разработки как для федерального уровня, так и для каждого субъекта Российской Федерации специального концептуального (доктринально-правового) документа – Концепции антикоррупционной правовой политики, в котором в системном виде были бы указаны все основные направления (как общие, так и специфические) деятельности по противодействию коррупции, соответствующие механизмы и способы их осуществления в государственно-правовой практике.

Подводя итоги научного «круглого стола», **проф. А.В. Малько** отметил продуктивность работы проведенного научного мероприятия и выразил надежду на выработку и реализацию Концепции антикоррупционной правовой политики – доктринального документа, который смог бы выйти на уровень документа нормативного характера, получив тем самым не только рекомендательный, но и регулятивный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абалдуев В.А.* Российская антикоррупционная политика в сфере труда: новые правила и нерешенные проблемы // Государство и право. 2013. № 3. С. 50–55.
2. Концепция правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. (проект) / под ред. А.В. Малько. М., 2008.
3. Проект Концепции антикоррупционной политики в Российской Федерации / под ред. А.В. Малько. Саратов, 2007.
4. Профилактика коррупционных правонарушений: актуальные вопросы применения законодательства и правового просвещения в сфере противодействия коррупции: сб. материалов семинара-совещания с руководителями кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти, организаций, созданных для выполнения поставленных перед ними и Правительством Российской Федерации задач, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Москва, 18–19 апреля 2017 г. М., 2017. С. 1–161.
5. Сражение с гидрой. Как в Греции борются с воровatыми чиновниками // Aif.ru: Аргументы и факты. 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aif.ru/money/corruption/1329605 (дата обращения: 06.12.2020).

REFERENCES

1. *Abalduev V.A.* Russian anti-corruption policy in the labor sphere: new rules and unresolved problems // State and Law. 2013. No. 3. P. 50–55 (in Russ.).
2. Concept of legal policy in the Russian Federation until 2020 (draft) / ed. by A.V. Mal'ko. M., 2008 (in Russ.).
3. Draft Concept of Anti-Corruption Policy in the Russian Federation / ed. by A.V. Mal'ko. Saratov, 2007 (in Russ.).
4. Prevention of corruption offenses: topical issues of the application of legislation and legal education in the field of combating corruption: a collection of materials from a seminar-meeting with heads of personnel departments of federal executive bodies, organizations created to fulfill the tasks assigned to them and the Government of the Russian Federation, as well as executive bodies of a number subjects of the Russian Federation. Moscow, April 18–19, 2017. M., 2017. P. 1–161 (in Russ.).
5. Battle with the hydra. How to deal with thieving officials in Greece // Aif.ru: Argumenty i fakty. 2014 [Electronic resource]. – Access mode: https://aif.ru/money/corruption/1329605 (accessed: 06.12.2020) (in Russ.).

Сведения об авторах

МАЛЬКО Александр Васильевич –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);
410003 Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Радищева А.Н., д. 55

ЗАТОНСКИЙ Виктор Александрович –
кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); 410003 Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Радищева А.Н., д. 55

КРАСЮКОВ Андрей Валерьянович –
кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела научных исследований Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);
410003 Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Радищева А.Н., д. 55

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

MAL'KO Aleksander V. –
Doctor of Law, Professor, honored worker of science of the Russian Federation, Professor of the Department of state and legal disciplines of the Volga region Institute (branch) of the All-Russian state University of justice (Russian Law Academy of the Ministry of justice of Russia);
55 named of Radishchev A.N. str.,
410003 Saratov region, Saratov, Russia

ZATONSKY Viktor A. –
PhD in History, associate Professor of the Department of history and legal disciplines of the Volga Region Institute (branch) of the All-Russian state University of justice (Russian Law Academy of the Ministry of justice of Russia); 55 named of Radishchev A.N. str.,
410003 Saratov region, Saratov, Russia

KRASYUKOV Andrey V. –
PhD in Sociology, senior researcher of the Research department of Volga Institute (the brunch) of the All-Russian state University of justice (Russian Law Academy of the Ministry of justice of Russia);
55 named of Radishchev A.N. str.,
410003 Saratov region, Saratov, Russia

KROTKOVA Natalya V. –
PhD in Law, leading research fellow, sector of Constitutional Law and constitutional justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 160
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 160

ПЕРСОНАЛИИ

К 90-ЛЕТИЮ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК М.В. БАГЛАЯ

В 2021 г. отмечает юбилей Марат Викторович Баглай, выдающийся ученый и видный общественный деятель, член-корреспондент Российской академии наук.

М.В. Баглай родился 13 марта 1931 г., окончил юридический факультет Ростовского государственного университета. В 1957 г. завершил обучение в аспирантуре Института государства и права Академии наук СССР. В 1968 г. в Московском государственном институте международных отношений МИД СССР защитил докторскую диссертацию.

Как выдающийся ученый М.В. Баглай свою профессиональную жизнь посвятил делу служения Отечеству, внес и вносит значительный вклад в развитие отечественной юриспруденции, принимал активное участие в реализации судебной реформы и укреплении конституционной защиты прав граждан, формировании и развитии конституционного строя в нашей стране.

На посту Председателя Конституционного Суда РФ Марат Викторович многое сделал для становления этого важнейшего демократического института, защиты национальных интересов России, укрепления ее авторитета в мире.

Большого уважения заслуживает его многолетняя плодотворная научно-просветительская деятельность и педагогическая работа. М.В. Баглай является автором ряда фундаментальных монографий и учебных изданий по вопросам международного и конституционного права, правового статуса профсоюзов, научных комментариев к Конституции РФ. В том числе таких значимых научных трудов, как «Советские профсоюзы: роль, функции, права», «Дорога к свободе», «Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: роль, порядок выборов, полномочия». Его учебник «Конституционное право Российской Федерации» стал каноном в отечественном праве и переиздавался 14 раз.

Плодотворная научная деятельность М.В. Баглая тесно переплетена с важнейшими событиями в истории нашего государства. Несомненные заслуги перед Отечеством по достоинству отмечены многочисленными государственными наградами. Среди них ордена «За заслуги перед Отечеством», Дружбы народов и др. За выдающиеся заслуги в научно-исследовательской деятельности и вклад в развитие российской государственности Марату Викторовичу Баглаю присуждены почетные звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» и «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Коллектив Института государства и права Российской академии наук, редакционный совет и редколлегия журнала «Государство и право» РАН поздравляют Марата Викторовича Баглая с юбилеем и желают крепкого здоровья, благополучия, неиссякаемой энергии и новых научных успехов!

* * *

Редакция журнала «Государство и право» Российской академии наук поздравляет уважаемого Марата Викторовича Баглая со знаменательным юбилеем и желает бодрости духа, счастья и здоровья!

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 161
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 161

ПРОФЕССОРУ И.М. ОГЛЫ РАГИМОВУ – 70 ЛЕТ

В 2021 г. – юбилей постоянного члена редакционной коллегии журнала «Государство и право» Российской академии наук, выдающегося ученого и видного общественного деятеля Ильгама Мамедгасана оглы Рагимова. Юбилейный День рождения И.М. Рагимова является поводом для того, чтобы отметить, как удивительно в нем сочетаются энергия и опыт – профессиональный и личностный, направленные на развитие юридической науки.

Ильгам Мамедгасан оглы Рагимов родился 14 января 1951 г. в Товузском районе Азербайджанской ССР. В 1970–1975 гг. учился на юридическом факультете Ленинградского государственного университета, по окончании которого был зачислен в аспирантуру. Подготовку молодой аспирант проходил на кафедре уголовного права.

Спустя три года, успешно завершив обучение в аспирантуре, И.М. Рагимов защитил диссертацию с присвоением ученой степени кандидата юридических наук. Его научным руководителем был Н.А. Беляев, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Ленинградского государственного университета (заслуженный деятель науки РФ (1999 г.), с момента организации и до конца своей жизни являлся председателем Совета по юридическим наукам Министерства общего и профессионального образования РФ).

В 1988 г. И.М. Рагимов защитил докторскую диссертацию в Ленинградском государственном университете, став самым молодым доктором наук в области уголовного права на постсоветском пространстве. С 1996 г. – профессор.

Свою научную деятельность И.М. Рагимов начал в качестве младшего научного сотрудника Института философии и права Академии наук Азербайджана, затем долгое время работал начальником отдела Министерства юстиции Азербайджанской ССР.

В 1982–1992 гг. возглавлял Управление по законодательству Минюста Азербайджана и был членом его коллегии. В этот период им было подготовлено множество проектов нормативных актов, а также заключений по законодательству.

С 1992 по 1996 г. И.М. Рагимов возглавлял Научно-исследовательский институт по проблемам научной экспертизы, криминалистики и криминологии.

В 1996–2000 гг. преподавал правовые дисциплины в ведущих высших учебных заведениях, а также был проректором по научной части в Высшем дипломатическом колледже (в настоящее время Бакинский университет «Евразия»).

И.М. Рагимов – автор свыше ста научных трудов по уголовному праву, исправительно-трудовому праву, а также ряда монографий, посвященных фундаментальным проблемам законодательства и судопроизводства.

Он является первым автором концепции реформирования судебной системы, подготовленной в 1993–1994 гг. В 1994 г. подготовил государственную программу по борьбе с преступностью.

13 января 2021 г. за многолетнюю плодотворную деятельность в правовой сфере в Азербайджанской Республике И.М. Рагимов награжден орденом «Слава».

Коллектив Института государства и права Российской академии наук, редакционный совет и редколлегия журнала «Государство и право» РАН желают Ильгаму Мамедгасану оглы Рагимову крепкого здоровья, благополучия, воплощения в жизнь всех научных планов и начинаний!

* * *

Редакция журнала «Государство и право» Российской академии наук присоединяется к многочисленным поздравлениям и желает уважаемому Ильгаму Мамедгасану оглы Рагимову здоровья, всяческих благ, творческого долголетия!

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 3, с. 162–163
STATE AND LAW, 2021, № 3, pp. 162–163

К ЮБИЛЕЮ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК А.Н. САВЕНКОВА

В марте юридическое сообщество отмечает юбилей видного российского ученого, директора Института государства и права Российской академии наук, члена-корреспондента РАН, заслуженного юриста РФ Александра Николаевича Савенкова.

Александр Николаевич родился 29 марта 1961 г. в городе Ливны Орловской области. В 1997 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 2002 г. – докторскую диссертацию по конституционному праву Российской Федерации, в 2006 г. получил ученое звание профессора. В 2016 г. избран членом-корреспондентом Российской академии наук по Отделению общественных наук (по специальности «Право»).

Для Александра Николаевича, разносторонне одаренного и талантливого человека, беззаветное служение Отечеству стало призванием. А.Н. Савенков внес и вносит весомый вклад в укрепление российской государственности, обеспечение законности, осуществляет значимую и плодотворную научно-исследовательскую деятельность.

Значительные достижения в служебной и научной деятельности А.Н. Савенкова во многом обусловлены его профессионально-служебным опытом. С 1985 г. Александр Николаевич на военной и государственной службе. Прошел путь от следователя военной прокуратуры гарнизона до заместителя Генерального прокурора РФ – Главного военного прокурора. В последующем первый заместитель Министра юстиции РФ. С 2009 г. – член Совета Федерации Федерального Собрания РФ, активно работал в Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества. В 2014–2017 гг. – заместитель Министра внутренних дел РФ – начальник Следственного департамента. С 2017 г. по настоящее время – директор ордена Трудового Красного Знамени Института государства и права Российской академии наук.

Во многом благодаря его опыту, компетентности и энергии, Институт динамично развивается и приумножает свои славные традиции. А.Н. Савенковым внедрена практика междисциплинарных научных исследований, обеспечено соответствие тематики научно-исследовательской работы Института приоритетам Стратегии научно-технологического развития России и основным направлениям фундаментальных научных исследований. При его личном участии в Институте возрождены традиции междисциплинарных научно-исследовательских центров, всероссийских и международных научно-практических конференций и иных важнейших научных мероприятий, получивших высокую государственную оценку.

Заслуги А.Н. Савенкова в области науки подтверждены его значимыми концептуальными и прикладными работами в области права, последние носят междисциплинарный и системный характер, хорошо известны и используются отечественными и зарубежными специалистами различных отраслей науки.

Одним из основных, безусловно признанных научным сообществом, достижений А.Н. Савенкова является разработка концепции современного правопонимания в условиях мирового цивилизационного кризиса, в которой предложено унифицированное решение проблемы обеспечения международного мира и безопасности правовыми средствами в период глобального кризиса. Подготовлены авторские монографии «Государство и право в период кризиса современной цивилизации» и «Государство и право. Права человека и международный порядок, основанный на верховенстве права». Впервые в истории отечественной правовой науки под руководством и при непосредственном участии

А.Н. Савенкова подготовлена фундаментальная исследовательская монография «Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия». Александр Николаевич является автором свыше ста научных работ, в т.ч. 11 монографий и свыше 20 учебных изданий.

Большая работа выполняется А.Н. Савенковым по подготовке доктринальных информационно-аналитических материалов для Совета Безопасности Российской Федерации, Правительства РФ, Федерального Собрания Российской Федерации, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Следственного комитета и Генеральной прокуратуры РФ.

Благодаря отмеченным достижениям, А.Н. Савенков как ведущий российский ученый и эксперт в области права, в т.ч. уголовного, противодействия коррупции и киберпреступности, организации деятельности правоохранительных органов, неоднократно успешно представлял Российскую Федерацию на ведущих межгосударственных научных конференциях и симпозиумах (специальных сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, сессиях Международной Конференции государств – участников Конвенции ООН против коррупции, конгрессах ООН по предупреждению преступности, сессиях Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, юридических форумах стран – участниц БРИКС и др.).

Александр Николаевич ведет активную работу по подготовке молодых научных и научно-педагогических кадров, является председателем двух государственных экзаменационных комиссий, членом двух диссертационных советов.

За значительный вклад в укрепление российской государственности и законности, развитие науки и научно-исследовательской деятельности в стране, в т.ч. по защите прав и свобод российских граждан, и иные заслуги перед государством А.Н. Савенков отмечен государственными наградами, в т.ч. орденами «За заслуги перед Отечеством» IV и III степеней, Почета, Александра Невского. Ему присвоены почетные звания «Заслуженный юрист Российской Федерации», «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации» и «Почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации».

Коллектив Института государства и права Российской академии наук, редакционный совет и редколлегия журнала «Государство и право» РАН желают Александру Николаевичу Савенкову крепкого здоровья, благополучия, профессиональных успехов и новых научных свершений!

* * *

Редакция журнала «Государство и право» Российской академии наук поздравляет уважаемого Александра Николаевича Савенкова с юбилеем и желает здоровья, счастья, неиссякаемой жизненной энергии, творческих успехов!

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

БАКАЛАВРИАТ

Юриспруденция (гражданско-правовой профиль, уголовно-правовой профиль)

МАГИСТРАТУРА

Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

АСПИРАНТУРА

Юриспруденция

Юридический факультет ГАУГН осуществляет подготовку специалистов юридического профиля на классической академической основе. Студенты проходят курс подготовки, включающий комплексное изучение базовых и специальных дисциплин, отражающих современный уровень развития российской юриспруденции (теории и практики).

Изучение обширного комплекса правовых и гуманитарных дисциплин в совокупности со стажировкой в юридической клинике факультета и овладением современными информационными технологиями готовит выпускника к исследовательской (экспертной) и практической деятельности во всех сферах взаимодействия бизнеса, государства, гражданского общества и граждан.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 60 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).